Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1927. НОЯБРЬ 11

ИЗД. ГОСПЛАНА С.С.С.Р. МОСКВА

ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Г. М. КРЖИЖАНОВСКОГО, Н. А. КОВАЛЕВСКОГО,
С. Г. СТРУМИЛИНА, А. С. МЕНДЕЛЬСОНА
и Р. Е. ВАЙСБЕРГА

№ 11

НОЯБРЬ

1927 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГОСПЛАНА СССР
МОСКВА

В журнале „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“

принимают участие:

Аквила (Германия), Александров И. Г., Баженов Б. Г., Базаров В. А., Баранский Н. Н., Бернацкий Л. Н., Бернштейн-Коган С. В., Бессонов С. А., Боголепов М. И., Болдырев Г. И., Браславский И. Я., Буланже Н. П., Бухарин Н. И., Бухарцев Д. П., Варга Е. (Германия), Варейкис И., Вайсберг Р. Е., Вильямс В. Р., Виноградский Н. Н., Вишневский Н. М., Владимирский М. Ф., Гинзбург А. М., Голендо М. С., Гольденберг Э., Гольман М. Б., Гордон А. С., Гордон Р. С., Гордеев Г. С., Горев А. А., Гольцман А. З., Гринько Г. Ф., Громан В. Г., Гуров П. Я., Гухман Б. А., Дволайцкий Ш. М., Дмитров (Болгария), Долгов А. Н., Дунаевский Ф. Р., Егоров К. Д., Есин В. З., Золотарев В. И., Каменев Л. Б. Кактынь А. М., Кафенгауз Л. Б., Квиринг Э. И., Килевиц С. С., Кениг Е. Л., Киселев С. М., Коларов (Болгария), Ковалевский Н. А., Кржижановский Г. М., Крицман Л. Н., Кричевский С. И., Крон Ц. М., Круг К. А., Кукель-Краевский С. А., Куйбышев В. В., Лапинский Н., Ларичев В. А., Лежава А. М., Леонтьев А., Лерман И. Е., Лозовский А., Лосицкий А. Е., Людвиг (Германия), Маймин, А. Б., Мендельсон А. С., Милютин В. П. Миндлин З. Л., Михайлов А. М., Неопиханов А. А., Никитин Л. Л., акад. Ольденбург С. Ф., Осадчий П. С., Осинский В. В., Первушин С. А., Петров А. И. Поливанов М. К., Преображенский Е. А., Пятаков Г. Л., Радек К. Б., Рамзин Л. К., Рапопорт Шарль (Франция), Рой М. Н. (Индия), Рудзутак Я. Э., Рыков А. И., Сегаль А. И., Скобелев М. И., Смирнов А. П., Смирнов В. М., Свидерский А. И., Смилга И. Т., Сокольников Г. Я., Солнцев Л., Спектатор (М. Нахимсон), Струмилин С. Г., Сушков З. Г., Тальгеймер А. (Германия), Таубе Е. А., Терпигорев А. М., Том-Ман (Англия), Трахтенберг И. А., Троцкий Л. Д., Турецкий Ш. Я., Фалькнер С. А., Федорович И. И., Фельдман Г. А., Фрумкин М. И., Хейфец Л. М., Цыперович Г. В., Цышевский И. А., Четыркин В. М., Членов С. Б., Чубарь В. Я., Шаров С. И., Шателен М. А., Шахновская С. В., Штейн Б. Е., Штерн А. Б., Эвентов Л. Я., Яковлев Я. А., Янушевский П. С., Ярилов А. А. и др.

Главлит № А—2479. Отпечатано в 7-й типографии „Искра Революции“ Мосполиграфа. Москва, Арбат, Филип., 11. Тираж 5.000.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Н. А. КОВАЛЕВСКИЙ

Слава борцам, погибшим за дело пролетариата!

1917 $\frac{7}{XI}$ 1927

Слава строителям социалистического отечества пролетариев всего мира!

СОДЕРЖАНИЕ

ОТДЕЛ I

Экономика и экономическая политика

Стр.

Г. М. Кржижановский. 10 лет борьбы и строительства 7
М. И. Боголепов. Восстановление народного хозяйства 23
С. Г. Струмилин. Наши перспективы на 1927/28 — 1931/32 гг. 45
В. Яроцкий. Положение рабочего класса в эпоху Октябрьской революции . . . 74
С. С. Зак. Товарооборот и торговая сеть в Российской империи и в СССР. . 89
М. Н. Петров. Пути коммунального хозяйства СССР за десять лет 114
Н. Н. Колосовский. Перспективы экономического районирования СССР в связи с хозяйственными достижениями 131
Акад. **С. Ф. Ольденбург.** Десять лет нашей науки (1917 — 1927) 143

ОТДЕЛ II

За Советским рубежом

М. И. Спектатор. Мировое хозяйство за последние десять лет (1917 — 1927) . . 157

ОТДЕЛ III

Экономика и техника

А. А. Горев. Электрификация к концу первого десятилетия власти советов . . 175
В. И. Золотарев. Проблема энергетики к десятилетию Октября 180

ОТДЕЛ IV

По районам

Вл. Лаврентьев. Азия „инородцев“ и Азия Советских Социалистических Республик 197
А. А. Алексеев и Г. Н. Гурари. „Замиренный“ Кавказ 215

ОТДЕЛ V

Критика и библиография

З. С-ов. А. И. Рыков — Десять лет борьбы и строительства; Г. М. Кржижановский — Десять лет хозяйственного строительства СССР; В. Куйбышев — Итоги и перспективы хозяйственного строительства СССР 233
И. Бельский. Промышленность за десять лет (1917 — 1927), под ред. В. В. Куйбышева 238
Ш. Т. Хозяйство Сев.-Зап. края 240
И. Браславский. Нижнее Поволжье 244
С. В. Вейц — Производительные силы мирового хозяйства 248
А. С-ль. Л. И. Слоним — Электрификация американской нефтяной промышленности 250
А. Леонтьев. Ф. Гугенгейм — „Viag". Пути концентрации германской государственной промышленности 252

ОТДЕЛ VI

Статистика

Динамика народного хозяйства СССР. Бюллетень № 34 — 35 257
Динамика мирового хозяйства. Бюллетень № 7 (27) 277

ОТДЕЛ I

Экономика и экономическая политика

Г. М. Кржижановский

10 лет борьбы и строительства

Посвящается друзьям СССР

„Кто боится поражения перед началом великой борьбы, тот может называть себя социалистом лишь для издевательства над рабочими".
Н. Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 355.

10 „Октябрьских" ленинских дней потрясли мир...

10 последующих лет борьбы и работы показали миру самые действительные, самые надежные пути его светлого под'ема.

Под'ема от эксплоатации человека человеком — к дружному товарищескому сотрудничеству...

От удручающей разобщенности людей — к единству великого коллектива человечества.

От вооруженного отщепенства за национальными границами — к братскому союзу наций на основах рационального разделения международного труда.

От сумерек капиталистической культуры с ее всеобщим продажничеством и всякого рода „джазбандом", от ужасов беспощадных локаутов и мировых войн, от голода, холода и нищеты народных масс, от неутешных слез матерей, жен и сирот, от глухих мук в тюремных застенках, от гибели под рукой палачей — ко всеобщему расцвету общественной жизни.

Из густого мрака необходимости к ярким лучам действительной свободы и неискривленного разума — к строительству социализма.

В эти дни наших празднеств мы видели не мало волнующих и поднимающих проявлений энтузиазма и духовной бодрости миллионных масс трудящихся нашего Союза. В эти дни они делали смотр и перекличку своих сил, оценивали пройденный путь и выявляли готовность к подвигам в грядущем.

Период, когда Красный Октябрь с боем входил в жизнь — военная полоса Октябрьской революции — известны миру. Записаны непоколебимо, на вечные времена, незабвенные страницы бесстрашного мужества, безграничного самопожертвования, геройской стойкости в невероятно-трудных условиях, неистребимой веры в правоту дела пролетариата, восставшего под красным Ленинским знаменем.

Зажжен мировой огонь, сожигающий старый мир, кующий стальные основы мощного нового мира. Сказалась бестрепетная рука молодого народа, дышащего неистрепанной юной энергией рвущейся вперед жизни. Первые громовые раскаты новой весны социально освобождающихся народов.

Эти октябрьские страницы, однако, только пролог великого дела строительства социализма.

Не даром говорил тов. Ленин, что нам, быть может, легче чем другим народам было низвергать наш капитализм, но что строить социализм нам будет труднее, чем народам Запада.

А эти 10 послеоктябрьских лет показали миру новое лицо народов России, лицо СССР — мощного организатора народного труда на социалистических основах, на своей „полной воле" трудящихся, гарантируемой устоями пролетарской диктатуры.

Здесь нет внешнего драматизма военной полосы Октябрьской революции. Вспоминаются слова Маркса о существенных различиях пролетарских и буржуазных революций. Пролетарские революции, своими героями имеют трудовой коллектив, людей дела, а не слова, чуждых позе и своей многомиллионной поступью изменяющих самые пути жизни. Их достижения сменяются неудачами, они не боятся ошибок, не корчат из себя всезнающих мудрецов, ибо благородные навыки труда научают их прочно полагаться не на случайности благоприятных обстоятельств, а на трудовой стойкий упор могучего коллектива, где ошибки и удачи отдельных лиц растворяются в плодотворном потоке миллионов согласованных воль.

Величайший выразитель воли и дум этого поднимающегося к своей воле и к своему творчеству рабочего коллектива — Владимир Ильич — был сам необыкновенно прост, был величайшим врагом всякой позы и всякой пустой фразы и не раз указывал, что все великое осуществляется лишь ценой громадных жертв и громадного труда. И самое великое, самое большое, что дала миру Октябрьская революция, заключается именно в том простом, на поверхностный взгляд, но великом по существу, что реализовано за эти десять лет коллективом народов СССР путем громадного труда на их хозяйственном фронте. А велико это строительство потому, что оно впервые показывает миру, какими путями, какими этапами идет созидание социалистического общества — от теории и слова к практике и делу. В чем же основные черты этого действительного социалистического строительства в громадной стране, единственной стране мира, десять лет работавшей в условиях пролетарской диктатуры, в стране, где пролетариат — скромное меньшинство, где так велико крестьянское море и которую со всех сторон окружают противники пролетарского государства.

Общий „средний" тип довоенной индустриализации нашей страны далеко уступал типу развитых промышленных стран Запада. Наша страна страдала всеми недугами „недоразвития" капитализма: от

присущих молодому капитализму хищнических форм первоначального накопления, от его тесной смычки с первобытными формами торгового, капитала, с его холопской челядью и элементарной самодурной патриархальностью, от уродливых диспропорций всего разнофасадного здания промышленности, диспропорций, иногда не без умысла поддерживаемых иностранными капиталистами, которые и здесь не упускали случая поживиться на счет „меньшего брата". У нас были вкрапления иностранных гнезд промышленности (горное дело, металлургия, нефть, электропромышленность, электростанции, текстиль), но и они отнюдь не щеголяли оборудованием лучшей марки. Сюда слали нередко то, что на Западе уже отживало свой век: благодетельствовали ошметками. Не постыдились же наши „благородные" союзники угощать нас даже во время войны совершенно непригодными огнеснарядами. А знаменитые произведения английской техники — завод Юза, суконная фабрика Торнтона в Питере, текстильные колоссы Орехово-Зуева — прямо годились по своему старью для музейного ознакомления с историей техники.

При всем том наш доморощенный капитализм находился в крепкой зависимости от иностранного капитала. Частные вложения в промышленность, торговлю, банки и проч. составляли на 1915 г. 2.205,6 млн. руб. Общая сумма вложений иностранцев в жел. дороги превышала 3 мрд. рублей, а общие платежи по иностранной задолженности за пятилетие с 1908 по 1912 гг. составляли в среднем за год сумму свыше 350 млн. руб. Импорт последнего пятилетия превышал 1 мрд. и в 70% предназначался на ввоз иностранного сырья и оборудования.

Уродливый фасад довоенной промышленности, прежде всего, сказывался в громадных дефицитах „хлеба промышленности" — топлива. Общий ввоз иностранного угля в Россию от 4 млн. тонн в 1900 г. последовательно увеличивался до 7—8 млн. тонн в 1913 г. Основные промышленные районы — Ленинградский и Московский — питались исключительно топливом дальнего привоза — иностранным и донецким углем и бакинской нефтью. Последняя варварски истреблялась в допотопных тепловых установках, не насчитывающих и 10% коэфициента полезного действия. Местные топлива — подмосковный уголь, угли Урала и Сибири, гигантские запасы нашего основного природного топлива — торфа, — были в непростительном забросе. На выручку в трудные моменты приходило лишь хищническое истребление леса и притом как раз в наиболее доступных районах, где лесные богатства должны были играть сами по себе огромную положительную роль и для сети речного транспорта и для борьбы с недугами континентального климата.

„Иждивенческое" по отношению к иностранному капиталу состояние российского царизма общеизвестно. Французские займы, как исход из обстоятельств революции 1905 г., не изгладятся из памяти народов России. В общем и целом и к России начала XX века

применимы слова К. Маркса, характеризовавшие ее положение в начале 80-х годов: „Фасад ее общественного здания (финансовая, торговая и промышленно-социальная надстройка) представлял собой что-то вроде сатиры над остальным, неподвижным состоянием главной отрасли производства (земледелия) и над голоданием производителей".

Периодические неурожаи — столь же следствие засух, сколь и результат примитивных форм земледелия — посещали страну все чаще и чаще. За период XIX и XX вв. имеются следующие данные:

Для	I	части	XIX	в.	2 неурожая
„	II	„	„	„	4 „
„	III	„	„	„	4 „
„	IV	„	„	„	4 „
„	I	„	XX	„	7 „

Только на одну ликвидацию последствий этих урожаев с 1891 г. израсходовано свыше 1 мрд. довоенных рублей, при чем царское правительство и не ставило перед собой сколько-нибудь систематически подработанных мероприятий по предупреждению засух. Царские министры, финансировавшие хлебный экспорт за полмиллиарда пудов в год, имели наглость открыто заявить: „Не доедим, а вывезем!" Не доедали, разумеется, не они, а исконные давальцы царской казны, живущие „на грани физиологической нормы питания", — крестьяне.

„Культура", которую нес с собой этот капитализм, превосходно описана в трудах писателей нашего „безвременья", среди которых одним из самых выдающихся был А. П. Чехов. Не даром В. И. так ценил тонкую и меткую кисть этого художника!

Чтобы не быть голословным относительно творческих особенностей европейского капитализма в нашей стране, приведу суждение инженера Л. Г. Рабиновича, крупного практика довоенного времени, работавшего в самом нашем „прогрессивном" экономическом районе, в царстве угля и металла — в Южном Горнопромышленном районе Украины. Вот что пишет он про новые металлические заводы этого района:

„1) Большинство заводов было построено без продуманного плана, без учета конъюнктуры сырьевой и рынков сбыта и без перспектив на будущее развитие их.

2) Многие из них были оборудованы на одинаковый ассортимент изделий и не специализировались на отдельных продуктах.

3) Неправильная планировка заводов вызывала у некоторых из них необходимость полного переоборудования, что, однако, было весьма трудно осуществить, так как требовало расширения владения и новых крупных затрат...

4) Заводы в пределах Донбасса не были обеспечены водой даже для текущего производства...

5) Некоторые заводы, построенные в 1895—1900 гг., были плохо и наспех оборудованы и приходили в полный упадок".

На феодально-крепостническом Урале дело было и того хуже! А ведь мы говорим про сердце промышленности, про тяжелую индустрию — эту истинную цитадель пролетариата.

Этот неоперившийся российский капитализм, тем не менее, вел себя, как истинный отпрыск хищного двухглавого орла—эмблемы российского царизма. Миллионы рабоче-крестьянских голов должны были пасть на полях бесчисленных битв империи и на Западе, и на Ближнем, и на Дальнем Востоке. Раб перед старшими собратьями Запада, он показывал хищные зубы слабым нациям Ближнего и Дальнего Востока. Водку и сифилис нес он вымиравшим под его нажимом народностям Сибири. Пули и каторгу холодной Сибири прокламировал, как свои дары, южанам Кавказа. Пирамидами черепов украсил он поля Туркестана. А в Польше он прославился виселицами Муравьева, да лихими казацкими атаками на безоружных людей. Тем не менее, он знал и свои колониальные удачи, и рынок Востока нес ему свою сверхприбыль, заманившую его до роковых границ реки Ялу.

Наши западные иностранные друзья должны вдуматься в эти факты, чтобы для них яснее стали их собственные положительные величины, когда и для них пробьет час освоения „капиталистического наследства". Как прав был В. И., когда он утверждал, что им будет много, много легче строить социализм, чем нам.

Однако, в руки пролетариата перешло не то капиталистическое наследство, которое мы старались характеризовать выше, а его руина, получившаяся в результате 6 лет войн—мировой и гражданской. Одни наши потери в живой силе труда за этот период определяются нашими исследователями в переводе на язык золота в 90 мрд. руб. Для сельского хозяйства страны военные удары слились в один шок с ужасным ударом голода 1921 года. Максимум падения сельского хозяйства приходится поэтому на 1922 год. Посевная площадь сократилась с 110 млн. дес. довоенной площади до 75 млн. дес. Падение наиболее товарных районов юго-востока при этом произошло более чем на 50 %. Скотоводство сократилось почти на 40%. Хлопок и сахарная свекла—в 12—16 раз. Внутренний товарооборот не достигал и одной трети довоенного (с 1.600 млн. руб. до 500 млн. руб.). Потери сел.-хоз. инвентаря к 1923 г. составляли 400 млн. руб., около 40%. Потери работников мужского пола на 1920 г. превышали 14 млн. чел. Голод 1921 г. унес около 3 млн. человеческих жизней. В общем деревня потеряла около 30% рабочих мужчин. В итоге валовая продукция сельского хозяйства с 10 с лишним мрд. руб. 1913 г. сократилась на 40—45%, а товарная часть уменьшилась, примерно, в 4 раза.

В 1922 г. нам пришлось напряженно думать, как быть со всем нашим хозяйством при возможности сведения всех хлебных фондов к ничтожной величине в 200 млн. пуд.

Тонкий аппарат индустрии оказался, конечно, еще более восприимчивым к ударам войны и разрухи. Чего стоил только один разрыв наших „дочерних“ иностранных предприятий с их метрополиями!

А отпадение Украины и Кавказа с их источниками коренного промышленного топлива и с основной металлургической базой! Припомните, что артериями наших войн были наши основные водные и ж.-д. пути, и вы перестанете удивляться, что эти пути превратились в кладбища подвижного состава и щеголяли удивительными конструкциями мостовых железных переходов на деревянных срубах. Кризисы топлива, транспорта, металла, продовольствия, валютная разруха, кризис рабочей силы,—сливались в один взрыв всеобщей экономической разрухи и многим бестрепетным людям казалось, что даже закаленной в боях мощной руке российского пролетариата суждено бессильно повиснуть в этой атмосфере производственного „ничто“.

В 1920 г. продукция крупной промышленности упала в 5 раз, мелкой—в 2,5—3 раза. Но особенно резко было падение как раз в решающих областях промышленности. Выработка хлопчатобумажной пряжи пала с 21,4 млн. пуд. до 0,8 млн. пуд., ткани—с 2.900 млн. метров до 110 млн. метров, соли—со 120 млн. пуд. до 4,7 млн. пуд., сахара—со 100 млн. пуд. до 4,8 млн. пуд. Выработка одного рабочего падает с 1.523 руб. до 620 руб. (в дов. ценах), а количество рабочих—с 2.580.000 чел. до 1.244 чел. (в 1921/22 г.). Средняя зарплата одного рабочего с коммунальными услугами в товарных рублях по бюджетному индексу падает с 25 руб. (1913 г.) до 6,6 руб. в 1920 г.

Никто из переживших это время не забудет картины тогдашней городской жизни—с мучительными очередями у продовольственных магазинов, с трупами павших от бескормицы лошадей, валяющимися на замусоренных улицах, с нетопленными просыревшими домами и с бичем убийственного сыпняка.

Началось повальное бегство из городов и из северных и центральных губерний—на юг, где, по крайней мере, мучения холода не были так страшны...

Крестьянство перешло на натуральное „крупяное“ хозяйство, деньги потеряли свою покупательную способность, товарообмен превратился в продуктообмен, мешечничество и продовольственная партизанщина дошли до апогея...

Крестьянская масса была охвачена политическими колебаниями, кулацкие восстания следовали одно за другим, белое вражеское кольцо около красной Москвы сжималось...

Неслыханная стойкость рабочих колонн и железная организация компартии спасли судьбы пролетарской революции.

Лобовая атака красной пехоты по непрочным льдам Балтийского моря на грозные форты Кронштадта должна была показать миру, что

ему придется переоценивать не только свои „ценности“ в области военного дела. Не менее чудесным является быстрый под'ем страны пролетарской диктатуры из самых ужасных глубин экономической разрухи.

Революции, изменяющие судьбы народов, не делаются в перчатках. Послереволюционный распад прежних хозяйственных связей неизбежен. Войны не могут не иметь своим следствием глубочайших ран народнохозяйственных организмов. Но пусть пример пережитого нами будет ободряющим началом для народов мира в грядущих испытаниях!

Великая цель, великая организованность и боевое воодушевление—такие силы, которым не страшны никакие стихийные бури.

Теперь уже широко известно, что мы вывели наше хозяйство, в общем и целом, по его материальной продукции за довоенную черту. Мы имеем твердую червонную валюту, примерно довоенный госбюджет, довоенную валовую продукцию цензовой промышленности, примерно ту же численность индустриального пролетариата, но с зарплатой, уже на $^1/_5$ превышающей в среднем ее довоенный уровень, примерно тот же довоенный уровень валовой продукции сельского хозяйства и т. д. Даже злейшие враги наши—наша белогвардейская стая—не смеют отрицать относящихся сюда цифр и фактов. Они отрицают только качественный характер нашей работы, клевещут на ее эффективность, стараются не видеть того великого горнила испытаний, которые прошли за эти десять лет армии труда наших республик. Положение наших врагов было бы непереносным, если бы они не творили себе всяческих иллюзий, в основе которых лежит смехотворная надежда на то, что российский большевизм должен уйти, как мавр, сделавший свое дело, доведя хозяйство страны до такого уровня, при котором в порах этого хозяйства сможет найтись достаточно места для изрядной своры паразитов.

Как будто народные армии могут бежать с поля сражений не по причине поражений, а при реализации величайших побед. Как будто „мертвая рука“ прошлого, роковая, когда она охватывает коченеющую жизнь, может справиться и с ее под'емным расцветом.

Западно-европейская буржуазия смотрит куда реалистичнее—она готовит кровавую интервенцию.

Вся эта вражеская стая, вкупе, просчитывается как раз в оценке качественных итогов прошедшей десятилетней истории строительства Советов, и эта ошибка явится для нее подлинным историческим роком.

Остановимся над этими обстоятельствами „качества“ нашего хозяйственного строительства в его целом.

Не случайно в эти дни нам пришлось видеть на нашей Красной площади знаменательный лозунг: „Октябрь заложил основы для планового руководства хозяйством страны“.

Не случайно на IX с'езде партии (29 марта—4 апреля 1920 г.) Владимир Ильич, утверждая, что основным условием возрождения страны является неуклонное проведение единого хозяйственного плана, говорил: „Мы должны помнить, что этот план рассчитан на много лет, мы не обещаем скоро избавить страну от голода. Мы говорим, что борьба будет более трудная, чем на боевом фронте, но она нас более интересует, она составляет более близкий подход к нашим настоящим основным задачам. Она требует максимального напряжения сил, того единства воли, которое мы проявляли раньше и должны проявить теперь. Если мы эту задачу решим, тогда мы одержим не меньшую победу на фронте бескровном, чем на фронте гражданской войны".

Качество нашей хозяйственной работы уже по одному тому резко отличается от хозяйства прошлых дней, что мы за эти годы далеко продвинулись в нашем основном строительстве — строительстве планового хозяйства.

Не случайно уже в 1920 г. ВЦИК, констатируя только что одержанную военную победу над сонмом врагов, прокламировал необходимость немедленно приступить к научной выработке единого народнохозяйственного плана.

В 1920 г., при неустанной поддержке В. И., небольшая группа техников и экономистов после девятимесячного упорного труда составляет широко известный в настоящее время план электрификации страны и докладывает его на VIII и IX с'ездах Советов. В годы величайших испытаний вырабатывается проект работ по переустройству всей технической базы нашего хозяйства. В дальнейшем эта же группа работников образовывает основное ядро Государственной Плановой Комиссии — Госплан, и В. И. самым зорким образом следит за развертыванием работ этого органа, который, по его мысли, должен был играть роль технико-экономического штаба республики.

Обстоятельства экономической разрухи были таковы, что этому плановому органу немедленно пришлось перестроить свои ряды и быстро перейти от общих концепций плана народного хозяйства к отстаиванию таких хозяйственных позиций, которые являлись самым узким местом экономики тех дней и без преодоления которых был невозможен самый эксплоатационный ход хозяйства. 1921 год — первый год функционирования Госплана—ушел целиком на борьбу с кризисами топлива, продовольствия и транспорта.

Выше мы уже увидели, как топливное хозяйство страны и в довоенное время являлось одним из лимитов ее индустриализации. В тесном сотрудничестве с тогдашним Главным управлением по топливу Госплан намечает в эти начальные годы своей работы обширную программу рационализации топливного баланса. Этой работе посчастливилось в том смысле, что уже в проекте электрификации был продуман до конца весь план под'ема энергетики страны на основе выделения в первенствующую группу всего хозяйственного

строительства тех элементов хозяйства, которые мы охватываем общим термином „энергетического хозяйства". Здесь на ряду с живой силой человеческого труда и с элементами ее производственного вооружения на первый план были выдвинуты вопросы топлива и вопросы электрической энергии. Ныне мы уже можем подвести некоторые итоги реализации этой основной линии наших плановых хозяйственных работ.

Годичный отпуск электрической энергии в миллионах квтч. с крупных станций общественного пользования составлял в 1913 г. 431 млн. квтч., а в 1927 г. он уже возрос до 1.900 млн. квтч., т.-е. мы имеем увеличение почти в 5 раз при одновременном почти удвоении отпуска электрической энергии фабрично-заводскими станциями. В годы революции наши основные центры, Ленинград и Москва, были на волоске от краха электроснабжения, ныне эти центры уже надежным образом застрахованы от сколько-нубудь крупных перебоев. Волховская станция и Красный Октябрь в Ленинграде базирующийся на торфяном топливе, уже не будут бояться транспортных перенапряжений с доставкой топлива дальнего привоза. Величайшая торфяная станция мира — Шатурская электростанция, с ее 48 тыс. установленных квт., ныне переоборудуемая на 136 тыс. квт., торфяная районная станция „Электропередача" с мощностью в 36 тыс. квт. переносят электроснабжение красной Москвы на прочную базу местных ресурсов торфяного топлива. Этим станциям надежно помогает Каширская районная станция, работа основной ячейки которой в 12 тыс. квт. показала всю пригодность для целей электроснабжения отбросов угледобычи в ближайшем Подмосковном районе. Мы смело проектируем дальнейшее расширение этой станции на том же топливе до мощности в 122 тыс. квт.

Имущественные фонды крупного электростроительства СССР составляли к 1924 г. сумму 234 8 млн. руб., в 1927/28 г. эта сумма возросла до 448 млн. руб., т.-е. на 190%. Другими словами именно на этом фронте мы имеем самый крупный темп строительного под'ема. Эти капитальные вложения обеспечивают вступление в эксплоатацию в 1925/26 г. 78 тыс. квт. новой мощности, а в 1927/28 г.—178 тыс. квт.

В постройке в настоящее время находится еще 838 тыс. квт. из которых 420 тыс. приходится на расширение существующих районных станций и 307 тыс. на районные станции, начатые постройкой в 1926/27 г. В нынешнем году продолжаются работы по расширению и окончанию 13 электроцентралей, заложенных до 1926/27 г. Первая очередь этих станций в 230 тыс. квт. вырастет за пятилетие до 850 тыс. квт. Припомним, что по плану ГОЭЛРО намечалось к сооружению всего 30 районных станций общей мощностью в 1.500 тыс. квт. Перед нами еще целое пятилетие для реализации этого плана по календарной наметке 1920 года. Нет никаких сомнений, что мы честно выполним наказ В. И. по электрифицированию нашей страны в его полном об'еме.

Не менее внушительны те сдвиги, которые за это время мы реализовали в области топливного хозяйства. В 1927/28 г. расход топлива нашей основной промышленно-технической группы потребителей запроектирован уже на 4—5% выше довоенного уровня.

Хищническое истребление дровяного топлива, приведшее к тому, что в 1922/23 г. сырые дрова составляли 42% всего топливного баланса, последовательно сократилось до 20% с тенденцией дальнейшего сокращения до 15%. Минерализация топливного баланса закладывает, таким образом, основы для рационального использования лесных богатств страны. В 1913 г. 46,6% давал Донбасс, 5,5% прочие районы, а 7,4% покрывались иностранным углем. В 1926/27 г. роль местных углей возрастает на 12%, импортный уголь сокращается до 1% и почти полностью покрывается экспортом донецкого и дальневосточного угля. Роль торфа резко увеличивается, и от незначительной доли в 1,7% он поднимается до 4,7% в 1926/27 г. с резкой тенденцией к дальнейшему поднятию. Потребление нефтетоплива сводится к своей норме 14—15%, с устранением сжигания сырой нефти под котлами и превращения ее в экспортный, по преимуществу, товар.

В 1920 г. по уровню у г л е д о б ы ч и мы отбрасываемся на четверть века назад, в 1923/24 г. угледобыча удваивается, в 1925/26 г. утраивается, в 1926/27 г. учетверяется, а в текущем году мы превышаем угледобычу 1913 г. на 11%. За последние годы Донбасс поднимает свою угледобычу ежегодным приростом ее от 4,1 до 5—6,5 млн. тонн. Машинная добыча, составлявшая в 1913 г. всего 0,5%, достигает в 1926/27 г. 11,4%. Механизация и реорганизация процессов производства, несмотря на резкое сокращение продолжительности рабочего дня (6—8 час. вместо 12 час. в довоенный период), уже в 1926/27 г. дает под'ем производительности на одного трудящегося по сравнению с 1913 г. на 7,5%, а средняя годовая добыча на одну шахту удваивается.

Валовая добыча н е ф т и по всем районам СССР составляла в довоенное время 9.215 тыс. тонн. В 1926/27 г. она уже равна 10 млн. 191 тыс. тонн. Добыча Грозненского района более чем удвоилась. Штанговое бурение заменено вращательным. От тартания мы перешли к применению глубоких насосов, этот способ дает сокращение в 3—4 раза затрат топлива и энергии при той же добыче, сохраняет скважину от разрушения, позволяет ее герметизировать и повышает выход бензина. По переработке нефти вводится „крекинг-процесс", реорганизуются нефтеперегонные заводы и вводятся в эксплоатацию газолиновые заводы. В полном ходу постройка нефтепровода от Грозного в Туапсе.

Валовая добыча т о р ф а составляла в 1913 г. 1.550 тыс. тонн. Уже в 1921 г. при величайшем напряжении наших сил она поднята была до 2.108 тыс. тонн. В 1926/27 г. она уже равняется 5.900 тыс. тонн, т.-е. почти в 5 раз превосходит довоенный масштаб. А впереди

еще более широкие перспективы. Мы надеемся, что оправдается наше предвидение, по которому наши торфяные богатства должны сыграть для нашей страны ту же роль, какую в свое время для Англии имел рост ее угледобычи.[1]

Широко поставленная работа по изучению природных ресурсов топлива за последние шесть лет совершенно изменила наше представление об их натуральных запасах.

Остановимся хотя бы на основных угольных запасах.

По данным Геологического комитета (в млн. тонн):

	1913 г.	1927 г.
Донбасс	55.600	68.167
Подмосковн.	1.578	8.330
Кузнецк. басс.	13.600	330.000
Азиатск. части СССР. .	1.283	14.465

Всего по СССР размер запасов каменного угля исчисляется ныне 474.622 млн. тонн, т.-е. уже 211% от цифры, исчисленной тем же Геологическим комитетом в 1913 г. Теперь уже не приходится делать ссылки на о р г а н и ч е с к и й дефицит топлива в нашей стране и говорить о неизбежном ограничении отсюда индустриализации страны.

Итак, мы видим, что за эти годы резко изменилось самое к а ч е с т в о наших работ на энергетическом фронте хозяйства. Уродливый топливный ф у н д а м е н т нашей промышленности совершенно реконструирован путем рационального сочетания работ по электрификации, открывшей шлюзы местных топлив, революционировавшей самые способы топливодобычи, р а д и к а л ь н о переоценившей все топливные ценности путем неслыханных прежде возможностей преодолевать географические расстояния методом наиболее совершенного транспорта энергии — высоковольтными электропередачами.

Также изменилось наше представление о в о д н ы х э н е р г е т и ч е с к и х р е с у р с а х страны. В 1920 г. в плане электрификации мы оценивали в условных установках всю располагаемую мощность этих ресурсов около 20 млн. лош. сил.

Ныне, еще не имея полного водного кадастра, мы вынуждены повысить эту мощность уже до 65 млн. лош. сил.[2]

До 1913 г. из этой громадной мощности было использовано мелкими гидросиловыми установками не более 900.000 лош. сил (мельничными и заводскими). Из них 15—20 установок средней мощности в общем составляли всего 20.000 лош. сил, при чем конструкция их была ультра-устарелого типа. С 1921 по 1926 гг. было начато

[1] Баланс потребления топлива всей нашей промышленно-технической группой проектируется на ближайшее пятилетие в среднем на годовой расход около 100 млн. тонн условного (в 7.000 кал.) топлива. Один ежегодный прирост наших торфяных болот дает около 150 млн. тонн в переводе на то же условное топливо.

[2] Наши водные ресурсы по этому подсчету не ниже ресурсов С.-А. С. Ш.

15 гидроэлектрических установок, при чем мощность их первой очереди намечена в 133.275 лош. сил.

К 1927 г. из них было закончено 6 установок, мощностью в 112.000 лош. сил, в том числе такие крупные, как Волховская (56 тыс. квт.) и Земо-Авчальская (13 тыс. квт.) Остальные 9 установок, мощностью в 21.300 лош. сил, будут закончены в 1927/28 г. В 1927 г. приступлено к сооружению 5 крупных районных гидростанций, общей мощностью в 375.000 лош. сил (I очередь) и среди них такой гигант, как Днепровская гидростанция (I очередь — 150.000 лош. сил).

Комментировать качественный сдвиг наших работ в этом направлении не приходится.

Я не останавливаюсь здесь на обнаружении колоссальных запасов калиевых солей в Соликамском районе, на мощных фосфоритовых залежах в Пермской губернии, на гигантских запасах железа в районе так называемой „Курской аномалии", на редких металлах Сибири и Туркестана, на коксующихся углях Алапаевского Уральского района, на многих и многих положительных результатах разведок во всех краях нашего громадного союза,— в результате форсированного и планового темпа научно-исследовательских работ последних лет, направленных на действительное познание ресурсов нашей природы, раскрепощенной от феодальных и капиталистических уз.

Мы еще на первых этапах социалистического строительства, мы еще не имеем того развернутого фронта науки и научного строительства жизни, которые грядут еще в дальнейших этапах этого строительства.

Однако, один беглый перечень работ наших 30 научно-технических институтов, созданных в недрах ВСНХ, и около 100 институтов, которые созданы после революции в Наркомпросе, Наркомздраве и Наркомземе, показал бы как уже тесно сплелась научная работа нашей страны с потребностями народного хозяйства и как она дышет новой здоровой установкой — переходом от замкнутой работы культурных одиночек к творчеству согласованных коллективов под руководством крупнейших деятелей науки и техники.

Не только в области энергетической базы хозяйства, но и по всем линиям строительно-хозяйственной работы мы наблюдаем мощные сдвиги качественного характера, которые показывают, что так называемый восстановительный период нашего хозяйства должен быть назван по сути дела восстановительно-реконструкционным.

Ежегодно на наших фабриках и заводах мы вкладываем по одним скромным статьям текущего и капитального ремонта огромные суммы, переваливающие за полумиллиард. Присмотревшись к этим работам, мы видим, что под этим флагом идет не простой ремонт, а деятельная реорганизация всех производственных органов этих

ячеек промышленности. Еще больше этими чертами реконструкции проникнуто наше новое индустриальное строительство. О размерах наших работ в этом направлении достаточно свидетельствует тот факт, что положительное сальдо прироста за последнее пятилетие промышленных фондов, за щедрым погашением износа, составляет сумму около 1.710 млн. руб. Это — почти то же, что за 35 лет до войны вложил в эту область иностранный капитал. Прослеживая эти капитальные работы и констатируя еще целый ряд „детских болезней" нашего крупного строительства, прорывы фронта плановой дисциплины, мы все же отмечаем на ряду с этим и подлинный энтузиазм строителей и под'ем воодушевленного творчества. Здесь нащупывается не только последнее слово иностранной техники, здесь ищутся и собственные пути великого дела рационализации хозяйства, и мысль инженеров — конструкторов уже нередко оплодотворяется здравой находчивостью и изобретательством рабочего коллектива. Какими смехотворными кажутся нам уже и теперь поучения педантов и сикофантов капиталистической „цивилизации" в XX веке, веке гигантского развертывания монополий капитала, апеллирующих к спасительным началам личного почина, личного интереса и, якобы, „конкуренции!". Нет возможности останавливаться здесь на обширнейшем поле работ в других хозяйственных областях — в области сельского хозяйства, транспорта, торгового оборота, строительства бюджета, финансового хозяйства, в строительстве общественных организаций труда и т. д.

С большой подробностью они освещены на этот раз в контрольных цифрах Госплана. В суммарной форме за десятилетие я пытался подвести итоги этим работам в выпущенной недавно специальной книжке.

Цифрами и фактами мы старались показать в этих работах, что за эти так называемые восстановительные годы мы подмечаем определенное революционирование основ нашего хозяйства во всех этих направлениях.

Ведущее начало промышленности становится все более решающим фактором всей динамики хозяйства в его целом. Но оно имеет у нас совершенно другую установку, чем в странах промышленного капитализма. Это потому, что подлинным хозяином нашей промышленности является наш пролетариат, строящий свое социалистическое государство, а не отправляющий трудовую повинность по указке капиталиста. Пролетариат революционен — или он ничто, говорил К. Маркс, оценивая социально-политическую роль „могильщика капитализма".

Становясь у хозяйственного руля, пролетариат не может вливать свою творческую энергию в прежние приемники, унаследованные от капитализма. Его созидательная работа есть вместе с тем великий процесс непрерывных поисков новых форм отношений человека к человеку и человека к природе.

Изучение документов нашего послеоктябрьского хозяйства как нельзя лучше свидетельствует именно об этом революционно-реконструктивном процессе, которым охвачена страна победоносного пролетариата, и только безнадежные педанты и тупицы могут сомневаться в том, что именно здесь социализм, мечта лучших голов человечества, с высот теории спускается в гущу хозяйственной практики.[1]

Наши экономисты убеждены в том, что грядущее пятилетие — это лишь более решительный переход от восстановительно-реконструктивного периода к периоду реконструктивному по преимуществу. Такие крупные строительные задания, как сооружение Днепровского промышленно-электрического комбината, Волго-Донского канала и Сибирско-Туркестанской дороги, стоящие на нашей ближайшей строительной очереди, красноречиво говорят о новых сдвигах не только количественного, но и решительно — качественного характера во всем облике нашего хозяйства. А перед нами все с большей ясностью вырисовываются не только действительные итоги наших хозяйственных работ, но и их многолетние перспективы.

Выше я уже отмечал, как диалектически должна была приспособляться работа наших плановых органов к потребностям и обстоятельствам нашей хозяйственной жизни. От борьбы с кризисами хозяйства мы лишь медленным путем переходим к плановому охвату отдельных линий хозяйства в его основных разделах. Лишь в 1924 г. мы впервые подошли к плановому охвату промышленности в ее целом. Лишь устойчивая валюта позволила нам перейти к той части плана народного хозяйства, которая охватывается бюджетом. Твердый бюджет датируется тем же 1924 г. Прежние исторические диспропорции нашего хозяйства с особой силой сказались в явлениях заминок нашего товарооборота. Отсюда — необходимось создания целой новой научной области — изучения кон'юнктуры. От кон'юнктурных сводок до годичных планов народного хозяйства — опять длинная полоса работ.

Трехлетняя работа по составлению контрольных цифр народного хозяйства в его целом, т.-е. основных вех хозяйственной работы, позволила нам придать им уже такую форму, при которой они уже предуказуются правительством, как основа для всех оперативных годичных планов хозяйственных наркоматов. Лишь теперь мы развертываем полный фронт работ по пятилетнему народнохозяйственному плану и по генеральному плану.

Уже два с лишним года работаем мы над построениями перспектив работ нашего хозяйства на ближайшее пятилетие, все

[1] Пользуемся случаем, чтобы обратить внимание читателей на книгу Чез, Стюарт, „Трагедия расточительства". Это—превосходный обвинительный акт против наиболее „совершенных" форм капитализма в С.-А. С. Ш. Мечты Чеза о „главном хозяйственном штабе" и „функциональном", т.-е. плановом, хозяйстве весьма знаменательны.

время расширяя коллектив работников страны, трудящихся над его проблемой, усовершенствуя единство приемов обобщения и учета и всю методологию этой работы.

Что же говорят нам первые абрисы этой перспективы?

В области индустриализации мы намечаем и большой сдвиг в производстве средств производства и под'ем продукции мелкой промышленности, идущей навстречу крестьянскому спросу, при чем при вложениях в промышленность грубо около 6 или 7 миллиардов червонных рублей мы будем иметь под'ем ее валовой продукции, примерно, на 87—90%. Земледелие дает резкий сдвиг общей продукции (на 20—30%) с усилением интенсификации и видов коллективного хозяйства.

Здесь невольно вспоминаешь прогноз нашего первого генерального плана. Мы намечали тогда к тому же 1931 году под'ем валовой продукции промышленности, примерно, на 85% и количество необходимых вложений — от 5 до 8 миллиардов.

Если отметить, что основной план электрификации, намеченный в этом первом плановом труде, детище Октябрьской революции, исполняется с точностью, не оставляющей желать лучшего, то высокая оценка этой работы, данная в свое время В. И., уже одними этими фактами находит свое полное оправдание. Конечно, наши нынешние плановые работы методологически стоят на высоте, являвшейся совершенно недоступной работникам 1920 года.

Будем надеяться, что изощренность научных приемов технико-экономического и экономико-статистического анализа сможет еще больше приблизить к действительности тот новый генеральный план, который мы из года в год подготовляем, как ревизию первого наброска.

Это вероятно еще и потому, что мы в нашей плановой работе движемся сами в волнах такого хозяйства, которое сметает все более и более стихии вещей и, выдвигая сознательную целевую установку, делает самую волю трудящихся все более и более решающим фактором всей хозяйственной динамики. Борьба за план с этой точки зрения является не чем иным, как развертыванием фронта научного познания действительности в целях ее переустройства, согласно державной воле трудящихся. А это—лишь парафраза давно установленного Марксом положения, по которому коммунизм пришел в мир не для абстрактных философских спекуляций, а для его революционного переустройства, для перехода из царства необходимости в царство свободы!

В заключение позволю себе извлечь из наличных материалов подготовляемого нами генплана (с перспективой до начала 40-х годов) лишь один показатель нашего будущего народного хозяйства. Взглянув на карту многолетней перспективы работ по электрификации, мы увидели бы, что основные звенья районных станций

и электропередач уже в значительной степени реализованы. Мы увидели бы, какими застрельщиками электрификации являются наши основные промышленные районы—Ленинградский, Подмосковный, Урал, Донбасс, Волжские центры. Смычка этих централей кольцом электропередач создаст около исконного земледельческого центра страны, с населением свыше 70 млн., мощное об'единенное кольцо электропередач.

Мы думаем, что именно отсюда пойдет всесторонний решительный охват совокупными силами социалистической индустрии и культурного советского строительства простора наших сел и деревень. Дешевая электрическая энергия от этого кольца электропередач создаст особые предпосылки для уничтожения, согласно предсказаниям Энгельса, последних противоречий между городом и деревней. Навстречу гигантским возможностям кооперации, в условиях диктатуры пролетариата! В согласии с великими предначертаниями Владимира Ильича и по линии электрификации и по линии кооперации!

И в области нашей плановой работы, и в области текущего руководства хозяйством, и в обширных заданиях нашего организационного строительства — перед нами и недоделки и трудности большого и великого порядка. Но сбудется и на этот раз констатированный Владимиром Ильичем основной факт нашей послеоктябрьской борьбы: каждая трудность порождала новые силы, ее преодолевающие.

Эти новые силы ныне развертывают на наших глазах свой подкрепленный десятилетними испытаниями фронт, далеко не ограничивающийся пределами великого Союза советских республик.

М. И. Боголепов

Восстановление народного хозяйства

В исторической жизни отдельных стран и народов время от времени происходят такие потрясения, случаются такие катастрофы, которые разрушают накопленное богатство, грубо обрывают производственные процессы и нередко ставят тот или иной народ и его хозяйство на край гибели. Иногда эти бедствия, как неумолимый рок, приканчивают историческое бытие народа или низводят его в такую обстановку и такие условия, при которых он начинает влачить жалкое существование, делаясь об'ектом чужеземной эксплоатации. Но чаще всего страна оправляется от пережитых испытаний, собирается с силами, залечивает нанесенные ей раны и восстанавливает свое хозяйство, быстро делая его более сильным и крепким, чем оно было накануне пережитых бедствий.

Исторических примеров сказанного можно было бы привести значительное количество. Наиболее интересным примером из новейшего времени можно считать необычайно быстрое восстановление и расцвет народного хозяйства в южных Сев.-Амер. Штатах после гражданской войны 1863 г. Тогда говорили, что война оставила после себя в южных штатах „только людей и грязь", и жарко спорили о том, как восстановить пострадавшие штаты — на основах ли „реставрации", или „реконструкции".

На подобных фактах остановился Д. С. Милль, когда он хотел в своей политической экономии наиболее ярко осветить силу и значение воспроизводства. Милль говорил, что постоянное истребление и воспроизводство капитала служат об'яснением факту, столь часто возбуждавшему удивление, факту чрезвычайной быстроты, с какою страны поправляются от опустошений, и тому, что скоро исчезают все следы бедствий, нанесенных землетрясениями, наводнениями, ураганами и военным разорением. „Неприятель опустошает страну огнем и мечом, разрушает или увозит почти все существующее в ней движимое богатство; все жители разорены; но через несколько лет все почти в таком же виде, как было до войны. Эта vis medicatrix naturae, „целебная сила природы", часто бывала предметом бесплодного изумления". Трудно, конечно, найти масштаб для измерения бедствий, и каждому народу каждой данной эпохи неизбежно кажется, что потрясения, выпавшие на его долю, беспримерны и безмерны. Но можно думать, что в истории человеческих бедствий наиболее видное место будет отведено той мировой бойне,

которая была устроена на памяти живущего поколения. Недаром кто-то сказал в Бельгии, что после всемирного потопа война 1914—1918 гг. должна считаться величайшим бедствием в истории мира. На протяжении истекшего десятилетия после восстановления мира был сделан ряд попыток приблизительного подсчета того материального ущерба, который был причинен мировой войною отдельным странам. Цифры, получаемые в результате такого подсчета, при всей своей неполноте и неточности в сторону преуменьшенности, способны поразить всякое живое воображение. Но эти цифры освещают, главным образом, только одну сторону вопроса о жертвах и ущербах войны 1914—1918 гг. Они говорят по преимуществу о ценности разрушенных накопленных богатств человеческого общества и оставляют в тени те, действительно, уже неисчислимые ущербы народного хозяйства, которые были обусловлены стеснениями, искажениями и перерывами процесса производства и воспроизводства. Вследствие этих, именно, ущербов человеческое общество действительно и по-настоящему обеднело и фактически потеряло то десятилетие, которое повсюду ушло на так называемый восстановительный процесс, т.-е. на достижение того, что было уже достигнуто, на достижение уровня довоенного производства. Опыт и достижения восстановительного процесса лишний раз доказали, что война, при всех методах ее финансирования, целиком и полностью оплачивается живущим поколением, и разговоры о возможности переложить часть ее тягот на будущие поколения являются пустыми и бессодержательными.

Мировая война решила и еще один спор о том, какие страны легче всего выносят катастрофическое потрясение своего народного хозяйства — богатые промышленные, или бедные, по преимуществу, сельскохозяйственные. Легенда о том, что война особенно опасна для богатых индустриальных стран, так как они имеют большое количество уязвимых мест и обладают наиболее сложной, тонкой, а потому и весьма хрупкой экономической организацией, оказалась простой сказкой. Война особенно тяжело ударила по бедным и экономически менее развитым странам. Стоит только мысленно пробежать последние 15 лет в истории русского сельского хозяйства. Оно и до войны не могло похвалиться ни высокой доходностью и урожайностью, ни своей устойчивостью в годы испытаний. Война же разбила вдребезги эту полунатуральную организацию, обеднила ее основной капитал, разорила миллионы крестьянских хозяйств, обезлюдила их и подвела к неслыханному голоду 1921 г., превратившемуся во всенародное — городское и сельское — бедствие, угрожавшее, в условиях тогдашней блокады, самому физическому бытию нации и ее государства. Никакая статистика в мире не может подвести итогов тому страшному прямому результату мировой войны и той политике измора, которую Европа, после неудавшихся интервенций, вела по отношению к обновленной России.

Участие России в мировой войне было неизбежным, так как к началу войны наша страна превратилась чуть ли не в колонию тех западных держав, которые оказались ее кредиторами на колоссальные суммы, доверенные России не только по соображениям больших выгод от процентов и прибылей, но, главным образом, из политических расчетов на то, что огромная и в тогдашних условиях безгласная страна будет выполнять волю своих заимодавцев. Политический характер русской внешней задолженности особенно ярко сказался в тот момент, когда императорская Россия перешла на сторону республиканской Франции и когда Бисмарк решительно изгонял с немецкого рынка русские ценные бумаги, по дешевой цене скупленные французскими банками. Вовлечение России в войну было неизбежным последствием ее позиции величайшего должника на внешнем рынке.

Но это участие не могло не повлечь за собою самых тягчайших последствий для русского народного хозяйства. Оно просто было ей непосильным. Уже русско-японская война, происходившая на чужой территории и финансированная тем же Западом, показала слабую сопротивляемость русского народного хозяйства вредносным влияниям войны. Русско-японская война поставила под прямую угрозу золотую валюту, т.-е. она поколебала народнохозяйственное равновесие страны и грозила срывом основных экономических процессов, обусловленных в значительной мере дорогостоившими и роковыми по своим конечным последствиям иностранными капиталами, вложенными в русскую промышленность, в русские железные дороги. Экономические последствия русско-японской войны были изжиты достаточно быстро благодаря стечению ряда благоприятных условий. Война прекратилась довольно скоро потому, что обе враждующие страны исчерпали свои внутренние ресурсы и вынуждены были обратиться к иностранному финансированию, которое было уже удовлетворено достигнутым результатом ослабления двух больших и растущих восточных государств. Уступчивость же России была создана и раскатами революционного грома, ясно предвещавшего народную грозу для старого режима. По окончании же войны Россия нашла помощь и на иностранном рынке капиталов и внутри себя в виде двух прекрасных урожаев 1909 и 1910 гг.

Совершенно иначе обстояло дело в эпоху мировой войны, войны на истощение противника, сразу поведенной в необычайно большом масштабе. Об этом масштабе говорит, например, тот факт что первая мобилизация сразу потребовала расходования всей свободной наличности казначейства России и в первые же дни для этого расходования нехватало денежных знаков. Расходование же всей свободной наличности, составлявшей одну из основ банковского кредитования, сразу и сильно ударило по всей кредитной системе страны и немедленно ввергло страну в разорительные условия бумажно-денежного хозяйства. К декабрю 1914 г. нормальные ресурсы страны

были окончательно исчерпаны и дальнейшее участие в войне могло происходить за счет прогрессировавшего разорения страны и насилия над ее народным хозяйством. Правда, в это время Россия получала иностранную помощь, вследствие которой внешняя задолженность росла не по дням, а по часам, наводя жуть на общественное сознание страны, напрасно обольщавшее себя надеждой на то, что после войны с этих чудовищных долгов будет сделана „скидка". Но иностранная помощь во время войны не могла быть полезной для русского народного хозяйства, так как эта помощь немедленно же сжигалась в огне войны и ее действие сводилось лишь к тому, что истощенная и буквально истекавшая кровью страна могла кое-как удерживаться на многочисленных фронтах. Внутри же страны,—под лозунгами „война до победного конца" и „все железо на фронт",—быстрым темпом совершался хозяйственный распад и шло обнищание широких народных масс, в конце концов выгнавшее их на улицы с криком: „хлеба!"

Февральская революция оказалась бесплодной с точки зрения истинных интересов народного хозяйства и кровных интересов уже голодавших народных масс. В отношении войны февральское правительство целиком поддерживало позицию свергнутого правительства и, таким образом, по существу ничего не меняло в трагическом положении дела. К довершению всех бед, созданных войною, прибавилось неопытное правительство, раздираемое внутренними распрями и бессильное при решении ответственных вопросов.

В августе 1917 г. собирается VI с'езд Р.С.-Д.Р.П. (б), который следующим образом формулирует положение несчастной страны: „После трех лет войны экономическое положение России представляется в следующем виде: полное истощение в сфере производительного труда и дезорганизация производства, всемерное расстройство и распад транспортной сети, близкое к окончательному краху состояние государственных финансов и, как последствие этого,—абсолютная нехватка топлива и средств производства вообще, прогрессирующая безработица, громадное обнищание масс и т. д. Страна уже падает в бездну окончательного распада и гибели".

Диагноз был поставлен так, что он не мог вызвать споров и возражений ни с чьей стороны. Что страна встала перед бездной, это начинали видеть даже слепые. Что страна стонет под тяжестью невыносимого бремени, это услышали глухие. Но споры начинались с вопроса, что делать?

Война до победного конца? Все железо на фронт? Заем свободы?

Или, как гласила резолюция с'езда большевиков: „Единственным выходом из критического положения является ликвидация войны и организация производства не для войны, а для восстановления всего разрушенного ею, не в интересах кучки финансовых олигархов, а в интересах рабочих и беднейших крестьян. Такое урегулирование

производства в России может быть произведено лишь организацией пролетариев и полупролетариев, что предполагает и переход в их руки и государственной власти."

Спор о методе выхода из отчаянного положения не мог быть решен путем дискуссии. Такие споры решает, как образно говорят, история. Октябрьская революция решила этот спор передачей государственной власти в России рабочим и крестьянам, предрешив тем самым выход России из войны и устранив главную причину, толкавшую великую страну в бездну гибели.

За ликвидацией войны должна была бы последовать организация производства для восстановления всего разрушенного войною. Но судьба сулила иное. Ликвидация войны немедленно превратила вчерашних союзников в злейших врагов нового правительства и возвещенного им нового строя. Переход государственной власти в руки рабочих и крестьян зажег огонь гражданской войны, так как он вызвал отчаянное сопротивление владеющих классов. Против новой России ополчились даже те государственно-национальные образования, которые возникли на окраинах бывшей империи и самостоятельное бытие которых всего лучше было гарантировано основными идеями Октября. Несмотря на выход из мировой войны, страна по прежнему осталась в кольце огня, который, благодаря интервенции и сопротивлению владеющих классов, теперь перекинулся вглубь территории, пожирая жалкие остатки от жертвоприношения молоху империалистической войны.

Новая ситуация не отодвинула страну от края бездны. Наоборот, силами, стоявшими вне советской страны, было сделано все возможное для того, чтобы столкнуть ее в эту бездну, на самое дно. После неудач вооруженной интервенции тараном, толкавшим Россию на дно, была избрана блокада, отрезавшая возможность всякой помощи истощенной, истерзанной и испепеленной стране. Эпидемии и голод охватили страну, опустошили города и фабрики и вернули деревню к полузоологическим временам далекого прошлого. Теперь, когда все это пережито, трудно винить малодушных, в отчаянии говоривших что пришел конец всему. Ужас жизни не давал возможности видеть, как на горячей земле, в дыму пожара, начиналось и зачиналось обновление страны. Голод 1921 года, небывалый по своей интенсивности даже в России, видавшей виды на своем веку, небывалый потому, что он поразил уже истощенное хозяйство и обессиленное население, был последним испытанием из серии тех, начало которых относилось к августу 1914 года.

После четырех лет участия России в мировой войне ушло еще четыре года на то, чтобы отстоять свое право на восстановление по воле широких народных масс. 1922/23 год был первым нормальным годом после 1913 года. К 1922/23 году был водворен и внешний и внутренний мир; страна прорвала цепь блокады и получила некоторый, необходимый ей доступ на мировой рынок; поля принесли

средний урожай; в валютном хаосе появился твердый „островок спасения" в виде червонца; а главное, государственная власть, а с нею и все трудовое население, могли заняться главным своим делом—мирным трудом над восстановлением разрушенного хозяйства.

Экономическая задача не выпускалась из вида и в первые четыре года власти советов. Топоры стучали еще тогда, когда громко был слышен лязг оружия. Но первые четыре года имели свою большую задачу, еще далекую от восстановления. В течение этих тяжелых четырех лет, помимо военной обороны и утверждения революции, приходилось бороться, главным образом, за то, чтобы приостановить инерцию разрушительных процессов, созданных войною. Экономическая политика того времени, получившая название „военного коммунизма", была политикой труда и обороны. Недаром возникший в то время высший орган экономической политики получил название Совета Труда и Обороны. Практически экономические меры того времени ни на минуту не могли выпускать из вида интересов обороны от наседавших со всех сторон врагов. Но одновременно было необходимо на развалинах прошлого создавать реальные образы той основной идеи, которая оборонялась с таким воодушевлением. Поэтому в законодательстве эпохи военного коммунизма, весьма обширном и разнообразном, выделяются такие акты, которые имеют непереходящее значение и раскрывают основные черты идеологии нового строя. Эти акты или радикально отрицают прошлое, как, напр., декрет об аннулировании государственных долгов, или утверждают новый строй, как, напр., декреты о земле, о национализации промышленности, банков и других командных высот экономической политики. Но помимо этого законодательного формулирования начал нового строя приходилось законодательными же мерами откликаться на многочисленные запросы текущего дня и, так сказать, в походной обстановке решать вопросы и об управлении всей экономической жизнью и о порядке выдачи денег из сберегательных касс. Присматриваясь к этому законодательству, ныне собранному в огромные томы и мало еще изученному, нельзя не заметить одной тенденции, которая тогда еще не получала полной и отчетливой формулы, но в то же время пронизывала собою все разнообразие отдельных законов, декретов, постановлений и распоряжений нового правительства. Это была мысль о хозяйственном плане, о плановом хозяйстве. Мысль о плане получила свое полное развитие позднее, в обстановке новой экономической политики, но родилась она вместе с Октябрем, так как плановое хозяйство есть прежде всего и больше всего социализм.

План был выдвинут если не идеологически, то практически в первый же год революции, когда правительству пришлось подчинять своему воздействию хозяйственную жизнь страны, находившуюся в то время в состоянии анархии. Организационная задача тогда была решена таким образом, что в центре, в руках правительства, были созданы главные управления, получившие название „главков" и „центров". В 1918 году таких главков было уже 19, а в отчете ВСНХ VIII с'езду Советов их насчитывается уже 59. План пошел дальше: он стремился охватить и всю стихию крестьянского хозяйства, установив для этой стихии прожиточный минимум, и сдачу в казну всего излишка против минимума хлебов.

В тогдашней обстановке оперативный план не оказался реальным, но две большие задачи он тем не менее выполнил: он помог новому правительству успешно провести гражданскую войну, так как предоставил в его распоряжение необходимые материальные ресурсы, а во-вторых, он помог отобрать кадры новых хозяйственников, отвечавших новой идеологии. План был школой хозяйствования и управления для рабочих и он же, при всех своих недостатках, создал возможность критической оценки условий планового хозяйства.

В. А. Базаров однажды так формулировал значение плана в тогдашних условиях: „Период так называемого „военного коммунизма" был эпохой идеологического и юридического торжества хозяйственного плана при его фактическом бессилии". Это требует пояснения.

Новая экономическая политика, как новый метод достижения задач Октябрьской революции, оставила незыблемыми те основные декреты, которые ярко окрашивают законодательство предшествующего периода и охраняют командные высоты революционной власти и нового строя. Новая экономическая политика взяла целиком от предшествующего периода и идею хозяйственного плана, создав для разработки его систему плановых органов во главе с Государственной Общеплановой Комиссией при Совете Труда и Обороны, которая явилась прямою продолжательницей общехозяйственного плана, выработанного в предшествующий период и известного под именем плана ГОЭЛРО. В качестве отправных и руководящих идей ГОЭЛРО нужно отметить идеи электрификации и районирования страны в целях и качественного и количественного под'ема энергетики страны. Следовательно, план ГОЭЛРО, составленный и провозглашенный в тяжкой обстановке военно-революционного периода ставил задачу настоящей реконструкции народного хозяйства, как будто бы забывая более близкую задачу восстановления хозяйства. Но на самом деле это, конечно, было не так. План ГОЭЛРО— перспективный народнохозяйственный план, рисующий те большие цели, к которым нужно вести народное хозяйство. Эти цели оставались неизменными и в период военного коммунизма и в период восстановления. Менялись только методы достижения целей в связи с конкретной обстановкой работы. Поэтому план ГОЭЛРО, при всех его несовершенствах, не страдал академичностью от того, что он был выработан в условиях блокады и гражданской войны. Не даром В. И. Ленин придавал этому плану такое большое хозяйственное значение. Преемник ГОЭЛРО, Госплан, в своей работе по планиро-

ванию никогда не упускал из виду идей ГОЭЛРО, и анализ экономической политики периода восстановления легко убедил бы, что перспективно поставленные планом ГОЭЛРО цели всегда оказывали фактическое влияние на текущую политику не только в отношении электрификации и районирования, но и в области сельского хозяйства, промышленности, транспорта и т. д. Если подыскать наиболее наглядную формулировку значения плана в эпоху военного коммунизма и в сменивший его период восстановления, то можно было бы сказать, что в первый период, по условиям конкретной обстановки, можно было говорить лишь о перспективном, о генеральном плане хозяйственного развития, а во второй период о попытках осуществления целей генерального плана путем уже оперативных планов, об'единяемых в годовые планы контрольных цифр для народного хозяйства. Так сказать, штабная организация народного хозяйства в период военного коммунизма, имевшая своей первой задачей утверждение революции, в последующий период стала заменяться организацией, целесообразной уже для достижения отвоеванных целей. Но идеологически оба периода тождественны, так как они являются носителями общей идеи социализма, т.-е. прежде всего планового хозяйства. В эпоху военного коммунизма практически бессильными оказались оперативные планы, так как тогда на первом месте все-таки были боевые, а не мирные задачи.

Мирные задачи заполнили собой период восстановления, который часто называют периодом новой экономической политики. Было бы ошибочным считать, что период восстановления стремился к простому достижению довоенного уровня производства. Задачи реконструкции народного хозяйства не отделимы от восстановительной работы, и уже в этот период впервые были сделаны наиболее успешные попытки осуществления идей генерального плана в оперативных планах. Но, разумеется, восстановительно-реконструктивная работа должна была привести народное хозяйство к довоенным цифрам производства, но уже в совершенно новой обстановке. Достаточно указать на то, что арифметическое совпадение производственных достижений периода восстановления с цифрами, напр., 1913 г., происходит при наличии в новых условиях восьмичасового рабочего дня и при почти полном отсутствии прилива иностранного капитала; таким образом, уже только в виду указанных обстоятельств качественно итоги производства восстановительного периода и 1913 г. при арифметическом их тождестве не сравнимы.

Сущность восстановительного процесса заключается в том, что во всех областях народного хозяйства происходит прежде всего восстановление основных капиталов, разрушавшихся в период империалистической и гражданской войны. Поэтому было бы ошибкой считать, что в течение восстановительного процесса происходит простое „осваивание“ довоенных капиталов. Остатки довоенных основных капиталов были базой, на которой развернулась

восстановительная работа, но эта работа сразу же потребовала новых вложений человеческого труда. Остатки довоенных основных капиталов, напр., в промышленности и на транспорте, прежде всего были в значительной мере разрушены, изношены и технически устарели. Но, главное, при перерывах производства и воспроизводства они хозяйственно были ничто и часто,—в первые годы новой экономической политики,—являлись для общества, ими владеющего, простой обузой, вызывая значительные расходы на их консервацию. Поэтому

восстановительный период прежде всего есть восстановление производства и воспроизводства, и только вложением новых и новых количеств труда была восстановлена хозяйственная ценность остатков основных капиталов, оставшихся в наследие от старого режима.

В нормальное время процесс восстановления является существенной чертой экономического процесса, так как функционирование производства органически связано с восстановлением ежегодно амортизируемых частей основных капиталов. Но так как основные капиталы, обыкновенно, получают не только восстановление амортизации, но и добавочные количества ценностей, то происходит дальнейшее развитие производства. Восстановление — самое нормальное явление нормальной хозяйственной жизни. Но восстановление в период новой экономической политики выходило за пределы всяких норм как по обстановке, так и по размеру тех усилий и жертв, которые оно потребо-

вало от трудового народа. На самом деле, нормальное восстановление было нарушено еще во время мировой войны, пожиравшей то, что нормально должно было бы пойти на восстановление основных капиталов. Еще тогда, при девизе „все железо на фронт" и при отрыве всех наиболее здоровых рабочих рук на тот же фронт, произошло страшное обеднение страны, лишившее ее не только железа, но и хлеба, и ситца, и мыла, и всего того, что было минимумом достаточно бедного существования широких народных масс. Страшное обеднение в силу прекращения нормального восстановления усилилось до трагических размеров разрушением основных капиталов во время военных действий. Сотни миллионов рублей овеществленного труда, обращенных в основные капиталы, были просто сожжены взорваны, расхищены.

Поэтому, когда при первом же наступлении мирных условий жизни пришлось заняться восстановлением, то задача восстановления оказалась поистине грандиозной. Восстановление — прежде всего — затрата труда текущего дня для завтрашнего. Поэтому вся восстановительная работа была, в сущности говоря, затратой труда народа, только что вышедшего из тяжелой войны. Об'ектом этого труда, прежде всего, были остатки основных капиталов. Трудно представить в цифрах соотношение ценности этих остатков и новых затрат, но не в этом соотношении суть дела. О грандиозности восстановительной работы можно судить по тому, как шел восстановительный процесс, напр., в промышленности. Начало этого процесса, т.-е первые попытки восстановить производство, протекало в таких условиях, которые приводили к дальнейшему разрушению основных капиталов, к проеданию этих капиталов. Это означало, что результаты восстанавливаемого производства были так еще скромны, что за их счет нечего было и думать о сколько-нибудь значительном покрытии не только запущенной, но и вновь прибавлявшейся амортизации. Страна была и голодной, и разутой, и раздетой. Простое изживание этого процесса растраты основных капиталов, даже замедление темпа этого неизбежного тогда явления уже следовало считать победой на хозяйственном фронте. Усилия развить производство приводили к тому, что с каждым новым хозяйственным годом капитальные вложения приближались к уровню ежегодной амортизации, это и было трудным, но верным шествием по пути восстановительного процесса. Концом восстановительного процесса было достижение такого положения вещей, при котором ежегодные капитальные вложения оказались равными годичной амортизации. Естественно,что этот результат наступал не сразу для всего народного хозяйства и даже не сразу для какой-либо крупной его отрасли, напр., для промышленности. Но в самой промышленности, как и в сельском хозяйстве, окончание восстановительного процесса наступало в различные сроки для отдельных видов промышленности, для отдельных отраслей сельского хозяйства и отдельных районов.

Таким образом, окончание восстановительного процесса знаменуется не достижением довоенного уровня производства, а достижением такого производства, которое свободно покрывает амортизацию. Капитальные вложения, превышающие годовую амортизацию, уже начинают новый период хозяйственного строительства — период расширенного воспроизводства.

Простое достижение уровня довоенного производства само по себе отнюдь не могло быть поводом для праздничных мыслей и настроений. Прежде всего, и при достижении этого уровня мы могли бы быть в беде, если бы нам не удалась задача правильного восстановления амортизируемых частей основного капитала. А ведь это могло случиться, если бы экономическая политика, считаясь с обеднением страны, подвергнувшись сильному искушению, взяла бы потребительский уклон. В суровой обстановке сильно обедневшего народа легко поддаться соблазну распустить вожжи текущего потребления в ущерб воспроизводству. С другой стороны, простой факт достижения уровня довоенного производства не мог бы быть праздником и потому, что цифры 1913 г. не были идеальными ни в какой мере. Торжество завершения восстановительного процесса имеет свой собственный и большой смысл в том, что оно знаменует достижение условий нормального производственного процесса, а это открывает дальнейшие возможности расширенного воспроизводства, которое уже легко направить по плану реконструкции всего народного хозяйства.

Восстановительный процесс охватил, конечно, не только одну область производства материальных ценностей в промышленности и сельском хозяйстве; атмосферой восстановления было насыщено все народное хозяйство и в самых разнообразных направлениях. Восстановление транспорта и торговли составляло такую же большую задачу, как и восстановление производства. Восстановление транспорта наиболее отстало от других сторон общего восстановительного процесса. Это об'ясняется, во-первых, тем, что железнодорожный транспорт, а также и водный, особенно жестоко пострадали во время войны и революции. Вызванные революцией гражданские войны, вспыхнувшие во многих частях обширной страны, велись, главным образом, как говорили, „на колесах" и происходили по линиям железных дорог и по водным артериям, что естественно приводило к необычайной изнашиваемости и часто к простому разрушению транспортного оборудования. Во-вторых, транспортное хозяйство имеет ту экономическую особенность, что в нем необычайно преобладает основной капитал, а это создает повышенные запросы на капитальные работы, которые были непосильны стране в первые годы восстановительного процесса. Транспортное хозяйство в СССР целиком входит в государственный бюджет, который в первые годы был сильно дефицитен и эта дефицитность в значительной мере была обусловлена дефицитом транспорта. Задача покры-

тия дефицита транспорта легла на плечи податных сил страны, а задача преодоления общего бюджетного дефицита приводила к необходимости ограничения темпа восстановления основного капитала транспорта. Из двух зол приходилось выбирать наименьшее и задержать восстановление транспорта. Такая задержка была результатом не только простой невозможности сделать сразу все и во всех местах, но, собственно говоря, и невозможностью дать транспорту не только миллионы рублей, но и нужные ему количества железа и других основных товаров. Предпосылкой полного восстановления транспорта должно было быть восстановление промышленности, в особенности же тяжелой индустрии.

Если в ряде отраслей народного хозяйства темп восстановления зависел от степени изношенности основного капитала и от удельного веса этого капитала в той или иной системе производства, то в других отраслях народнохозяйственной жизни и деятельности восстановительные процессы в своих темпах определялись, главным образом, сложностью организационных форм и трудностью организационных задач. Вообще же, как показал опыт восстановительного процесса, организационные достижения этого периода были наиболее быстры по своему темпу и наиболее успешны. В области, напр., торговли восстановление рыночных отношений совершалось особенно быстро. Не нужно забывать для оценки этого факта того обстоятельства, что новая экономическая политика начала свое действие в такой момент, когда натурализация народнохозяйственных отношений зашла весьма далеко и когда естественное орудие обмена — деньги — потеряли почти всякую ценность. О степени натурализации экономических отношений красноречиво свидетельствует тот интересный факт, что государственные бюджеты первых двух—трех лет новой экономической политики были насквозь пронизаны натуральными элементами. Достаточно указать на то, что основной налог того времени — продналог — был натуральным, что в качестве источников государственных доходов фигурировали трудовая и гужевая повинности и первые займы, равным образом, носили натуральный характер. Восстановление торговли при этих условиях было весьма сложным делом. Это сложное дело осложнялось еще и тем, что советская власть отнюдь не могла пойти на реставрацию частного торгового капитала, который, хотя и в разгромленном состоянии, но ринулся бы жадно на открытие и завоевание рынков, так как обстановка товарного голода обещала ему необычайные барыши. Частный торговый капитал, действительно, было ринулся в дело и проявил себя в таких отталкивающих формах, которые приводили в смущение и негодование даже тех, кто еще жил во власти старой, низвергнутой революцией идеологии. Но государственная власть быстро поставила препоны этому нашествию „чумазого“ и выдвинула против него государственную и кооперативную торговлю. Государственную торговлю приходилось создавать заново, а кооперацию нужно было восстанавливать, переводя ее с рельс мелкомещанской, лавочнической идеологии на путь пособницы нового социального строительства. Таким образом, в области внутренней торговли восстановительный процесс сразу же был органически связан с реконструкцией ее на совершенно новых началах. При всей трудности построения торговли на новых началах, при всех ошибках и недочетах, в борьбе с изворотливым и более опытным частным торгашем государству удалось с большим успехом наладить самые ответственные участки торгового фронта, а среди них на первом месте государственную хлебную торговлю. Еще большим достижением на этом фронте была организация внешней торговли, где уже совершенно не могло быть и речи о восстановлении довоенных форм и организаций. Монополия внешней торговли, прокламированная еще в период военного коммунизма, в первый период превратилась в оригинальное, единственное в мире хозяйственное предприятие, через которое Советский Союз общается с внешним миром в сфере хозяйственных отношений. В силу этого хозяйственное предприятие, руководимое особым комиссариатом и имеющее многочисленную сеть внутренних и внешних торговых органов, приобрело выдающееся политическое значение.

Выше было сказано, что восстановительный процесс особенно быстро протекал там, где дело зависело, главным образом, от организационного начала. Разумеется, организационное начало для успешного своего претворения в действительность, нуждалось в соответствующей народнохозяйственной среде и благоприятствующих условиях. В качестве примера наиболее успешного восстановления можно указать на достижения государственной власти в области денежного обращения. В этой ответственной сфере народнохозяйственной жизни разруха доходила до максимальных размеров, к тому же военный коммунизм взял весьма определенный курс на изживание денег. К моменту восстановления рынка, хозрасчетных отношений и финансово-кредитной системы денежное обращение находилось в весьма плачевном состоянии. Такое состояние денежной системы сразу почувствовалось, как одно из самых тяжких условий общего восстановительного процесса, как самая трудная помеха на путях нового хозяйственного строительства. Но первые же шаги этого строительства потребовали значительных денежных ресурсов, которых еще не могла дать находившаяся в процессе зарождения финансовая система. Поэтому, под давлением тяжелой необходимости, первые годы новой экономической политики в значительных количествах финансируются за счет дальнейшей порчи и без того в конец расшатанной денежной системы. Получался заколдованный круг, который, без сомнения, если не угрожал срывом делу общего восстановления, то, во всяком случае, обрекал на замедление его темпа. Задачей момента было устранение этого важного препятствия. Эта задача была поставлена и решена с изумительной быстро-

той. Если началом новой экономической политики считать середину 1921 года, то к весне 1924 года, т.-е. через три года, страна уже получила оздоровленные деньги, а вместе с ними возможность более быстрого хозяйственного развития. Нельзя, конечно, думать, что заколдованный круг, созданный испорченными в конец деньгами и худосочием государственных финансов, был прорван только одними организационными мероприятиями. Этот круг был прорван поступательным движением народнохозяйственных сил, создававшим и острую потребность в здоровых деньгах и место им в общей экономике страны. Но нельзя отрицать и того, что денежная реформа, начавшаяся созданием червонца и закончившаяся введением казначейской валюты и металлических денег, была по своему существу таким актом восстановительного процесса, в котором организационное начало играло доминирующую роль.

Денежная реформа, восстановившая в стране твердые деньги, сама, в свою очередь, опиралась на целый ряд таких организационных мероприятий, которые в общем результате создали, во-первых, кредитную систему, а во-вторых, систему государственного, а потом и местного бюджета. И если процесс восстановления денег удивляет своей быстротой, то поразительна и скорость восстановления кредитной и бюджетной организации. Все эти три больших дела — восстановление денег, кредита и бюджета — фактически были между собою связаны самым теснейшим образом; успех одного начинания обеспечивал успех другого и в то же время зависел от успешности связанного с ним третьего дела. Нет нужды говорить о том, что к началу новой экономической политики и кредитная система и бюджетная организация фактически совершенно отсутствовали. То и другое отрицалось и было, действительно, ненужным в период военного коммунизма. Бюджет, как первая организация финансовых сил, и кредитная система, как вторая,— параллельная,— организация тех же финансовых сил, послужили главными опорными пунктами для всего восстановительного процесса. Те народнохозяйственные ресурсы, которые были первыми брошены на борьбу за восстановление народного хозяйства, были собраны и организованы через бюджет и кредитную систему. Кредитная система стала на твердую почву вместе с появлением червонца, который сразу стал символом наступающего хозяйственного оздоровления. Червонная эмиссия, построенная на нормальном принципе банкнотного обращения, внесла оздоровляющую струю в хозяйственный оборот, в обращение тех хозяйственных ценностей, которые появлялись на рынке от воскресавших сельского хозяйства и промышленности. Успех кредитной системы в значительной мере зависел и от того, что ее организация могла воспользоваться, как великолепным инструментом, классическими и испытанными формами кредитной системы. И центральный эмиссионный банк и другие специальные банки были построены по готовым образцам, что в значительной мере ускоряло организационную

работу. То же самое следует сказать и о бюджете, окончательное конструирование которого по типу и образцу, вырабатывавшемуся в течение столетия в различных странах, было, собственно говоря, закончено к 1922/23 хоз. году. Опыт восстановления государственного бюджета особенно интересен в том отношении, что он наиболее наглядно показывает сравнительную легкость восстановления и налаживания чисто организационных форм и большие трудности, связанные с восстановлением производства материальных ценностей. Государственный бюджет в доходной своей части состоит из двух частей — из доходов от податных источников и из поступлений от неподатных источников, т.-е. от государственных имуществ, предприятий и капиталов. Если сам бюджет представляется, как форма организации финансовых ресурсов страны, то налоги в особенности выставляют на вид свою организационную природу, являясь формой обращения государственного хозяйства к народнохозяйственному доходу. Поэтому неудивительно, что податная часть бюджета была восстановлена чрезвычайно быстро. На эту работу ушло каких-либо два года. Совершенно иначе обстояло дело в области неподатных доходов, где дело касалось налаживания производства хозяйственных ценностей и извлечения из этого производства доходов для пополнения бюджета. Восстановительная работа в области неподатных доходов затянулась на более долгий срок и теперь ее можно считать выполненной только вчерне. Неподатные источники потребуют еще длительных усилий и ряда лет для приведения их в должный порядок. Между тем, в области податных источников к 1926/27 г. была проведена вторая большая работа по пересмотру налоговой системы, по ее рационализации, так как естественно, что в первые годы эта система была сколочена лишь наспех и вчерне.

Когда мы говорили о ресурсах восстановительного процесса, то подчеркнули ту основную мысль, что осваивание наличных основных капиталов означало, прежде всего и больше всего, вложение огромных количеств нового человеческого труда, возвратившего этим капиталам хозяйственную ценность. Это вложение практически принимало разнообразные формы в зависимости от того, через какую организацию оно проходило. Теперь следует сказать, что первый этап восстановительного процесса получал свои ресурсы, по крайней мере в области промышленности и торговли, через бюджет и кредитную систему, собиравшие необходимые живительные соки со всего народного хозяйства. Тогда, в этот начальный период, внутрипромышленное накопление было еще в зачаточной стадии и поэтому имело минимальные размеры. Прибыль промышленных предприятий и амортизационные отчисления, в качестве значительного источника восстановительных ресурсов, выступают на сцену гораздо позднее, что вполне понятно, так как их появление в ощутительных количествах уже само по себе было следствием и доказательством значительной налаженности нормального процесса производ-

ства и воспроизводства. Дрожжами восстановительного процесса были те средства, которые были собраны в начале периода бюджетной и кредитной системой. Бюджет черпал свои ресурсы, главным образом, при помощи своих податных источников, а кредитная система использовала эмиссионный источник, опиравшийся на быстрое развитие и рост народнохозяйственной потребности в денежных знаках. Когда к концу восстановительного периода подоспели достаточно обильные другие источники ресурсов, в форме промышленных прибылей и амортизационных отчислений, достигавших размеров, необходимых для нормального производственного процесса, то бюджетные ассигнования по финансированию народного хозяйства начали играть роль другого порядка: при их помощи промышленность получала возможность ввести расширенное производство и приступить к реконструкции. В это время кредитная система в значительной мере уже использовала те эмиссионные возможности, которые были созданы удовлетворением потребности страны в денежных знаках, и поэтому она должна была перейти к своей прямой задаче — к организации оборотных средств народного хозяйства, т.-е. отступая на задний план в качестве источника восстановительных ресурсов, и тем более — источника для расширения производства. Последний раз кредитная система выступила наиболее ярко в этой своей исторической роли в операции с займом хозяйственного восстановления, проведенной в 1925/26 г. Задача интенсификации производства и его капитального переоборудования почти целиком с этого времени легла на плечи окрепшего и быстрорастущего государственного бюджета.

Восстановительный процесс в области сельского хозяйства должен был иметь свои интересные особенности. В то время как промышленность, торговля, транспорт и кредит восстанавливались после революции на совершенно новых основаниях и в подавляющих своих частях вошли в орбиту государственного хозяйства, составив то, что теперь принято называть государственным сектором народного хозяйства, сельское хозяйство было и осталось стихией мелкого крестьянского хозяйства. Революция уничтожила в этом крестьянском море лишь островки помещичьих экономий и верхушку кулацких хозяйств. Если в отношении других важных областей народного хозяйства в руках государственной власти были рычаги прямого воздействия, а также способы и средства непосредственного влияния, то в отношении сельского хозяйства дело обстояло гораздо сложнее. Таких прямых путей к сельскому хозяйству, какие были в отношении промышленности, у государственной власти не было. Эти пути, в виде, напр., системы сельскохозяйственного кредита, должны были еще прокладываться впоследствии, когда сельское хозяйство оказалось в значительной мере уже восстановленным. Но не только плохо обстояло дело с прямыми путями воздействия. Сельское хозяйство к началу новой экономической политики оказалось одетым в достаточно толстую броню натурализма хозяйственных отношений. Оно, под влиянием и военных невзгод, и мероприятий в области продовольственной политики, продиктованных в период военного коммунизма совокупностью об'ективных условий того тяжелого по своей обстановке периода, быстро и энергично попятилось назад к веку лучины, деревенской замкнутости и хозяйственной автаркии, продиктованной прежде всего физиологическими заботами о сохранении жизни.

Этот натурализм, связанный с необычайным сжатием потребностей, ранее удовлетворявшихся рыночными товарами, создавал весьма опасную для общего экономического процесса стену между городом и деревней. Лишь только окончилась гражданская война, сразу ясно была осознана потребность разбить эту стену и рассеять навеянный на сельское хозяйство густой туман натурализма. Решениями X с'езда РКП был создан правильный подход к этой большой задаче. Этими решениями, заменившими продразверстку продналогом и разрешившими местный оборот с продуктами сельского хозяйства, основной продукт народного хозяйства — хлеб — был снова превращен в товар, а вместе с тем было предрешено восстановление рынка. Осуществление этих решений скоро нашло весьма благоприятную почву, так как урожай 1922 г. был настолько удачным, что сразу создал в сельском хозяйстве рыночные излишки.

Таким образом, переменой курса продовольственной и торговой политики была подготовлена почва для вовлечения крестьянских хозяйств в сферу рыночного оборота, что и послужило могущественным толчком не только к разрушению натуральной брони, одевавшей сельское хозяйство, но и к быстрому его восстановлению. Крестьянство ответило на новый курс быстрым увеличением посевной площади.

Восстановление сельского хозяйства пошло гораздо быстрее, нежели в других существенных отраслях народного хозяйства, что имело под собою свои причины и что весьма скоро вызвало определенные последствия. Интересно отметить, что история всегда отмечает факт более быстрого восстановления сельского хозяйства, по сравнению с другими областями народного хозяйства, после пережитых страною катастроф. Сельское хозяйство быстро восстановилось без каких-либо сторонних вложений капитала, как бы по мановению таинственной силы, той силы, которую в былые времена называли „vis medicatrix naturae“ и удивлялись ей и ее чудесному действию. Если бы у сельского хозяйства не было этой способности к быстрому самозалечиванию полученных во время политических и экономических катастроф ран, то экономическое развитие многих стран, экономика которых существенно зависит от сельского хозяйства, было бы в прошлом или более медленным, или даже совершенно невозможным. Стоит только вспомнить Россию прошлого

с ее периодически повторявшимися неурожаями, вызывавшими голод, мор, разорение огромных районов и обнищание народных масс. Один—два хороших урожая, и жизнь снова входила в колею, при чем ранее правительственная и общественная помощь во время голодовок ограничивалась — самое большее — задачей предотвращения голодных смертей и обеспечения посевным материалом.

Были особые причины более быстрого восстановления сельского хозяйства в период новой экономической политики. Одной из основных причин следует признать то обстоятельство, что сельское хозяйство вышло из эпохи империалистической и гражданской войн менее разрушенным, нежели, напр., транспорт и промышленность. Сельское хозяйство, в особенности того еще примитивного типа, в котором оно встретило военные и революционные грозы и бури, вообще представляется слабее поддающимся неблагоприятным влияниям катастроф, нежели те области народного хозяйства, которые отличаются более тонкой и сложной организацией и высоким строением своих основных капиталов. И географически сельское хозяйство раскинуто так широко, что преобладающая масса составляющих его хозяйств фактически осталась свободной от прямых разрушительных действий.

С другой стороны, главной бедой сельского хозяйства во время пережитых войн было необычайно сильное отвлечение от него рабочих рук и лошадей. Это обстоятельство, главным образом, и создавало на месте пашен пустыри. Демобилизация после войны вновь наполнила сельское хозяйство рабочей силой и вернула ему часть конского стада. Возвращение рабочих рук в деревню, при страшно сокращенном размере посевных площадей, дало сельскому хозяйству избыточное количество рабочей силы, которое по необходимости с жаром бросилось на работу, доводя нагрузку работы лошади до максимальных пределов. Грозное memento mori, брошенное деревне голодом 1921 г., пришпоривало энергию пахаря, хозяйственные мысли и мечты которого невольно, после тяжелых уроков вчерашнего дня, были направлены к созданию некоторых продовольственных запасов, как необходимого условия благополучного баланса деревенского бытия. Эта мысль о натуральных резервах окрасила своим содержанием целые годы новой экономической политики и была весьма заметным фактором как восстановления сельского хозяйства, так и развития хлебного рынка. С точки зрения интересов дня эти резервы быть может и тормозили несколько общий ход восстановительного процесса народного хозяйства, но по существу они придавали всему ходу экономической жизни значительную устойчивость и прочность.

Кроме продовольственной нужды и мечты о продовольственных резервах, крестьянское хозяйство имело и дополнительный мотив к более энергичному восстановлению своих производительных сил. Продналог, с одной стороны, а с другой — острая необходимость воспользоваться оживавшим рынком промышленных изделий,

возбуждали крестьянскую энергию и делали свое дело. Восстановление рынка шло так быстро, что уже в 1923 г. натуральный продналог оказалось возможным перевести в смешанную форму натурально-денежной подати, а вскоре после этого окончательно превратить его в денежный налог. Развитие акцизных доходов, равным образом, свидетельствовало о том, что деревня начала восстанавливать свое потребление покупных предметов, заменяя лучину керосином, а домотканину — фабричным текстилем. Все это говорило о том, что с наступлением долгожданных мирных дней в сельском хозяйстве забурлила новая жизнь, получавшая со всех сторон импульсы и толчки к усилению своего темпа и трудового ритма.

Наконец, для об'яснения процесса восстановления или даже, лучше сказать, самовосстановления сельского хозяйства, необходимо принять во внимание еще одно соображение.

Восстановление сельского хозяйства, т.-е. восстановление почти исключительно крестьянских хозяйств, означало восстановление сельскохозяйственного примитива довоенного типа. Что восстанавливалось в сельском хозяйстве? Единоличное мелкое, крайне экстенсивное хозяйство, с ничтожной рентабельностью, малопродуктивное, со слабой товарностью, истощающее ту землю, на которой это хозяйство велось испокон веков. Качественная сторона сельскохозяйственного восстановления была весьма низка. Качественно возрождавшееся сельское хозяйство было даже ниже довоенного типа, так как оно сделало ударение на зерновом хозяйстве, временно оставляя в стороне заботы о технических сельскохозяйственных культурах, т.-е. о наиболее товарных частях своей продукции. Естественно, что такое восстановление было неизмеримо легче, нежели восстановление в других областях народнохозяйственной жизни. Сила восстановления сельского хозяйства была не в качестве, а в количестве, так как восстанавливавшиеся крестьянские хозяйства двумя десятками миллионов мелкой сеткой покрывали всю географическую площадь возрождавшейся страны.

Эта сила количества, массы, проявилась столь ярко и интенсивно, что она весьма скоро опередила все расчеты и планы и уже в 1923 году поставила огромной важности вопрос о диспропорции в развитии и течении восстановительного процесса всего народного хозяйства.

Процесс восстановления в сельском хозяйстве сразу и быстро привел к резкому снижению хлебных цен. Этот же самый процесс в области промышленности, наоборот, требовал высоких промышленных цен, так как только при энергичном внутрипромышленном накоплении возможно было наладить нормальное восстановление промышленного производства и догнать запущенную амортизацию основных капиталов промышленности. И процесс восстановления промышленности и достижение пониженного уровня цен на промышленные изделия требовали несравненно более продолжительного

времени, чем в сельском хозяйстве. С другой стороны, дешевизна и необычайная быстрота восстановления сельского хозяйства означали, как было сказано выше, что сельское хозяйство пошло по линии наименьшего сопротивления.

До войны сельское хозяйство очень сильно страдало от низких хлебных цен, тем более, что если экспорт и поднимал торговые цены на сельскохозяйственные продукты, то местные цены, получавшиеся самим производителем, повышались под давлением экспорта в ничтожной степени. Находясь в трясине низких хлебных цен, сельское хозяйство искало новых выходов, и одним из таких выходов было развитие сельскохозяйственных культур, способных давать производителям и более высокие цены и более высокий доход. Сельское хозяйство пыталось ослабить вредные стороны односторонней зерновой культуры путем развития винокуренной, пивоваренной промышленности, мясного хозяйства и т. д., но главное — путем ответа на такие запросы внешнего и отчасти внутреннего рынка, которые были для него многообещающими в смысле рентабельности, напр., запросы рынка на масло, бэкон и т. д. Развитие этих отраслей было не только связано с запросами внешнего рынка, но и было организовано в значительной мере иностранными капиталами и даже иностранными людьми.

Сельское хозяйство послевоенной эпохи не могло сразу и быстро воспользоваться такими выходами, которые были ему доступны в последнее время перед войною. В первое время заграничный сбыт отсутствовал и для зерна и для других более ценных продуктов сельского хозяйства. В то же время винокуренная промышленность почти целиком замерла, пивоваренная находилась в стадии первоначального развития, а для восстановления маслодельческого хозяйства требовалось восстановить основной капитал скотоводства. Конструкция продналога в его первоначальной фазе не поощряла интенсивных культур. Государственный спрос на продукты сельского хозяйства покрывался продналоговым сбором. Одним словом, сельское хозяйство, пошедшее в своем восстановлении по зерновой линии, чрезвычайно быстро пришло к дешевым хлебным ценам; промышленность, защищенная от иностранной конкуренции и монополией внешней торговли и недостатком покупательских сил, в отношении внешнего рынка решала свою задачу восстановления при помощи высоких цен. Создавшееся положение вещей приводило к разрыву цен на промышленные и сельскохозяйственные товары, к так называемым „ножницам“ товарных индексов. Практически это привело к кризису сбыта промышленных товаров и поставило как общий вопрос о диспропорции развития народного хозяйства, так и частный вопрос о преодолении кризиса сбыта пересмотром промышленных цен, снижением накладных расходов торговли и т. д.

Общий вопрос о диспропорции лишний раз подчеркнул необходимость хозяйственного плана и показал, что методы планирования

и в особенности плановая практика еще очень далеки от совершенства. Весной 1925 г. „ножницы“ ликвидируются вследствие понижения промышленных цен и под'ема сельскохозяйственных, что обнаружило значительное оздоровление народного хозяйства. Это оздоровление было ускорено, во-первых, проведением денежной реформы, создавшей базу для нормального процесса ценообразования, во-вторых, открытием сношений с мировым рынком, куда могли уходить излишки товарной части сельскохозяйственной продукции и откуда в обмен на экспорт могло притекать промышленное оборудование, ускорявшее процесс восстановления промышленности, и, в-третьих, и это самое главное — ростом внутренней промышленной продукции, восстанавливавшей необходимое равновесие между двумя основными силами общего народнохозяйственного процесса производства.

Диспропорция уступила свое место гармонизирующей тенденции, оставляя до будущего времени изживание эмпирического закона развития аграрно-индустриальных стран: дешевый хлеб и более дорогие индустриальные товары. Этот закон развития не есть порок развития. Порок был в необычайном растворе „ножниц“, как результате неодинаковых темпов различных сторон и областей общего восстановительного процесса. К моменту завершения этого процесса порок был устранен, и периоду реконструкции была поставлена грандиозная задача изменения закона развития. Так как изменение этого закона может быть достигнуто лишь изменением типа развития, переходом страны из разряда аграрно-индустриальных в высший класс индустриальных, более приспособленных к гармоническому развитию хозяйства, а тем более на основе социализма, то экономическая политика Союза ССР выдвинула постулат об индустриализации страны. Этот общий постулат в качестве своего логически необходимого спутника имеет требование индустриализации и сельского хозяйства.

Особые условия существования и роста народного хозяйства Союза в капиталистическом и потому принципиально враждебном Союзу и олицетворяемой им идеи окружении заставили задачу индустриализации осложнить особой задачей. Эта особая задача особенно ярко была формулирована XIV с'ездом ВКП: „Обеспечить за СССР экономическую самостоятельность, оберегающую СССР от превращения его в придаток капиталистического мирового хозяйства“. Самостоятельность развития обширной страны должна, по формулировке упомянутого с'езда, обеспечиваться по трем направлениям: необходимо „держать курс на индустриализацию страны, на развитие производства средств производства и образование резервов для экономического маневрирования“. Этот курс должен „во главу угла поставить задачу всемерного обеспечения победы социалистических хозяйственных форм над частным капиталом, укрепление монополии внешней торговли, рост социалистической госпромышленности и во-

влечение под ее руководством и при помощи кооперации все большей массы крестьянских хозяйств в русло социалистического строительства".

Естественно, что достижение поставленных задач требует радикальной реконструкции народного хозяйства, изменения его основ и оборудования и ставит восстановленному народному хозяйству цель, более грандиозную нежели само восстановление. Восстановление народного хозяйства переходит в его реконструкцию, которая, как было показано выше, своим началом переплелась не только с концом восстановительного процесса, но порою с самым началом его, создавая сложную и весьма богатую как внутренним, так и внешним содержанием картину экономического развития и роста великой страны. На пространстве восстановительного процесса получили значительное развитие социалистические элементы народного хозяйства, и первые годы прожитого периода, годы нэпа, мало похожи на последние годы, когда преобразование народного хозяйства на новых началах дало уже закрепленные результаты, что и создало незаметный переход от восстановления к реконструкции.

В заключение следует сказать еще о той силе воодушевления и настоящего пафоса, которая двигала трудовыми массами на протяжении восстановительного периода в трудном деле возрождения и обновления государства и народного хозяйства. Этот пафос, это воодушевление и то „неслыханное самопожертвование", о котором говорил В. И. Ленин в своем отчетном докладе IX партийному с'езду, дополняли ресурсы восстановления там, где они были недостаточны и претворяли героику и будни восстановления в чудо, способное поразить и вызвать восхищение у всякого об'ективного наблюдателя даже из стана врагов.

Теперь, когда восстановленная жизнь пошла, как говорит русский народ, чередом, теперь от восстановительного процесса, кроме опыта и дорогих во всех отношениях уроков, осталась для дальнейшей работы и железная сила инерции поступательного движения, которая также полезна и необходима, как маховое колесо в сложной и большой фабричной машине.

С. Г. Струмилин

Наши перспективы на 1927/28—1931/32 гг.

К десятой годовщине Октябрьской революции мы подвели довольно внушительные итоги хозяйственных достижений за первое десятилетие советской власти. Но не меньший интерес представляют для нас те хозяйственные перспективы, с которыми мы вступаем во второе десятилетие.

В порядке своей текущей работы Госплан СССР подготовляет пятилетний план развертывания народного хозяйства Союза на 1927/28 — 1931/32 гг. Работа эта еще не закончена. Но уже в той первоначальной наметке, которая недавно была доложена в Президиуме Госплана, и с некоторыми поправками одобрена им в качестве основы для дальнейшей проработки плана, с достаточной определенностью выявлены все основные его линии.[1] В указанной наметке был, однако, один существенный пробел. В ней не были еще учтены намеченный октябрьским манифестом переход к семичасовому рабочему дню и связанное с этим увеличение числа смен в промышленности. В настоящее время и этот пробел восполнен. И, пользуясь нашими докладами в Госплане, мы можем здесь вкратце воспроизвести этот переработанный вариант пятилетней ориентировки Госплана с учетом семичасового дня и повышенной сменности.

Считая, что уже в этой предварительной стадии нашей работы было бы чрезвычайно важно подвергнуть широкой дискуссии основные линии намечаемого перспективного плана, мы предполагаем на страницах „Планового Хозяйства" дать целый ряд специальных статей по всем важнейшим разделам плана, отнюдь не дожидаясь завершения всей работы. В настоящем номере мы вынуждены, однако, ограничиться лишь вводным очерком и наиболее общей цифровой сводкой итогов проделанной доныне коллективной работы.[2]

Вариант 1926/27—1930/31 гг.

Госплановский вариант пятилетки на 1926/27 — 1930/31 гг. подвергся уже в известной мере практической проверке в действии. Его первый год действия (1926/27 год) уже истек. Его второй год подвергся тщательной проверке и исправлению в порядке построения контрольных цифр на 1927/28 год. А если к этому прибавить еще и 1925/26 г., который в момент составления пятилетки

[1] См. „Перспективную ориентировку на 1927/28 — 1931/32 гг.", изд. Госплана СССР. М. 1927 г.

[2] См. ниже „Сводную таблицу показателей", стр. 269.

не был еще освещен отчетными данными и проектировался в предположительных плановых цифрах, то мы получим возможность за целые три года сопоставить предположения пятилетки с фактическим их выполнением или с уточненными цифрами утвержденного годового плана. По центральному для нашей пятилетки вопросу о накоплении (амортизация плюс прибыль) и капитальных затратах в государственной промышленности это сопоставление дает следующие результаты (в млн. черв. руб.):

Годы	Накопление		Капит. затраты [1]	
	Пятилетка	Уточн. цифры	Пятилетка	Уточн. цифры
1925/26	889	928	781	792
1926/27	1.023	1.079	918	982
1927/28	1.113	1.211	1.142	1.158

Как видим, рассматриваемый вариант пятилетки достаточно реалистически оценивал наличные в стране возможности и притом скорее с известным запасом осторожности, чем с излишним оптимизмом. Правда, по некоторым отраслям хозяйства, например, по транспорту, обнаружились просчеты и в сторону оптимизма, но в общем по всему народному хозяйству в целом мы растем все же даже несколько быстрее, чем это запроектировано по варианту пятилетки на 1926/27—1930/31 гг.

Темпы развития на 1927/28—1931/32 гг.

В порядке пересмотра этого, ныне уже устаревшего варианта, Госплан СССР проделал за последние месяцы уже довольно большую работу по построению пятилетнего плана на 1927/28—1931/32 гг. Вследствие некоторого отставания в соответствующей проработке хозяйственных перспектив за те же годы со стороны республиканских и ведомственных плановых органов указанная работа еще не закончена. Но во всяком случае она уже настолько продвинулась, что общая перспективная ориентировка на 1927/28—1931/32 гг. для получения соответствующих директив в отношении дальнейшей работы может и должна быть доложена правительству и очередному съезду партии.

Общие темпы развертывания продукции народного хозяйства СССР выражаются следующими цифрами (см. табл. 1).

В отправном варианте темпы прироста продукции за 1927/28—1931/32 гг. по некоторым отраслям хозяйства несколько ниже темпов наших предположений на 1926/27—1930/31 гг. Но это вполне естественный результат выпадения из новой пятилетки 1926/27 г. с большими темпами роста за счет остатков восстановительного периода. За все последующие годы намеченные темпы прироста продукции в новом варианте выше прежних.

Какое значение имеет в этом отношении передвижка годов и переход от восстановительного периода к реконструкционному лучше всего видно из следующего факта.

[1] Включая мукомолье и хлопкоочистительные заводы, но без синдикатов и трестов. С учетом синдикатов вложения 1926/27 г. оцениваются ВСНХ в 1001 млн. рублей.

Валовая продукция и товарооборот СССР
(В млн. руб.)

Таблица 1

Отрасли народного хозяйства	1913 г.		1926/27 г.			1931/32 г.				
	По империи	По СССР	В черв. валюте данного года	По ценам 1913 г.		В черв. валюте данного года		По ценам 1913 г.		
				Абс.	В %%% к гр. 3	Абс.	В %%% к гр. 4	Абс.	В %%% к гр. 3	В %%% к гр. 5
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
I. Сельское хозяйство										
1. Земледелие и животноводство[1]	11.770	10.225	15.720	10.821	106	19.386	123	13.183	129	122
2. Лесное хозяйство	974	812	1.651	977	120	2.027	123	1.320	163	135
3. Рыболовство и охота	259	244	368	218	89	478	130	283	116	130
Итого	13.003	11.281	17.739	12.016	107	21.891	123	14.786	131	123
II. Промышленность										
1. Фабрично-заводская	7.690	6.354	11.246	6.685	105	16.970	151	12 260	193	184
2. Кустарно-ремесленная	1.695	1.395	2.038	1.209	87	2.475	121	1 645	118	136
Итого	9.385	7.749	13.284	7.894	102	19.445	146	13.905	179	176
3. Акциз	816	691	1.137	676	98	1.716	151	1.227	178	182
Итого с акцизом	10.201	8.440	14.421	8.570	101	21.161	147	15 132	179	177
III. Строительство										
1. Новые постр. и капит. ремонт	958	787	1.898	724	92	3.691	195	2.012	256	278
2. Сельское строительство	591	487	1.160	580	119	1.215	105	715	147	123
Итого	1.549	1.274	3.058	1.304	102	4.906	160	2.727	214	209
IV. Транспорт (выручка)										
1. Железнодорожный[2]	1.186	970	1.524	1.159	120	2.317	152	1.588	164	137
2. Речной	154	144	142	114	79	240	169	183	127	161
3. Морской	116	95	54	37	39	102	189	70	74	189
4. Гужевой	377	329	210	259	79	317	151	308	94	119
Итого	1.833	1.538	1.930	1.569	102	2.976	154	2.149	140	137
V. Связь (выручка)	121	105	168	159	151	220	131	206	196	130
VI. Торговый оборот	11.775	9.703	28.775	14.839	153	42.847	149	26.180	270	176
Всего	38.482	32.341	66.091	38 457	119	94.001	142	61.180	189	159

[1] 1913 и 1931/32 гг. приняты в условиях среднего урожая, за 1926/27 г. учтен фактический урожай, при среднем урожае мы имели бы в 1926/27 г. 14.818 млн. руб. черв. и 10.205 млн. руб. довоенных.

[2] Валовой доход, включая „Цутранпрос" и безденежные доходы.

Первая пятилетка ВСНХ, так называемый вариант ОСВОКа, проектировала за 1925/26—1929/30 гг. увеличение товарной продукции на 109% по физическому ее об'ему. И в свое время это казалось многим весьма широким плановым размахом. А теперь, судя по опыту истекших двух лет из этой пятилетки, замысел ОСВОКа можно признать образчиком умеренности и пессимизма. ОСВОК предполагал за эти два года вложить только в планируемую промышленность ВСНХ 2.484 млн. руб. на капитальные затраты и этой ценою повысить ее продукцию на 61%, а на самом деле капитальные затраты по всей госпромышленности составили за эти годы всего 1.774 млн. руб., и все же продукция ее возросла не на 61, а на целых 70%. Конечно, теперь, с завершением восстановительного периода, мы не можем проектировать таких темпов. Наша пятилетка начинается с 1927/28 г., а не с 1925/26 г. Тем не менее, мы рассчитываем, что прирост продукции к 1931/32 г. за пятилетие составит по всей цензовой госпромышленности не менее 87%, в том числе по планируемой ВСНХ — не ниже 92%. По оптимальному варианту этот последний процент повышается даже до 108.

В 1926/27 г. мы почти по всем отраслям хозяйства перешагнули через рубеж 1913 года. Но особенно сильно выросла цифра посреднического оборота. Возможно, что в известной мере это об'ясняется неполнотой учета довоенных оборотов, частью ускользавших от обложения. Но основной причиной этого роста, несомненно, является колоссальное увеличение товарности нашего хозяйства за последние годы и развитие синдикатской организации сбыта.

Наши мощнорастущие синдикаты представляют собою лишнее против довоенного времени звено в торговой цепи. Было бы ошибкой, однако, думать, что это лишнее звено увеличивает собою общие издержки обращения в стране. Концентрируя в своем централизованном аппарате все те торговые расходы, которые при отсутствии синдикатов неизбежно несли бы отдельные тресты и предприятия, синдикатская система, несомненно, понижает общую сумму издержек обращения. Но синдикаты дают нам возможность более полного учета этих издержек, ранее скрывавшихся значительной своей частью в накладных расходах производства. Благодаря синдикатам мы получаем возможность точнее отграничить чисто производственные функции трестов от всяких забот по реализации готовых изделий, закупки сырья и материалов и тому подобных перераспределительных функций, передаваемых синдикатам. Эта специализация функций повышает рациональность всего народнохозяйственного аппарата. Но она в то же время обнаруживает, что роль функций обращения в нашем народном хозяйстве еще больше, чем это можно было предполагать по данным недоразвитой и недостаточно расчлененной довоенной организации производства и распределения.

Наибольший темп прироста за предстоящее пятилетие намечается по всякого рода индустриальному строительству в связи с запроектированным планом реконструкции наших капитальных фондов в промышленности и транспорте Затем, на втором месте идет промышленность и торговля, на третьем — транспорт и связь и только на последнем месте сельское хозяйство и сельское строительство. Но и этот наиболее скромный темп развития раза в два обгоняет прирост населения и значительно превосходит все ранее известные нам темпы развития сельскохозяйственной продукции в капиталистических странах.

Народный доход. Возрастание народного дохода, насколько о нем можно судить по данным о продукции, выражается в следующих, примерно, показателях (см. табл. 2).

Как видим, мы достигли уже из расчета на душу довоенной нормы народного дохода, а за пять лет превысим эту норму реально еще минимум на 34%. По оптимальному варианту этот прирост будет еще выше.

Оптимальный вариант. По оптимальному варианту и продукция и народный доход запроектированы на 1931/32 г. в следующих размерах (см. табл. 3).

В среднем по всем отраслям народного хозяйства оптимальный вариант по народному доходу превышает отправной процентов на 6. Гораздо значительнее его напряжение в области строительства (на 19%), предполагающее увеличение капитальных затрат за пятилетие на 3.7 миллиарда выше итога этих затрат по отправному варианту. Довольно значительно расхождение этих вариантов и в области фабрично-заводской продукции. Если брать в учет только планируемую ВСНХ промышленность, для которой по оптимальному варианту намечен прирост продукции на 108% за пятилетие, то это расхождение достигает 14% Но с учетом всей остальной государственной, кооперативной и частной промышленности прирост ее продукции (в неизменных ценах) по отправному варианту намечается на 84%, а по оптимальному на 99%, и разница между двумя вариантами снижается до 9%. Но в громадных масштабах всего народного хозяйства даже 6 лишних процентов народного дохода измеряются целыми миллиардами. И нам не придется жалеть усилий, чтобы приблизить действительность в процессе выполнения наших предположений возможно ближе именно к оптимальному варианту.

На долю сельского хозяйства в общем итоге народного дохода падало по отправному варианту в 1913 г. 52.4%, в 1926/27 г.— 51.7%, а через пять лет к 1931/32 г. доля сельскохозяйственной продукции в той же довоенной расценке составит уже не более 45%, в то время как доля промышленности за те же пять лет поднимется с 25% до 30% народного дохода.

Этот количественный сдвиг в сторону индустриализации страны далеко еще не отражает, однако, тех качественных сдвигов в тех-

Отправной вариант

Народный доход СССР в 1913, 1926/27 и 1931/32 гг в млн рублей
(Приблизительное исчисление по реальному методу)

Таблица 2

Отрасли народного хозяйства	1913 г.		1926/27 г.			1931/32 г.				
	По бывш. империи	По СССР	В черв. валюте данн. года	По ценам 1913 г.		В черв. вал. данн. года		По ценам 1913 г.		
				Абс.	В %% к гр. 3	Абс.	В %% к гр. 4	Абс.	В %% к гр. 3.	В %% к гр. 5
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
I. Сельское хозяйство										
1. Земледелие и животноводство[1]	7.740	6.720	10 422	7.185	107	13.299	128	9.044	135	126
2. Лесное хозяйство	793	661	1.344	795	120	1.662	124	1.082	164	136
3. Рыболовство и охота	259	244	3 8	218	89	478	130	283	116	130
Итого	8.792	7.625	12.134	8.198	108	15.439	127	10.409	137	127
II. Промышленность										
1. Фабрично-заводская	3.075	2.541	4 498	2 674	105	6.788	151	4.904	193	184
2. Кустарно-ремесленная	902	742	1.084	643	87	1.318	122	875	118	136
Итого	3.977	3.283	5.582	3.317	101	8.106	145	5.779	176	174
3. Акциз	816	691	1 137	676	98	1.716	150	1.227	178	182
Итого с акцизом	4.793	3.974	6 719	3.993	100	9.822	146	7.006	176	176
III. Строительство										
1. Новые постройки и кап. ремонт	433	354	854	326	92	1.697	199	926	262	284
2. Сельское строительство	266	219	522	261	119	547	105	322	147	123
Итого	699	573	1.376	587	102	2.244	163	1.248	218	213
IV. Транспорт										
1. Железнодорожный	807	669	945	719	108	1.483	157	1.016	152	141
2. Речной	105	98	97	78	80	163	168	124	127	159
3. Морской	67	55	31	21	38	59	190	41	75	195
4. Гужевой	377	329	210	259	79	317	151	308	94	119
Итого	1.356	1.151	1.283	1.077	94	2.022	158	1.489	129	138
V. Связь	103	89	143	135	152	187	131	175	197	130
VI. Торговля	1.365	1.126	3.338	1.721	153	5.035	151	3.036	270	176
Всего	17.108	14 538	24.993	15.711	108	34.749	139	23.363	161	149
То же в рублях на 1 душу населения	102	104	171	107	103	214	125	144	138	134

[1] Данные 1913 и 1931/32 гг. приняты в условиях среднего урожая, за 1926/27 г. при среднем урожае мы имели бы 9.824 млн. руб. черв. и 6.776 млн. руб. довоенных.

Оптимальный вариант *Таблица 3*

Валовая продукция и народный доход СССР в 1931/32 г.

(В млн. руб.)

Отрасли хозяйства	В довоенных ценах				В червонных ценах			
	Валовая продукция		Народный доход		Валовая продукция		Народный доход	
	Абсол.	В %% к отпр. вар.	Абсол.	В %% к отпр. вар.	Абсол.	В %% к отпр. вар.	Абсол.	В %% к отпр. вар.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
I. Сельское хозяйство								
1. Землед. и животноводство	13.991	106	9.598	106	20.313	105	13.935	105
2. Лесное хозяйство	1.451	110	1.190	110	2.229	110	1.828	110
3. Рыболовство и охота	311	110	311	110	527	110	527	110
Итого по I	15.753	107	11.099	107	23.069	105	16.290	106
II. Промышленность								
1. Фабрично-заводская	13.281	108	5.312	108	17.478	103	6.991	103
2. Кустарно ремесленная	1.859	113	988	113	2.772	112	1.474	112
Итого по II	15.140	109	6.301	109	20.250	104	8.465	104
3. Акциз	1.255	102	1.255	102	1.755	102	1.755	102
Итого промышл. с акцизом	16.395	108	7.556	108	22.005	104	10.220	104
III. Строительство								
1. Новые постр. и капит. ремонт	2.403	119	1.105	119	4.407	119	2.027	119
2. Сельское строительство	715	100	322	100	1.215	100	547	100
Итого по п. III	3.118	114	1.427	114	5.622	115	2.574	115
IV. Транспорт								
1. Железнодорожный	1.703	107	1.090	107	2.484	107	1.590	107
2. Речной	208	114	141	114	273	114	185	114
3. Морской	79	113	46	112	115	113	66	112
4. Гужевой	315	102	315	102	324	102	324	102
Итого по п. IV	2.305	107	1.592	107	3.196	107	2.165	107
V. Связь	212	103	180	103	226	103	192	103
VI. Торговля	29.051	111	3.370	111	45.489	106	5.322	106
Всего по п.п. I—VI	66.834	109	25.224	108	99.607	106	36 763	106
Доход на 1 душу населения в руб.	—	—	155	108	—	—	226	106

нико-экономической структуре промышленности, которые произойдут за то же время. Прежде всего предстоящее техническое перевооружение промышленности должно только за пять лет повысить у нас производительность индустриального труда от 53% до 63%. А затем мы должны здесь учесть и ожидаемые достижения в области обобществления. В крупной промышленности средства производства и ныне уже обобществлены на 98,5%. Но через пять лет социалистический сектор должен захватить целый ряд чрезвычайно сильных позиций и во всех остальных сферах хозяйства.

Так, например, удельный вес обобществленного сектора в валовой продукции страны должен возрасти за 5 лет по отправному варианту плана в следующих масштабах. В строительстве, где еще в 1924/25 г. обобществленный сектор обнимал только 37,4% и в 1926/27 г. — 54,1%, через 5 лет его доля составит уже 68,5%, т.-е. около двух третей, а из остальной трети около 80% займет сельское строительство — собственными силами крестьянства. В области промышленности, включая кустарную, доля обобществленного производства повысится за пять лет с 86,1% до 89,3% общего итога. В области транспорта всех видов, за исключением крестьянского гужевого извоза, его работа уже и ныне обобществлена почти на все 100%. И даже в области торговли доля обобществленного хозяйства повышается на предстоящие 5 лет с 82% до 90% общего оборота.

Только в сельском хозяйстве доля социалистического сектора в общей продукции еще очень невелика — в 1926/27 г. 11,1%, в 1931/32 г. — 14,3%. Но и здесь влияние социалистического сектора с каждым годом становится значительнее — через посредство заготовительных органов государства и кооперации. Так, например, еще в 1924/25 г. крестьянство не менее 59% своей товарной продукции всех зерновых хлебов сбывало обобществленному сектору. За следующий год эта доля возросла уже до 74% и за 1926/27 г. — до 86%. Нужно думать, что за следующее пятилетие мы на этом важнейшем фронте достигнем почти полной монополии заготовок и во всяком случае превзойдем 90%. Еще полнее наш охват крестьянской продукции через заготовительные органы социалистического сектора в области таких специальных культур, как хлопок, лен, свекла и т. п. Здесь уже ныне этот охват достигает почти 100%. При чем здесь заготовка производится не случайно — с рынка, а в порядке предварительной контрактации посевов, т.-е. по плановому заказу в размерах, соответствующих потребностям социалистической промышленности.

Контрактация. В капиталистической России тоже практиковалась аналогичная система задатков крестьянству под урожай будущего года. Но тогда она являлась методом наиболее тяжелого закабаления и эксплоатации мелкого, якобы, самостоятельного производителя. Совсем, однако, иное значение метод контрактации и задатков приобретает у нас, в СССР. Конечно, ошибки и злоупотребления своим монопольным положением государственного заготовителя возможны и у нас. Но пролетарская власть каленым железом может и должна выжечь у своих агентов всякую охоту к подобным злоупотреблениям.

В качестве органа контроля и самозащиты мелких производителей от возможных злоупотреблений у нас может быть использована их кооперация. Контрактацию нам придется организовать на основе специально выработанных нормальных генеральных договоров хозяйственных органов и кооперативных центров. В эти договоры мы должны включать не только условия оплаты законтрактованного сбора по устойчивым нормальным ценам, соответствующим трудовым затратам производителя, но и условия обработки, качество семян, количество удобрения на единицу посева и т. д. Заготовителю придется взять на себя и снабжение производителей всем необходимым им инвентарем, улучшенными семенами, искусственными удобрителями и т. д. Следующим шагом будет переход от индивидуальных договоров с отдельными хозяевами к коллективной контрактации нужных культур через кооперативы. Затем — в интересах экономии труда и лучшего обслуживания запашек тракторами и тому подобными дорогими машинами, — в условия контрактации придется постепенно вводить обязательство коллективной запашки и обработки контрактуемых посевов, поощряя ее более выгодными условиями расчета и более высоким доходом производителей чем при индивидуальной запашке. И таким образом, через кооперацию производителей и плановое руководство ими методом контрактации мы обобществим сначала целые районы наиболее товарных сырьевых технических культур, а затем и все сельское хозяйство.

Какие масштабы контрактации предусматриваются нами в предстоящее пятилетие можно видеть из следующей таблички (см. табл. 4).

До сих пор контрактации подвергались только технические культуры (хлопок, сахарная свекла, табак и т. д.). Но с 1927/28 г. мы уже приступаем к опытам контрактации и зерновых хлебов. И если в отношении всей площади растениеводства законтрактованная ныне площадь не превышает 3,6%, то в отношении товарной продукции мы уже ныне контрактуем не менее 15% товарной продукции растениеводства. А если исключить из учета внутрикрестьянские покупки-продажи, то доля законтрактованного сбыта возрастает уже ныне до 30% всей продукции растениеводства, поступающей на городской рынок. А через четыре года эта доля должна возрасти до 53%.

При таких масштабах контрактация сможет стать уже весьма существенным фактором не только в деле планового воздействия на развитие процессов обобществления в сельском хозяйстве, но и в деле более планомерного регулирования рыночных процессов распределения.

Таблица 4

Контрактация зерновых и технических культур в 1927/28 — 1931/32 гг.

Показатели	1927/28 г.	1931/32 г.	
		Абс.	Прирост за 4 года в %
1	2	3	4
1. Число законтрактованных хозяйств (в млн.)	3,9	10.1	159
В % ко всему числу хозяйств	15,9	38,2	—
2. Законтрактованная площадь (в млн. дес.)	3,6	11,1	208
В % ко всей площади растениеводства	3,6	9,8	
3. Законтрактованная продукция (в млн. черв. руб.)	464.0	1.201,0	159
В % ко всей тов. продукции растениеводства	15,2	27,0	—
В % к тов. прод. растениев., выброс. на гор. рын.	30,7	53,0	—
4. Средства, необход. на контракт. (млн. черв. руб.)	417,7	1.111,3	166
В том числе:			
На авансы	100,0	322,0	222
На агрикультуру	9,5	32 0	237
5. Покрытие средств (млн. черв. руб.)			
а) Собств. средствами госорганов	272,1	567,9	109
б) Кооперации	2,4	9,4	292
в) Кредитной системы	143,2	534,0	273

В настоящее время мы почти ежегодно переживаем целый ряд затруднений, вытекающих из сезонной цикличности реализации урожаев нашей продукции растениеводства. Продукция промышленности поступает на рынок в течение всего года более или менее равномерно. К осени, в связи с летними отпусками рабочих, она даже несколько снижает свое поступление на рынок, в то время как сельскохозяйственная продукция в огромной своей доле выбрасывается на рынок именно в два—три осенних месяца, вызывая для своей реализации огромное напряжение эмиссии и создавая огромный сезонный спрос на продукты промышленности.

Чтобы удовлетворить во время этот спрос, нам пришлось бы накоплять к осени слишком большие запасы промышленной продукции. Эти запасы, являясь мертвым балластом в течение большей части года, требовали бы совершенно излишнего напряжения оборотных средств в нашей промышленности и торговле, Гораздо рациональнее поэтому, — за отсутствием соответствующих товарных резервов, — бороться с указанными сезонными затруднениями путем изменения методов реализации сезонной продукции сельского хозяйства. Урожай имеет место только один раз в году. Но реализацию его путем контрактации сроков уплаты и сроков сдачи можно растянуть на весь год. И тогда и крестьянский спрос, и потребность в эмиссии, распределенные гораздо более равномерно на целый ряд месяцев, не будут создавать нам излишних затруднений.

В отличие от капиталистических стран у нас индустриализация хозяйства должна вести и ведет уже не к отрыву города от деревни, а к преодолению этого отрыва в общих интересах всех трудящихся. Вместо стимула индивидуальной наживы, нашу социалистическую промышленность двигает вперед стремление удовлетворить в наиболее полной мере потребности трудящихся масс. И обращаясь лицом к деревне, она уже теперь диктует нам такую политику цен и взаимоотношений с крестьянством, которые рассчитаны не на расслоение и разорение деревни, а на общий под'ем хозяйственной мощи ее середняцко-бедняцкого массива и на такое расширение емкости сельского рынка, которое соответствовало бы огромным потенциальным возможностям советской промышленности.

Индексы цен. В осуществление именно этой задачи мы запроектировали следующие сдвиги в соотношении индустриальных и сельскохозяйственных цен (см. табл. 5).

Запроектированное снижение оптовых цен на промышленные изделия (на 18—21%) и торговой накидки (на 23%) приводит за 5 лет к полному уничтожению тех „ножниц", с которыми в интересах смычки города и деревни мы боремся—и не без успеха—уже около четырех лет.

По сравнению с прежними вариантами, где снижение промышленного индекса не превышало 17,6%, мы ставим в новой пятилетке значительно более крупные задания. Не следует забывать, что каждый процент снижения индустриальных цен при намеченном об'еме продукции означает ежегодную потерю в валовой выручке промышленности от 150 до 200 млн. черв. рублей. Но этот успех окажется возможным только при одном условии, если нам удастся снизить еще в большей мере — на целых 30% — строительный индекс.

За последние два — три года, с приступом к широкому строительству, он не только не падал, а даже заметно возрос под воздействием стихии рынка. Но эту враждебную нам стихию мы можем и должны обуздать. Техническая рационализация строительства при должном напряжении нашей воли может удешевить чрезвычайно высокую нынешнюю его стоимость в намеченных размерах. И тогда, сэкономив огромные суммы на удешевлении строительства, мы в соответствующей мере повысим при одних и тех же номинальных затратах и об'ем и эффективность наших капитальных вложений. И совершенно безболезненно для задач накопления и без всякого ущерба в зарплате осуществим намеченное снижение всех остальных индексов.

По отправному варианту мы сберегаем на удешевлении строительства около четырех миллиардов рублей за пятилетие. Это огромная сумма. Но она требует, чтобы ежегодно индекс дороговизны строительства падал не менее шести процентов. Это не слишком много Но без упорной тяжелой борьбы с рутиной во всех ее видах на строительном фронте, без серьезнейшего нажима не только по советской

Таблица 5

Индексы цен
(1913 г. = 1.00)

Показатели	1925/26	1926/27	1931/32 г.		Изменения за 5 лет в % %	
			Отправной вариант	Оптимальный вариант	Отправ.	Оптим.
1	2	3	4	5	6	7
1. Строительн индекс	2,60	2 62	1,83	1,83	— 30	— 30
2. Отпускных цен ВСНХ						
а) средства производ.	1,77	1,75	1,42	1,35	— 19,2	— 22,9
б) продукты потребл.	2,15	2,08	1 72	1,67	— 17,1	— 20,0
Средний	1,98	1,93	1,58	1,52	18,1	— 21,3
3. Оптовых цен (ЦСУ)						
а) сел.-хоз. (30%)	1,71	1,57	1,57	1,57	0,0	0,0
б) промышл. (70%)	2,01	1,97	1,61	1,55	— 18,1	— 21,3
Средний (100%) .	1,92	1,85	1 60	1,55	— 13.5	— 16,4
Оптов. „ножницы“ (б : а)	1,18	1,25	1,03	0,99	— 17,6	— 20,8
4 Розничных цен						
а) сел.-хоз. (30%) .	—	1,89	1 78	1,75	— 5.5	— 7,5
б) промышл. (70%) .	—	2,12	1 66	1,59	— 21.7	— 24.8
Средний (100%) .	—	2,05	1,70	1,64	— 17,0	— 20,0
Розничн. ножницы“ (б : а)	—	1,12	0,93	0,91	— 17,0	— 18,8
5. Бюджетный (ВЦСПС)						
а) сел. хоз. (50%) .	2,07	2,09	1.88	1,80	— 10,0	— 13,8
б) промышл. (37%)	2,37	2.26	1.74	1,70	— 23,0	— 24,8
в) комм. усл и пр. (13%)	1,29	1,44	1 63	1,59	+ 13,6	+ 10,3
Средний (100%)	2,03	2,04	1,80	1,74	— 11,8	— 14,5
6. Крестьян. розничный						
а) сел.-хоз. (42,5%) .	—	1,89	1.78	1,75	— 5,5	— 7,5
б) промышл. (57,5%) .	—	2,12	1,66	1,59	— 21,5	— 24,8
Средний (100%) .	—	2,02	1,71	1,66	— 15,5	— 17,8

линии, но и по линии партийного и профессионального воздействия без сознательного и активнейшего содействия этой задаче самих трудящихся масс,—мы не разрешим ее в намеченном об'еме.

Зарплата. Городской пролетариат тем более заинтересован в успешном разрешении этой задачи, что от размеров строительства и степени его дешевизны в огромной степени будет зависеть уровень производительности его труда, а вместе с тем и уровень его заработной платы. При намеченном темпе строительства мы будем иметь возможность повысить денежный заработок наемных рабочих по меньшей мере на 26% за пятилетие, т.-е. итти примерно тем же темпом, какой был намечен и в прежнем варианте пятилетки.[1] Но снижение цен, а стало быть и реальное значение денежного заработка в новом варианте выше, чем в прежнем. Таким образом, новая пятилетка, помимо других достижений, дает еще и дополнительный толчок реальному уровню благосостояния рабочих. Но если сорван будет план в области намеченного развертывания строительства и промышленной продукции, то придется соответственно снизить его и в области намеченного прироста зарплаты.

Денежный доход рабочих предполагается поднять на 26%, а с учетом снижения розничных цен минимум на 17%, его реальный доход в индексных рублях поднялся бы на 52%, т.-е. почти в той же мере как и производительность труда. Но рабочему приходится приобретать не только товары, ему нужно оплачивать квартиру, коммунальные и прочие услуги, вздорожание которых за предстоящее пятилетие неизбежно. Мы должны несколько повысить квартирную плату за эти годы, чтобы изжить жилищную нужду рабочих и устранить разрыв в квартирной плате по зданиям, вновь сооружаемым, и по домам старого жилфонда. В связи с прогрессивностью ставок квартплаты она автоматически возрастает с повышением зарплаты. И это несколько умаляет значение снижения цен в бюджете рабочего. Но все же в общем даже по бюджетному индексу реальный доход рабочих возрастет по отправному варианту на 43%.

Доход крестьянина. Доход крестьянина из расчета на душу возрастет по тому же варианту — без учета снижения цен — на 16%, и с учетом снижения их по розничному крестьянскому индексу (без коммунальных услуг, не оплачиваемых в деревне) даже на 37—41%. Конечно, все такие расчеты с применением тех или иных индексов крайне условны. Но во всяком случае по сравнению с прежним вариантом плана благосостояние деревни по новому варианту возрастает быстрее, чем в прежней пятилетке, что об'ясняется увеличенным масштабом интенсификации сельского хозяйства к 1931/32 г. Таким образом, задание последнего С'езда плановых органов об уменьшении раз-

[1] Конечно, сравнению подлежат лишь темпы роста зарплаты, начиная с 1927/28 г., так как 1926/27 г., давший около 12% прироста в оплате труда, уже истек и выпал из новой пятилетки.

рыва в уровнях благосостояния города и деревни, как будто, представляется вполне осуществимым для данного пятилетия.

Проблема рынка. Одной из наиболее острых проблем данной пятилетки является проблема изживания товарного дефицита в стране. Значительному увеличению продукции мы противополагаем весьма значительное снижение цен и увеличение покупательной способности населения. И потому, если мы не сбалансируем в надлежащей степени намечаемого прироста платежеспособного спроса соответствующим приростом товарного предложения, то не сможем обеспечить необходимого нам рыночного равновесия. К сожалению, при данном состоянии хозяйственной статистики и методологии построения балансов спроса и предложения, мы не в состоянии представить достаточно достоверных перспективных расчетов динамики спроса и предложения на целых пять лет вперед.

Пользуясь бюджетными материалами, мы можем предложить, однако, для наиболее общей ориентировки некоторые данные, отнюдь не лишенные весьма показательного значения. Принимая в имеющихся группировках рабочих бюджетов по зарплате за типичную для 1926/27 г. группу со средним месячным заработком на рабочего в 60 р. 50 к. (средний заработок этого года), мы условно допустим, что 1931/32 г. может характеризовать та группа, в которой заработок из расчета на душу возрастает на 43%, в соответствии с намеченным по отправному варианту ростом реальной зарплаты за пятилетие. Тогда мы получим такое изменение структуры городских бюджетов за пятилетие (см табл. 6).

При возрастании зарплаты на 43%, второстепенные статьи дохода в рабочем бюджете даже несколько падают, и весь душевой доход (за вычетом дефицита) возрастает только на 35%, а душевое потребление промтоваров увеличивается еще в меньшем масштабе, всего на 24%. Правда, вместо дефицита такой возросший бюджет обеспечивает даже некоторое накопление при значительно более высоком приросте затрат на помещение, социально-культурные нужды и некоторые другие. Но в то же время мы видим, что спрос на предметы одежды и обуви в таких семьях почти не возрастает. Откуда можно заключить, что потребность рабочих в этого рода товарах уже близка к насыщению.

Совершенно иную картину дают крестьянские бюджеты (1924/25 г.). Если здесь за типичную для 1926/27 г. принять группу с условно чистым доходом на душу в 104 руб., а для 1931/32 г. увеличить этот доход на 37%, то изменение спроса на промтовары за пятилетие при неизменных ценах представится в следующем виде (см. табл. 7).

Здесь душевой спрос на промышленные продукты возрастает гораздо быстрее, чем душевой доход крестьянского хозяйства. И в отношении предметов личного потребления мы можем отметить возрастание на целых 64%.

Таблица 6

Структура рабочих бюджетов

в зависимости от роста зарплаты при неизменных ценах [1]

Статьи месячного бюджета	Тип 1926/27 г.			Тип 1931/32 г.			1931/32 г. в % к 1926/27 г.	
	В черв. руб.		В % к итогу	В черв. руб.		В % к итогу		
	На 1 семью	На 1 душу		На 1 семью	На 1 душу		На 1 семью	На 1 душу
1	2	3	4	5	6	7	8	9
I. Приход								
1. Зарплата	82,76	19,99	82,3	123,78	28,59	89,2	150	143
2. Соцстрах	4,57	1,10	4,5	3,35	0,78	2,4	73	71
3. От собств. хозяйства	1,36	0,33	1,3	1,52	0,35	1,1	112	106
4. Прочие	9,47	2,29	9,4	10,10	2,32	7,3	106	101
5. Дефицит	2,57	0,62	2,5	—	—	—	—	—
Итого	100,73	24,33	100	138,75	32,04	100	138	132
II. Расход								
1. Помещение	6,30	1,52	6,3	10,40	2,40	7,5	165	158
2. Сел.-хоз. товары	44,65	10,80	44,3	55,56	12 83	40,0	124	119
3. Пром. товары	32,37	7,82	32,2	42,07	9,72	30,3	130	124
4. Услуги	5,28	1,27	5,2	7,72	1,78	5,6	146	140
5. Соц. культ.	3,93	0,95	3 9	7,45	1,72	5,4	189	181
6. Прочие	8,20	1,97	8,1	12,35	2,85	8,9	151	145
7. Накопление	—	—	—	3,20	0,74	2,3	—	—
Итого	100,73	24 33	100	138,75	32,04	100	138	132
В том числе:								
а) Питание	45,90	11,10	45,7	58,00	13,39	41.8	126	120
б) Одежда и обувь	20 26	4,90	20,2	24,64	5,69	16.1	122	116
Число душ	4,14	—	—	4,33	—	—	105	—
Число зарабатыв.	1,37	0,33	—	1,26	0,29	—	92	88

С учетом возрастания городского и сельского населения на основании приведенных коэфициентов можно считать, что городской спрос на промышленные продукты широкого потребления возрастет, примерно, на 49%,[2] деревенский на 80%,[3] а средний взвешенный по всей стране на 65% по физическому об'ему или на 31% с учетом снижения цен в рознице к 1931/32 г.

Предложение предметов широкого потребления с учетом всей крупной и мелкой промышленности увеличится по отправному ва-

[1] По ноябрьским бюджетам 1926 г.

[2] $124 \times 119 = 149$.

[3] $164 \times 109{,}5 = 180$.

Покупка промтоваров сельским населением

в зависимости от роста дохода (при неизменных ценах) на душу за год в черв. руб.[1]

Таблица 7

Статьи бюджета	Тип 1926/27 г.		Тип 1931/32 г.		Изменение в %
	В руб.	В %	В руб.	В %	
1	2	3	4	5	6
I. Весь условно-чистый доход	103,9	100	142,5	100	137
В том числе заработки и промысла	25.4	24,5	43,1	30,0	169
II. Весь денежный доход	61,8	59,6	97.2	68,2	158
III. Прямые налоги	5,30	5,1	6.37	4,5	120
IV. Покупка промтоваров					
1. Строит. материалы	1,45	5,4	2,34	5,4	162
2. С.-х. и проч. инвентарь	2,77	10.4	4.13	9,6	149
3. Прочие	0,88	3,3	1,26	2,9	143
Итого для хоз. потребл.	5,10	19,1	7,73	17,9	152
4. Продукты питания	4.83	18,1	8,19	19,0	169
5. Одежда и ткани	6,57	24,6	11.15	25,8	170
В том числе кустарн. тканей	0 65	2,4	1.05	2,4	162
6. Обувь и кож. материалы	4,95	18,5	8,45	19,6	171
7. Керосин и проч. освет. матер.	1,08	4 0	1,36	3,2	126
8. Табак и махорка	0.83	3,1	1.18	2,7	142
9. Спиртные напитки	0 85	3,2	1,61	3,7	190
10. Прочие	2 52	9 4	3,49	8,1	139
Итого для личного потребл.	21 63	80 9	35,43	82,1	164
Всего израсход на промтовары	26,73	100	43,16	100	161

рианту на 67% в натуре и на 33% в розничных ценах 1931/32 г. Таким образом, если этот весьма ориентировочный расчет не будет существенно исправлен при дальнейшем уточнении, то можно заключить, что производство промтоваров широкого потребления за ближайшие годы будет несколько обгонять спрос Это позволит нам увеличить наши товарные резервы и покончить со всеми еще неизжитыми последствиями товарного дефицита.

Само собою разумеется, что в случае просчета в ту или другую сторону, мы легко сможем поправить дело при уточнении годовых планов. В случае затоваривания достаточно будет несколько ускорить намеченный темп снижения цен, в случае нарастания товарного дефицита, наоборот, на пару процентов замедлить этот темп снижения Не говоря уже о возможности использования налоговых и других финансовых рычагов планового хозяйства для тех же целей. Мы всегда имеем достаточно ресурсов для нужного маневра в указанном направлении. Недостает нам, может быть, лишь достаточного опыта для такого маневрирования.

[1] По бюджетам 1924/25 г.

Аграрное перенаселение. Довольно благоприятно для деревни разрешается в предлагаемом варианте и проблема аграрного перенаселения. В настоящее время мы располагаем гораздо более точными коэфициентами трудоемкости разных культур и показателями сезонности в использовании сельского труда. Правда, общий итог аграрного перенаселения и по новым данным к началу пятилетки выражается огромной цифрой, около 9 миллионов работников. Но эти средние величины для всего года отнюдь не показательны. Необходимо учесть сезонность этого явления. По данным сезонного баланса труда в рабочую пору у нас нет никакого избытка труда. Напротив, приходится привлекать к работе даже несколько миллионов подростков и стариков и работать в праздничные дни. Но зато зимой избыток рабочих рук поднимается к декабрю уже не до 9, а до 16 миллионов взрослых работников и выше. Учитывая сезонность и то повышение интенсивности сельского хозяйства, которое намечено по новому варианту пятилетки, можно сделать следующий вывод. Аграрное перенаселение сократится у нас за 5 лет не только в процентах к занятому населению, но и абсолютно на 1—2 миллиона душ. Среднегодовой коэфициент использования труда в деревне поднимется с 87% до 89%, а по оптимальному варианту и выше. И нашей актуальной задачей станет понижение летних, довольно напряженных пиков трудовой нагрузки деревни путем механизации процессов уборки более рационального комбинирования культур в севообороте для удлинения и более равномерного распределения летних работ, более широкого использования летних отпусков городских рабочих и т. д.

Безработица. В отношении городской безработицы перспективы не столь благоприятны. Правда, можно рассчитывать, что приток сырой рабочей силы из деревни значительно сократится по сравнению с масштабом последних лет восстановительного периода, когда он поднимался в некоторые годы до миллиона душ и выше. Но все же мы должны его оценивать довольно высоко А кроме того, нам необходимо рассосать за это время довольно большие резервы рабочей силы, освобождающейся от работы в связи с рационализацией нашего административного аппарата и по целому ряду других причин. Громадные капитальные вложения резко поднимают производительность в области индустриального труда и тем самым замедляют расширение кадров занятого индустриального пролетариата.

Некоторое количество труда поглотит довольно значительное расширение культурных затрат по линии просвещения и здравоохранения. Мы не можем быть слишком экономными в этой области. Под'ем культуры вообще и науки в частности особенно необходим нам в период реконструкции народного хозяйства, когда нам предстоит столь упорная борьба против инерции прошлого и глубочайшей рутины во всех областях жизни. Наука на службе пролетариата, как мощный таран против технической и всякой иной рутины, в нашем хозяйстве должна быть использована на все сто процентов.

Тем не менее, кадры безработных по отправному варианту пятилетки едва ли бы сократились, если бы мы не перешли к сокращению рабочего дня и увеличению сменности.

К этому нас вынуждает не только избыток незанятой рабсилы, но и вполне реальная угроза товарного дефицита. А потому и в интересах возможно полного насыщения каналов обращения товарной массой и в целях более полного использования наличных резервов рабочей силы нам, несомненно, придется включить в намеченный план расширения продукции и дополнительную продукцию за счет повышения коэфициента загрузки наличного оборудования.

Средняя загрузка оборудования в 1913 г. составляла 12,8 часов в сутки, в 1926 г. она едва достигала 10,6 часов, т.-е. 83% довоенной нормы. Увеличение ее только на эти недостающие 17% потребовало бы дополнительного использования от 400 до 500 тысяч рабочих. Но мы могли бы пойти и дальше. Опыт доказывает, что ночная работа, помимо многих других ее минусов для рабочих, мало производительна. И потому едва ли следует стремиться к полной загрузке оборудования в течение целых суток, тем более, что и машинам требуется отдых — чистка, ремонт и уборка. Однако, при некотором сокращении рабочего дня в целом ряде отраслей производства вполне возможным и целесообразным был бы переход и к трехсменной работе. И мы думаем, что, в частности, в текстильной промышленности нам следует уже в ближайшие месяцы приступить к широким опытам трехсменной работы при семи- и шестичасовом рабочем дне. Важно определить на опыте, какое повышение производительности труда и качества работы окажется достижимым при таком сокращении. Как оно отразится на рентабельности предприятий и что оно даст рабочим. Само собою разумеется, что эти опыты должны проводиться без снижения общего уровня зарплаты соответствующих категорий рабочих.

Весьма возможно, что придется увеличить сменность труда и в торговых предприятиях, в особенности в таких крупных центрах как столицы, где ныне наблюдается определенная перегрузка продавцев работой в часы торговли. Увеличивать торговую сеть с расширением оборота было бы менее выгодным выходом, чем увеличение часов торговли.

Сколько безработных может быть дополнительно использовано в течение еще этой пятилетки за счет сокращения рабочего дня и увеличения сменности, мы еще не знаем в точности, но по самым грубым расчетам оно не может быть меньше 400 500 тысяч. И тогда городская армия безработных значительно сократится к концу пятилетия.

По отправному варианту с учетом сменности вся армия занятого по найму пролетариата у нас возрастет за пять лет с 10.562 до 13.212 тыс., т.-е., на 2.650 тыс., или 25,8%, а по оптимальному даже на 3.149 тыс., или 29,8%. Конечно, сюда входит не только городской, но и сельский (батрацкий) пролетариат. Без него прирост городского пролетариата даст еще более высокие проценты (от 27,3% до 33,1%.) В связи с чем городская армия безработных сокращается за пять лет минимум на 269 тысяч, или 20%, а по оптимальному варианту на 458 тыс., или на 34%.

Жилфонд. Общий прирост занятой рабочей силы в городах по пятилетке составит от 27% до 32%. Обеспечение их жилищем по предлагаемой программе строительства осуществляется, благодаря снижению строительного индекса, значительно лучше, чем в прежнем варианте. Душевая норма площади для пролетарских групп городского населения может быть заметно повышена. Но эта программа окажется реальной лишь при намеченном повышении доходности квартирного фонда. К сожалению, до сих пор здесь мы имели наиболее отсталый участок нашего хозяйственного фронта. Громадный жилищный фонд городов должен, наконец, получить какое-нибудь организационное об'единение и плановое руководство. В настоящее время он эксплоатируется крайне бесхозяйственно. Квартирная плата должна быть реформирована на основе безубыточности и хотя бы минимальной рентабельности. Прогрессивные надбавки к нормальной ставке, взимаемые с высокодоходных групп населения, должны быть обращены в специальный фонд Цустраха для оказания квартирной помощи наиболее нуждающимся семьям городского пролетариата. Обобществленный квартирный фонд должен быть трестирован в крупные хозяйственные единицы, функционирующие на началах хозрасчета без всяких собезных функций.

Накопление. Общий масштаб намечающихся накоплений по государственному сектору хозяйства и запроектированных планом вложений выражается в следующих цифрах (см. табл. 8).

Учтенные в таблице 8 ресурсы исчислены довольно реалистически из весьма скромных коэфициентов, уже вполне оправданных опытом последних лет. Но, конечно, в наших условиях планового хозяйства те или иные нормы рентабельности будут вполне обеспечены лишь с момента, когда они будут волей законодателя включены в калькуляцию соответствующих цен и тарифов. В особенности в этом отношении условен показанный в таблице доход от жилфонда. Он требует для своей реализации специального законодательного акта.

По сравнению с прежним вариантом исчисленные здесь ресурсы почти по всем статьям несколько превышают итоги пятилетки 1926/27—1930/31 гг. И это неудивительно. От одной замены 1926/27 года 1931/32 годом в нашей пятилетке мы имеем прирост накоплений на сумму около 2,2 миллиарда. Лишь эмиссия проектируется нами, осторожности ради, в убывающем темпе. В сумму из пятий через бюджет включено 1.200 млн. руб. чистых поступлений от внутренних займов за вычетом всех текущих платежей и полного погашения по займу восстановления. По Цустраху и Госстраху учтены

Отправной вариант *Таблица 8*

Перспективы накопления в народном хозяйстве СССР по государственному сектору (в млн. руб.)

Отрасли хозяйства	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	Итого за 5 лет 1926/27—1930/31	1931/32	Итого за 5 лет 1927/28—1931/32 гг.			
								Амортизация	Прибыль	Итого	
										Абсол	% %
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1. Электрификация	18	28	45	62	79	232	96	160	150	310	1,4
2. Промышленность	1.023	1.168	1.261	1.369	1.482	6.303	1.588	2.321	4.547	6 868	30,5
3. Сельское хозяйство	7	11	13	17	24	72	28	65	28	93	0,4
4. Транспорт:											
а) железнодорожный	328	408	447	494	542	2.219	588	1.539	940	2.479	11,0
б) речной	32	28	32	38	46	176	51	86	109	195	0,9
в) морской	2	7	7	9	12	37	16	11	40	51	0,2
Итого по 4	362	443	486	541	600	2.432	655	1.636	1.089	2.725	12,1
5. Народная связь	44	38	42	45	50	219	54	76	153	229	1,0
6. Коммунальное хозяйство	156	181	202	222	236	997	251	536	556	1.092	4,9
7. Жилфонд	86	99	125	151	176	637	188	524	215	739	3,3
8. Торговля	143	167	178	187	195	870	202	—	929	929	4,1
9. Государ. кред. учреждения	220	235	250	265	280	1.250	285	—	1.315	1.315	5,8
10. Цустрах и госстрах	96	108	118	129	139	590	150	—	—	644	2,9
Итого по 1—10	2.155	2.478	2.720	2.983	3.261	13 602	3.497	5.318	8.982	14.944	66,4
11. Изъятия через бюджет и займы	801	989	1.132	1.340	1.559	5.821	1.858	—	—	6.878	30,6
12. Эмиссия банкнот	273	200	155	120	100	848	100	—	—	675	3,0
Всего накопления (1—12)	3.229	3.667	4.007	4.448	4.920	20.271	5.455	—	—	22.497	100 0
Вложения	2.858	3.412	3.761	4.218	4.637	18.886	4 979	—	—	21.007	—
Резерв по балансу	371	255	246	230	283	1.385	476	—	—	1.490	—

Отправной вариант с учетом снижения цен

Таблица 9

Программа финансирования народного хозяйства СССР за счет госсектора

(В млн. черв. руб.)

Отрасли хозяйства	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	За 5 лет (1926/27—1930/31)	1931/32	За 5 лет (1927/28—1931/32) Абс.	За 5 лет (1927/28—1931/32) %
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
А. Новые вложения и капитальный ремонт									
1. Электрификация (с Днепростроем)	177	258	280	284	289	1.288	299	1.410	6,7
2. а) Промышл. строительство	983	1.158	1.2 0	1.230	1.240	5.811	1.253	6.081	28,9
б) Индустр. сел. хоз.	—	10	14	20	27	71	37	108	0,5
Итого по а+б	983	1.168	1.214	1.250	1.267	5.882	1.290	6.189	29,4
3. Сельское хозяйство:									
а) по госбюджету	171	200	240	280	310	1.201	335	1.365	6,5
б) по местному бюджету	11	14	16	21	26	88	32	109	0,5
Итого по а+б	182	214	256	301	336	1.289	367	1.474	7,0
4. Лесное хозяйство	8	14	18	22	26	88	30	110	0,5
5. Транспорт:									
а) жел.-дор. новые влож.	230	405	643	883	1.138	3.299	1.343	4.412	21,1
» » капит. рем.	113	114	117	125	135	604	147	638	3,0
б) речной	31	42	66	73	80	292	84	345	1,6
в) морской	54	78	98	124	134	488	130	564	2,7
г) шоссейный	44	81	102	127	156	510	185	651	3,1
д) Волго-Донской канал	1	6	26	28	28	89	23	111	0,5
Итого по 5	473	726	1.052	1.360	1.671	5.282	1.912	6.721	32,0
6. Народная связь	30	38	42	45	47	202	50	222	1,1
7. Жилстроительство (коммун. и кооперат.)	151	210	241	255	275	1.132	298	1.279	6,1
8. Коммун. предприятия	175	200	225	250	270	1.120	292	1.237	6 0
9. Элеваторы, холодильн. и пр.	12	25	28	31	34	130	38	156	0,7
Итого по 1—9[1]	2.191	2.853	3.356	3.798	4.215	16.413	4.576	18.798	89,5
Б. Оборотные фонды									
1. Промышленность	200	175	170	205	225	975	225	1.000	4,8
2. Железнодорожный транспорт	6	8	11	13	9	47	8	49	0.2
3. Водный транспорт	1	2	2	10	10	25	5	29	0,1
4. Торговля	383	223	85	64	60	815	48	480	2,3
5. Кредитная система	16	100	100	90	80	386	80	450	2,1
Итого по 1—5	606	508	368	382	384	2.248	366	2.008	9,5
6. Резерв (10 %)	61	51	37	38	38	225	37	201	1,0
Итого по 1—6	667	559	405	420	422	2.473	403	2.209	10,5
Итого по А и Б	2.858	3.412	3.761	4.218	4.637	18.886	4.979	21.007	100,0

[1] В приведенном итоге не учтены затраты по соц.-культ. строительству на 715 млн. руб., а также административному и прочему на 514 млн. руб. за 5 лет, поскольку они проходят по нормальным сметам ведомств и специальным фондам.

лишь те отчисления, какие ими производятся на цели капитального строительства. Из'ятия через бюджет представляют только те суммы, которые могут быть обращены на задачи финансирования хозяйства за счет налоговых поступлений и тому подобных доходов государства за вычетом поступающих в доход казны прибылей госпредприятий. Таким образом, мы избегаем двойного учета наших ресурсов. И все же они достигают 22,5 миллиардов рублей за пятилетие при 21 миллиарде рублей намеченных вложений.

Вложения. По своему назначению эти вложения в наиболее общих итогах распределяются следующим образом (см. табл. 9).

Как видим, наиболее крупные суммы за предстоящее пятилетие поглотит у нас промышленность с электрификацией—7.559 млн. руб., затем транспорт—6.721 млн., затем сельское и лесное хозяйство—1.584 млн., далее коммунальное жилстроительство 1.279 млн. и коммунальные предприятия—1.237 млн. руб. Конечно, и сельское хозяйство и жилстроительство далеко не исчерпывают свою программу капитальных вложений указанными ресурсами. Для полного учета сюда надо прибавить еще затраты самого крестьянства, частных лиц и кооперации.

Культурное строительство. С капитальными вложениями в хозяйственное строительство должны итти в ногу и затраты на культурное строительство. Общий размер их, предусмотренный в пятилетие, выражается следующими цифрами:

Отправной вариант *Таблица 10*

Бюджет социально-культурного строительства

(В млн. черв. руб.)

Область культработы	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	1931/32 г. в %% к 1926/27 г.	Сумма за 5 лет
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Народное просвещение	830	972	1.076	1.189	1.326	1.445	174	6.008
2. Здравоохранение . . .	505	561	617	676	739	804	159	3.397
3. Соц. обеспечение . .	46	57	67	80	92	105	229	401
Итого	1.381	1.590	1.760	1.945	2.157	2.354	170	9.806
4. Соц. страхование								
а) брутто	855	943	1.028	1.115	1.208	1.296	152	5.590
б) нетто	534	608	669	729	795	858	161	3.659
Всего по 1—4 (нетто) .	1.915	2.198	2.429	2.674	2.952	3.212	168	13.465

Из сумм соцстраха (брутто) во избежание двойного учета исключены не только отчисления на жилстроительство, но и те начисления на зарплату работников просвещения и здравоохранения, а также фонд медпомощи за счет соцстраха, которые уже учтены однажды

в бюджетах просвещения и здравоохранения. В эти последние вошли, кроме ресурсов государственного и местного бюджетов, также специальные средства Цутранпроса и других хозорганов, профсоюзов и пр. внебюджетных источников. В общем итоге получилось свыше 13 мрд. руб. за пятилетие. Сумма не малая, но и задачи расширенного воспроизводства квалифицированной рабочей силы, стоящие перед нами в области культурного строительства в предстоящее пятилетие, не менее огромны.

Нужно лишь отметить, что в этих суммах вовсе не учтена, да едва ли и поддается учету, та огромная культурно-воспитательная работа, которая и помимо прямой учебы выполняется в повседневной текущей работе всех наших партийных и профессиональных организаций, а также в нашей Красной армии и флоте.

Особенно быстро растет в нашей таблице бюджет социального обеспечения, ибо в нем учтены уже предусмотренные октябрьским манифестом пенсии старикам крестьянской бедноты, на сумму около 150 млн. руб. за 4 года.

Оптимальная программа вложений. По оптимальному варианту капитальные вложения, в сопоставлении с отправным вариантом, вырастают до следующих размеров (см. табл. 11).

Наиболее крупную прибавку для осуществления оптимального варианта потребует транспорт (1.278 млн. руб.), а затем госпромышленность (1.073 млн. руб.) и сельское хозяйство (510 млн. руб.). По электрификации, вероятно, возможно будет ограничиться для оптимального варианта довольно скромной надбавкой (190 млн. руб.), имея в виду, главным образом, необходимость решительного пересмотра программы электрификации сельского хозяйства.

Само собою разумеется, что с увеличением вложений увеличится по оптимальному варианту и размер накоплений, по нашему подсчету в общей сумме, включая бюджет и другие статьи, не менее 2.311 млн. руб. Однако, по сравнению с потребностью в 4.768 млн. руб. эта сумма совершенно недостаточна. Обращая на покрытие этого дефицита даже все резервы отправного варианта, мы все же не свели бы концов с концами, а между тем остаться без всяких резервов для целей обороны страны и хозяйственного маневрирования совершенно недопустимо.

Тем не менее, мы отнюдь не можем признать на этом основании оптимальный вариант нашей пятилетки совершенно нереальным. Учет возможных накоплений в обоих вариантах сделан с большой осторожностью. Более чем вероятно, что при дальнейших уточнениях наших расчетов их окажется возможным несколько повысить. С другой стороны—в виду сложившейся международной обстановки мы вовсе не рассчитывали на сколько-нибудь значительное привлечение средств из-за границы. А между тем, если эта обстановка станет более нормальной, то мы получим дополнительные ресурсы для нашего хозяйственного развертывания и по линии ино-

Оптимальный вариант с учетом снижения цен

Таблица 11

Перспективы вложений в народное хозяйство СССР

По госсектору (в млн. черв. руб.)

Отрасли хозяйства	Оптимальный вариант 1927/28 г. 1931/32 г.	Отправной вариант 1927/28 г. 1931/32 г.	Превышение оптимального над отправным
1	2	3	4
А. Новые вложения и капитальный ремонт			
1. Электрификация	1.600	1.410	190
2. Промышленность	7.262 [1]	6.189 [2]	1.073
3. Сельское хозяйство по госбюджету	1.796	1.365	431
„ „ „ местному бюджету	188	109	79
4. Лесное хозяйство	123	110	13
5. Транспорт:			
а) жел. дор. (с Турк.-Снб.)	6.143	5.050	1.093
б) речной	392	345	47
в) морской	637	564	73
г) шоссейный	712	651	61
д) Волго-Донской канал	115	111	4
Итого	7.999	6.721	1.278
6. Народная связь	242	222	20
7. Городское жилстроительство	1.533	1.279	254
8. Коммунальное строительство	1.485	1.237	248
9. Элеваторы и холодильники	238	156	82
Всего 1—9	22.466	18.798	3.668
Б. Оборотные фонды	3.309	2.209	1.100
Всего по А и Б	25.775	21.007	4.768

странных кредитов и по линии концессий. И тогда предположения нашего оптимального варианта станут гораздо более реальными.

Но если даже нам не удастся осуществить его целиком, то во всяком случае мы имеем все основания рассчитывать, что при достаточном напряжении нашей коллективной воли действительное развитие хозяйства пойдет у нас выше наметок отправного варианта, приближаясь к заданиям варианта оптимального.

Главнейшее отличие оптимального варианта от отправного мы усматриваем в том, что оптимальный вариант рассчитан на привлечение даже в промышленность довольно значительных средств со стороны. А отправной ориентируется на внутренние ресурсы промышленности. Промышленность уже в достаточной степени окрепла, чтобы получить соответствующий темп развития и за счет собственных накоплений. Было бы крайне рискованно форсировать ее в таком темпе, чтобы за ней не поспевал уже несколько отставший в своем развитии транспорт. За это пятилетие в транспорт должны быть вложены огромные средства, ибо он должен в интересах индустриализации в широком смысле этого слова, и в интересах обороны страны,— расти даже с некоторым опережением против других отраслей хозяйства. В ресурсах транспорта всегда должен быть известный резерв. Вот почему мы едва ли сможем много дать промышленности из бюджета без существенного ущерба финансированию отставшего транспорта.

[1] В том числе на индустриализацию сельского хозяйства 174 млн. рублей.

[2] В том числе на индустриализацию сельского хозяйства 108 млн. рублей.

Темпы роста вложений в транспорт в нашей пятилетке значительно опережают возрастание вложений в промышленность. Но и вложения в промышленность возрастают довольно значительно с каждым годом, если отвлечься от влияния резкого снижения строительного индекса.

Физический рост вложений. По физическому об'ему прирост масштаба промышленного строительства за 5 лет достигает 88%. Но, разумеется, поскольку промышленность уже с 1925/26 г. финансируется огромными суммами, а другие отрасли хозяйства до сих пор еще сильно в этом отношении отставали из-за отсутствия собственных ресурсов, общий прирост масштаба ежегодных капитальных вложений по всему государственному сектору гораздо выше указанной цифры. Он достигает по отправному варианту 177% за пятилетие (см. табл. 12).

Международный обмен. Ориентируясь на возможное расширение мировых хозяйственных связей, поскольку это укрепляет внутреннюю мощь и независимость СССР, отправной вариант намечает увеличение импорта за пятилетие на 116,8%, а экспорта даже на целых 125,7%. В этой разнице темпов предусмотрена достаточная активность торгового баланса — с накоплением за пять лет 283 млн. рублей.

Но нужно сказать определенно, что для достижения намеченных размеров экспорта и импорта нам придется приложить громадные усилия к повышению рентабельности нашего экспорта. Одни экспортные премии не смогут создать достаточного стимула для намеченных об'емов экспорта. Намеченное по снижению цен повышение покупательной силы нашего червонца на 15% тоже не решит этой проблемы, так как по состоянию мировой кон'юнктуры мы имеем все основания ожидать, что и реальная расценка золота за границей возрастет к 1931/32 г. на 10—15%. И тем не менее, диспропорция между внешним и внутренним курсом нашей валюты должна быть изжита. Ибо лишь тогда мы получим достаточную рентабельность экспорта и необходимый нам прирост импорта.

Резервы. Достаточные резервы предусмотрены планом и по другим линиям хозяйственного накопления. Напомним, что из общей

Отправной вариант без учета снижения цен

Таблица 12

Финансирование народного хозяйства СССР за счет госсектора

(В млн. черв. руб.)

Отрасли хозяйства	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	За 5 лет 1927/28—1931/32 гг.		Разница
							Без учета снижения цен	С учетом снижения цен	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
А. Новые вложения и капитальный ремонт									
1. Электрификация (с Днепрострой)	178	258	298	313	326	342	1.537	1.410	127
2. а) Промышл. строительство	988	1.240	1.420	1.538	1.675	1.805	7.678	6.081	1.597
б) Индустриал. сельского хозяйства	—	10	15	23	33	46	127	108	19
Итого (а + б)	988	1.250	1.435	1.561	1.708	1.851	7.805	6.189	1.616
3. Сельское хозяйство									
а) по госбюджету	166	208	280	329	344	392	1.553	1.365	188
б) по местному бюджету	11	14	18	24	32	42	130	109	21
Итого (а + б)	177	222	298	353	376	434	1.683	1.474	209
4. Лесное хозяйство	8	14	19	24	29	34	120	110	10
5. Транспорт									
а) железнодорожный	343	604	902	1.232	1.602	2.002	6.342	5.050	1 292
б) речной	31	42	68	79	89	100	378	345	33
в) морской	54	78	102	134	150	151	615	564	51
г) шоссейный	44	81	107	141	183	231	743	651	92
д) Волго-Донской канал	1	6	27	30	31	27	121	111	10
Итого по 5	473	811	1.206	1.616	2.055	2.511	8.199	6.721	1.478
6. Народная связь	29	40	47	49	55	60	251	222	29
7. Городское жилстроительство	151	231	291	340	399	463	1.724	1.279	445
8. Коммунальное строительство	175	215	248	280	310	343	1.396	1.237	159
9. Элеваторы, холодильн. и пр.	12	26	35	37	41	49	188	156	32
Итого 1—9	2.191	3.067	3.877	4.573	5.299	6.087	22.903	18.798	4.105
В %%	—	13,4	16,9	20,0	23,1	26,6	100,0	82,1	17,9

суммы ресурсов для финансирования народного хозяйства в 22,5 мрд. руб. по отправному варианту в резерве значится почти 1,5 миллиарда.[1] Но и помимо того по госбюджету, который возрастает за пять лет с 5.087 до 7.774 млн. руб., предусмотрено накопление резерва в 467 млн. руб. и по местному бюджету, возрастающему с 1.800 до 3.163 млн. руб., — 175 млн. Большую часть этих 642 млн. предполагается резервировать в виде специальных металлических, хлебных и т. п. фондов. Кроме того, солидный валютный фонд в 450 млн. рублей намечается к накоплению по кредитной системе. Наконец, в промышленности и торговле по государственному сектору возрастают на сумму 1.480 млн. руб. наши товарно-материальные фонды.

Мы не учитываем еще здесь вовсе всех накоплений денежных и товарных ресурсов, какие предусмотрены по плану в кооперативном секторе. Само собой разумеется, что нам не придется без нужды ослаблять кооперацию извлечением ее накоплений для подкрепления каких-либо иных секторов хозяйства. В пределах самой кооперации имеется огромный простор для эффективного использования ее накоплений. Но с точки зрения интересов всего обобществленного хозяйства в целом эти накопления являются тоже вполне реальным хозяйственным резервом. Ибо если кооперативные ресурсы будут в достаточных размерах обращены, — в пределах всего аппарата кооперации в его целом, — на индустриализацию сельского хозяйства, на снабжение его тракторами, селекционными семенами, искусственными удобрениями т. д., то в соответствующей степени освободятся государственные ресурсы для всякого рода других назначений.

Необходимо лишь научиться достаточно рациональному плановому маневрированию всеми этими резервами.

Специальные задачи пятилетки. Мы не могли в краткой сводке хоть сколько-нибудь осветить все проблемы, выдвинутые и так или иначе разрешенные в нашей коллективной работе. Но нам хотелось бы в заключение еще хотя бы в нескольких словах остановиться на тех задачах, которые мы считаем центральными специфическими задачами данной пятилетки. Не возвращаясь здесь к той общей целевой установке перспективного планирования, которая останется у нас еще на целый ряд пятилетий и на которой мы уже неоднократно останавливались, мы из специальных проблем данной пятилетки, подводя итоги, прежде всего отметили бы следующие.

В области промышленности: 1) радикальное переоборудование ее на базе электрификации, 2) переход к более интенсивному использованию наличного оборудования и 3) проведение в жизнь семичасового рабочего дня.

---

[1] За вычетом 622 млн. руб. на финансирование водопутей, содержание портов и шоссейных дорог и т. п. хозяйственных затрат, эта цифра снизится до 868 млн. руб.

В области сельского хозяйства: 1) переход от рыночного воздействия на производство к прямому регулированию его через кооперацию путем планового заказа (контрактации); 2) подготовка к более эффективному осуществлению принципа национализации земли (земельный кадастр, рентный налог и пр.); 3) приступ к широкой борьбе с засухами и неурожаями (орошение Заволжья).

В области транспорта: 1) решительный переход на линию реконструкции, для чего капитальные затраты на транспорте выдвигаются на первое место в ряду других ассигнований на индустриализацию страны; 2) перемещение наиболее дешевых массовых грузов с рельсовых на водные пути; 3) подготовка сверхмагистрализации донецкой и сибирской магистралей; 4) приступ к электрификации путей сообщения.

В области строительного дела: 1) рационализация и механизация крупного строительства в целях резкого снижения строительного индекса, 2) повышение рентабельности жилищного фонда.

В области внутренней торговли: 1) организация потребительского спроса через кооперацию (плановый заказ коллективного потребителя производителю); 2) рационализация транспортно-складских операций и торгово-распределительной сети, которая должна строиться в таком же плановом порядке, как и школьная сеть; 3) реорганизация оптовой торговли и превращение ее из торгового звена в регулирующие центры по связи коллективного потребителя с производителем (спрямление путей распределения); 4) преодоление межрайонного разрыва цен; 5) подчинение частника в договорном порядке регулирующему воздействию снабжающих его товарами госорганов в области цен и накидок.

В области внешней торговли: 1) повышение рентабельности экспорта и преодоление разрыва с международным уровнем цен и валютных курсов, 2) усиление торговой связи с восточными рынками.

В области кредита и денежного обращения: 1) строгое разграничение краткосрочного и долгосрочного кредита с использованием только последнего на капитальные вложения, 2) расширение внутренних займов и удешевление кредита, 3) курс на повышение покупательной способности червонца.

В области бюджета: 1) усиление неналоговых доходов, 2) пересмотр обложения в сторону большей его прогрессивности при дальнейшем повышении необлагаемого минимума.

В области социально-культурного строительства: выравнение фронта этого строительства в уровень потребностей на фронте индустриализации.

Из более общих задач, особенно важных для данного пятилетия, мы уже отмечали проблему борьбы с безработицей и проблему преодоления товарного дефицита. Достигнуть значительных успехов в разрешении этих задач за данное пятилетие будет для нас весьма трудно. Но все же достижение их вполне возможно и необходимо.

Есть, однако, у нас еще одна общая задача, на первый взгляд гораздо более легкая, но все же заслуживающая самого пристального внимания. В области обобществления мы ставим своей очередной задачей на данное пятилетие проблему значительного продвижения по пути обобществления процессов обращения. На этом пути нам несомненно обеспечен громадный успех даже без особенных с нашей стороны усилий. Вытеснение частника не только из оптовой, но даже из розничной и мелочной торговли идет у нас уже стихийно, в силу одной лишь конкуренции. Но и здесь для нас могут возникнуть затруднения. И притом именно из-за этой стихийности процесса вытеснения.

Было бы нецелесообразным предоставить это дело только случаю и стихии. Мы должны стремиться не столько к повсеместному вытеснению частника из весьма еще редкой и подчас дезорганизованной торговой сети, сколько к подчинению его своему влиянию и использованию в общих интересах обслуживаемого торговой сетью населения. Общая установка должна быть на то, чтобы превратить постепенно путем соответствующих договоров большинство мелких торговцев в рядовых агентов государства, обслуживающих его за известный договоренный процент вознаграждения при условии сбыта по твердо фиксированным этикетным и и прейскурантным ценам. А там, где такая агентура оказалась бы излишней, или там, где частник не пожелал бы подчиниться нашим условиям, он, конечно, без труда окажется выброшенным за борт, будучи подвергнут действию беспощадного закона конкуренции.

Плановая организация распределительной сети достигнет в кратчайший срок наибольшего эффекта лишь при разумном использовании всех пригодных для этой цели человеческих и материальных ресурсов.

В. Яроцкий

Положение рабочего класса в эпоху Октябрьской революции

1. Основное изменение в положении труда

Октябрьская революция представляет собою величайшее событие в истории человечества именно потому, что ее основная задача заключалась и заключается в уничтожении классового общества. Экономические основы классового господства — частная собственность на средства производства и вытекающие из этой собственности хозяйственные, общественные и политические отношения — разрушаются под ударами великого Октября.

Само собой разумеется, что такая задача Октябрьской революции разрешается не до, а после перехода власти к рабочему классу. В. И. Ленин 26 октября 1917 г., на второй день после падения временного правительства и образования советской власти, говорил в Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов: „Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего, значение этого переворота состоит в том, что у нас будет советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создали власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций“.[1] Другими словами, перестройка государственного аппарата являлась на второй день после революции ближайшей очередной задачей, на разрешение которой должно было итти больше всего энергии победившего в революции класса. Лишь после разрешения этой задачи и по мере ее разрешения перед рабочим классом открывалась и расширялась возможность разрешения и основной задачи великого Октября — задачи перестройки всей экономики, перестройки всего общественного уклада на новых основаниях. „Создав новый советский тип государства, открывающий возможность для трудящихся и угнетенных масс принять деятельное участие в самостоятельном строительстве нового общества, — писал Ленин в начале 1918 года, — мы разрешили только небольшую часть трудной задачи. Главная трудность лежит в экономической области: осуществить строжайший и повсеместный учет и контроль производства и распределение продуктов, повысить производительность труда, обобществить производство на деле“.[1] Это не значит, конечно, что до окончательного укрепления аппарата советской власти перестройка хозяйственных и общественных отношений не имела места. Напротив. Она шла и идет параллельно росту и укреплению пролетарской диктатуры. Но несомненно, что лишь после перехода власти к рабочему классу начинается эта перестройка, как несомненно и то, что строящиеся новые общественные отношения не являются совершенно четкими, совершенно ясными. Только в самом процессе социалистического строительства на протяжении всего десятилетия Октябрьской революции контуры новых общественных отношений вырисовываются со все возрастающей ясностью, приобретают отчетливые очертания. И на протяжении всей эпохи Октябрьской революции рабочий класс в непрестанной борьбе между старыми и новыми элементами экономики переживает весьма существенные изменения в своем положении.

[1] Собр. сочинений, т. XV, стр. 11.

Что это обстоятельство — незаконченность всего процесса социалистического строительства — откладывает свой заметный отпечаток на положение рабочего класса, вряд ли приходится говорить. В СССР к десятилетней годовщине великого Октября еще не исчез из экономической жизни элемент эксплоатации, элемент присвоения владельцами средств производства и распределения прибавочного труда рабочих, превращающегося в источник существования особого класса, т.-е. в прибавочную стоимость. Это наиболее ясно в секторе частного хозяйства, который с каждым годом теряет свой удельный вес в экономике СССР, но и до сих пор не вытеснен окончательно. Динамика удельного веса социальных форм фабрично-заводской промышленности, указывая на значение социалистических предприятий, вместе с тем дает нам основание утверждать, что прибавочная стоимость все еще играет некоторую роль в экономике СССР. Это положение подтверждает следующая таблица (в %%):

	Среднее число рабочих и обслужив. персонала				Валовая продукция			
	Госуд.	Коопер.	Частн.	Концесс.	Госуд.	Коопер.	Частн.	Концесс.
1923/24 г. .	94,40	2,92	2,68	—	90,89	4,74	4,37	—
1924/25 г. .	94,10	3,83	1,82	0,25	90,46	5,67	3,70	0,17
1925/26 г. .	93,30	4,34	1,76	0,60	89,61	6,44	3,62	0,33

За пределами обобществленного сектора известная доля рабочих создает, таким образом, прибавочную стоимость еще и в настоящее время. Но мы не можем сказать, что возможность существования особого класса за счет прибавочного труда и рабочих, занятых в обобществленном секторе, вполне исключена. Торговый

[1] Ленин в „Известиях“ от 29 апреля 1918 г.

аппарат частного капитала все еще значителен. Он тоже принимает участие в экономической жизни страны, при чем его удельный вес, по сравнению с удельным весом частного сектора в фабрично-заводской промышленности, гораздо больше. Так, оборот торговли по социальным формам торговых предприятий составлял в миллионах рублей в СССР (без Сибири, Казакстана и Украины):

	Госуд. предпр.	Коопер. предпр.	Частные предпр.
II полугод. 1923/24 г. . .	2.551,7	1.503,3	1.260,8
I полугод. 1924/25 г. . .	3.031,2	1.877,8	1.212,6
II полугод. 1924/25 г. . .	4.759,8	2.893,2	1.756,1

Мы видим, таким образом, что и в торговле частный сектор теряет свой удельный вес. Однако, до сих пор еще имеется известное значение за частной торговлей: она и теперь еще составляет 18,6% всего торгового оборота СССР. Товаропроводящая сеть, таким образом, несколько больше контролируется частным капиталом, чем сеть товаропроизводящая, если брать только фабрично-заводскую промышленность. И хотя главнейшая масса товаров, проходящая через частный торговый сектор, произведена частным производителем-крестьянином, нет сомнений, что часть и фабрично-заводской продукции поступает к потребителю через этот же частный торговый сектор. При этом несомненно, что определенная доля прибавочного труда, которая в противном случае поступала бы на удовлетворение общеклассовых потребностей пролетариата, удерживается в этом секторе и превращается в источник существования частного капиталиста, т.-е. в прибавочную стоимость.

Но если незаконченность всего процесса социалистического строительства откладывает (не может не откладывать) заметный отпечаток на положение рабочего класса в течение всего десятилетия Октябрьской революции, то это отнюдь не означает, что положение рабочего класса *после* великого Октября не отличается *радикально* от положения рабочего класса *до* Октябрьской революции. Мы говорим о наличии прибавочной стоимости в послереволюционную эпоху, как об *исключении*, как о *пережитках*, как о *побочном результате незавершенности самого процесса социалистического строительства*. Уже одного этого достаточно, чтобы сделать отсюда вывод о наличности значительного, принципиального сдвига в самых основных особенностях положения труда, особенностях, которые заключаются в коренном изменении отношения труда к средствам производства и его положения в хозяйственной жизни.

В самом деле, у нас сохранился институт заработной платы: прямое наследие экономических отношений, свойственных капитализму. Но сохранилось ли у нас то содержание, какое свойственно было заработной плате в условиях капиталистической системы хозяйствования? Стоит *так* поставить вопрос, чтобы на него дать определенно отрицательный ответ. В условиях, наступивших после Октябрьской победы рабочего класса, заработная плата, по *форме* сохранившаяся в хозяйственном обиходе страны, не является *по существу* тем самым институтом, каким она была в капиталистических условиях. Даже на частном предприятии заработная плата, являющаяся, разумеется, здесь ценой рабочей силы, как товара, несколько меняет свой характер, так как эта цена устанавливается уже не простым соотношением на открытом рынке труда, где она обычно стремится к стоимости восстановления рабочей силы, а условиями покупки этого товара на рынке, регулируемом пролетарской властью через свои особые органы, при чем на покупателя рабочей силы возлагается целый ряд неизвестных капиталистической экономике обязанностей (содержание фабзавместкома за счет предприятия, выплата страховых взносов, точное соблюдение Кодекса законов о труде, участие союзов в определении размеров оплаты труда и т. д.). Иначе говоря, даже на частном предприятии заработная плата подпадает под регулирующее влияние государства, созданного в интересах рабочего класса и являющегося „общественным комитетом“ этого класса. Но на частном предприятии все же сохраняется эксплоатация, какие бы ограничения пролетарское государство не ставило этой эксплоатации и как бы ни незначителен был процент прибавочного труда, превращающегося в прибавочную стоимость. На государственных же предприятиях мы имеем полное уничтожение эксплоатации. Здесь прибавочный труд прямо превращается в общеклассовое накопление, расходуемое в соответствии с общеклассовыми потребностями самих производителей этого прибавочного труда. Так, по нашему законодательству из прибыли государственных трестов прежде всего отчисляется 10% в казну в виде подоходного налога. Затем, при утверждении балансов, ВСНХ по соглашению с НКФ устанавливается известное дополнительное отчисление в казну, т.-е. на общегосударственные расходы. Эти отчисления составили в 1925/26 г.—43% (процент постоянно возрастает: он равнялся в 1923/24 г. 34%). Дальше идет отчисление в фонд улучшения быта рабочих в размере в среднем не ниже 10% всей прибыли, отчисления на тантьемы—не свыше 2% (а с конца 1925 г.—не свыше 1,5%). Весь остаток прибылей, т.-е. около 36,5%, поступает в распоряжение промышленности и идет, главным образом, на ее расширение и на составление резервных капиталов (до 20% прибыли). Во всем этом распределении прибылей нашей государственной промышленности нет и намека на образование из прибавочного труда рабочих доходов частного владельца предприятия. Другими словами, в назначении, какое получает на государственных предприятиях прибавочный труд, отсутствует совершенно превращение прибавочного труда в прибавочную стоимость. При обобществлении средств производства заработная плата, сохраняющаяся еще долго в качестве удобного средства распределения отведенной

на существование непосредственных производителей доли продукции, таким образом, теряет свой характер рыночной цены, соответствующей стоимости восстановления рабочей силы. Размер оплаты труда может опускаться и ниже этой стоимости, раз этого потребуют общеклассовые интересы производителей. Мы имели случай убедиться в такой возможности в период военного коммунизма, когда профессиональные союзы проводили политику жесткого тарифа, т.-е. устанавливали максимум заработной платы, выше которого ни один рабочий по своей специальности не мог получать, в виду необходимости перевести на дело защиты завоеваний революции возможно большую долю продукции. По вычислениям С. Г. Струмилина, весь заработок, включая в него и бесплатные выдачи натурой и даже нелегальные доходы (продажа имущества, производство зажигалок и т. д.), составлял, при среднем заработке в период с 1910 по 1914 гг. 22 р. 83 к.:

Годы	В тов. руб.	В %% к довоенному
1918	10,49	45,9
1919	8,47	37,1
1920	8,65	37,9
1921 (ноябрь)	10,88	47,5
1922 (февраль)	6,71	29,4

И несмотря на такое чрезвычайно большое снижение заработной платы все же эксплоатации рабочих не было, так как не было класса, который пользовался бы прибавочным трудом в качестве источника своего существования, помимо самого рабочего класса, который ограничивал свое непосредственное потребление ниже стоимости восстановления рабочей силы ради своих общеклассовых интересов, диктовавших необходимость защиты завоеваний Октябрьской революции. И такое снижение происходило не в силу соотношения спроса и предложения на открытом рынке труда, а в силу регулирующего воздействия на заработную плату профессиональных союзов. В период военного коммунизма, как мы знаем, рынок труда был даже формально уничтожен, и вместо найма имела место трудовая повинность.

Точно также и в последующий период, когда был восстановлен наем рабочей силы через рынок труда и рабочим было предоставлено право свободного перехода с предприятия на предприятие, мы не имели дело с восстановлением влияния соотношения спроса и предложения на рынке на динамику заработной платы. Заработная плата возрастала и возрастает под влиянием регулирующего вмешательства государственных органов, устанавливающих фонд заработной платы, и профессиональных союзов, участвующих в распределении этого фонда по различным отраслям промышленности и по отдельным категориям рабочих.

Таким образом, ясно, что заработная плата, по форме повторяющая в условиях пролетарской диктатуры институт заработной платы капиталистического хозяйства, по существу радикально отличается

от этого последнего. Вместо того, чтобы быть выражением стоимости восстановления рабочей силы, покупаемой на рынке труда, заработная плата в СССР на протяжении всего десятилетия Октябрьской революции была и остается выражением доли, какая поступает непосредственно к индивидуальному производителю из всей суммы продукции, идущей на укрепление положения всего рабочего класса в целом. При этом, в отличие от заработной платы при капитализме, целиком поступающей к рабочему и составляющей единственную и притом строго индивидуализируемую форму вознаграждения за труд, заработная плата в СССР является не единственным источником дохода для рабочего: отчисления в страхкассы от предприятий, отчисления в фонд улучщения рабочего быта не менее 10% прибылей, организация за счет предприятий яслей, организация за общегосударственный счет бесплатного обучения (как общего, так и специального), зрелищных предприятий, постройка за общегосударственный счет рабочих клубов, снижение для рабочих стоимости коммунальных услуг, квартирной платы и т. п.,—все это составляет дополнительные источники дохода для рабочего, поступающие в его распоряжение либо непосредственно, либо через коллектив. И усиление коллективного дохода рабочих составляет едва ли не самую примечательную черту в положении рабочего класса в эпоху Октябрьской революции.

И то же самое, что мы отмечаем в области заработной платы, т.-е. сохранение капиталистического института по форме, но радикальное изменение его существа, мы можем отметить и в других областях. Ибо основное достижение в положении труда за десятилетие Великого Октября в том и заключается, что на всем протяжении этого десятилетия экономическая жизнь непрерывно и неизменно перестраивается в интересах рабочего класса.

2. Рост и укрепление рабочего класса

Вряд ли в чем влияние радикального изменения в положении труда сказалось так ярко, как в самом факте роста и укрепления рабочего класса.

Правда, за десятилетие имел место период, когда рабочий класс переживал процесс деклассирования, распыления. В период гражданской войны, когда, с одной стороны, значительно ухудшились условия существования городского населения, а с другой — введена была всеобщая трудовая повинность, наблюдался, параллельно, отлив рабочих в лучше снабженную продовольствием деревню и пополнение рабочего класса за счет тех слоев населения, которые ранее относились к разряду самостоятельных производителей (кустари, ремесленники) или принадлежали к нетрудовым группам, с Октябрьской революции перешедшим к работе по найму в качестве по преимуществу государственных служащих. Что именно за счет таких двух слоев возрастала масса наемного труда в период военного коммунизма об этом говорят цифры роста численности профессионально-органи-

зованных рабочих, которые при установившемся в этот период механическом членстве вполне совпадают с цифрами, показывающими численность самого рабочего класса. Так, в период военного коммунизма численный состав участников профессионального движения изменялся следующим образом:

Годы	Количество член. профсоюзов
1918 (октябрь)	1.946.000
1919 „	3.706.000
1920 „	5.222.000
1921 „	7.524.000

Что эта огромная масса представляла собою отнюдь не фабрично-заводской пролетариат, а именно мелких самостоятельных производителей и государственных служащих по преимуществу,— свидетельствует резкое снижение числа организованных в профессиональные союзы, как только самостоятельные производители потеряли право членства, получив возможность работать на вольный рынок (вместо работы за заработную плату на государственные хозяйственные органы, как в период военного коммунизма) и как только с переходом на хозяйственный расчет и упрощением аппарата учета, контроля и регулирования число обслуживающих работников снизилось путем сокращения штатов за счет тех работников, которые имели наименьший стаж работы по найму. V Всероссийский с'езд вынес решение о недопустимости членства кустарей и ремесленников в сентябре 1922 г., и уже до него намечался отход самостоятельных производителей от союзов, что дало снижение общего числа членов профессиональных союзов между концом 1921 г. и концом 1922 г. на 45,1%. Еще более показательны данные о сокращении числа членов союзов, в которые особенно значителен был прилив самостоятельных мелких производителей, превращавшихся в рабочих-квартирников в период военного коммунизма и с новой экономической политикой переживавших обратное перевоплощение в кустарей и ремесленников. Мы говорим о рабочем составе тех отраслей, где до революции мелкое самостоятельное хозяйство было общим правилом: в деревообделочной промышленности (кустари-столяры, мебельщики и т. д.), в кожевенной промышленности (ремесленники, сапожники), в пищевкусовой (булочники), в строительной (печники, плотники), в швейной (белошвейки, портные, картузники и т. д.), в земледелии (лесорубы с подводой). Здесь число членов союзов сократилось более чем на 50%, а в иных случаях даже до 70%. Так, было членов союзов:

	1921 г.	1922 г.	%% сокращения
Рабземлеса	659.000	254.000	61,5
Деревообделочники	247.000	82.000	65,9
Кожевники	279.000	77.000	72,4
Пищевики	391.000	178.000	54.5
Строители	356.000	102.000	71,3
Швейники	179.000	49.000	72,6

Это резкое снижение становится еще более знаменательным, если его сравнить с относительно незначительными сокращениями в числе членов индустриальных союзов, даже в период военного коммунизма организовывавших преимущественно фабрично-заводских рабочих. У текстильщиков, например, сокращение выразилось в 16,1%, у металлистов —29,7%, у химиков —32,2%, у горнорабочих —29,2%, у печатников —35,1%, у писчебумажников —29,6% и т. д.

Само собою, тот факт, что сокращались в числе члены союзов даже во второй, типично индустриальной группе союзов, указывает, что сокращение шло не только за счет отходивших от них самостоятельных производителей, кустарей и ремесленников, вновь становившихся самостоятельными в условиях новой экономической политики. Указанный выше фактор — рост потребности в обслуживающем персонале при той системе учета и контроля, которая установилась во время военного коммунизма — отпадал при изменении экономической политики по окончании гражданской войны. В силу этого значительному сокращению подвергся и обслуживающий персонал. Это сказалось на сильном сокращении числа членов союзов, которые об'единяли по преимуществу этот персонал. Так, работники исскуств потеряли 58,0% числа своих членов, совторгслужащие—55,1% и т. д.

Таким образом, рост числа членов союзов или, что тоже (при совпадении обеих цифр), рост числа работающих отнюдь не свидетельствовал о росте основного фабрично-заводского ядра пролетариата. Последний, напротив, распылялся путем отхода назад в деревню. Еще в 1921/22 г. число рабочих в цензовой промышленности составляло всего 1.243.000, тогда как в 1913 г. в этой промышленности численность рабочих равнялась 2.700.000. Около половины всего персонала крупных предприятий фабрично-заводской промышленности, иначе говоря, ушло из промышленности.

Но период гражданской войны, который характеризуется определенным деклассированием и распылением рабочего класса, закончился. А с окончаним его и переходом на рельсы новой экономической политики, открывшей возможность энергичного строительства социализма, начался обратный процесс укрепления рабочего класса, его сплочения. Даже тот период новой экономической политики, когда предприятия частично свертывали свою работу, ударил не по основным кадрам пролетариата, а по его обслуживающим группам. За время военного коммунизма непрерывно падало число рабочих, приходящихся на одного обслуживающего их работника, тогда как с новой экономической политикой это число возрастает. Так, на одного служащего приходилось рабочих, если взять только фабрики и заводы:

1914 г.	14,6	1919 г. (II полов.) .	7,7	1923 г.	7,8
1917 г.	11,5	1920 г. (I полов.) .	7,1	1924 г.	7,7
1918 г.	10,3	1921 г.	6,2	1925 г.	9,0
1919 г.	8,8	1922 г.	6,3	1926 г.	9,5

Вместе с тем, неизменно и быстро возрастает и общее число занятых в цензовой промышленности. В самом деле, по сравнению с 1914 г., движение персонала цензовой промышленности выразилось следующими цифрами:

Годы	В абсолютных цифрах	Принимая цифру 1914 г. за 100
1914	2.700.000	100,0
1924	1.627.000	60,2
1925	2.232.000	82,6
1926	2.642.000	97,9
1927 (январь)	2.766.000	102,4

Другими словами, на протяжении всего периода новой экономической политики основное ядро рабочего класса неизменно росло и в настоящее время уже превышает по своим размерам довоенную численность фабрично-заводского пролетариата. Вместе с тем, его удельный вес возрастает. Правда, мы имеем лишь данные профессиональных союзов о численности их состава, а не сплошные данные о движении рабочей силы в различных отраслях народного хозяйства. Но в виду того, что в союзы в СССР об'единены фактически почти все работники по найму поголовно (свыше 94%) по данным на 1 апреля 1927 г., то этими данными можно руководиться при установлении основной тенденции. А эти данные говорят, что численно возрастает больше всего именно группа добывающей и обрабатывающей промышленности. Так, за время новой экономической политики численный состав союзов менялся следующим образом (в тысячах):

	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
По группе обрабатывающей и добывающей промышленности	1779	2386	3169	3238	3319
По транспорту	1044	1102	1199	1201	1516
По группе обслуживающей	1377	1765	2061	2140	2628

Уже одних этих данных достаточно, чтобы определенно сказать, что на протяжении всего периода новой экономической политики рабочий класс укреплялся, что особенно увеличивался удельный вес его основного ядра—фабрично-заводского пролетариата. Но процесс социалистического строительства, таким образом укреплявший экономическую мощь правящего класса, шел и в направлении к укрупнению промышленных предприятий, к концентрации промышленности, чем достигалась и дальнейшая переработка состава рабочего класса в сторону еще большей отчетливости его природы. Мы можем сравнивать данные о размерах предприятий с довоенным временем лишь в некоторых отраслях народного хозяйства, так как данные для 1914 г., приводимые фабричной инспекцией, относятся только

к этим немногим отраслям промышленности. Но достаточно показательны и пригодны для сравнения и такие сравнительно неполные материалы. Так, среднее число рабочих на одно предприятие равнялось:

В производстве по обработке	1914 г.	1925 г.	1926 г.
Хлопка	939,1	1264,4	1532,9
Шерсти	338,4	529,4	550,5
Льна, джута, пеньки	457,4	777,2	1382,9
Дерева	75,4	80,8	122,1
Пищевкусовых веществ	76,8	60,1	79,7
Химической промышленности	224,2	269,0	348,4

Едва ли приходится говорить, какое огромное значение для внутренней крепости пролетариата СССР имеет этот процесс все более и более заметного укрупнения предприятий. По своей психологии, по своей классовой выдержанности, рабочий крупной промышленности резко отличается от рабочего промышленности мелкой. Он крепче, выдержаннее, он—основное пролетарское ядро. И поэтому то обстоятельство, что на протяжении десятилетия Октябрьской революции этот процесс концентрации промышленности идет быстро, имеет первостепенное значение и для укрепления самого рабочего класса.

3. Рост материального благосостояния рабочего класса

Мы видим, таким образом, что не только в отношении рабочего к средствам производства Октябрьская революция внесла радикальнейшие изменения, превратив рабочий класс из класса эксплоатируемого в класс, который сам для себя строит экономическую жизнь, но что и сам рабочий класс окреп и вырос количественно и качественно на протяжении десятилетия.

Само собою разумеется, что такой результат, такие итоги десятилетия борьбы и строительства могли получиться лишь при одном непременном условии. Как мы отмечали, в условиях военного коммунизма, когда профессиональные союзы проводили жесткую тарифную политику и материальное благополучие города значительно снизилось, наблюдались деклассирование и распыление рабочего класса. Непременным условием восстановления рабочего класса, его роста и укрепления не могло поэтому не быть повышение уровня материального благополучия.

Основным источником этого материального благополучия для рабочего является его заработная плата. Как показывают производящиеся теперь регулярно обследования рабочего бюджета, заработки главы семьи и других членов ее являются основными источниками дохода. В самом деле, в 1925 г., по последнему бюджетному обследованию ВЦСПС, доля заработков семьи по отношению ко всему приходному бюджету равнялась 91,5%. Довоенные обследования бюджетов (Прокоповича, Стопани и др.) показывают, что, примерно, такова же была и в капиталистических условиях доля заработков

(по Петербургу, где дополнительные доходы меньше, чем в провинции, Прокопович устанавливал 94,5%). Таким образом, главнейший показатель материального благополучия рабочей массы — это движение заработной платы. О чем же говорит этот показатель?

Для цензовой промышленности мы имеем такие данные. В 1913 г. размер заработной платы составлял в этой промышленнности 30 руб. 49 коп. В условном бюджетном исчислении, которое введено лишь с новой экономической политикой, движение реальной заработной платы в этой промышленности рисуется в следующем виде:

Хоз. годы	В абсол. цифрах (в руб.)	В %% к 1913 г.
1921/22	8,84	29,0
1922/23	13,54	44,4
1923/24	21,45	70,3
1924/25	26,24	86,0
1925/26	29,40	96,4
1926/27	31,48	103,2

Таким образом, в цензовой промышленности мы имеем бесспорное превышение довоенного размера реальной заработной платы. Но при этом не учитывается ничего, кроме поступлений в виде заработка с места работы. Между тем, доходом, являющимся видоизмененной формой заработка, являются также пособия страховой кассы и другие аналогичные поступления. В среднем на семью приходилось из общей суммы дохода в 1925 г. 5% одних только поступлений от социального страхования. И если денежная заработная плата, выдаваемая непосредственно на руки рабочему, составляет теперь 103,2% по сравнению с заработной платой 1913 г., то увеличение ее путем поступлений от страховых касс, равное на семейный бюджет 2 руб. 61 коп., при соотношении заработков главы семьи и ее членов в 77,3 к 22,7, составит уже 109,8% довоенного размера. Сюда надо прибавить еще ряд неподдающихся учету поступлений в виде снижения квартирной платы в зависимости от размера заработка, предоставления коммунальных услуг по пониженным расценкам, льготы при пользовании коммунальным трамваем и т. д., чтобы получить более точное представление о подлинном росте реальной заработной платы за десятилетие Октябрьской революции.

Чрезвычайно важно, что такой рост реальной заработной платы наблюдался отнюдь не за счет увеличения продолжительности рабочего дня. Учет продолжительности рабочего времени в промышленности, где, как известно, законодательство о труде устанавливает 8-часовой рабочий день для всех рабочих, кроме подростков и занятых на особо вредных производствах, показывает, что к десятилетней годовщине Великого Октября средняя продолжительность рабочего дня равнялась 7,5 часам в сутки. При этом, 0,18 часов приходилось на сверхурочные работы, выполняемые каждым рабочим в среднем в течение 3,9 часов в месяц. Таким образом, фактический

рабочий день в промышленности уже к десятилетию приближался к семичасовому.

Вместе с тем, для представления о степени роста материального благополучия рабочих не менее важно учесть и то обстоятельство, что предоставляемые по трудовому законодательству продолжительностью в две недели (и более продолжительные во вредных производствах) отпуска неизменно возрастают. Так, очередных отпусков, без приходящихся на время отпуска праздничных дней, было 12,3 дня на каждого рабочего в 1920/21 хоз. году, 10,3 дня — в 1921/22 г., 12,3 дня — в 1922/23 г., 13,1 дня — в 1923/24 г., 14 дней — в 1924/25 г. и 14 дней — в 1925/26 г.

Мы видим, таким образом, что рост материального благополучия рабочего нашей промышленности совершенно несомненен.

Но картина этого роста была бы неполной, если бы пройти мимо данных о влиянии всех указанных факторов (рост реальной заработной платы, увеличение роли налаженного обслуживания потребностей рабочего коллективными силами и т. д.) на фактический расходный бюджет рабочей семьи. Мы имеем возможность привести сравнительные данные, охватывающие значительный период времени только по Ленинграду, так как лишь по Ленинграду бюджетные обследования производились и в дореволюционный период (исследования Прокоповича в 1908 г.), и в 1918 г. (Дубинский), и 1922 г. (Пушнов), а с 1923 г. регулярно для ноября каждого года мы имеем сведения о состоянии расходного бюджета ленинградского рабочего благодаря бюджетным обследованиям ВЦСПС.

Картина, которую нам рисуют все эти данные, такова (в %%):

	1908 (по Прокоповичу)	1918 по Дубинск.)	1922 (по Пушнову)	1923	1924 (по ВЦСПС)	1925	1926 (I кв.)
Помещение	12,8	3,4	3,3	4,0	5,8	5,4	5,2
Топливо и освещ.	6,3	—	5,8	14,0	9,4	8,3	5,5
Питание	48,2	71,7	63,2	44,5	47,0	46,9	47,6
Табак и алкоголь	5,3	нет свед.	2,0	2,4	3,4	4,7	4,8
Одежда и туалет	12,1	6,6	10,5	20,9	14,8	19,1	17,4
Хозяйств. вещи	2,1	нет свед.	0,7	1,3	2,1	2,5	3,2
Гигиена	3,6	3,4	3,5	1,9	1,7	0,9	0,9
Лечение	1,3	нет свед.	1,1	0,5	0,4	0,4	1,0
Культ. и общ. полит. расх.	3,9	3,1	3,9	5,3	7,6	5,7	6,8
Проч. расходы	4,4	11,8	6,0	5,2	7,8	6,1	8,6

Следует отметить, что теперь рабочий расходует меньшую долю своих доходов на помещение и питание, на табак и алкоголь (последнее обстоятельство, наблюдающееся несмотря на относительно большую дороговизну спиртных напитков, является чрезвычайно благоприятным симптомом, отвергающим распространенное мнение о значительности потребления алкоголя). Зато увеличиваются расходы, свидетельствующие о значительном росте культурных запросов рабо-

чих: так, расходы на одежду и туалет выросли весьма значительно, что сближает рабочий бюджет СССР с рабочими бюджетами наиболее культурных западно-европейских стран, где рабочий одевался всегда лучше, на хозяйственные вещи (опять-таки симптом роста комфорта в рабочем жилище), на культурно-политические нужды, несмотря на то, что именно в области удовлетворения культурно-просветительных запросов рабочего огромная работа проделана профессиональными союзами (библиотеки, клубы, красные уголки, школы и т. д.).

Само собою разумеется, что такая картина свидетельствует о большом росте материальной культуры рабочего класса СССР за десятилетие Октября. Рабочий живет в несравненно лучших условиях, чем в дореволюционное время.

Однако, есть еще один вопрос, который напрашивается сам собою. Если рабочий теперь, обладая измененными стандартами для оценки относительного значения внешнего комфорта в жизни своей семьи, расходует больше на одежду, чем на питание, то не является ли это результатом снижения уровня питания? Ведь в западно-европейских странах именно это снижение и наблюдается, в особенности среди квалифицированных рабочих, поддерживающих часто внешний лоск в ущерб восстановлению сил надлежащим питанием. Обследование питания городского населения показывает, тем не менее, что в СССР рост доли трат на одежду и другие статьи вовсе не сопровождается снижением питания. В рабочих семьях приходилось питания (на одну душу в килограммах за год):

	1918/19 г.	1919/20 г.	1920/21 г.	1921/22 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
Хлебн. продуктов	160	185	147	152	212	208	194	193
Мяса	6,1	8,0	10,8	21	29,3	33,3	39,3	57,7
Сала	0,8	0,5	0,5	1,0	1,6	2,8	1,5	2,8
Масла растительн.	3,1	1,6	2,1	2,3	5,6	5,6	3,3	4,3
Сахара	2,8	1,8	2,8	2,0	5,1	6,4	10,0	12,1

Таким образом, за исключением периода гражданской войны, когда вообще питание ухудшилось благодаря целому ряду обстоятельств, связанных с военными нуждами и событиями (отход производящих районов, захваченных белогвардейскими отрядами, направление всех запасов на обслуживание потребностей Красной армии и т. д.), питание рабочего населения неизменно из году в год улучшается количественно и, что особенно важно, качественно. Особенно значителен рост потребления мяса и жиров, т.-е. самой важной статьи диэты.

Картина непрерывного и неизменного роста материального благополучия рабочей массы, таким образом, совершенно очевидна. Но все ли рабочие в СССР пользуются такими благами, о каких говорят нам данные и о росте реальной заработной платы, и о повышении уровня материальной культуры рабочего населения, и об улучшении

рабочего питания? Ведь на ряду с такой картиной наблюдается и другая. Растет—и растет значительно—безработица. В начале 1927 г. число безработных, по данным Наркомтруда, составляло 1.050 тысячам, при чем из году в год на протяжении всего периода новой экономической политики численность безработных увеличивалась. Мы не будем приводить подробных данных о росте этой армии безработных, тем более, что данные, получаемые от бирж труда, и данные профессиональных союзов несколько расходятся и не могут дать точного представления о действительном числе безработных. Но факт роста этого числа бесспорен. Следует ли из этого сделать вывод, что при укреплении самого рабочего класса, при укреплении его материального положения наблюдается и параллельный процесс деклассирования части рабочих, их пауперизации, т.-е. тот процесс, который всегда сопровождает в капиталистических условиях рост безработицы и в особенности удлинение продолжительности ее?

Мы в начале статьи говорили, что одни и те же явления, но происходящие в разных условиях—в условиях капиталистических и в условиях строительства социализма — оказываются, несмотря на большое внешнее сходство, по существу совершенно различными. Это относится не только к институту заработной платы, но и к безработице, наблюдающейся в СССР. В самом деле, в СССР наблюдается необычайный рост промышленности. На протяжении всего десятилетия пережившая упадок промышленность восстанавливается сначала до дореволюционных размеров, а затем переходит за дореволюционный уровень. Тем не менее, параллельно этому росту промышленности растет и безработица. Получается полная противоположность с картиной, какая обычна для капиталистических условий, в которых рост числа безработных признается наиболее точным показателем свертывания промышленности... Откуда же это противоречие? Если мы обратимся к данным, рисующим состав наших безработных, то мы получим первый ответ на этот вопрос. В самом деле, из общего числа безработных, зарегистрированных на биржах труда, было (в %%):

	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Индустриальн. раб.	24,0	24,9	25,1	15,5	17,1
Интеллигентн. труд.	44,5	36,7	35,5	22,3	19,6
Неквалифициров. раб.	17,9	25,9	25,6	52,8	55,1
Прочих	13,6	12,5	13,8	9,4	8,2

Другими словами, настоящий фабрично-заводской пролетариат представлен среди безработных лишь в весьма небольшой пропорции. Если мы учтем, что ежегодный оборот рабочей силы в наших предприятиях превышает 100% (рабочая сила на 100% оборачивается каждые десять месяцев), если мы учтем, другими словами, что рабочие переходят с предприятия на предприятие, регистрируясь в промежутках на бирже в качестве безработных, и что прогулы, недисциплинированность и т. д. вызывают расчеты, тоже пополняющие ряды безработных из числа индустриальных рабочих, то неисполь-

зованная и пригодная рабочая сила окажется вовсе незначительной. Гораздо большее значение имеет безработица среди лиц интеллигентного труда. Но и среди них безработица значительно сокращается. В начале огромная (почти половина безработных относилась к этой группе), теперь она охватывает едва пятую часть всего числа зарегистрированных безработных. Зато колоссальна безработица среди неквалифицированных рабочих. Откуда берется эта рабочая сила? Ее дает пока все еще весьма нетрудоемкое земледелие и вызываемый этим обстоятельством приток избыточного населения деревни в город. Наличность ряда факторов (все еще наблюдающаяся разница в ценах на промышленные изделия и сельскохозяйственные продукты, культура города и т. д.) усиливает тягу в город. Из всего числа принимаемых ежегодно на работу в промышленные предприятия процент прибывших из сельских местностей составлял (в %%):

В октябре 1925 г.	36,0	В марте 1926 г.	34,8
„ ноябре „	28,9	„ апреле „	32,9
„ декабре „	32,4	„ мае „	35,9
„ январе 1926 г.	36,3	„ июне „	34,0
„ феврале „	35,5		

Свыше трети вновь поступающих являются, таким образом, выходцами из деревни. И вполне поэтому понятно, что наш рынок труда заполняется неквалифицированной рабочей силой. Деревня иной силы для городской промышленности и не может доставлять Но эти безработные — совершенно особые по типу. Это не рабочий класс, а его полукрестьянские резервы, которые частично впитываются в промышленность и там перерабатываются, разделяя с рабочими основных кадров предприятий все блага роста материального благополучия, частью же рассасываются и будут во всевозрастающей степени рассасываться по сельскохозяйственным округам по мере увеличения трудоемкости нашего земледелия в связи с введением тракторов, многополья и т. д. Разрешение проблемы безработицы для этого резерва поэтому только отчасти зависит от роста промышленности. Гораздо большее значение имеет укрепление и развитие земледелия. Следовательно, вопрос о материальном благополучии этой части населения СССР зависит не от вопроса о материальном благополучии рабочего класса, а от вопроса о росте нашей деревни.

И то, что мы уже добились столь значительных результатов для рабочей массы, является залогом дальнейших успехов в области повышения материальной культуры нашей деревни, что разрядит безработицу и откроет еще большие возможности перед классом, победившим в великие дни Октября, в течение десятилетия отстоявшим завоевания Октябрьской революции и сумевшим без чьей бы то ни было помощи, своими собственными силами и средствами далеко подвинуть вперед дело социалистического строительства.

С. С. Зак

Товарооборот торговая сеть в Российской империи и в СССР

Организация товарного рынка СССР все время была и остается до сих пор одной из труднейших проблем Октябрьской революции. Трудности этой проблемы имеют свои корни в довоенном положении царской России. Их в сильнейшей степени усугубила империалистическая война. Гражданская война, обусловившая эпоху военного коммунизма, окончательно запутала нам товарообменный узел, на распутывание которого ушли все истекшие годы нэпа и потребуется еще не мало времени. Велики успехи, достигнутые организацией товарооборота за первые 6—7 лет нэпа. Но не малая работа в этой области еще предстоит. Переходное время не только требует широкого, устойчивого, построенного по лучшим образцам, ничем неуступающего капиталистической эпохе, даже улучшенного, более усовершенствованного товарообмена, но оно требует и своего собственного, своеобразного товарообмена, отвечающего задачам, перед которыми стоит страна, строящая в условиях рабоче-крестьянской диктатуры социализм.

I

Довоенная Россия была страной резких противоречий. Высшие формы капитализма уживались в ней с отсталыми формами натурального хозяйства. Сконцентрированному капитализму, пустившему глубокие монополистические корни, приходилось разрешать ставившиеся им себе задачи в обстановке недостаточно развитой товарности народного хозяйства.

На слабой товарной базе довоенной России выстроилось столь же слабое здание торгового промысла. Имеется один более или менее удовлетворительный подсчет торгового оборота и торговой сети довоенной России.[1] Он построен на данных 1900 года и дает для 50 губерний Европейской России торговый оборот в 5.520 млн. рублей с торговой сетью в 421,2 тысяч торговых заведений. За следующие 13 лет торговый промысел сильно развился. Видно это из того, что число торговых заведений в 1912 г. было на 70% более, чем в 1900 г. Если в той же мере увеличился и торговый оборот, то накануне войны его можно принять в 9.384 млн. рублей, что составляет на душу населения около 75 руб., в которые входят обороты оптовой и розничной посреднической торговли. Как ничтожна эта цифра, видно

---

[1] Торговля и промышл. Евр. России по районам.

из того, что Wernicke для начала XX столетия оценивает одну только розничную торговлю (Detailhandel) Германии в 30 мрд. марок,[1] или 13,8 мрд. марок, что дает в среднем 230 рублей на человека.[2] Считая, что оптовая торговля равна розничной, мы получаем для Германии начала XX столетия около 460 рублей торгового оборота в среднем на человека или в 5,5 раза больше, чем в России накануне войны.

Количественной осталости довоенной торговли России соответствовала ее качественная постановка. Тут необходимо отметить прежде всего, своеобразность структуры, свойственную вообще отсталым странам. Вся довоенная торговля России базировалась на разносной и мелочной торговле, которая охватывала 66,2% всех торговых предприятий, и на разносно-уличной торговле — 33%, между тем как оптовая торговля отнимала всего лишь 0,8% предприятий.[3] В Германии по переписи 1925 года торговые предприятия распределяются так: предприятий оптовой торговли 18,5%, розничной — 71,4% и уличноразносной — 11,1%.[4] На одно оптовое торговое заведение было в довоенной России 80 рознично-мелочных торговых предприятий, а в современной Германии — 3,9. Оторванность розничной торговли от оптовой удорожает розничную торговлю, поскольку оба разряда торговых предприятий существуют независимо друг от друга, постольку розничные лавки не являются филиалами оптовой торговли (или об'единенной промышленности), как мы это видим в настоящее время в Америке, а отчасти и в современной Германии.

К крупным недостаткам в структуре довоенной торговли России нужно отнести также неправильное ее территориальное построение. В 1900 г. было торговых оборотов на одного жителя во всей Евр. России 52,5 рублей. Но в Московско-Промышленной области на одного жителя торговых оборотов приходилось 167,3 руб., в южностепных губерниях Украины — 95,5 в Северо-Западной области — 85,5, на юге-востоке — 70,1 руб. Наоборот, в Южно-Горнопромышленной части Украины на одного жителя приходилось торговых оборотов 43,5 руб., в Уральской области — 35,2, Центрально-Земледельческой — 26,1, Северной — 21,0 и в белорусских губерниях — 16,1 руб. Считая, что в торговле товар делал только два оборота, мы получаем товароснабжение населения последних областей в 8 — 20 руб. в год на человека или около 2—6 коп. в день.

II

Специфические черты торговли сказались в дореволюционной России с первых дней империалистической войны. Торговля сразу

[1] J. Hirseh, „Der moderne Handel", 1925, стр. 43.

[2] Розничная торговля Соед. Штатов для 1925 г. оценивается в 38 мрд. долл. или в 73 мрд. руб.; на 1 чел. — 585 руб.

[3] По выбранным патентам. См. В. Устинов, „Эволюция внутр. торг. в России". 1925 г., стр. 5.

[4] „Wirtschaft und Statistik", 1927, № 8.

была выбита из колеи. С внешней стороны положение торговли как-будто не только не ухудшилось, но даже стало лучше. Боязнь дать капиталам долгосрочное приложение в производстве приводила к наплыву капитала в торговле. Об этом определенно говорит быстрый рост вкладов в банки краткосрочного кредита и их операций по выдаче подтоварных ссуд. По сводным балансам коммерческих банков, с 1 января 1913 г. по 1 января 1917 г., вклады по пассиву возросли с 2.293 млн. руб. до 6.748 млн. руб.[1] Увеличение вкладов в три раза за четыре года не могло быть результатом нормального накопления, ибо за четырехлетие до 1913 г. в тех же банках краткосрочного кредита вклады увеличились всего лишь на 1.270 млн. руб., т.-е. в четырехлетие наивысшего расцвета народного хозяйства довоенной России накопление вкладов в коммерческих банках происходило в четыре раза слабее, чем в годы войны. Само такое накопление может быть об'яснено лишь теми колоссальными прибылями именно в области товарообращения, о которых не переставали говорить в годы войны. Вместе с тем, и накоплявшиеся в виде вкладов в банках краткосрочного кредита средства не могли иметь нормального распределения между отдельными отраслями народного хозяйства. Если бы в этих нараставших вкладах участвовали в значительной части производственные оборотные капиталы, то это подразумевало бы также быстрое накопление — вне банков краткосрочного кредита — основного производственного капитала. Между тем, известно, что восстановление старого основного капитала промышленности в годы войны почти остановилось. Что же касается учредительства новых предприятий, то и тут нельзя говорить о каких-нибудь особенно выдающихся шагах.

Акционерное дело, правда, развивалось быстро, но „акционерные компании образовывались больше для реорганизации (управленческой, но не производственной. С. З.) старых предприятий, чем для создания новых".[2]

Что накопление вкладов в банках краткосрочного кредита в годы войны было ростом, главным образом, капитала товарообращения, видно из роли, которую в активных операциях акционерных банков играли подтоварные ссуды. За четырехлетие с 1913 по 1917 гг. выданные акционерными банками ссуды под товары (и документы) возросли с 556 млн. руб. до 1.043 млн., т.-е. увеличились в два раза, несмотря на нажим со стороны правительства в смысле направления банковских средств на покупку облигаций государственных займов.

Итак, годы войны как-будто были периодом небывалого „расцвета" торговли, периодом небывалых торговых прибылей и небывалого роста торгового капитала. Однако, торговля, как таковая,

[1] „Вестник финансов", 1913 г., № 13, и 1917 г., № 39.

[2] А. Фини-Енотаевский, „Капитализм в России", ч. I, М. 1925 г., стр. 326.

определяет свое состояние не по этим признакам, даже не по размерам торгового оборота, а по размерам товарообращения. Что же происходило в годы войны с последним? По состоянию дореволюционной торговой статистики ответить на этот вопрос в отношении годов войны можно только косвенно, по ежегодным результатам крупнейших наших ярмарок. На этих результатах в годы войны особенно внимательно останавливается из года в год министр финансов в своих „об'яснительных записках" к проектам государственной росписи доходов и расходов. „Зимние ярмарки в конце 1913 г. прошли в общем удовлетворительно, но без особенного оживления". „Ирбитская ярмарка прошла в 1915 году довольно слабо... привоз сократился (сравнительно с 1914 г.) на 40,8%, а продажа — на 30,9%". „Нижегородская ярмарка 1915 г. открылась при общем недостатке товаров"; в общем было привезено на ярмарку товаров „на 50—75% меньше обычного; торговых заведений зарегистрировано 1.308 против 2.025 в 1914 г., что составляет сокращение на одну треть; с'езд торговцев значительно уменьшился, а равно и с'езд покупателей, особенно крупных оптовых, как, например, потребительских обществ". „Из доставленных Киевским биржевым комитетом сведений о ходе торговли на киевской (контрактовой) ярмарке в 1915 г. видно, что розничная торговля на ярмарочной площади и в контрактовом доме должна быть признана в общем ниже средней и число мест торговли было значительно менее против 1914 г." 1916 год дает дальнейшее сжатие ярмарочной торговли. На Ирбитскую ярмарку „привоз товаров сократился по количеству почти на 60% против привоза 1915 г.", и если денежная оценка оборотов не изменилась, то это произошло вследствие того, что „цена всех товаров в ярмарку 1916 г. возросла приблизительно на тот же процент, а по некоторым товарам — на 100%". „Нижегородская ярмарка прошла в 1916 г. при малом с'езде продавцов и покупателей и при малом подвозе товаров... Фирм, принявших участие в ярмарке, было зарегистрировано 1.496 против 2.082 в 1915 г., 2.653 в 1914 г. и 2.920 в 1913 г.; при этом оптовых фирм было 334 против 505 в 1915 году, т.-е. менее на 1/3. Всех грузов поступило водным путем 8.070 тыс. пуд. против 9.723 тыс. пуд. в 1915 и 12.573 тыс. пуд. в 1914 г." „Киевская контрактовая ярмарка 1916 г. характеризовалась тихим настроением, вызванным малолюдностью с'езда и ограниченностью сделок".

Постепенное сжатие товарооборота об'яснялось частью сокращением немилитаризированного производства, частью ухудшением транспорта. Однако, не во всех случаях эти причины в достаточной мере об'ясняли создавшееся положение. Для 1916 г. министр финансов отмечает, например, такое явление: „На мануфактурном рынке, начиная с зимы 1915 г., ощущается недостаток товаров. Выработка их на частный рынок вообще сократилась и продолжает сокращаться, главным образом, в области дорогих ассортиментов. Однако, выработка таких тооаров, как ситец и миткаль, составляющих предмет

массового спроса, мало сократилась". Тем не менее, товарный голод, нарастание которого характеризует весь период, коснулся и этих товаров. Вообще движение цен на разные товары показывает, что состояние промышленности и транспорта не могло быть единственной причиной, вызвавшей хаос в товарообороте. Многое скрывалось в состоянии самой торговли. На это обстоятельство у нас обращалось мало внимания. Публично впервые о нем заговорил В. Г. Громан на экономическом совещании в январе 1916 г. Отметив нарушение „соответствия спроса и предложения", В. Г. Громан обратил внимание совещания на тот факт, что „мы уже сейчас, в январе 1916 г., должны сказать, что у нас нарушен торговый аппарат. Он уже расшатан. Что это значит? В докладе, который я имел удовольствие прослушать в другом собрании, в докладе Д. С. Коробова, было ярко изображено, что торговые сделки потеряли свое реальное значение. В данном случае аналогировать торговую сделку можно с ставками азартной карточной игры... Обычно, когда мы говорим о нарушении спроса и предложения, у нас мысль направляется всегда к тому, что предложения стало меньше, что означает уменьшение и расстройство производства. Но об огромном большинстве продуктов первой необходимости мы в данное время этого сказать не можем". [1]

Что же такое произошло? „В начале войны всякий предполагал, что частный торговый аппарат как-нибудь приспособится к изменившимся условиям... Такова точка зрения была еще в июле, и ее можно признать господствующей и теперь. Но аппарат торговый параллельно с ослаблением транспорта, параллельно с мероприятиями правительственными, которые пугали и не давали никакой надежды на улучшение положения, все расстраивается и расстраивается дальше. Сейчас, я полагаю, мы имеем остатки торгового аппарата, а не торговый аппарат в целом". [2]

Важно отметить, что сказанное В. Г. Громаном характеризует результат только первых полутора лет войны. В дальнайшем положение ухудшалось все более и более. Каналы товарооборота оголялись изо дня в день. Так сказать, „пищи" для торговли становилось все меньше. Но сама торговля разбухала за счет нараставших капиталов товарообращения. И торговый аппарат взрывался извнутри себя. То, что можно назвать нормальной торговлей, заменяется злостной спекуляцией, разлагающей не только народное хозяйство, но и самую торговлю. Накануне февральской революции в сущности уже не было торговли, а была сплошная спекуляция, в которой принимали одинаковое участие биржевые акулы наравне с оптовыми торговцами и даже розничниками. В одном факте, казалось бы положительном, отражается как в зеркале весь развал торговли накануне февральской революции. Мы говорим об охватившей население ма-

[1] „Труды эконом. совещ. 3—4 января 1916 г.", стр. 24—25.
[2] Там же, стр. 28.

нии потребительско-кооперативного строительства. В 1914 году насчитывалось в России около 11,5 тысяч потребительских кооперативов с оборотом в 290 млн. золотых рублей и с 1.650 тысяч членов. И вот к 1 января 1917 года А. Меркулов определяет число потребительских кооперативов „близким" к 20 тысячам, с числом членов в 5 млн. человек и оборотом в 11,5 мрд. рублей.[1] Констатируя этот успех кооперации, успех действительно небывалый не только у нас, но и за границей, А. Меркулов на вопрос, „что же скрывается за этими ошеломляющими цифрами", меланхолически отвечает: „сахарный кооператор... стал типичной, рядовой фигурой в нашей кооперации". И действительно, в этом всплеске кооперативной волны напрасно стали бы искать идеологической подоплеки. Движение шло по глубоко прозаической дорожке. Быстро разлагавшийся торговый аппарат заставлял население само как-нибудь организовывать товарооборот, и он бросился в кооперацию в той же растерянности, в какой царское правительство вынуждено было стать на путь несвойственных ему опытов по урегулированию рынка.

Результат в обоих случаях получился одинаковый: делу не только не помогали, но еще более вредили. Товарооборот все более и более приобретал хаотический характер. Публичным выражением создавшегося хаоса был Всероссийский продовольственный с'езд, собравшийся во вторую половину мая 1917 г. в Москве. Полной растерянностью дышали все выступления участников с'езда. В „резолюциях" недостатка не было. Один „план" был лучше другого. Но не было одного: не было сознания, что Россия осталась без торгового аппарата старого образца, что его не воскресить в создавшихся условиях, а необходимо создать что-то новое. Трудно сказать, что подразумевал А. Чаянов под словами: „нужен не один план, но единая воля".[2] Во всяком случае, уже в мае было ясно, что без „единой воли" не выбраться из продовольственной трясины, точно так же, как тщетны были надежды без нее выбраться из общего народнохозяйственного развала, созданного империалистической войной в истерзанной царской стране. Гул от приближавшейся октябрьской бури доходил уже до майского продовольственного с'езда.

III

Различное наследие Октябрьская революция получила в производстве и транспорте, с одной стороны, и в торговле — с другой. Тут сказались особенности торговли сравнительно с производственными отраслями народного хозяйства: если в производстве и транспорте четыре года войны сказались и сокращением и ухудшением работы; если немедленный переход к мирной жизни потребовал бы здесь серьезных затрат восстановительного характера,— то в товарообороте Октябрьская революция застала одни только развалины, на которых уютно устроились черные вороны спекуляции. С другой стороны, сама Октябрьская революция должна была оказать различное влияние на торговлю и на производственные отрасли народного хозяйства. Если изгнанные помещики не могли забрать с собою земли и инвентаря; если фабриканты и заводчики ничего не могли сделать против захвата рабочими предприятий (часто им даже не удавалось „спасти" от захвата сырье, топливо и т. п.),— то в торговых заведениях Октябрьская революция нашла одни только голые стены.

[1] Союз потребителей, 1917 г., № 1.

[2] Отчет о Всеросс. продовольств. с'езде в Москве 20—26 мая 1917 г. Вып. II, стр. 42

Положение, однако, ухудшалось еще тем, что на второй же день после революции пролетариат оказался на двух военных фронтах: не успев покончить с империалистической войной, он был втянут в жестокую гражданскую войну. Обстановка создавалась чрезвычайно тяжелая. Не о строительстве народного хозяйства приходилось думать, а о борьбе — всеми средствами и всеми возможностями — за революционные завоевания. Выходом тут могло быть только то, что в истории русской революции вошло под названием „военного коммунизма" и что можно назвать специфической формой товарооборота, приспособленной к специфическим условиям народного существования в обстановке беспощадной гражданской войны.

„Военный коммунизм" спас Октябрьскую революцию, но вывести товарооборот на правильную дорогу он не мог. Более того, затратив громадные силы на борьбу с полученным наследием в виде оголтелой торговой спекуляции, „военный коммунизм" не уничтожил ее, а загнал тяжелой занозой в самое сердце революционной страны. Спекуляция, так сказать, демократизировалась. Она распылилась, захватив не только „расклассированных" торговцев и бывших их приказчиков, но и крестьян с рабочими. Натуральные из'ятия и натуральное распределение проходили по поверхности народной продукции и народного потребления. Они лишь частично разрешали проблему товарооборота. Все же остальное поглощалось „Сухаревкой", особою формой мелкой, но достаточно злостной спекуляции, пышно расцветшей по всему миру по октябрьской России за годы „военного коммунизма".

Чтобы в общих чертах представить себе роль „Сухаревки" в годы „военного коммунизма", воспользуемся некоторыми результатами обследования питания городского населения в 1919 г.[1] Поступило в хозяйство помимо карточек и вне кооперативных лавок в марте — апреле 1919 г. для рабочих семей хлеба 48,5% всего потребления, крупы 75,8% и картофеля 95,5%, при поступлениях для остального населения хлеба 52,5%, крупы 81% и картофеля 96,7%. В июле того же года неурегулированные приобретения рабочих выразились в 44% хлеба, 78,1% муки и 86,3% крупы, в то

[1] „Стат. Ежегодник", 1918—20 гг. Вып. I, отд. VII, стр. 8, 16 и 24—25.

время как у нерабочих неурегулированным путем было приобретено 46,8% хлеба, 78,8% муки и 89,1% крупы. Наконец, в декабре неурегулированным путем было приобретено всего потребления (в %%):

	Рабочими	Служащими
Хлеба	32,8	33,2
Муки	62,4	59,8
Крупы	73,8	70,9

Из этих данных мы видим, что не менее половины самых необходимых предметов питания приобреталось в 1919 году на российской „Сухаревке", т.-е. при посредстве нелегальной розницы, в которую превратилась так называемая „вольная" торговля в эпоху „военного коммунизма". В общем итоге о созданном на городских рынках „военным коммунизмом" положении можно судить по роли денежных расходов в бюджете рабочего уже в конце 1922 г., т.-е. всего лишь через год после введения нэпа. В процентах ко всем расходам рабочих денежные расходы составляли по обследованию в декабре 1922 г.:[1]

	Семейн. рабочие	Одиночки
Москва	84,5	85,0
Петроград	84,4	88,1
Екатеринбург	79,6	89,6
Иваново-Вознесенск	56,4	48,2
Харьков	79,6	84,6
Донбасс	71,4	72,3

Если в городе „военному коммунизму" удалось натурализировать только небольшую долю потребления, то наоборот, в деревне получалась крайняя натурализация хозяйства при вовлечении крестьянства в подпольную спекуляцию в той ничтожной части его бюджета, которая сохранила денежный характер. Товарность крестьянского хозяйства в %% к валовому его доходу составляла:[2]

	Потребляющ. полоса	Производящая
До войны	26,2	22,4
1920/21	6,6	18,8
1921/22	11,5	11,2

В пояснение этих цифр необходимо сказать, что в товарность крестьянского хозяйства тут зачислены все отчуждения, включая изъятия по продразверстке, весь натуральный обмен и проч.

Общий итог товарообороту в эпоху „военного коммунизма" подводит грузовая статистика. В 1920 г. по всем путям было отправлено грузов в %% к отправкам 1913 г.: хлебофуражных грузов 15,1%, сахару 6,4%, хлопка 29,8%, льна 16,5%, живого скота 17,0%, мясных продуктов 34,8%, масла коровьего 9,5%, яиц 2,4%, соли 32,1%, каменного угля 11,0%, керосину 18,0%, черного металла не в деле 16,3%, изделия из черного металла, включая и машины 17,8%, мануфактуры 14%.[1] Поскольку сокращение перевозок промтоваров до известной степени должно быть отнесено на сокращение продукции, постольку сокращение перевозок сельхозтоваров говорит, главным образом, о сокращении товарооборота. В 1922/23 г. мы все еще имели 46,8% довоенной денежной доходности деревни при уменьшении валового ее дохода только на 26%, при чем товарно-денежный расход деревни дает сокращение перед довоенным почти в 4 раза.[2]

Необходимо, однако, отметить и положительное наследие, оставленное товарообороту эпохой „военного коммунизма". Это, во-первых, подготовка сильного аппарата для организации государственной торговли. Если национализация промышленности сама создала важную предпосылку для построения госторгового аппарата и вообще для государственного регулирования торговли, то продорганы своей работой заложили фундамент активного вмешательства государства в товарооборот сельхозтоварами. Успехи „военного коммунизма" в последней области можно охарактеризовать следующими цифрами. В 1916/17 году государственная заготовка хлебофуража выразилась всего только в 2,7% валового сбора хлебов, между тем как в 1920/21 г. заготовка уже составила 10,9% и в 1921/22 г. 16,7% сбора.[3]

Вторая победа „военного коммунизма" — это успехи кооперирования массы потребителей. Так или иначе начало этому было положено в годы империалистической войны. Но особенно значительны были успехи кооперации в годы „военного коммунизма". По данным о продолжительности существования кооперативов в 13 губерниях и 120 уездных городах Евр. России на 1 октября 1922 г.[4] видно, что из общего числа кооперативов насчитывалось не более трех лет существования: в потребительской кооперации 24%, в промысловой 86,7% и сельскохозяйственной 81,1%. Таким образом, известную базу для социалистического строительства товарооборота нэп получил от „военного коммунизма".

IV

Десятилетие, последовавшее после Октябрьского переворота, по своему историко-экономическому значению, как одной из стадий переходной от капитализма к коммунизму эпохи, — распадается на две части. Первое трехлетие, трехлетие „военного коммунизма", было, по существу, трехлетием самообороны Октябрьской революции. Та революционно-творческая работа, которая была выполнена в эти годы, имела, так сказать, вспомогательный характер. На путь органического творчества Октябрьская революция вступает с 1921 г.,

[1] Сборник стат. сведений по Союзу ССР, 1918—23 гг., стр. 248—251.
[2] Л. Н. Литошенко, „Крестьянский бюджет". М. 1923 г., стр. 42.

[1] Материалы по динамике грузооборота, ч. I, М. 1925 г.
[2] С. Зак, „Опыт изучения товарности", стр. 61; Изд. „План. Хоз". М. 1926.
[3] Сборн. стат. свед. 1918—23 гг., стр. 428—429.
[4] Стат. Ежегодн., 1921 г., вып. II, стр. 118—120.

с которого начинается то, что известно под названием новой экономической политики или нэпа и что является переходным временем, необходимым для строительства социалистического общества. На долю нэпа выпала, таким образом, двойная задача. Необходимо было, во-первых, залечить те тяжелые раны, которые нанесли народному хозяйству России сначала империалистическая война и потом война гражданская. В области товарооборота эти раны были особенно тяжелы. Если производственные отрасли народного хозяйства вступили в эпоху нэпа в сильно потрепанном виде, то от довоенного торгового аппарата, как мы показали выше, почти ничего не осталось. Во-вторых, одновременно приходилось вырабатывать новые формы хозяйствования, соответствующие задачам переходного времени. Товарооборот и тут оказался в исключительном положении. Промышленность и сельское хозяйство с самого начала нэпа стали перед вопросом о своей реконструкции, об улучшении, об усовершенствовании, о приспособлении к новым условиям того, что было создано буржуазной Россией. Наоборот, в области товарооборота нэп сразу стал перед необходимостью создать новые формы, сразу он должен был стать на путь изобретения новой, с в о е й торговли — не только потому, что старый аппарат был разрушен, но и потому, что даже то, что можно было считать положительным наследием,— торговый опыт, торговые знания, специализировавшийся персонал,— мало годились для новых условий жизни. В какой мере и это наследие от буржуазной торговли было малоценно для переходного времени, ясно стало с первых дней Октябрьской революции, когда то, что являлось пролетариатом торговли—приказчичья масса,—не только не стала в ряды активных борцов за революцию, но вместе с хозяевами ушла, главным образом, в ту самую подпольную спекуляцию, которая была зловреднейшим бичем „военного коммунизма".

В области торговли нэп застал почти пустое место не только в материальном, но и в моральном смысле, если не считать положительных зачатков, заложенных „военным коммунизмом", и отрицательных порождений в виде спекулятивного подполья. Тут, однако, сказались особенности экономики товарообращения: за один только год нэпа создалась торговая сеть в 176.460 единиц. Правда, львиную долю здесь составляют „частные" торговые заведения, которые являлись, главным образом, созданиями спекулятивного подполья, получившими благодаря нэпу возможность выбраться на свежий воздух; из общего числа торговых заведений, зарегистрированных к концу 1922 г., на долю „частных" приходилось 94%, между тем как кооперативных торговых заведений было зарегистрировано всего лишь 4,6% и государственных 1,4%.[1] Но так или иначе товарообмен быстро возродился. Еще более яркую картину возрождения торговли дала городская перепись марта 1923 г. В одних только городах и не на

[1] Вл. Сарабьянов, „Экономика и экон. политика СССР", 1926 г., стр. 410.

всей территории Союза (без Крымской республики и некоторых окраин) переписью зарегистрировано было 280.851 торговое заведение или 14,3 заведения на тысячу жителей в среднем. Как велико это число, можно видеть из того, что по переписи 1925 г. во всей Германии было найдено 847.564 торговых заведения, или 13,6 заведений на тысячу жителей. Конечно, другая картина у нас получится, если взять страну в целом. Ко времени городской переписи во всем СССР (вместе с сельскими местностями) было официально зарегистрированных торговых заведений 406.962[1] или 3,05 торговых заведений на тысячу жителей. Но эта сравнительно слабая торговая сеть не столько об'ясняется недостаточным ее восстановлением за два года нэпа, сколько тем, что в стране с 63,6 человека на 1 *кв. км* территории вообще требуется меньшая торговая сеть, чем в стране со 133 человека на 1 *кв. км* территории, как это мы видим в Германии. Важно другое,— что всего лишь за три первых месяца 1923 года торговая сеть дала новый сказочный скачок, увеличившись сравнительно с концом 1922 года в два с половиной раза.

Еще быстрее в стране за этот период времени возрастал торговый оборот. Если торговая сеть к концу 1922 г. составляла 14,4% довоенной (по числу выданных патентов), а в 1923 г. эта цифра поднялась до одной трети (33,3%), то грузовые перевозки возрастали гораздо более усиленным темпом и в 1923 г. достигли уже 45,7% довоенных.[2]

Центральное статистическое управление сделало попытку непосредственно определить состояние торгового оборота в 1922/23 г. по сравнению с 1900 г.— единственным довоенным годом, за который имеется подсчет торгового оборота. Обработка ЦСУ сравниваемых данных дает такую картину сравнительного состояния торговли СССР по районам.[3]

Торговый оборот 1922/23 в %% к 1900 г.

Крайний север	68,4	Башкир.-Оренбур. край	40,0
Сев. Кавказ	65,6	Волжско-Кам. район	33,8
Цент.-Промышл. губ.	64,3	Волжский „	28,7
Белоруссия	64,2	Сев. Зап. „	27,9
Уральская область	60,0	Центр.-Земл. „	27,6
Западный район	58,1	Рязано-Тульский район	26,1
Северный „	55,0	Крым	20,1
Украина	45,4	Нижне-Волж. район	17,1
		Евр. Россия	45,4

Вообще говоря, эта табличка рисует достаточно отсталую картину торгового оборота в 1922/23 г., когда по всей Евр. России имелось налицо 45,4% того торгового оборота, который был най-

[1] Там же.

[2] Итоги межрайонного грузооборота в 1925/26 г. М. 1927 г.

[3] Стат. Ежегодник 1922 и 1923 гг. Вып. I, стр. 284.

ден здесь за 13 лет до империалистической войны. Особенно неутешительную картину дает сравнение в порайонном разрезе. В весьма торговых в довоенное время приволжских районах, в Северо-Западном районе, в Крыму — осталась треть и менее торгового оборота, на Украине — менее половины, в промышленном „сердце" СССР, центрально-промышленных губерниях, и в главном районе хлебного производства РСФСР,— Сев. Кавказе,— осталось менее двух третей торгового оборота. Но торговое положение 1922/23 г. необходимо рассматривать сквозь призму разрушений, произошедших за 10 лет паралича народнохозяйственной жизни, с одной стороны, и задач, которые стали перед Россией после Октябрьского переворота, с другой — задач, затруднявших восстановительный процесс в торговле сильнее, чем в промышленности.

В главном и основном торговое строительство сразу стало на новые пути. В довоенной России был только один вид государственной торговли, именно винные лавки, которые были закрыты с началом войны. Кооперативная же торговля была развита слабо. Выше мы оценили довоенный торговый оборот Евр. России (посреднический) в 9.384 млн. руб. Какое место тут занимала кооперативная торговля? Для 5,5% всех довоенных потребительских кооперативов торговый оборот накануне войны исчислялся в 45,8 млн. руб.[1] В подсчет вошли самые крупные кооперативы. Поэтому для выведения общего кооперативного оборота приведенную цифру необходимо увеличить не в 18, а примерно в 10 раз. С прибавкой торговых оборотов остальных видов кооперации, кроме потребительской, получится цифра торговых оборотов всей кооперативной сети в 500 млн. рублей или в 5,5% всего посреднического торгового оборота страны.

Перепись 1923 года нарисовала совершенно новую картину. Не только 10% торгового оборота оказались кооперированными, но, кроме того, рядом с кооперацией стояла государственная торговля с 26% торгового оборота,[2] так что частной торговле противопоставлялась значительная государственно-кооперативная сила в 36% всего торгового оборота страны. Мало того: на „командующих высотах" торговли,— в оптовой торговле,— соотношения были еще более благоприятны с точки зрения успехов обобществления торговли. Между социальными секторами разные виды торговли распределялись так (в %%):

	Госуд. торг.	Кооп. торг.	Частн. торг.
Оптовая торговля .	77,3	8,2	14,5
Оптово-розничн. . .	38,9	10,7	50,4
Розничная	6,6	10,0	83,4
Вся торговля	26,0	10,0	64,0

[1] Ежегодн. Моск. Союза потреб. общ. 1913 г., ч. 1, стр. 106.
[2] Бюлл. Центр. стат. упр. 1924 г., № 83.

Если кооперативная торговля во всех видах торговли не уходила далеко от всей средней по общему торговому обороту, то государственная торговля выступала в роли почти монополиста в опте и большой силой — в оптово-розничной торговле; госторговля же вместе с кооперацией, т.-е. весь обобществленный сектор торговли управлял 85,5% оптовой торговли и половиной оптово-розничной.

Между тем, пути, по которым нэп должен был пойти, пока только намечались. Во-первых, денежная реформа, которая должна была подвести фундамент под восстановленную торговлю, окончательное свое осуществление получила только в 1924 г. Во-вторых, хозяйственные отношения, необходимые для развития рыночного товарооборота, строились постепенно в течение всего 1922 г. и невполне законченными перешли в следующий 1923 год. В январе 1922 г. в крупной промышленности превалировала еще натуральная оплата труда — 77,5% для всего СССР, 62,2% для Москвы и 57,1% для Ленинграда. Перевод заработной платы на денежную оплату шел постепенно в течение всего 1922 г., но не закончился, так что в декабре для всего СССР натуральная оплата в крупной промышленности составляет еще 21,6% при 5,5% в Москве и 12% в Ленинграде.[1] Точно также налоги, которые являются основным фактором товаризации деревни, в течение всего 1922/23 года взимаются главным образом в натуральном виде.

Из 39 губерний, которые дают по этому вопросу сведения, в результате бюджетного обследования крестьянских хозяйств, только в одной натуре поступило налогов 73,4%; в остальных губерниях натуральная доля была больше и колебалась между 97,2% и 88,3%.[2] Положение в деревне ярко характеризуется хлебофуражными заготовками 1922/23 г. Всего разных хлебов было заготовлено за год всеми государственными организациями 434 млн. пудов и из них наркомпродовскими средствами, т.-е. внеторговыми путями, было заготовлено 355 млн. пуд., или 81,8%.[3] В обращение некоторое количество хлебофуража поступило в 1922/23 г. также через частника. Как велико было это количество, прямым путем определить нельзя. Примерно его можно принять, как разницу между суммой грузооборота и заготовками госорганизацией, при чем первую необходимо увеличить на 10% за счет гужевых, т.-е. неучитываемых перевозок. В общем грузооборот 1922/23 г. составил около 600 млн. пуд., так что на долю частника приходится 166 млн. пуд. хлеба, а на долю торгового хлеба в целом, т.-е. вместе с хлебом, заготовленным госорганизациями торговыми средствами, выпадает 245 млн. пуд., или всего лишь 40,8% всего изъятого из деревни хлебофуража.

[1] Стат. Ежегодн. 1922 и 1923 гг. Вып. I, стр. 224.
[2] Там же, стр. 346.
[3] Там же. Вып. II, стр. 9 и 14.

Вообще 1922/23 г. нужно рассматривать, как переходный от „военного коммунизма" к нэпу, и не только потому, что народнохозяйственный уклад еще не был подготовлен к рыночному товарообороту, но также и потому, что не ясны были еще пути, по которым должен был пойти нэп. Если в 1921 г. В. И. Ленин должен был доказывать, что вообще нэп необходим, что вообще необходимо, чтобы „советская власть и диктатура пролетариата" стали на путь „признания в той или иной мере свободной торговли",[1] то в течение всего 1922 г. и начала 1923 г. В. И. Ленина занимали вопросы о р г а н и з а ц и и нэпа. Когда нэп примирял Устряловых с советской властью потому, что они видели в нем доказательство того, что советская власть „стала на дорогу, по которой катится к обычной буржуазной власти",[2] когда приходилось констатировать еще худшее, именно, что не коммунисты ведут „бюрократическую груду", а она их ведет,[3] то это свидетельствовало не о том, что нэп плох, а о том, что нэп еще не осознан, не осознан, как путь социалистической борьбы за коммунизм, а не как путь реставрации буржуазного строя. С большим трудом усваивалось представление о нэпе, как специфическом методе социалистического строительства, т.-е. планомерного строительства, захватившим в свои руки политическую власть и основные экономические базы пролетариатом, в отличие от стихийного анархического капиталистического строительства.

V

Период планомерного строительства товарооборота в условиях нэпа охватывает всего лишь четырехлетие 1923/24—1926/27 гг. За этот короткий период для строительства торговли подготовилась весьма благоприятная почва. Уже в 1925/26 г. железнодорожный грузооборот, равнявшийся еще в 1923/24 г. 55,5% грузооборота 1913 г., поднялся до 88,7%.[4] Так как в 1926/27 г. железнодорожный грузооборот повысился еще на 15%, то к 1927/28 г. мы имеем, повидимому, уже восстановленный довоенный железнодорожный грузооборот. Восстановление водного грузооборота шло более замедленным темпом, но и здесь мы находим в 1926 г. 69,3% грузооборота 1913 г. при 41,1% в 1923 г.[5] По этим цифрам нельзя еще судить о темпе, в котором росла за четырехлетие торговая база СССР, но они суммируют успехи, сделанные товаризацией страны. Уже в течение 1923 г. из доходов рабочих и служащих выпала натуральная доля, так что все городское снабжение перешло на торговые рельсы. Одновременно росли доходы городского населения. В условных бюджетных рублях заработная плата рабочих цензовой промышленности,

[1] В. И. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 187.
[2] Там же, ч. II, стр. 42.
[3] Там же, стр. 43.
[4] Итоги межрайонн. грузообор. в 1925/26 г., стр. 47.
[5] Там же, стр. 78.

равнявшаяся 1923/24 г. 21 руб. 45 коп. в месяц в среднем, достигла в 1925/26 году 29 руб. 40 коп.[1] Одновременно промышленность окончательно переходит на хозяйственный расчет. В деревне такж е большие успехи делают денежные доходы. Если в довоенных рублях в 1923/24 г. денежного дохода на одно крестьянское хозяйство приходилось 138 руб.,[2] то для 1924/25 г. эта цифра уже поднимается до 251,9 руб. черв.[3] (в переводе по госплановскому оптовому с.-х. индексу 172,8 руб.). Для 1925/26 г. денежный доход деревни исчислен в 401,8 черв. руб. на крестьянский двор.[4] Эта цифра, повидимому, преувеличена. Но она может все-таки быть принята как симптом значительного увеличения денежного хозяйства деревни. Эти отрывочные данные дают основание признать во всяком случае близкими к действительности делаемые Госпланом СССР расчеты движения товарности страны. По довоенным ценам, по расчету Госплана СССР товарная масса составляла (млн. руб.):[5]

	1923/24	1924/25	1925/26 Предв.	1926/27 Предв.	1927/28 Планов.
Сельское хозяйство .	2.930	3.397	4.047	4.612	5.012
Промышленность . .	2.806	4.478	5.896	6.799	7.746
Всего . . .	5.736	7.875	9.943	11.411	12.758

За пять лет получается увеличение товарности в два слишком раза, при чем, если в 1926/27 г. товарность уже поднимается до довоенного уровня,[6] то на 1927/28 г. предположено превышение последнего почти на 11%.

Такова база, на которой строился торговый оборот в течение первых четырех лет развернутого нэпа. И с внешней стороны успехи торговли шли даже впереди разворачивавшейся перед нею товаропроизводственной базы. На второе полугодие 1922/23 г. торговых патентов было выбрано 429,3 тыс.[7] Через полтора года, на первое полугодие 1924/25 г., число выбранных торговых патентов достигает 578,2 тыс., на второе полугодие того же года было уже выбрано 635 тыс. патентов, на первое полугодие 1925/26 г.—704,6 тыс.[8] Число выбранных торговых патентов, таким образом, за два с половиной года увеличилось на 64%. В дальнейшем процесс разворачивания

[1] Стат. справочн. СССР, 1927 г., стр. 287.
[2] 2.566 млн. руб. на 18.601 тыс. хоз. См. С. З а к., Опыт изучения товарности СССР, стр. 61. Число хозяйств по „Нар. хоз. СССР в цифрах", М. 1924 г.
[3] Стат. справочн. СССР, 1927 г., стр. 138.
[4] Г. Р а е в и ч, „Денежн., баланс крест. хоз.", „Стат. Обозр.", 1927 г., № 5.
[5] „Контрольные цифры на 1926/27 г.", стр. 294—297, и „Контрольные цифры на 1927/28 г.", стр. 466.
[6] По „Контрольным цифрам на 1925/26 г." товарность сельского хозяйства равнялась 4.498 млн. руб., промышленности—7.011 млн., а всего 11.509 млн. руб. (стр. 50).
[7] С а р а б ь я н о в. Цит. соч., стр. 410.
[8] Стат. справочн., 1927 г., стр. 337.

торговой сети приостанавливается. На первое полугодие 1926/27 г. было выбрано торговых патентов по РСФСР 355,5 тыс. при 407,8 тыс., выбранных в первое полугодие 1925/26 г. Однако, обороты посреднической торговли развиваются безостановочно и с быстротой, далеко позади себя оставляющей развитие торговой сети. За один только год — от второй половины 1923/24 г. до второй половины 1924/25 г. — оборот всех категорий посреднической торговли увеличился с 5.316 млн. руб. до 9.409 млн. руб.,[1] или на 77%. В следующем году (по РСФСР) посредническая торговля делает новый скачок, увеличившись с 5.479 млн. руб. до 7.367 млн. руб., или почти на 35%. Наркомторг СССР для всего Союза и всего торгового оборота (включая, кроме посреднического торгового оборота, также продажи производителей) дает такие цифры:[2]

Годы	Млн. черв. руб.	Увелич. сравнит. с пред. годом
1922/23 . .	9.169	—
1923 24 . .	18.078	197
1924/25 . .	26.202	145
1925/26 . .	32.000	122
1926/27 . .	39.500	119

Получается, как будто, замедляющийся из года в год темп развития торговли. Однако, и в этом замедляющемся темпе бросается в глаза основная тенденция ее более напряженного роста не только в отношении развития товарной продукции, но и в отношении торговой сети: за пять лет торговый оборот увеличивается в 4⅓ раза. Но еще более быстрый рост получится, если взять один только посреднический торговый оборот. По данным того же Наркомторга последний выразился в 1923/24 г. 10.895 млн. руб., в 1924/25 г. 15.730 млн. руб., в 1925/26 г. 22.120 млн. руб., в 1926/27 г. 28.000 млн. руб., т. е. за четырехлетие, в течение которого общий торговый оборот увеличился на 118%, посреднический торговый оборот дал увеличение на 166%.

Особенно важное значение имеют сдвиги, которые за истекшее четырехлетие нэпа сделала социальная структура нашей торговли. В границах РСФСР[3] соотношение между отдельными секторами торговли для торговой сети было таково (в %% к итогу):

	Кооперат. сеть	Госуд. сеть	Частная сеть
I половина 1924 г. . .	18,4	4,5	77,1
I „ 1925 „ . .	19,2	4,1	76,7
I „ 1926 „ . .	23,4	7,8	68,8

Хотя и медленно, но непрерывно идет процесс обобществления торговой сети; большие успехи в этом отношении сделаны в 1926 г.

[1] Там же, стр. 339.

[2] „Внутр. торговля СССР в 1924/25 г.," стр. 39, и „Экон. Жизнь", 1927 г. № 202.

[3] Во всех случаях, когда без указания источника приводятся данные по РСФСР, они являются результатом работ ЦСУ РСФСР и Госплана РСФСР.

Исключительного внимания заслуживает безостановочный рост удельного веса кооперативной торговой сети.

Еще более важны успехи, вызванные процессом обобществления в области торгового оборота. В границах РСФСР оборот государственной торговли увеличился с 4.032 млн. руб. в 1924/25 г. до 5.173 млн. руб. в 1925/26 г., или на 28,3%, и кооперативной торговли — с 3.496 млн. до 5.811 млн. руб., или на 66,2%; в общем обобществленные торговые обороты за один год увеличились на 46%. Увеличились за год и обороты частной торговли, но слабее — с 2.371 млн. руб. до 3.288 млн. руб., или на 38,7%. По отдельным отраслям торговли успехи обобществленного сектора исключительно велики. Развитие государственно-кооперативных заготовок хлебофуража шло так (в тыс. тонн):[1]

Годы	Госуд. организ.	Кооперация	Всего	В %%%	%% всего сбора	Доля кооперации (%%)
1922/23 . .	6.712,9	315,8	7.028,7	100,0	12,0	4,5
1923/24 . .	4.152,0	1.178,0	5.330,0	76,1	10,5	22,1
1924/25 . .	4.294,0	847,0	5.141,0	73,4	10,6	16,5
1925/26 . .	7.290,9	2.288,6	9.579,5	137,1	16,2	23,9
1926/27 . .	7.237,3	4.006,4	11.244,3	150.6	15,4	35,6

Переход с натурального налога на денежный неблагоприятно повлиял на сосредоточение товарного хлеба в обобществленном торговом секторе в 1923/24 г. На слабых заготовках 1924/25 г. сказался низкий урожай 1924 г. Как следует заготовки могли развернуться в 1925/26 г., и это в полной мере проявилось в их размерах, превысивших собранное обобществленным сектором в 1922/23 г. количество на 37,1% и составивших 16,2% всего сбора хлебов.

Всего по всем видам транспорта было в 1925/26 г. перевезено хлебных грузов 16.665,7 тыс. тонн. В отношении этого количества государственно-кооперативные заготовки 1925/26 г. составляют 57,4%. Этот процент для 1926/27 г. должен дать заметное повышение, так как заготовки сравнительно с 1925/26 г. увеличились на 17,2% при увеличении сбора хлебов всего лишь на 5,1%. Внутри самого обобществленного сектора в отношении хлебофуражных заготовок происходит медленный, но с точки зрения строительства торговли переходного времени весьма положительный процесс расширения роли кооперации. Если в 1922/23 г. на долю кооперации выпало всего 4,5% всех заготовок, то в 1923/24 г. мы тут имеем уже 22,1%, и после некоторого снижения в 1924/25 г., в связи с оздоровлением кооперативных заготовок, кооперация в 1925/26 г. уже отвоевала 23,9%, а в 1926/27 г.—35,6%.

Большие успехи сделал обобществленный сектор также в области заготовок сырья и скоропортящихся продуктов. Серьезное внимание на эти статьи сельской продукции стали обращать только с 1923/24 г.

[1] „Итоги порайонного грузооборота в 1925/26 г.", стр. 86.

И в 1924/25 году государственно-кооперативная заготовка сырья и скоропортящихся продуктов по РСФСР составила 261,7 млн. руб.; эта сумма возросла до 360,3 млн. руб. в 1925/26 г. и до 448,4 млн. руб. в 1926/27 г. Кооперация в отдельных случаях здесь заняла прочное положение сразу, и теперь мы тут видим такую картину:

	Заготовки кооперации в %% ко всей обществ. заготов.		
	1924/25	1925/26	1926/27 (предв).
Масло	59,5	73,0	77,1
Мясо	52,1	44,0	61,4
Лен	41,0	42,5	51,9
Яйца	27,6	32,4	63,6
Пенька	23,3	21,8	32,6
Шерсть	32,1	22,3	36,9
Кожи крупн.	16,1	14,8	16,0
„ мелк.	10,1	14,3	10,4
Пушнина	17,0	19,5	21,1

Государственно-кооперативная заготовка сельскохозяйственных продуктов по РСФСР в 1926/27 г. в целом выражается приблизительно в 1 миллиард рублей, что составляет около 40% товарной продукции сельского хозяйства. Это, несомненно, большая победа одержанная обобществленным торговым сектором в отрасли народного хозяйства, почти незатронутой процессом обобществления производства, победа, которая явилась результатом всего лишь четырехлетнего разворачивания нэпа.

Если такие безусловно благоприятные результаты получились в отношении распыленной сельскохозяйственной продукции, то неудивительны успехи обобществленного торгового сектора в области промышленности, выступившей в эпоху нэпа, как отрасль народного хозяйства, в сильнейшей степени национализированная. Уже в 1923/24 г. в результате продуктов промышленности роль частника была незначительна: чрез его руки прошло всего лишь 14,7% отпущенной союзной промышленной продукции; в 1924/25 году доля частника еще более снизилась — до 10,1%. Наоборот, доля кооперации сильно выросла: с 21,7% до 31,6%. [1]

Для 1925/26 г. мы имеем данные о реализации продукции всей планируемой по СССР промышленности. Здесь роль частника сводится уже к 5,1% и кооперации — к 17,4%. Наконец, по плану на 1926/27 год роль частника спроектирована для всей планируемой промышленности в 3,5% и кооперации — в 16,4%. [2]

VI

Вывод, который вытекает из четырехлетней работы торгового аппарата, нельзя не формулировать в том смысле, что нэп в полной мере доказал свою дееспособность. Разрушенный торговый оборот

[1] „Промышленность СССР в 1925 г.“, стр. 209.

[2] Сводный произв.-финансовый план госуд. пром. на 1926/27 г., стр. 291.

за недолгий срок восстановлен, и восстановлен так, что переходный период находит в нем сильно укрепленные позиции в борьбе за социализм. То, чего в области производства можно было достигнуть революционным путем и чего ни в коем случае нельзя достигнуть революционным путем в области товарооборота, в значительной степени дал в торговле нэп: в новое десятилетие Октябрьской революции мы вступаем с обобществленными „командующими высотами“ товарооборота.

Однако, достигнутые за столь короткий срок результаты идут дальше этого вывода из практики нэпа за последние четыре года. Гораздо более важны очередные и срочные проблемы, выявленные за четыре года нэпа, как задачи, без разрешения которых нэп не поднимется до надлежащих высот строительства социализма. Если в промышленности, более обобществленной, категорически поставлен вопрос о рационализации и реконструкции не только в интересах развития производительных сил страны an un für sich, но также в интересах развития производительных сил, как необходимого этапа к социалистическому переустройству народного хозяйства, в чем и кроется отличие нашей рационализации и реконструкции промышленности от той, которой заняты теперь капиталистические страны, — то тем более важны проблемы рационализации и реконструкции в торговле, в которой формальный момент обобществления имеет несравненно меньше значения, чем в промышленности. Не следует забывать того поучительного факта, что Октябрьский переворот застал пустое место в торговле, между тем как в промышленности он привел к национализации серьезного производственного аппарата. Ясно, что нэпу недостаточно только овладеть товарооборотом. Он должен о с в о и т ь его, приспособить его к тем требованиям социалистического строительства, которые пред'являются к нэпу в области торговли; иначе вся обобществленная торговля будет постройкой без здорового, реального фундамента. Нэп должен создать с в о ю торговлю не только по форме, но и по содержанию.

В такой стране, как СССР, на нэпе лежит специальная задача, которую можно определить, как форсированную товаризацию сельского хозяйства — не только как необходимый этап в деле индустриализации страны, но и как орудие обобществления сельскохозяйственного производства. В какой мере русская деревня еще не восстановила своего довоенного товарного хозяйства, можно видеть из состояния хлебных перевозок. В 1925/26 г. хлебные грузы железных дорог составляли еще 79,1% довоенных хлебных перевозок, а на водных путях в 1926 г. — даже всего лишь 20,1%. [1] Между тем и в довоенное время товарность нашего хлеба была весьма низка, о чем можно судить по тому, что на сто единиц хлебной продукции хлебных перевозок по железным дорогам в 1913 г. было: в России—

„Итоги межрайонного грузооборота“, стр. 47 и 78.

37,5 единиц, в Соед. Штатах — 55 единиц. Другими словами, судя по хлебным перевозкам железных дорог, и в довоенное время наша хлебная товарность была в полтора раза ниже американской. По другим видам сельскохозяйственной продукции наша довоенная товарность была еще более низка: по тем же железнодорожным перевозкам 1913 г. все сельскохозяйственные грузы, кроме хлебных, составляли в России 3,1 млн. тонн, а в Соед. Штатах—75,7 млн. тонн. [1]

Усиление товарности русского сельского хозяйства, это — вопрос не только увеличения продукции, но и целесообразной организации торгового аппарата. Деревня наша должна еще пройти хорошую школу общения с товарным рынком. Капитализм в этом отношении сделал в России мало, гораздо менее того, что он успел сделать в других капиталистических странах, и нэп должен доделать то, чего не успел сделать капитализм, и это задача новой торговли. Что же до сих пор сделано в этом отношении? Почти ничего: наша деревня имеет весьма слабо развернутую не только обобществленную, но и вообще торговлю. В 1925/26 г. РСФСР имел посреднического торгового оборота на 17 мрд. городского населения почти 12 млн. руб. и на 83 млн. сельского населения — всего лишь 2,4 мрд., т.-е. на одного жителя города приходилось посреднического торгового оборота 70б рублей, а на одного жителя деревни—30 руб. В разрешении охарактеризованной специальной русской задачи нэпу придется итти теми же путями, которыми ему необходимо пойти в разрешении общей для всех стран задачи строительства социализма в переходное время,— методом улучшения и усовершенствования товарооборота. Капиталистическая эволюция товарооборота выражается в наибольшем сближении производителя с потребителем и в наибольшем удешевлении расходов торгового посредничества. В разрешении этой проблемы капитализм сталкивается с препятствиями, кроющимися в самой его природе, в особенности в природе капиталистического товарооборота, анархического, чуждого интересам потребителей и слабо согласованного с интересами производителей. Охватить проблему во всей ее цельности и дать ей наилучшее разрешение может только переходное время с его методами целесообразного строительства на почве планируемого народного хозяйства в интересах народных масс. Однако, для этого нэп не только должен дать свой торговый аппарат, но его торговый аппарат должен быть лучше капиталистического. Не говоря о его обобществленной структуре, он должен быть дешевле капиталистического, должен пользоваться большим доверием как потребителей, так и производителей, должен быть доступнее для тех и других, а главное — должен быть не самодовлеющей силой, задающейся собственными целями, а орудием планомерной увязки разрозненных отправлений народного хозяйства.

[1] Commerce Yearbook, 1924 г., стр. 1153—7.

Нам предстоит громадная работа по сближению торгового аппарата с населением. Выше мы указали на чрезвычайно слабое развитие торговли в деревне. Но она у нас и вообще слабо развита. В Германии по переписи 1925 г. было торговых заведений различного типа на 10 тысяч населения 108 и на тысячу *кв. км* территории 1.222,4. По сравнению с этими цифрами наша торговая сеть ничтожна, так как в 1925/26 г. по розничной торговле в РСФСР было 40 заведений на 10 тысяч жителей и 20,3 заведений на тыс. *кв. км* территории. При этом наша торговая сеть распределена по территории крайне неравномерно. Если центральные районы более или менее обеспечены торговой сетью, то на так называемых окраинах она находится в жалком состоянии, особенно в отношении обслуживаемой ею территории, но также и в отношении населения. Например, в Киргизии и Казакстане на тысячу *кв. км* территории имеется 1,6 торговых заведений и 7 торговых заведений на 10 тысяч населения, на Северо-Востоке — 5,5 и 29, в Сибири—5,5 и 31; на Дальнем Востоке по населению имеется торговая сеть, несколько превышающая среднюю для РСФСР в целом, но по территории она ничтожна — 3,5 торговых заведений на тысячу *кв. км*; точно также на Урале при 40 торговых заведений по населению—имеется лишь 16 торговых заведений по территории. В остальных районах торговая сеть превышает общереспубликанскую среднюю, но и здесь нигде она даже не приближается к германской, при чем между районами существует значительное разнообразие, колеблющееся между 73,2 (Вятско-Ветлужский район) и 310,2 (Крым) по пространству и между 25 (Вятско-Ветл. район) и 112 (Крым) по населению. Столь же пеструю картину РСФСР представляет по оборотам посреднической торговли. Впереди всех районов тут идет Центр.-Пром. область с 3,6 млн. руб. всего торгового оборота и 1,7 млн. оборота розничной торговли на 10 тыс. человек; близко к ней стоят Крым (2,8 и 1,6) и Северо-Западная область (2,6 и 1,4); другие районы сильно отстоют от этих трех с колебанием по торговому обороту в целом между 1,4 млн. (Сев. Кавказ) и 0,05 (Киргизия и Казакстан), и по рознице— между 0,8 (ДВО и Сев. Кавказ) и 0,03 (Киргизия и Казакстан).

Рядом с вопросом о построении правильной в территориальном смысле торговой сети стоит вопрос, во многих отношениях еще более актуальный — о качественном освоении нэпом торгового аппарата. Если на первых шагах нэпа нужно было „практически доказать", что мы торгуем „не хуже капиталистов",[1] то следовало бы ожидать, что в новое десятилетие Октябрьской революции мы вступим с лозунгом организации торговли лучше капиталистов. Последнего мы, к сожалению, далеко не достигли. Выше мы привели исчисление Наркомторгом посреднического торгового оборота в 28 мрд. рублей для 1926/27 года. При стоимости промышленной товарной

[1] Н. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 40.

массы, оцененной Госпланом СССР в „Контрольных цифрах на 1926/27 г." в 12.439 млн. руб., это составляет 2,25 оборота на каждую товарную единицу в среднем. В 1900 г. на 3.669 млн. руб. промышленной продукции торговый посреднический оборот составил 6.034 млн. руб., что дает 1,64 оборота в среднем. Получается, что торговая звенность за годы нэпа не только не сократилась, но даже увеличилась в 1,37 раза. Между тем, именно в сокращении звенности, без вреда для сближения между производителем и потребителем, главным образом, лежит путь по улучшению и усовершенствованию торгового аппарата.

В Зап. Европе капитализм идет по пути сокращения торговой зависимости, упрощая оптовую торговлю, заменяя распыленный опт оптом, организованным, централизованным. Соед. Штаты идут еще дальше; в борьбе за сокращение торговой звенности, они доходят почти до полного уничтожения оптовой торговли, т.-е. до непосредственной увязки розничной торговли с производством. Оптовые предприятия в Америке поэтому недолговечны. Они появляются там, где приходится только насадить торговый оборот и сходят со сцены немедленно, как только розничная торговля окрепнет, чтобы обходиться без их посредничества. У нас оптовая торговля все еще играет слишком большую роль. В посреднической торговле она не обнаруживается в достаточной мере. В РСФСР в 1925/26 г. на 100 рублей оборота розничной торговли было оптового оборота 75 рублей. Необходимо, однако, иметь в виду, что сельское хозяйство и мелкая промышленность в значительной степени обходятся без оптового посредничества, что некоторое значение имеет розничная торговля наших трестов и т. д. Если все это учесть, то ясно будет, что опт занимает в нашей торговле слишком большое место,

Улучшение и рационализация являются еще более важной проблемой нашей розничной торговли. В разрешении этой проблемы капиталистический мир идет по линии многолавки, снижающей торговые расходы и сближающей товарооборот с населением. Многолавочная система в Соед. Штатах развивается с большой быстротой, как это показывают следующие цифры: [1]

Годы	Число торговых пунктов в многолавочной системе	Ее обороты в млн. долл.
1924	25.793	1,345
1925	31.015	1,580
1926	33.781	1,825

За два года число пунктов многолавочной системы увеличилось на 31% и сумма оборотов возросла почти на 36%. Вместе с многолавкой в том же направлении рационализации розничной торговли действуют универсальный магазин, бесприказчичьи магазины, в которых продаются товары по одной цене (десятицентовые и двадцатицентовые товары) и т. д.

[1] Federal Resezve Bulletin, 1927, № 2.

В какой мере эти пути рационализации розничной торговли доступны СССР? На этот вопрос должен быть дан только один ответ: почва для упрощения, а следовательно, и для рационализации товарной сети у нас более благоприятна, чем в какой бы то ни было капиталистической стране. Если в капиталистических странах стремление розничной торговли к эмансипации от оптового посредничества сталкивается с жестким противодействием со стороны последнего, то у нас, наоборот, оптовое посредничество уже теперь может быть мощным средством упрощения розницы, превращения ее в многолавку, универсальный магазин самого опта. В 1925/26 году в руках государства и кооперации по РСФСР было сосредоточено 5,47 мрд. руб. оптовой торговли из общей ее суммы в 6,11 мрд., т.-е. 89,5%. Между тем, при правильных взаимоотношениях между кооперативными центрами и низовой кооперацией, когда первые являются органами последней, а не ее контрагентами, оптовая торговля кооперативных центров должна рассматриваться, исключительно, как закупочно-распределительная операция для низовой кооперации, так что вся кооперативная система в целом вырисовывается, как единая, всю страну охватывающая многолавка. Равным образом в государственной оптовой торговле нет никаких ни принципиальных, ни практических препятствий к тому, чтобы она слилась с государственной розничной торговлей, а там, где это необходимо, даже с низовой кооперацией, как со своей многолавкой, со своим универсальным магазином и т. д.

И в той мере, в какой у нас будет оставаться частная торговля, она, из чувства самосохранения, также должна будет стать на путь рационализации, которая **попутно** разрешит другую задачу советской организации торговли — задачу подчинения государственно-общественному контролю и регулированию также частной торговли. Та роль, которую теперь у нас играет частная торговля, — не столько дополняющая государственно-кооперативную торговлю, сколько конкурирующая с нею и этим во многих случаях деморализующая ее, — эта роль об'ясняется не свойствами нашей частной торговли, а неправильной постановкой государственно-кооперативной торговли.

Несомненно, обобществить оптовую торговлю легче, чем розничную. Но в советских условиях нельзя, тем не менее, считать нормальным то, что при обобществленных 89,5% оптовой посреднической торговли, розничная посредническая торговля обобществлена только в размере 64% (из 8.160 млн. розничного оборота РСФСР частная розница поглощает 3.288 млн. руб.). Если таково положение в посреднической торговле, то в торговле в целом роль частника еще сильнее. В рабочих покупках, наиболее увязанных с обобществленной торговлей, участие разных торговых секторов распределяется так (в %%): [1]

[1] В. Ильинский „Роль кооперации в бюджете рабочего". „Стат. Обозр." 1927 г., № 7.

	1923	1924	1925
Куплено у кооперации . .	17.7	47,3	45,3
„ „ госторговли . .	3,6	9,5	9,1
„ „ частника . . .	58,8	35,8	40,0
Разные источники	19,9	7,4	5,6
Всего . . .	100,0	100,0	100,0

Для 1926 г. данные имеются пока только для Москвы, Ленинграда, Урала и Донбасса. Если их сопоставить с соответствующими данными за 1925 г., то получится такая картина:

	1926	1925
Кооперация	52 0	46,0
Госторговля	7,4	11,0
Частн. торговля	37,8	37,4
Разные источники . . .	2,8	5,6
Всего . . .	100,0	100,0

1924 год был благоприятным для кооперации и госторговли, и неблагоприятным для частной торговли. Но затем частная торговля в рабочем бюджете не только упрочивается, но даже прогрессирует. А ведь нельзя сказать, что ее положение в смысле снабжения товарами в эти годы улучшилось или сократились выгоды, получаемые рабочими от кооперации.

Не лучше положение в деревне. Свои покупки промтоваров деревня производит у кооперации в 55,9% всех своих покупок промтоваров и у госторговли в 4,6%; остальное крестьяне покупают у частных лиц; хлебных продуктов деревня покупает у кооперации 26,9% и у госторговли —28,2%. Еще слабее связь деревни с обобществленным сектором по продаже своих продуктов, так как кооперации она отдает только 18,9% своих продаж и госторговле —12,6%.[1]

Существует мнение, что частник в своих операциях опирается, главным образом, на распыленную товарную продукцию деревни. Если бы этот факт действительно имел место, то и тогда нельзя было бы спокойно пройти мимо вопроса, почему деревня предпочитает частника, когда у организованной обобществленной торговли должны быть все экономические возможности и имеются все возможности правовые побудить деревню иметь дело исключительно с нею? Однако, и самый факт не подтверждается. Так, по РСФСР положение таково:

	1924/25 г.			1925/26 г.		
		В том числе продуктами			В том числе продуктами	
	Торг. оборот млн. руб.	Сельхоз.	Промышл.	Торг. оборот млн. руб.	Сельхоз.	Промышл.
Госторговля	4.032	683	3.349	5.173	1.021	4.152
Кооперация	3.496	491	3.005	5.811	954	4.857
Частная	1.371	647	724	3.288	867	2.421
Всего . .	9.899	1.822	8.077	14.272	2.841	11.431

[1] М. Крылов, „Контрагенты крест. рыночн. оборота". „Стат. Обозр.", 1927 г., № 6.

В 1924/25 г. в торговле частника действительно очень большую роль играли сельскохозяйственные продукты, именно 47,2% оборотов при 17% у госторговли и 14% у кооперации. Но в 1925/26 г. картина заметно меняется. Обороты сельскохозяйственными продуктами увеличиваются у частника всего лишь на 34%, зато обороты промтоварами возрастают более чем в три раза, так что роль сельскохозяйственных товаров в его оборотах снижается до 26,4%, при 20% у госторговли и 16,4% у кооперации.

Организационные формы нашей частной торговли примитивны, ее правовые устои в достаточной мере шатки, связь ее с источниками товаров слаба, и тем не менее ей удается успешно бороться за свое существование даже там, где казалось бы пред нею все двери наглухо заколочены — в отношении промтоваров. О чем это свидетельствует? Всего менее о ловкости и умении частника. Причина в полной мере лежит в аппарате обобществленной торговли. Применяя к советской торговле слова В. И. Ленина, можно сказать: „политической власти у нас достаточно, совершенно достаточно, экономических средств в нашем распоряжении тоже достаточно, но недостаточно умения".[1] Получить это „уменье" и таким образом освоить те „командующие высоты", которые завоеваны в торговле за четыре года нэпа, — такова задача наступающего второго десятилетия Октябрьской революции. Нэп придет к коммунизму не только чрез обобществление торговли, но и чрез доведение ее до высшего совершенства, ибо, только совершенствуя торговлю, мы придем к ее самоотрицанию, т.-е. к построению товарооборота на социалистических основаниях.

[1] Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 35.

М. Н. Петров

Пути коммунального хозяйства СССР за десять лет

I

Среди обширных и многообразных отраслей народного хозяйства есть одна область о которой мало думают и которую мало замечают. Эта область—так называемое „коммунальное хозяйство". В настоящее время под этим названием подразумевается разнообразная система предприятий и мероприятий, имеющих своей целью обеспечить населению благоустроенное коллективное жилище — город, поселок или селение. К этой области народного хозяйства относятся: планировка населенных мест, жилищное хозяйство и строительство, пожарная охрана, водоснабжение, очистка населенных мест (канализация, ассенизация, мусоросжигание), санитарно-гигиенические предприятия (бани, бойни, кладбища, крематории и т. д.), зеленые насаждения, наружное освещение, производство энергии (электрической, газовой, тепловой), средства сообщения (трамвай и др. виды местного транспорта) и связь (т.-е. собственно говоря телефон).

Все эти хозяйственные отрасли в целом составляют тесно связанные между собой технически и экономически предприятия, сооружения, здания и мероприятия, об'единенные в одну систему, имеющую своей целью создать благоустроенное коллективное общежитие.

Будучи хозяйством всецело местным, децентрализованным и прямо не связанным с другими централизованными областями народного хозяйства, коммунальное благоустройство оказалось оторванным от обычного планового учета и в значительной степени утерялось из поля зрения наших экономистов и политиков. А между тем, его материальное и социальное значение гораздо большее, нежели это обычно признается. Особенно велика роль коммунального благоустройства в городах, где жители оторваны от естественных и необходимых человеку условий существования, лишены солнечного света, свежего воздуха и зелени, нагружены тяжелой работой и находятся постоянно в состоянии повышенного нервного напряжения.

Все эти вещи как будто бы всем хорошо известны, в особенности самим горожанам, и тем не менее городскому благоустройству в России всегда уделялось мало внимания. До революции одной из главных причин этого обстоятельства было то, что городское хозяйство находилось в руках крупной и средней буржуазии, или материально достаточно обеспеченной для того, чтобы поездками за границу и на юг возместить себе те неудобства которые им причиняли города, или достаточно некультурной и непонимающей того ущерба, который ей причиняло неблагоустройство наших городских центров. Только к концу XIX века, и в особенности в начале XX, начался под'ем нашего городского благоустройства, связанный, главным образом, с общим под'емом нашей промышленности, ростом городского населения и особенно — ростом пролетариата, нужды которого все более и более давали себя знать и страдания которого в конце концов начали грозить самим „господам" наших городов. Эта угроза сказалась в чрезвычайно высокой заболеваемости и смертности населения, которые в десятых годах текущего столетия имели следующий вид.

В течение первого десятилетия текущего столетия средняя городская смертность в России составляла 27,5 чел. на тысячу городского населения; но во многих крупных городах эта средняя превышала 40 человек на 1.000 (Нижний Новгород, Сталинград, Омск). Такая смертность являлась безусловно повышенной, так как в Европе в то же время средняя городская смертность стояла на уровне 13—15 человек на тысячу жителей.

Тяжелые условия, в которых находился наш городской пролетариат, в отношении благоустройства в конце концов отражались и на производительности труда.

Все это вместе взятое побудило нашу буржуазию начать строительство городского благоустройства. Но и оно обычно имело место в центре городов и чрезвычайно медленно проникало на городские окраины, где сосредоточивалось, главным образом, трудовое население.

Тем не менее, вследствие указанных выше причин рост нашей промышленности и ее основного капитала до революции значительно обгонял рост городского благоустройства и его основного капитала, и структура народного хозяйства в городах была глубоко ненормальна. Промышленность не была обеспечена в должной мере жилищами для занятых в ней рабочих, а жилища, равно как и сама промышленность, опять-таки не были обеспечены необходимыми коммунальными услугами.

Такое же положение вещей имело место и в отношении крупных областей государственного хозяйства: железнодорожного транспорта и военного хозяйства.

Поэтому не только в небольших городских центрах и городских поселках, но и в значительных городских поселениях (например, во Владивостоке) мы встречаем в дореволюционой России ведомственные (военные и железнодорожные) и фабричные водопроводы, электростанции и прочие предприятия, сооружение которых, вообще говоря, являлось долгом общественной власти.

Рост основного капитала коммунального благоустройства и промышленности перед войной рисовался следующим образом.

В течение 1912 года на территории СССР в промышленность было вложено на новое строительство не менее 400.000.000 довоенных рублей (не считая стоимости земли), из которых на городскую промышленность придется не менее 300.000.000 довоенных рублей, или 600.000.000 руб. червонных. В то же время вложения в новое строительство благоустройства составляли лишь 56.000.000 рублей (с округлением), т.-е. только 8,5% нового городского промышленного строительства. Если даже считать 1912 г. не характерным, так как этот год дал слишком большой скачок промышленного строительства (57,7% роста), то все же строительство коммунального благоустройства вряд ли достигало в среднем 10% капитальных вложений в городскую промышленность.

Несколько иное соотношение будет при сравнении коммунального строительства со строительством только промышленных зданий, составлявшим приблизительно 47% всех капитальных вложений в промышленность. В этом разрезе коммунальные капитальные вложения составляли около 40%.

Жилищное строительство в городах современного Союза перед войной расценивалось примерно, в 300.000.000 черв. руб. в год (2.500.000 куб. саж. по 60 руб. куб. довоен.). Новое строительство городского благоустройства по Союзу к этому же времени (к 1914 г.) достигало 63.500.000 черв. руб. и составляло, приблизительно, 20% строительства жилищного.

Перед революцией (в 1913 г.) общая строительная стоимость основного капитала промышленности достигала 10.066.000.000 черв. р., (при коэфициенте перевода равном 2), а без оборудования, т.-е. одних промышленных зданий 4.731.000.000 черв. руб. [1]

Что касается жилищного фонда, то его общая строительная стоимость, включая сюда и торговые помещения, по Союзу должна была оцениваться не менее 14.000.000.000 черв. руб.

Городской массив, помимо промышленных и жилых зданий, содержал в себе еще многочисленные учреждения, музеи, дворцы и проч., стоимость которых должна исчисляться не менее 3.000.000.000 рублей.

Приблизительно в это же самое время (в 1916 году) городское благоустройство на территории современного Союза расценивалось в 2.940.000.000 черв. руб. [2]

Следовательно, стоимость коммунального благоустройства по отношению к стоимости промышленных зданий составляла 62%, а по отношению к стоимости жилых и торговых зданий 21%. К общей же стоимости городского массива, оцениваемой по Союзу в сумме

[1] С. Струмилин, „Промышленный капитал СССР", „План. Хоз." № 2, 1925 г.

[2] По минимальному ориентировочному подсчету, принимаемому Госпланом в его пятилетнем плане.

21.731.000.000 (жилой и торговый фонд, административные и промышленные здания), коммунальное благоустройство составляло 13,5%.

Установленное соотношение основного капитала городского благоустройства чрезвычайно далеко от того нормального соотношения, которое должно иметь место при благоустроенном городском хозяйстве, что видно из следующего. Строительная стоимость основного капитала городского благоустройства РСФСР ориентировочно оценивается в 2.400.000 руб. Для доведения городского благоустройства до уровня нормального его развития в Англии и Германии потребуется вложить на расширение и реконструкцию основного капитала коммунального благоустройства еще до 8.700.000.000 руб.

Следовательно, общая стоимость основного капитала городского благоустройства Союза при его нормальном развитии должна была бы составлять 11.100.000.000 руб.

Строительная стоимость существующего жилищного фонда РСФСР и торговых помещений оценивается в 11.500.000.000 рублей. Так как жилищный фонд в настоящее время является недостаточным минимум на 33% против нормы, то стоимость городских зданий нормально должна была бы достигать по меньшей мере цифры порядка 17.000.000.000 рублей.

Таким образом, городское благоустройство и расходы на него должны нормально составлять 65% от фонда городских жилищ. Фактически же по Союзу городское благоустройство достигает лишь 21% жилого фонда, а если принять во внимание и административные и ведомственные здания, то около 18%.

Новые сооружения и предприятия благоустройства производились, главным образом, за счет займов и только в очень небольшой части, преимущественно в отношении так называемого наружного благоустройства (мостовые, зеленые насаждения, наружное освещение), за счет накоплений самого городского бюджета. Например, в 1912 году строительство за счет разного рода займов составляло 38.000.000 черв. руб. (19.000.000 довоенных); в том же году строительные расходы по бюджету составляли 12.800.000 черв. руб.

Задолженность городов бывшей Российской империи, находящихся в пределах современного Союза, к 1917 г. достигала 500.000.000 черв. руб., из которых на долю городского благоустройства приходилось не менее 70%, т.-е. 350.000.000 черв. руб.

Коммунальный кредит питался, главным образом, облигационными займами, которые составляли более 75% всей городской задолженности. Последние в свою очередь производились преимущественно за границей, и иностранные займы составляли около 300.000.000 черв. руб.

Уже ко времени революции положение городского благоустройства значительно изменилось. Империалистическая война, нарушив правильные международные отношения, сильно ударила по городским финансам, сначала урезав, а затем скоро совершенно уничтожив

поступления иностранных займов. Неизбежно сократились и внутренние кредитные источники. Одновременно упала и доходность городского бюджета, из которого почерпались средства на бездоходное строительство благоустройства. Все это, вместе взятое, немедленно отозвалось не только на новом строительстве, но и на состоянии ранее возведенных сооружений и предприятий.

За время войны размеры основного капитала коммунального благоустройства должны были значительно измениться. С одной стороны, здания, сооружения и предприятия были лишены нормального ремонта и охраны, а с другой—они подвергнулись одновременно повышенной нагрузке и более интенсивному, чем обычно, износу.

Влияние последних причин наиболее сильно сказалось на положении трамваев и мостовых. Чрезвычайное скопление населения в городах привело к перегрузке трамвайных вагонов, а военная обстановка вызвала интенсивное движение по мостовым, в то время как ни первые, ни вторые не получали необходимого им ремонта.

Однако, судить о размерах начавшегося усиленного износа основного капитала благоустройства городов империи невозможно. Во всяком случае, к 1917 году этот износ еще не мог принять очень крупных размеров.

Тем не менее, советская власть с самого начала потеряла значительную часть основного капитала благоустройства городов, отошедших от Советской России, Финляндии, Польши и Прибалтийского края. Именно эти территории бывшей империи представляли собой наиболее урбанизированную часть с высокоразвитым городским благоустройством. Всего отошло 269 городов с населением в 5.400.000 чел. В 1917 г. на одного городского жителя современной территории Союза приходилось около 150 черв. руб. (147 руб.) строительной стоимости основного капитала благоустройства (полагая общее число городского населения в 20.000.000 человек). Так как уровень благоустройства отошедших городов значительно превосходил уровень оставшихся, в среднем на одного городского жителя этих районов должно было приходиться около 200 руб. основного капитала благоустройства, а следовательно, общая стоимость его и наша потеря достигала 1.000.000.000 черв. руб.

II

Таким образом, Советская Россия уже унаследовала от старого режима не только часть, и при этом качественно худшую, городского благоустройства старой Российской империи, но и часть со значительно подорванными хозяйственными основами.

Разрушительные силы, сказавшиеся уже во время империалистической войны, в годы военного коммунизма и гражданской войны достигли своего апогея, и с 1918 г. начался быстро ускоряющийся процесс общего разрушения коммунального благоустройства.

С одной стороны, военные действия непосредственно разрушали коммунальные предприятия и сооружения, с другой — падение

надзора и охраны вызывало хищение оборудования и инвентаря, далее с третьей—падение доходов от коммунального благоустройства в связи с падающей валютой, а затем и полное их прекращение вследствие отмены платности коммунальных услуг, свели ремонтные работы к минимуму и почти остановили новое строительство.

Все эти причины привели к тому, что к 1923 году, когда начался обратный процесс, т.-е. восстановление коммунального благоустройства, вернее, когда начал замедляться темп его разрушения, стоимость основного капитала коммунального благоустройства в городских поселениях Союза сильно понизилась.

Установить точные размеры об'ема разрушения городского благоустройства при отсутствии точных данных о капитальных вложениях за период 1917—1923 гг. чрезвычайно затруднительно. Однако, ориентировочно можно определить эти разрушения следующим образом. Хотя в течение шести лет, 1917—1923 гг., правильного ремонта и поддержания предприятий и сооружений коммунального благоустройства не производилось, все же нельзя сказать что их амортизация была совершенно прекращена. В общем для сохранения предприятий и сооружений благоустройства на нормальном хозяйственном уровне требовалось расходование на строительные работы не менее 5% от их основного капитала; за шесть лет это должно было бы составить до 30%; вместе с тем, во время гражданской войны происходило усиленное разрушение зданий и сооружений, и процент износа благоустройства должен был бы увеличиться, особенно в некоторых отраслях (транспорт, мостовые, газовые заводы и т. д.). Однако, целый ряд строительных работ несмотря на кризис все же производился и даже производились новые работы и расширение хозяйства. Поэтому общие потери в основном капитале коммунального благоустройства к 1923 г. не достигали 30% и составляли не более 25—27%.

Кризис, переживаемый Союзом в начале двадцатых годов, отразился на коммунальном благоустройстве не только постепенным разрушением его, но вызвал полную приостановку многих коммунальных предприятий. Обследование коммунального хозяйства, произведенное в 1922 году, показало, что бездействовало 18% предприятий, в том числе 30% предприятий по обработке животных продуктов, 25% бань, 22% трамваев, 19% электростанций, 13% разных подсобных предприятий, 11% мельниц, 10% боен, 7% похоронных бюро, 4% водопроводов.

Что касается функционирующих предприятий, то их работа протекала в самых ничтожных размерах и в ненормальных условиях, при полном недостатке топлива, материалов, фуража и т. д.

Общее расстройство в городском благоустройстве повлияло и на его организацию.

Различные отрасли этой области хозяйства были разбиты между многочисленными ведомствами и учреждениями и были из'яты из

ведения коммунальных органов, что видно по следующей справке, касающейся предприятий общего пользования, управление которыми в 1922 году было рассеяно между следующими центрами:

	Водопроводы	Канализации	Электростанции	Трамв. и конки	Газов. заводы	Бойни	Всего
Комм. отделов . . .	93,3	100,0	60,0	73,2	66,7	62,4	67,8
Совнархозов	2,9	—	15,7	22,7	33,3	0,5	8,2
Продовольств.органов	—	--	—	—	—	31,1	12,8
Проч. отделов	—	—	5,1	4,1	—	1,0	1,6
НКПС	0,9	—	1,3	—	—	—	0,7
Разн. предприятий .	2,9	—	17,9	—	—	—	7,9

Организационная слабость коммунального благоустройства сказалась в значительном развитии практики сдачи предприятий в аренду. В 1922 г. в непосредственной эксплоатации коммунальных отделов состояло только 72,4% предприятий и 27,6%, т.-е. более четверти всех предприятий находится в аренде.

Начало оздоровления городского благоустройства относится к 1923 году, когда сказались первые результаты восстановления местного бюджета и введения платности коммунальных услуг. Этими мероприятиями коммунальному хозяйству были обеспечены определенные доходные источники, делающие возможным правильное содержание, ремонт и даже новое строительство коммунальных предприятий и имуществ. Вместе с тем, местным советам были даны необходимые кредитные права, а также право по сдаче концессий на предприятия благоустройства как отечественным, так и иностранным капиталистам.

В основу тарификации коммунальных услуг была положена классовая система, обеспечивающая защиту интересов пролетариата.

Влияние новых экономических условий на коммунальном благоустройстве сказалось, однако, далеко не сразу. Недостаточная заработная плата не позволила установить необходимую для хозяйства плату за коммунальные услуги уже с первых шагов, и некоторое время тарифы носили соцобезовский характер. С другой стороны, слабость вновь нарождающегося местного бюджета заставляла местные исполкомы искать себе подкрепления в доходах от коммунальных имуществ и предприятий и задерживать значительную часть этих доходов, расходуя ее на бездоходные нужды, проедая тем самым основной капитал городского благоустройства.

Поэтому в 1923/24 г. доходы и расходы коммунального хозяйства значительно уступали городским доходам и расходам перед революцией (в черв. руб.): [1]

	1916 г.	1923/24 г.
Доходы	367.200.000	201.314.900
Расходы.	308.600.000	171.960.900
Отчисления в местный бюджет . . .	58.600.000	29.354.000

[1] Имеются данные лишь к 1912 г. и бюджет 1916 г. исчислен из расчета роста по 12,5% в 1913—1914 гг. и по 5% в 1915 и 1916 гг.

Финансовое положение коммунального благоустройства было значительно подвинуто вперед организацией хозрасчетных предприятий, оформленных затем в некоторых республиках в коммунальные тресты, и изданием закона о порядке установления тарифов на коммунальные услуги, гарантирующего правильное ведение хозяйства предприятий.

Одновременно хозрасчетом было положено начало созданию амортизационных фондов и накоплению специальных капиталов на расширение коммунальных предприятий и сооружений.

Восстановление коммунального благоустройства без восстановления кредитной системы было невозможно. Поэтому уже в 1923/24 г. городам была оказана первая кредитная помощь из средств государственного казначейства, а в 1924 г. был учрежден Центральный банк коммунального кредита и жилищного строительства, с основным капиталом в 40.000.000 руб. и с ежегодным ассигнованием средств по бюджету.

Размеры коммунального кредита за истекшие годы рисуются следующим образом:

1923/24 г.	3.500.000 руб.
1924/25 „	4.700.000 „
1925/26 „	11.066.000 „
1926/27 „	12.200.000 „ (по намечен. плану)
Всего за четыре года . . .	31.466.000 руб.

Далее, на помощь коммунальному благоустройству пришли местные банки коммунального кредита и Электробанк, также кредитующий местную электрификацию.

Помимо кредитной помощи государство выдавало дотации на специальные задачи восстановления реконструкции или на новые работы по коммунальному благоустройству городов особого государственного значения, новых административных центров окраинных автономий, а также и в случае стихийных бедствий. Таким порядком была оказана поддержка Ленинграду, Кзыл-Орде, Алма-Ата, Элисте (Калмобласть), Чимбою, Ярославлю, Ульяновску, Вятке, Ленинакану и городам Крыма, в общей сумме до 16.813.000 рублей.

Систематические усилия в области урегулирования хозяйственно-финансового положения коммунального хозяйства привели к концу десятилетия советской власти к успешным результатам, в виде значительно выросшего бюджета коммунального хозяйства и приостановки разрушения его основного капитала.

Развитие бюджета благоустройства шло таким темпом:

	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
Доход.	201.314.900	301.569.500	396.247.100
Расход	171.960.900	220.451.300	299.357.000
Сальдо. . .	29.354.000	81.118.200	96.890.100
% отчисл. в местн. бюдж.	19,6	26,8	24,4

Со времени восстановления местного бюджета, т.-е. с 1923/24 г. (в 1922/23 г. происходил еще процесс его введения в жизнь и этот год нельзя принимать во внимание), на восстановление и развитие коммунального благоустройства было затрачено 475.000.000 черв. руб. Эти расходы по годам росли следующим образом:

Годы	Восстановление	Новое строительство и расширение	Всего капитальных вложений
1923/24	24.000.000	6.000.000	40.000.000
1924/25	62.000.000	36.000.000	98.000.000
1925/26	81.000.000	75.000.000	162.000.000
1926/27	105.000.000	76.000.000	175.000.000

Собственно на расширение хозяйства коммунального благоустройства за истекшие годы было израсходовано только 193.000.000 черв. руб., на какую сумму и надо считать увеличение стоимости основного капитала в этот период. Прибавляя к этой сумме еще затраты по расширению коммунального хозяйства за время 1917—1923 гг. в ориентировочной сумме 18.000.000 руб., мы получаем общий об'ем накопления в коммунальном благоустройстве за время революции приблизительно в 204.000.000 черв. руб.

Кроме того, основной капитал городского благоустройства был увеличен на 32.000.000 руб. за счет прежнего частного и государственного хозяйства, не входившего ранее в систему коммунального благоустройства (сады, транспортные средства, разные мелкие подсобные предприятия). Основной капитал коммунального благоустройства к 1927 г. оценивается в 2.124.300.000 руб. и вырос с 1926 г. на 67.100.000 руб.; его дальнейшее разрушение приостановилось.

По отдельным отраслям благоустройства движение основного капитала за время революции происходило следующим образом: [1]

	1917 г.	1923 г.	1927 г.
Пожарная охрана	98.000.000	77.000.000	84.800.000
Водоснабжение	243.000.000	198.000.000	237.300.000
Очистка	181.000.000	145.000.000	177.000.000
Сан.-гигиен. предпр.	155.000.000	105.000.000	121.100.000
Зелен. насаждения	30.000.000	30.000.000	29.400.000
Уличное благоустройство	1.500.000.000	1.100.000.000	900.000.000
Наружное освещение	60.000.000	40.000.000	38.700.000
Энергетика	219.000.000	150.000.000	200.300.000
Транспорт	425.000.000	283.000.000	317.000.000
Разное благоустройство	25.000.000	27.000.000	29.200.000
Всего	2.914.000	2.151.000.000	2.124.300.000

Характерной чертой дореволюционного коммунального благоустройства, в особенности городского, было наличие в нем частнохозяйственных элементов. Многие важнейшие по своему значению коммунальные предприятия общего пользования находились в руках концессионеров, в подавляющем количестве своем иностранных.

[1] При современном состоянии учета коммунального хозяйства капитальные вычисления и движение основного капитала даны с известной приближенностью.

К моменту мировой войны концессионные или арендованные предприятия имелись в таком приблизительно количестве и размерах:

	%	Млн. руб.		%	Млн. руб.
Водопроводов	30	74	Электростанций	50	77
Ассенизаций	80	15	Трамваев и конок	75	260
Газовых заводов	90	57	Телефонов	20	1

Электрические станции, главным образом, находились в руках немецкого капитала; трамваи и конки — бельгийского и телефоны — датско-шведского; французский капитал в концессиях встречался редко; водопроводные концессии были, преимущественно, русские; ассенизационные предприятия — исключительно русские.

Концессионные предприятия не только по количеству, но и по своим размерам и стоимости представляли собой главную массу предприятий общественного благоустройства, так как концессионированы были, главным образом, самые крупные предприятия. Поэтому по размерам стоимости основного капитала предприятий коммунального благоустройства концессионные предприятия должны были занимать, по крайней мере, около 50% всей строительной стоимости этих предприятий в наших городах перед войной. Весь этот капитал был национализирован и перешел в общественное достояние.

Городское и еще более внегородское — сельское благоустройство после старого режима осталось в дезорганизованном и, так сказать, в беспризорном состоянии. На местах, в городских думах не существовало единого аппарата, охватывающего и об'единяющего все отрасли благоустройства и даже еще не была окончательно оформлена мысль о том, что городское благоустройство является единой, цельной хозяйственной областью. Вопросы благоустройства обычно были разбиты между многими отделами городских дум. В центре тоже не было одного органа, учитывающего работу предприятий и учреждений благоустройства, и только во время войны Союз Городов сделал попытки об'единить и оформить эту область хозяйства и организовать ее учет.

Планового начала в коммунальном благоустройстве при буржуазном хозяйстве, ведущемся городскими думами, разумеется, не существовало, и оно развивалось анархическим порядком всецело в зависимости от иностранного денежного рынка.

После Октябрьской революции на местах были образованы коммунальные отделы, ведающие всеми отраслями благоустройства, а в республиканских центрах учреждены главные управления коммунального хозяйства.

Смешение в одном аппарате управления благоустройством города и внегородской территории, существовавшее в первые годы революции, было ликвидировано и были выделены специальные городские отделы. Вместе с этим, законодательство всех союзных республик четко установило разделение населенных мест на города, селения и промежуточные между ними — поселки.

Разбросанное и раздробленное хозяйство коммунального благоустройства было постепенно собрано и об'единено; электростанции, бойни и подсобные к ним предприятия и вообще все предприятия коммунального благоустройства сосредоточены в руках коммунальных отделов, кроме крупных, районных электростанций, боен и холодильников Нарпита.

Наконец, уже в 1921 г., сейчас же после образования Госплана (теперешнего союзного), при нем была создана ячейка по коммунальному благоустройству и начался медленный, но безостановочный процесс овладевания распыленным и неучтенным тогда коммунальным благоустройством; в дальнейшем это дело перешло в республиканские госпланы, и ныне видим, что вырисовывается уже первый облик нашего хозяйственного плана коммунального благоустройства, перспективно по Союзу и генерального (на 15 лет) по Российской федерации.

III

Обращаясь к отдельным, основным моментам городского благоустройства, мы видим, что по всему его фронту в течение немногих минувших лет борьбы за его восстановление нами были сделаны значительные завоевания.

Разрозненное коммунальное благоустройство имело при самодержавии такое же разрозненное и устарелое законодательство, корни которого относятся еще к XVI веку (Строительный устав).

Хотя сейчас и нет еще единого строительного кодекса, но уже в союзном масштабе и в отдельных республиках издан ряд законов, учредивших центральные органы, регулирующие строительное дело (строительная комиссия при СТО, строительно-технические комитеты в республиках), и органы строительного надзора на местах (губинжи). Вместе с тем, разработаны правила утверждения проектов важнейших сооружений благоустройства и целый ряд других постановлений, регулирующих порядок производства строительных работ, отчетности, охраны труда строителей и т. д.

Основа коммунального благоустройства — планировка населенных мест—до революции в России была в зачаточном состоянии и не шла далее предварительных работ и разговоров в нескольких крупнейших центрах, так что ни один город к 1917 г. не имел соответственным образом составленного проекта своей перепланировки и плана перспективного роста. Вместе с тем, до революции не существовало и необходимого планировочного законодательства.

В настоящее время работы по с'емке городских планов происходят почти в сотне городов по Союзу. Кроме того, в нескольких десятках городов разрабатываются проекты городской перепланировки, в некоторых городах эти проекты уже закончены (Тверь), а в некоторых начали реализовываться в натуре (Баку, Тифлис).

Вместе с тем, в союзных республиках издаются уже основные законы по планировке городов и селений, устанавливающие обязательность планировки и порядок ее, а частично изданы и нормы планировки и застройки. Закончено также основное законодательство и по городскому земельному хозяйству. Наконец, составляется план ближайших работ по городской планировке, охватывающий десятки городов.

Пожарная охрана до революции обслуживалась преимущественно гужевым транспортом и механические приспособления и насосы имели крайне слабое распространение. В настоящее время пожарная охрана значительно подняла свое оборудование и в целом ряде городских центров перешла частично или полностью на автотранспорт и обзавелась механическими насосами, лестницами и другим усовершенствованным оборудованием; в главных частях своих пожарная охрана может считаться восстановленной.

Перед революцией водопроводы имелись лишь в 33% современных городов, с общей сетью протяжением в 5.780 *км*.

В годы тяжелого кризиса водопроводное хозяйство очутилось в критическом состоянии. Водопроводные трубы оказались засоренными и испорченными настолько, что утечка воды в почву достигала в некоторых городах 60% всей подаваемой воды (Астрахань, Севастополь) и в среднем составляла не менее 30%. Значительная часть — в среднем 16% — домовых водопроводных присоединений бездействовала.

В настоящее время все главнейшие разрушения водопроводов исправлены и нормальная деятельность их восстановлена. Вместе с тем, расширена водопроводная сеть на рабочие городские окраины и увеличено число домовладений, присоединенных к водопроводу. В трех десятках городов построены новые водопроводы, так что общее число городов с правильным водоснабжением достигает 283, или 39% всех городских центров. В 15 городах приступлено или будет приступлено к устройству новых водопроводов.

Правильная канализация до революции имелась в 20 городских поселениях, с общим протяжением около 1.500 *км* (приблизительно). В годы военного коммунизма очистительное хозяйство захирело и 15% присоединений к канализационной сети домовладений бездействовали.

Теперь работа канализации везде налажена. В пяти городах построены новые канализационные сооружения, так что общее число городов с правильной очисткой достигало 25. Общая сеть канализации выросла до 1.520 *км*, проникая в городские рабочие окраины. В десяти городах приступлено или приступают к новым канализационным работам.

Хотя бойни и были широко распространены в наших городах до революции и были зарегестрированы в 80% городских центров, но большая часть боенских предприятий была примитивного устройства.

В последние годы и в этой отставшей области благоустройства обнаружен прогресс. Разрушение их почти прекратилось и началось восстановление. Намечается сооружение новых боен и переоборудование их.

Зеленые насаждения общего пользования в городах до революции имели площадь приблизительно 4.000 *га*, составляя 0,8% городской территории. Уличные посадки имелись на протяжении 12.000 *км*, или около 10% общего протяжения улиц.

В годы топливного кризиса городской зеленый фонд подвергся очень сильному разрушению со стороны населения, производившего порубку. Но наряду с этим повсюду наблюдалось увеличение общественного зеленого фонда за счет больших частных и казенных садов и новых посадок.

В результате этих мероприятий в настоящее время зеленые насаждения и их площадь почти удвоились, составляя не менее 1,5% городской территории. Главным образом, устройство садов, скверов производилось на окраинах для лишенного ранее рабочего поселения.

Около 30% городов совсем не имели уличного замощения; замощенные улицы составили не более 25% общего протяжения, площадью в 150.000 *кв. км*, в подавляющей массе своей примитивного булыжника, плохой укладки.

Около 40% городов не имели тротуаров и очень часто тротуары устраивались только по середине улиц. А общее протяжение тротуаров составляет 25.000 *км*, или около 25% улиц.

Во время гражданской войны городские проезды подверглись особенно сильному износу. Массовое передвижение войск и обозов и почти полная приостановка ремонта привели во многих городах к сильному уничтожению уличного покрова и к полному разрушению мостов.

В настоящее время, главным образом, производится новое замощение на городских окраинах, утолавших в грязи во времена царской России. Кое-где устраивается усовершенствованная мостовая, необходимость в которой вызывается автобусным движением. Однако, уличное благоустройство восстанавливается медленнее других отраслей.

Что касается наружного освещения городов России, то перед войной оно было совсем не блистательным. Более 15% городов были лишены какого-либо освещения. В 85% городов существовало керосиновое освещение. Газовые фонари были в 17% городов. Электрифицировано освещение было лишь в 10% городов. В среднем на город приходилось до 200 фонарей.

В период гражданской войны освещение почти повсюду прекратилось. После восстановления картина нашего осветительного хозяйства совершенно изменилась. Хотя среднее число точек горения на 1 город упало, но качественно освещение далеко превзошло бывшее до революции, так как керосином ныне освещается не более 8% городов и 90% городов в отношении освещения уже электрифицировано.

Однако, наряду с этим до сих пор около 29% городов еще не освещается. Ко времени революции в городах Союза было 459 электростанций, мощностью в 373.000 квт. В 24 городах были газовые заводы.

Экономический кризис приостановил работу электростанций и совсем прекратил функцию газовых заводов. Однако, он не остановил расширения электрического хозяйства.

В настоящее время число городских электростанций увеличилось до 693 с общей мощностью 530.000 квт., а без Москвы, Ленинграда и Баку 263.000 квт. против 155.000 квт. в 1917 г. Всего по Союзу электрифицировано 583 города, или около 81%.

Совсем в ином положении находятся газовые заводы, бездействующие повсюду за исключением Москвы.

Совершенно новым видом энергетического хозяйства в России является так называемая теплофикация, устройство центрального отопления целых городских районов, которое производится в настоящее время в Ленинграде и Москве.

Электрическое трамвайное сообщение имелось до революции в 37 городах, с длиною одиночных путей в 1.800 *км*. Кроме электротрамваев, в 20 городах Союза ходили еще конки и паровики.

Годы гражданской войны городской механический транспорт пережил очень тяжело. Подорванный уже во время империалистической войны, он быстро стал разрушаться при обострении экономического кризиса. Трамваи в некоторых городах остановились, а работающие предприятия чрезвычайно сократились, перевозя в 10 раз меньше пассажиров и в 10 раз менее выпуская вагонов (Москва).

Транспортное хозяйство было настолько поколеблено, что до сих пор его нельзя еще признать окончательно восстановленным. Особенно тяжело положение подвижного состава, вынужденного работать с перегрузкой на 100%; обновить же его в короткий срок является невозможным.

Все же и в этой области мы имеем завоевания в виде пяти новых трамваев и расширения трамвайной сети, связывающей рабочие окраины и пригороды с центральными частями городов и достигающей 1.800 километров.

Совершенно новым видом общественного транспорта является автобусное предприятие и таксомоторы. Автобусы, появившиеся впервые в Москве в 1924/25 г., теперь работают уже в 27 городах.

Конки и паровики в городах Союза совсем прекратили свое существование.

Большие изменения произошли в телефонном хозяйстве, которое в настоящее время из'ято из местного коммунального хозяйства и передано Нарком. почт и телеграфа.

IV

Подводя итоги небольшому по времени, но тернистому и тяжелому пути коммунального благоустройства, пройденному за 10 лет гражданской войны, экономического кризиса и, наконец, мирного

социалистического строительства, мы видим, что год десятилетия советской власти для коммунального благоустройства совпадает с годом решительного перелома в положении этой отрасли хозяйства. С этого года в коммунальном благоустройстве Союза прекращается разрушение его основного капитала и начинается период накопления.

И это обстоятельство надо признать для данного момента основным завоеванием советской власти, ибо несмотря на всю, казалось бы, скромность этого достижения оно было осуществлено лишь после значительных усилий.

Завоевания Октябрьской революции в коммунальном благоустройстве резче всего сказались на его социальной природе, так как все частные и концессионные предприятия благоустройства были ликвидированы и национализированы. Коммунальные услуги стали доступны всему трудовому населению и коммунальное благоустройство приближается к рабочим кварталам.

Другим крупнейшим завоеванием в области благоустройства после Октябрьской революции было оформление этой области хозяйства в одно целое, об'единение его в организационном отношении как на местах, так и в центре, и установление планового начала в регулировании благоустройства.

В дни юбилейных торжеств мы можем бодро глядеть в будущее, намечая себе ясные задачи, к которым надо стремиться. В первую очередь нам необходимо ликвидировать тот разрыв, какой наблюдается между промышленным и жилищным строительством, с одной строны, и строительством благоустройства — с другой, приближаясь к установлению между ними пропорциональной зависимости. Следующей задачей является всемерное форсирование капитальных вложений, восстанавливающих те разрушения основного капитала коммунального благоустройства, какие имели место за время империалистической и гражданской войн.

Эти основные задачи требуют усиления финансирования коммунального строительства со стороны местных советов, для чего необходимо повысить доходность коммунального хозяйства и систематически сокращать долю отчислений в местный бюджет от доходов коммунального хозяйства.

Устойчивость политики местных советов в отношении прогрессивного развития коммунальных вложений должно обеспечиваться как путем образования коммунальных трестов, так и путем увеличения специальных капиталов коммунального благоустройства в местном бюджете.

С другой стороны, должны быть сделаны соответственные шаги и государством для усиления коммунального кредита и государственного фонда коммунального благоустройства.

Усиление кредитных источников должно быть произведено также самими советами путем спецификации работы местных коммунальных банков и усиления их средств.

Органическая связь между коммунальным благоустройством и промышленностью требует соответственного участия последней в коммунальном строительстве, для чего промышленность должна с своей стороны вкладывать в это строительство свои средства; основы этого участия должны быть установлены государственной властью.

В области отдельных проблем коммунального благоустройства на первом плане должны стоять: планировка городов, строительство водопроводов, работы по электрификации и сооружение канализации в крупных городах. Развитие планировочных работ и общий прогресс градоустройства в Союзе требуют в течение ближайших лет соответственного развития санитарно-технического законодательства.

Все общие и частные задачи в области коммунального благоустройства имеют своей предпосылкой соответственным образом подготовленный квалифицированный персонал, для чего будет необходимо развить деятельность государства и мест по изучению проблем коммунального благоустройства и подготовке коммунальных работников; в эту задачу в числе прочих мероприятий должно будет войти более тесное соприкосновение с иностранной практикой и теорией коммунального благоустройства.

Положение коммунальных трестов должно быть урегулировано в смысле полного выяснения их фактического положения и работы, установления регулярной отчетности и присоединения их бюджетов к местному бюджету исполкомов.

Чрезвычайно существенной и совершенно неотложной задачей для пятилетия должно являться окончание основного учета коммунального хозяйства и создание регулярного и исчерпывающего учета работы предприятий и учреждений коммунального благоустройства, без которого не может быть налажена плановая государственная работа.

Помимо обеспечения необходимых денежных средств для быстрого восстановления коммунального благоустройства, должен быть увеличен ввоз из-за границы предметов оборудования в той части, какая не может быть доставлена отечественной промышленностью.

В течение ближайшего периода должна быть произведена реконструкция и рационализация коммунального хозяйства путем укрупнения и об'единения предприятий (электростанций и водопроводов), усиления нагрузки предприятий, удешевления себестоимости производства, правильного построения тарифов, лучшей организации труда и администрирования предприятий, восстановления основного капитала благоустройства, сокращения непроизводительно затрачиваемой продукции, стандартизации производства предметов оборудования коммунального благоустройства и вообще технического усовершенствования коммунального благоустройства.

Общая задача коммунальной политики благоустройства Союза состоит из следующих трех этапов.

Первым этапом, т.-е. в течение первого пятилетия, мы должны будем довести основной капитал городского благоустройства до уровня, на котором он стоял до революции.

В следующее пятилетие нужно будет покончить с последствиями империалистической и гражданской войн и вполне восстановить поколебленное коммунальное благоустройство, попутно реконструировав его.

И, наконец, через 15 лет мы должны будем довести коммунальное благоустройство до размеров, на которых оно должно было бы находиться, если бы не было ударов войны и экономического кризиса и городское хозяйство развивалось бы тем прогрессивным темпом, каким оно росло в конце 90-х и в начале 900-х годов.

Теперь на пороге нового десятилетия советской власти высшие государственные органы ведут свою регулирующую работу по коммунальному благоустройству уже с открытыми глазами, намечают перспективные задачи, дают соответственные директивы местам, и некогда рассыпанная храмина коммунального благоустройства вырисовывается уже цельным зданием, возводимым в новом социалистическом стиле нового трудового государства.

Н. Н. Колосовский

Перспективы экономического районирования СССР в связи с хозяйственными достижениями

Наиболее яркой чертой современного хозяйственного положения страны является завершение в основных чертах восстановительного процесса. Старый довоенный основной капитал, вложенный в промышленность, транспорт, сельское хозяйство, почти исчерпан в отношении его использованности при современных формах организации труда. Во многих отраслях хозяйства и районах происходит расширение хозяйства за счет новых вложений. Общая сумма капитальных вложений в народное хозяйство достигает уже внушительных цифр порядка 2—3 миллиардов рублей ежегодно. Таким образом, еще мало характеризовать настоящий момент как завершение восстановительного процесса, следует учесть, что это восстановление уже переплетается и врастает в новый период нового хозяйственного строительства.

Восстановительный период был характерен тем, что он не воспроизводил во времени картину прошлого ни в отношении пропорции отдельных отраслей хозяйства, ни в отношении пространственном. Отдельные производства неодинаково поддавались восстановительным усилиям, отдельные части территории оказывались во времени в разных хозяйственных условиях в смысле легкости восстановления. Далее, часть прежнего хозяйственного организма императорской России была отрезана от тела советского государства. Наконец, решительным образом изменилась социальная обстановка с переходом руководящей и хозяйствующей воли в руки другого класса, имеющего новые хозяйственные цели. В силу этих обстоятельств процесс восстановления совершался с уклонениями от довоенного образца. В процессе восстановления иногда оказывалось выгодным с общегосударственной точки зрения пренебрегать элементарным рационализмом и восстанавливать не более близкие предприятия, а начинать с более далеких. В отношении сырья и средств питания также иногда оказывалось выгодным получать их с территорий более удаленных, несмотря на кажущуюся возможность получить их из других, более близких мест. Это оказывалось возможным вследствие того, что транспортный аппарат, рассчитанный на полновесную хозяйственную жизнь, оказывался в известные моменты в излишке против потребности в перевозках.

Все эти неравномерности в процессах восстановления наложили глубокий отпечаток на все хозяйственное лицо страны, который будет иметь свои многозначительные последствия в будущем.

Например, можно ли считать, что Западная Сибирь, вовлеченная более близко, чем в довоенное время в хозяйственное общение с европейскими частями Союза, будет развиваться в тех же направлениях, как она развивалась до войны? Заведомо нет. До войны европейские рынки для ее хлеба были почти закрыты. Нужда в хлебе со времени гражданской войны и голода в Поволжье заставила государство, теряя на транспорте, ввозить сибирский хлеб в европейские районы, частью замещая Поволжье. Нужда в древесном топливе на Урале и требование усилить быстро выплавку чугуна побудили воспользоваться идеями урало-кузнецкого проекта и начать снабжение уральских заводов кузнецким топливом, потому что все же это оказалось более легко выполнимым, чем более широкие восстановление древесного углежжения или чем постройка новых железных дорог вглубь северных лесных массивов в поисках за древесным углем. Одновременно с более быстрым ростом Сибири, увлекающим ее уже на путь нового крупного строительства для дальнейшего развития сделанных достижений (Сибирская сверхмагистраль, Кузнецко-Алтайский промышленный комбинат), Поволжье отстало в своем развитии и пути его восстановления устремляются уже явно мимо довоенных путей в сторону реконструкции как в смысле рынков (ориентация на Волго-Дон и вывоз через южные порты за границу), так и в смысле производственной обстановки (проекты ирригации Заволжья для борьбы с засухой). Развитие Сибири в дальнейшем, если оно пойдет по тому же, нащупанному в последние годы, новому пути, отзовется и на украинском и на северо-кавказском хлебном хозяйстве, освобождая эти районы от снабжения центральных промышленных районов и давая ориентацию на экспорт. Пути Урала сдвинуты резко от старых, тем же фактом появления минерального топлива. Далее, северные лесные районы работавшие в прежнее время, главным образом, на экспорт, в значительной мере втягиваются сейчас в сферу внутреннего рынка. На Северо-Западе и в Центрально-Промышленном районе произошли не менее решительные сдвиги в связи с крупным электростроительством, влекущим за собой техническое переоборудование промышленности. В Донбассе мы сумели реализовать во время восстановительного процесса такие перемены в технике добычи и сделали такие вложения в новое строительство, которые уже обусловливают совсем иной облик Донбасса, чем довоенный. Начатое строительство Днепра предрешает дополнительные перемены в металлургическом строительстве и развитии прочих видов южной промышленности. Параллельно с этим восстановление Центрально-Черноземного района носит явно ущемленный характер в связи с перенаселенностью, требующей чрезвычайно крупных затрат государства на

переселение и промышленное строительство для поглощения избытков населения. Параллельно этому восстановление Белоруссии, в виду появления таможенного и политического кордона по границе с Польшей, принуждено направляться по новому пути при развитии лесного и сельского хозяйства, при чем процесс осложняется тем же фактором перенаселенности. Хозяйство Средней Азии, поставленное в известные этапы восстановительного периода в состояние изолированности от хлебных рынков Союза, сначала принуждено было сильно развить собственные посевы хлебов в ущерб хлопковым насаждениям, а затем искать новых путей снабжения себя хлебом и лесом из Сибири с постройкой для этого специальной крупной железнодорожной линии (Туркестано-Сибирская магистраль). Другая самая далекая окраина Союза—Д. Восток—после войны столкнулась с новой хозяйственной ситуацией на Тихом океане в связи с хозяйственным ростом Японии, Китая, Маньчжурии и вынуждена развиваться в направлении дальнейшего развития хозяйственных связей с этими странами при отставании темпа развития хозяйственных связей с Союзом.

Таковы — в грубых линиях — основные черты нового хозяйственного облика СССР в результате завершения восстановительного процесса. Голые цифры процентажей, указывающих количественную близость современности к довоенному хозяйственному уровню по отдельным отраслям хозяйства, не улавливают этих глубочайших различий, которые характеризуют качественный и пространственный облик современного хозяйства СССР. Отсутствие до сих пор правильно обработанного районного разреза при изучении хозяйственных явлений, отсутствие порайонных контрольных цифр по совокупности районов, отсутствие законченных порайонных проработок пятилетнего перспективного и генерального плана не позволяют еще учесть в полном размере происшедшие перемены. Ярче всего можно наблюдать происшедшие перемены в удельном весе районов по транспортным показателям.

Определенное географическое размещение районов добычи, переработки и потребления уже в прошлом обусловливало характерную для СССР большую среднюю величину расстояния переброски отдельных видов товаров.

Хозяйственная обстановка восстановительного периода в связи с переменами в удельном весе районов и изменениями в характере их работы еще более повысили средние дальности пробегов (в среднем за пятилетие):

	1899—93	1894—98	1892—03	1904—08	1909—13
Средняя дальность пробега тонны груза в километрах	446	483	500	505	496

	1922—23	1923—24	1924—25	1925—26
Средняя дальность пробега тонны груза в километрах	406	500	571	590

Таким образом, средняя дальность пробега в 1925/26 г., примерно, на 20% больше довоенной. Дальности пробегов отдельных грузов дают еще более высокие цифры прироста дальности перевозок. Изменение роли Поволжья не замедлило сказаться в ряду других причин и на водных перевозках по Волге, что отразилось на распределении работы между железными дорогами и водой.

Если принять сумму грузооборота железных дорог за 100, то доля каждого из видов транспорта для ряда лет получается в следующих размерах (в среднем за пятилетие):

	1889—93	1894—98	1892—03	1904—08	1909—13	1922—23	1923—24	1924—25	1925—26
Железные дороги	64,0	64,2	66,9	69,1	71,0	74,6	77,5	77,4	80,4
Водные пути	36,0	35,8	33,1	30,9	29,0	25,4	22,5	22,6	19,1

Между тем как общий грузооборот в 1913 г. оценивался в 132.404 тыс. тонн, а для 1926/27 г. предположительно определяется в 131.150 тыс. тонн, общая работа жел.-дор. транспорта выросла с 65,7 мрд. тонно-*км* в 1913 г. до 76,9 мрд. 1926/27 г. Одной из главных причин этих перемен являются изменения, происшедшие в роли районов в течение восстановительного периода.

Итак, восстановительный период закончен, поскольку условно можно считать окончанием близость исчерпания основного капитала в промышленности, транспорте, сельском хозяйстве. Нет сомнения, что еще многое можно сделать для более интенсивного использования уже вовлеченного в хозяйственный оборот старого капитала путем дальнейшего улучшения организации труда. В этом отношении, например, окажет свое влияние введение семичасового рабочего дня в связи с возможностью увеличить количество смен и дать лишние часы работы машин. Далее, можно еще многое дать, улучшая общую организованность работы предприятий. Но это все более и более приблизит момент, когда развитие хозяйства будет итти за счет новых вложений. Если в период восстановления мы были вынуждены далеко отодвинуться от довоенного образца в отношении пространственного распределения коллективной работы, то в предстоящий период нового строительства следует ожидать еще более решительных сдвигов в этом отношении. В период восстановления мы были привлечены к определенным точкам территории государства фактами сосредоточения в них крупнейших фабрик, заводов, рудников, шахт, городов, рабочих поселков; в деле снабжения промышленности сырьем, а населения продовольствием мы были связаны конфигурацией железнодорожной сети и наличием и состоянием флота и портов, а также распределением сел.-хоз. населения. В предстоящий период эти связывающие обстоятельства исторического прошлого будут попрежнему играть крупную роль, но значение их будет постепенно уменьшаться по мере роста величины суммы новых капитальных вложений. Таким образом, степень свободы для сознательного выбора территории для нового строительства будет повышаться. Параллельно с этим будет увеличиваться и значение научных методов для правильного экономического районирования территории Союза.

Идеи экономического районирования Союза ССР в том виде, как они защищаются Госпланом, являются к настоящему времени единственной идейно проработанной и внутренне логичной системой хозяйственной организации необ'ятной территории Союза.

Не случайна одновременность формулирования в трудах ГОЭЛРО трех основных руководящих принципов: электрификации, сверхмагистрализации транспорта и районирования. Их взаимно связывает общее устремление к реконструкции экономики и техники страны и общее понимание системы задач, стоящих перед советским государством на путях его строительства, и в этом весь их смысл.[1]

Как мы видели, в восстановительный период удалось втолкнуть частично реконструктивное начало электрификации, частично и несколько однобоко удалось внедрить и начало районирования и почти не удалось по всему колориту восстановительного периода начало магистрализации транспорта. Однобокость восприятия жизнью начал экономического районирования всецело связана со всем стилем и общественной психологией восстановительного периода. Логика госплановского районирования с известной сеткой районов, с пониманием хозяйства районов, как целостных производственных комбинатов, с известной специализацией, с определенным распределением хозяйственных функций между Союзом и районами, с децентрализацией оперативной деятельности при централизации государственного плана,— была вся в будущем и звучала стройно, но и как бы академически отвлеченно. В самом деле, как можно было убедить воспроизвести специализацию хозяйства районов, когда элементарный вопрос о снабжении потребляющих районов хлебом не был решен. И внутренне прав был Урал, когда он, на словах приняв принципы районирования Госплана, жестоким образом их нарушил, отрезав громадные сельскохозяйственные площади от Западной Сибири для сбалансирования своего хлебного баланса. Он прав был так же, как правы были заводы, организовавшие в свое время маршрутные поезда для самоснабжения продовольствием. Только рост организованности государственной хлеботорговли может изменить эту логику уральцев, как в свое время улучшение транспорта позволило прекратить кустарное самоснабжение заводов маршрутными поездами. Далее, как можно было децентрализовать оперативную деятельность при централизации плана, когда вся жизнь государ-

[1] Повидимому, И. В. Муругов, выпустивший книгу „Проблемы районирования", недоучитывает реконструктивную сущность районирования. Иначе трудно об'яснить его стремление, так сказать, оправдать современные границы Урала и Северного Кавказа рядом теоретических соображений, несмотря на всю неблагодарность этой задачи.

ства требовала кон'юнктурных способов управления в зависимости от момента: сначала кон'юнктуры дня, затем — месяца, квартала, и, как важнейшее достижение,— полугодия; перспективного же плана нет в утвержденном виде до настоящего времени. В силу законной разницы психологии восстановительного периода и логики госплановского районирования за истекший период времени из всей системы госплановских идей восприняты жизнью лишь те ее стороны, которые отвечали потребностям восстановления. Они следующие: 1) реорганизация низовой (главным образом, крестьянской) единицы госаппарата-волости, 2) консолидация окраинных частей Союза, не захваченных строительством нац. республик, 3) составление кон'юнктурных обзоров по районам Госплана, приступ к составлению контрольных цифр и перспективных планов по районам Госплана.

Самое слабое звено в старом дореволюционном административном аппарате была старая волость. Эта единица оказалась совершенно непригодной для исполнения новых задач советской государственности, в которой хозяйствующие функции тесно переплетены со всем государственным аппаратом. Между тем, восстановительный период характерен именно рядом трудностей на сельскохозяйственном фронте. Идеи районирования Госплана, охватывающие всю систему государственных хозяйственных отношений от центра до периферии, давали разумное решение для преобразования низового аппарата на новых основаниях. И мы видим, что новая районная волость завоевала себе всеобщее признание, осуществлена почти на всей территории Союза и дала крепкую, быстрорастущую и развивающуюся низовую организацию. Для восстановительного процесса потребовалось, как мы видели, широкое вовлечение сырьевых и продовольственных ресурсов наших окраин: Кавказа, Урала, Сибири, Средней Азии, и мы наблюдаем, что идеи Госплана в той части, которая давала форму крепкой и оперативно-удобной хозяйствующей единицы, были восприняты жизнью на окраинах вместо расплывчатых и временных форм областных ревкомов и ЭКОСО, плохо приспособленных к системе губерний и центральных наркоматов. Губернская система, мешавшая оперативной деятельности этих областных организаций, была заменена областными организациями в духе госплановского районирования. Создались: Уральская область, Сев.-Кавказский, Сибирский и Д.-В. края. Ср.-Азиатское ЭКОСО своеобразно сочетало факт своего существования на ряду с национальным районированием. Территориально границы Урала, Сибири и Кавказа не совпали с госплановскими районами именно потому, что устремления и цели этих организаций вращались в орбитах восстановительного цикла задач, а логика госплановских районов заглядывала дальше, в период реконструктивный. Европейские районы РСФСР как бы имели одну общую цель — быть сырьевым и продуктовым хинтерландом для Центрально-Промышленного района, отчасти Северо-Запада при условии наибольшей свободы кон'юнктурного маневрирования. Появление здесь областных организаций с собственной хозяйствующей логикой при напряженности хозяйственной обстановки, при отсутствии самой возможности составления и осуществления длительного плана могло при некоторых условиях затруднить маневрирование. Повидимому, это наиболее важная об'ективная причина, об'ясняющая, почему осуществление областного районирования этих территорий оказалось задержанным. Так или иначе, но факты остаются фактами: к концу восстановительного периода мы имеем необычайно сложную и оперативно-тяжеловесную систему территориального устройства Союза, в которой одновременно существуют и старые дореволюционные территориальные единицы (губернии, уезды), частично приспособленные для новых целей, и разнообразные новообразования, не вполне доделанные до их логического завершения и не приведенные в систему. Каковы же перспективы дальнейшего осуществления планового районирования в наступающей обстановке реконструктивного периода?

Предстоящий период, начиная с „сегодняшнего“ дня, будет характеризоваться:

1) Усложнением вопроса о транспорте. Если можно было в прошлом, когда транспорт был в избытке, загружать его работой по перевозке с дальних расстояний сырья и продовольствия и терять при этом только на расходах, связанных с движением, то в предстоящий период для этих операций будут требоваться новые капитальные вложения. Следовательно, обязательно сравнение затрат в транспорт из далеких районов с вариантом употребления этих средств на развитие хозяйства в более близких районах, или коренная реорганизация транспорта, обеспечивающая безубыточность дальних перевозок.

2) Усложнением вопроса о новом промышленном строительстве, так как выгодность нового строительства в старых районах не всегда очевидна, а иногда явно выгоднее ставить фабрики и заводы в новых местах, располагая их ближе к дешевому сырью и энергии.

3) Усложнением вопроса о выборе наивыгоднейших центров снабжения государства промышленным сырьем и средствами питания для получения быстрейшего эффекта как в смысле сроков, так и в смысле оправдания затраченных капиталов.

4) Усложнением вопроса об использовании избыточного труда в перенаселенных районах, так как естественный прирост деревенского населения пока, повидимому, опережает впитывание их промышленностью, т.-е. общая обстановка этих районов продолжает усложняться, и нерациональность паллиативных мер становится все очевиднее.

Все эти задачи нельзя разрешить элементарными способами. Иначе говоря, во весь рост становится вопрос о государственном хозяйственном плане, построенном на научных основаниях с учетом правильного распределения труда по территории, с учетом всех особенностей отдельных районов с тем, чтобы сознательно направить развитие хозяйства страны по наикратчайшему пути.

Правильное решение может быть найдено при осуществлении экономического районирования, магистрализации транспорта и продолжением электрического переоборудования промышленных центров. В области экономического районирования в истекший период подготовительная работа проделана в гораздо более широких пределах, чем это было осуществлено в жизни. По всем европейским районам РСФСР областные сетки районов были подвергнуты обстоятельному изучению на местах и в центре. По этой системе уже ведутся конъюнктурные наблюдения, составляются контрольные цифры и делаются опыты перспективного планирования вплоть до составления генеральных планов. По азиатским частям во время процесса внутреннего районирования Сибири и Д. Востока был изучен вопрос о Ленско-Байкальском районе; в процессе работ над проблемой вывоза сибирского хлеба и сибирской сверхмагистрали выявляются дополнительные вопросы о районировании Западной Сибири, наконец, последние работы Союзного Госплана, организованные совместно с местами, над генеральным планом дали ряд дополнительных материалов для суждения о правильности госплановской сетки районов.

Итоги всех этих материалов не только не порочат намеченную в 1921 г. систему районов, но дают ряд новых соображений.

Основными промышленными районами Союза, где с наибольшей интенсивностью будет происходить новое строительство, являются ЦПО, Северо-Запад, Южно-Горнопромышленный, Урал, Кавказ. Дополнительно к ним выясняется необходимость создания в ближайшее время лишь одного нового промышленного центра в Кузнецко-Алтайском районе в Сибири, а в следующую очередь Ленско-Байкальского. По пяти первым районам предстоят наибольшие затраты государства на их техническое переоборудование и, в частности, на электростроительство. Границы всех этих районов установлены сеткой Госплана достаточно удачно для возможности постепенного превращения их, при условиях нового планового капитального строительства, в целостные промышленные районные комбинаты с правильным размещением отдельных предприятий внутри района, благодаря чему будут исключены излишние траты энергии, сырья, побочных продуктов и так называемых отбросов производства и сокращены до рационального минимума встречные и повторные внутрирайонные перевозки сырья, топлива, полуфабрикатов. Осуществление этих идей может быть произведено сразу для новых районов (Кузнецко-Алтайский, в меньшей мере Урал), большие трудности встретятся в районах старых, в которых вес старого капитала по сравнению с новыми вложениями будет высок. В настоящее время имеются существенные расхождения между границами госплановского Уральского района и Уралобластью, в связи с вхождением в состав Урала тобольского севера и сельскохозяйственных округов Западной Сибири. Можно предвидеть, что

в будущем организация правильной эксплоатации западно-сибирских сельскохозяйственных территорий побудит централизовать управление хозяйством чисто сельскохозяйственных территорий с особой организацией Обского района и консолидацией промышленных частей Сибири. Важно то, что современные границы Уралобласти пока не мешают правильному развитию его промышленности. Разделение Кавказа в политическом отношении на Закавказье и Сев. Кавказ в прошлом не дало ощутительных препятствий к промышленному строительству, связанному с развитием гидростанций на обоих склонах Кавказского хребта и развитием нефтедобычи в Закавказье и на Сев. Кавказе.

Вопросы снабжения промышленных районов топливом, промышленным сырьем и продовольствием зависят от разрешения проблемы транспорта. Увеличение провозной способности сети может итти по двум направлениям. Или путем увеличения густоты сети, с постройкой дорог нормального типа, или по пути магистрализации сети с сосредоточением на немногих линиях мощных грузовых потоков. Госплан защищает второй путь решения, так как он в сумме дает меньшие затраты на реорганизацию транспорта и даст более низкие себестоимости перевозок, благодаря чему появится возможность втянуть в товарооборот новые массы сырья и продовольствия из новых районов, где получение их требует меньших вложений, в виду более слабой эксплоатации их фондов в прошлом. Расчеты проф. Михальцева, сделанные для Комиссии генерального плана, дают следующие сравнительные величины для себестоимостей перевозок по разным типам железных дорог:

Разряд дорог	Себестоимость тонно-километра в черв. исчислении при индексе 1,6			
	Эксплоат.	Оплата капит.	Амортиз. отчислен.	Всего
Тип Москва—Донбасс	0,284	0,085	0,029	0,398
Тип Кривой Рог—Донбасс	0,250	0.090	0,030	0,370
Тип Новосибирск—Свердловск	0,342	0,147	0,048	0,537
Магистраль с большим грузооборотом	0,500	0,170	0,051	0,721
Средняя магистраль	1,070	0,660	0,176	1,906
Под'ездные пути	2,420	1,525	0,400	4,345

То-есть себестоимость перевозок по направлениям сосредоточенного грузооборота в $4^{3}/_{4}$—$3^{1}/_{2}$ раза ниже, чем для дорог среднего магистрального типа.

Осуществление сверхмагистрализации Московско-Донецкого направления, снижая стоимость перевозок донецкого угля, решает

вопрос о топливоснабжении для Центрально-Промышленного и Северо-Западного Промышленного районов.

С этого года мы начали строительство Сибирской сверхмагистрали для большей увязки с хозяйством Западной Сибири. Осуществление постройки Сибирской сверхмагистрали совместно с завершением постройки Семиреченской ж. д., снижая стоимость перевозок между Сибирью и центром и между Сибирью и Средней Азией, означает уже не экстраординарное, а органическое включение огромнейшей территории Западной Советской Азии по бассейну р. Енисея, включительно со всеми их сырьевыми, минеральными и органическими ресурсами, в круг основного европейского хозяйственного массива Союза.

Количество пшенично-способных территорий этого нового пространства равно, примерно, сумме всех пшенично-способных площадей европейских районов. В течение 10 — 15 лет из этих территорий можно будет взять до 300 млн. пуд. хлеба на вывоз на Запад и необходимое количество хлеба и леса для Средней Азии.

Это изменит продовольственный баланс и продовольственную географию Союза, но в том именно направлении, которое было учтено при построении сетки районов Госплана. Возможность использования Кузнецкого бассейна — второе следствие, изменяющее топливный баланс Союза и промышленную географию. Имея запас в 70% от всего топлива в Союзе и дешевую связь с центром Кузнецкий бассейн будет иметь достаточно убедительные аргументы для получения ряда заданий по развитию промышленности в совершенно новом месте, увлекая в этом же направлении Урал, что также было учтено при установлении районов Госплана.

Наконец, постройка Волго-Донского соединения создает новый выход и новые хозяйственные условия для сельскохозяйственных районов Поволжья.

Указанные транспортные мероприятия захватывают территории следующих сырьевых продовольственных районов по сетке Госплана: Центрально-Черноземного, Нижне-Волжского, Средне-Волжского, Восточно-Казакского, Обского и Средне-Азиатского.

Наибольшего эффекта следует ожидать для трех районов: Обского, Кузнецко-Алтайского и Восточно-Казакского, которые получают дешевый выход для сырья и продовольствия.

В отношении этих территорий сетка Госплана нарушена в наибольшей степени, так как при практическом районировании Урала и Сибири не учитывалась Сибирская сверхмагистраль. Единый сельскохозяйственный Обский район, приобретающий при сверхмагистрализации значение крупнейшего экспортного района, был поделен между Сибирским краем и Уралом. Между тем, необходима напряженная и об'единенная работа над этой территорией. Предполагать, что ее можно будет осуществить через уральские и сибирские органы, внимание которых будет направлено на индустриальные задания,—

значит недоучитывать того обстоятельства, что плановый государственный охват распыленной хозяйствующей крестьянской массы есть задача более сложная, чем промышленное строительство. Если считается целесообразным об'единенное хозяйство для промышленных районов, то тем более оснований имеется для района сельскохозяйственного. Можно быть совершенно спокойным, что хозяйственная логика приведет в итоге к созданию Обского района.

Преимущества Средне-Азиатского района Госплана уже достаточно определились. Районы Поволжья, Средне-Волжский и Нижне-Волжский определяются более твердо, чем раньше системой Сибирской сверхмагистрали и Волго-Дона. Ср.-Волжский район определяется как район, живущий под двойным влиянием сверхмагистрали и Волго-Дона, при чем ориентация в смысле рынка для хлеба (внутренний рынок и заграница) будет для него меняться под влиянием рыночной кон'юнктуры. Нижняя Волга квалифицируется всецело как район экспортный. Далее, Центрально-Черноземный район ни в ком не вызывает сомнений в отношении его границ. Остаются окраинные районы: Дальний Восток, Ленско-Байкальский район, Якутия, Северо-Восток, Вятско-Ветлужский район, Западный район, лежащие вне сферы воздействия указанных выше сверхмагистралей. Высказывались некоторыми кругами соображения о нецелесообразности Ленско-Байкальского района. Но последующая литературная полемика по этому вопросу всецело приводит к заключению о неизбежности образования этого района с момента приступа к активному хозяйственному строительству на нашем Востоке, что вызывается, с одной стороны, общесоюзной потребностью в получении цветных, белых и редких металлов и их сплавов, а с другой — соображениями о сохранении хозяйственной целостности союзной территории со включением в общую систему и дальневосточных окраин с выходом в Тихий океан.

Северо-Восток не вызывает сомнений.

Западный район получился сильно урезанным в связи с образованием Белоруссии. Но по всему стилю его хозяйства перед ним стоит задача найти формы хозяйственных взаимодействий его с Белоруссией.

Таковы результаты проверки районов Госплана в свете долголетней критики мест и при использовании наличного районного материала по перспективному и генеральному хозяйственному плану.

Логика рационального экономического районирования с его реконструктивным духом встречала многообразные препятствия в течение восстановительного периода, проникнутого иной психологией. Впереди — индустриализация страны и задача государственного охвата распыленной хозяйствующей крестьянской массы, требующая нового капитального строительства в областях электрификации, промышленности, транспорта, сельского хозяйства. Эта обстановка по духу родствена идеям районирования. Пути наискорейшего дости-

жения поставленной цели явно приводят к организационным идеям госплановского районирования с усилением специализации районов, комбинированием внутрирайонного хозяйства, сверхмагистрализацией железных дорог, втягиванием новых сырьевых, продовольственных и промышленных районов, т.-е. к осуществлению всех тех предпосылок, на базе которых была создана сетка районов Госплана и вся сумма идей районирования. Если выводы из этих предпосылок сделаны верно и если не будет новых открытий в отношении природных ресурсов страны и методов их использования, система госплановского районирования неизбежно должна получить осуществление. Организационные препятствия в виде невозможности осуществить систему децентрализации оперативной деятельности при централизме плана — все больше и больше отходят в прошлое в связи с появлением опытов многогодичного планирования, дающих устойчивую установку для самостоятельной деятельности областных единиц. Следовательно, весь вопрос переходит из области принципиальных обсуждений в чисто практическую сферу: когда можно осуществить перестройку всего аппарата. Срок в четыре — пять лет для этого совершенно достаточен.

Следует заметить, что организационный план проведения районирования требует внимательной проработки. Обсуждение и принятие законодательными инстанциями частичных планов районирования по отдельным областям вряд ли целесообразны. Система областей Союза должна быть обсуждена и принята именно как связная система. Вопросы же внутриобластного районирования могут обсуждаться в отдельности, точно также и проведение в жизнь возможно по частям.

Акад. С. Ф. Ольденбург

Десять лет нашей науки (1917—1927)

Последнее десятилетие жизни нашей страны,—десять лет, протекших после величайшей революции, — и в истории нашей науки занимают совершенно исключительное положение, потому что с ними связаны и все наши представления о будущем. Пути нового строительства жизни наметились; жизнь показала, что эти пути будут путями социалистического строительства. Широкие массы систематически и настойчиво проходят школу общественной работы, из которой никто, желающий работать, не должен быть исключен. И для науки поставлен вопрос о том, чтобы в пределах возможного она сделалась доступною широким массам, или, по крайней мере, чтобы ее значение и возможности были выяснены для них.

С этой точки зрения чрезвычайно важно получить представление о том, что сделано нашею наукою за это десятилетие; как шло ее развитие и какие намечаются для нее дальнейшие пути развития, потому что совершенно ясно, что во многом эти пути будут чрезвычайно своеобразны. Необходимо при этом учесть необыкновенное разнообразие состава населения Союза, которое не может не влиять и на организацию у нас научной работы, так как работа ведется частью в общесоюзных, частью в республиканских организациях.

Если мы оглянемся на ход научных работ за последнее десятилетие, то сразу бросится в глаза, что работа приняла широко коллективный характер и что на о р г а н и з а ц и ю работы было обращено особенное внимание. Уже по тому одному это было необходимо, что кадры научных работников очень значительно поредели; одни из работников умерли в трудные годы гражданской войны, а другие порвали с нами и ушли в эмиграцию. Школа еще не так скоро подготовит нам вполне надежную и достаточную численно смену, потому что мы хорошо видим, как трудно школе, особенно высшей, найти правильные пути развития для подготовки научных работников. Вполне поэтому понятно и правильно, что вопросы организационные получили такое большое значение.

Первые, хорошо всем памятные годы иностранных интервенций и гражданской войны создали исключительно трудную обстановку для всякой работы, а потому, естественно, и для работы научной. В сущности, только с 1921 г. можно говорить об улучшении условий работы, и кривая, с 1917 г. все спускавшаяся, с 1921 г. начинает подниматься, указывая на постепенное восстановление нормальной

работы. Было бы, однако, совершенно неверно, если бы мы эти четыре тягчайших года считали лишь годами упадка и не обратили бы внимания на те чрезвычайно существенные положительные явления, которые мы видим в жизни наших научных учреждений и ученых. Эти явления, вместе с тем, говорят о том, что наши научные работники сумели не пасть духом и сумели с редкой настойчивостью и энергией использовать трудное положение.

Вспомним, что наши ученые были отрезаны от всякого научного общения со своими западными товарищами; что они не знали того, что писалось и печаталось за границей; научные экспедиции были невозможны для них и, наконец, почти не было средств на печатание научных трудов. Кроме всего этого, было и общее отсутствие средств на работу и даже на отопление и освещение. Казалось бы, в такой обстановке было от чего притти в отчаяние людям, которые у себя дома были полуголодными, которым долго приходилось проводить время и работать в зимние месяцы при температуре ниже нуля или немногим выше. Теперь все это уже достояние истории, и те, кто остались живы, уже забывают все эти тяжелые годы, но не забудется та работа, которая была сделана за это время людьми, убежденными, что они участвуют в великом строительстве новой и лучшей жизни.

Мы видим за эти годы сильный рост теоретической мысли; приостановившееся накопление научных материалов, ставшее перед тем, может быть, даже чрезмерным, побудило ученых усиленно заняться теорией и разработкою методов научных исследований.

Эту работу приходилось вести без надежды на скорое ее обнародование, так как научное печатание сократилось до самых ничтожных размеров. Наши ученые нашли здесь выход чтением докладов в научных кружках и, частью, чтением лекций. Мы видели примеры того, что люди, годами не читавшие лекций, открыли курсы, при чем большое количество этих курсов носило именно методологический характер; так было и с науками естественными и, в еще большей степени, с науками гуманитарными. Мы видим поэтому, что как только через несколько лет стало возможным больше печатать научных книг,— появилось много работ методологического характера, плоды годов разрухи.

К этим же годам надо отнести ту большую и важную работу, какую мы видим в музейном деле. О музеях надо было особенно думать, потому что почти полное отсутствие отопления, уменьшение опытного рабочего персонала грозило музеям разорением и гибелью. Музейные работники нашего Союза своею самоотверженною работою в эти труднейшие для них годы приобрели себе совершенно исключительное право на государственную и общественную благодарность. Всем известно, что наши громадные культурные и художественные музейные богатства не погибли и не были расхищены. Но мало того, именно за годы разрухи выросла теоретическая музейная мысль и

началось то новое музейное строительство, которым мы так справедливо гордимся В прежнее время и у нас и на Западе музеи, в значительной степени, оставались, с небольшими изменениями, на положении „кунсткамер", собраний редкостей. Вопросы музейной экспозиции были серьезно поставлены почти только в естественно-исторических музеях и в картинных галлереях. Новая музейная работа должна была пойти по двум линиям— научной и культурно-просветительной. Необходимо было и в экспозиции музейных предметов сочетать оба эти направления: соединить научность с общедоступностью.

Эта работа была проделана,— притом в исключительно трудных условиях,— всеми нашими главнейшими музеями, которые теперь заняли видное место среди музеев всего мира именно своею экспозиционною работою, которая и стоит в основе всего дальнейшего музейного строительства.

И еще надо отметить одну важную в научно-культурном отношении сторону работы тех годов. Материальные трудности жизни, особенно сказавшиеся в наших крупнейших научных центрах—Ленинграде и Москве,— заставили многих научных работников, особенно тех, кто были слабы здоровьем, искать лучшей материальной обстановки в видах сохранения здоровья, а часто и жизни. Мы помним, как благодаря приезду научных работников, часто очень крупных, в массе городов открылись временные университеты, курсы; часто даже мечтали, что все это не будет временным. Конечно, при этом не учитывали, что и страны, гораздо более богатые, не могут позволить себе роскоши такой массы высших школ. По мере того, как жизнь становилась более нормальной, научные работники, одни за другими, стали возвращаться в центры, где работа их могла итти успешнее, и постепенно одно высшее заведение за другим стало закрываться. Но не все они были закрыты, а кроме того, тот толчок местной культурной жизни, который был дан более крупными работниками, сделал свое дело, местные работники многому научились и, когда сильною волною поднялось краеведческое движение, во многих местах были уже подготовленные кадры, были намечены задачи для краеведческой работы, окрепло то, столь исключительно важное для нас краеведческое дело, на котором мы в значительной степени базируем наше строительство. Далее будет указано, как, в связи с улучшением общих условий жизни, краеведение окрепло и выросло; оно составляет теперь неотъемлемую и важную часть научно-культурного движения во всем нашем многомиллионном и многоплеменном Союзе.

Решительный поворот начался в положении научных учреждений и научной работы примерно с 1920 г., когда после представления Академиею Наук записки о положении науки и ученых была образована, под председательством наркома просвещения А. В. Луначарского, особая комиссия, которая вынесла ряд постановлений, последовательно проведенных затем в жизнь, в связи с улучшением

общего положения. Несколько позже, в 1921 г., по инициативе В. И. Ленина, была образована при Совнаркоме Центральная комиссия по улучшению быта ученых, во многом облегчившая жизнь, а значит и работу научных работников. Со времени поворота так быстро и широко пошло развитие научно-культурного дела, что потребовалась бы целая большая книга для того, чтобы дать надлежащую картину всего, что сделано до 1927 г. Я поэтому должен ограничиться указанием общих путей развития, остановившись на некоторых более крупных учреждениях, при чем начну с тех, которые являются учреждениями революционного времени, а затем укажу и на прежде существовавшие, но развившие свою деятельность за минувшие десять лет.

Ясно было, что революция, направившая свое строительство по путям социализма, должна была стремиться и к созданию научно-теоретического социалистического центра. Таковым явилась учрежденная уже в 1918 г. Социалистическая академия, ставшая затем Коммунистической академией (с 1923 г.). Первоначально она преследовала не только научно-теоретические, но и преподавательские цели, но с 1919 г. она стала исключительно научным учреждением. Настоящим образом Коммунистическая академия могла развить свою деятельность только с наступлением более благоприятных условий, после 1920 г. Ее периодическое издание „Вестник Коммунистической академии" начал выходить с 1922 г. Постепенно в ней начали образовываться секции, институты, лаборатории и т. д. К настоящему времени Коммунистическая академия имеет 9 секций—философии, научной методологии, естественных и точных наук, экономическую, аграрную, истории революционного движения, литературы и искусства, общей теории права и государства, изучения теории и практики женского движения. Академия имеет институты: советского строительства, мирового хозяйства и мировой политики и изучения высшей нервной деятельности; комисссии: кооперативную, изучения последствий аграрной революции и изучения национального вопроса; общества: статистиков-марксистов, историков-марксистов и биологов-марксистов. Академия и ее учреждения издают ряд периодических изданий: „Вестник Коммунистической академии", „На аграрном фронте", „Мировое хозяйство и мировая политика", „Историк—марксист", „Революция права", „Бюллетени мирового хозяйства". Секция общей теории права и государства издает „Энциклопедию государства и права". При Коммунистической академии образовалась большая и ценная библиотека.

Другим крупным научным учреждением революционного времени является „Институт К. Маркса и Ф. Энгельса", возникший в 1919 г. в недрах Социалистической академии в виде особого Кабинета теории, истории и практики марксизма. Основателем его был Д. Б. Рязанов. Самостоятельным учреждением институт стал с 1920 г. Его задача совершенно точно определена его основателем:

„Институт К. Маркса и Ф. Энгельса представляет собою научно-исследовательское учреждение, ставящее себе целью создать хорошо оборудованную лабораторию, в которой научный исследователь мог бы, при наиболее благоприятных условиях, изучать генезис, развитие и распространение теории и практики научного социализма. Недавно одним из наших ученых было сказано по поводу Института Маркса и Энгельса, что это „одно из крупнейших наших научно-организационных достижений". Отзыв этот нельзя не признать правильным, если внимательно рассмотреть большую организационную продуманность работы над институтом. За короткий промежуток времени, примерно 7 лет, возникло учреждение, во многом единственное в своем роде не только у нас, но и вообще в мире. Мы имеем перед собою в сущности чрезвычайно широко, с определенною целевою постановкою, организованный институт по новой истории. Основою организации является кабинетная система. Прежде всего, конечно, кабинет Карла Маркса и Фридриха Энгельса и кабинет Интернационала. Далее идут: кабинет философии, кабинет экономики, кабинет истории социализма и анархизма. Русскому социализму уделен особый кабинет имени Г. В. Плеханова. Три страны—Англия, Германия и Франция — имеют в институте каждая по историческому кабинету, наконец, устроены еще: кабинет права, кабинет социологии и кабинет международной политики. Книжный аппарат кабинетов, так же как и общей библиотеки, подобран с редким уменьем и любовью: директор института во время многочисленных поездок за границу сумел собрать не только всю обиходную литературу по занимающим институт вопросам, но и массу уникумов и редкостей, потому что по целому ряду отдельных вопросов институтское собрание является наиболее полным.

Принцип специальных кабинетных библиотек позволяет чрезвычайную интенсификацию подбора специалистами и гарантирует вместе с тем полноту этого подбора. В случаях, когда нет надежды достать исключительное редкое издание, изготовляются фотокопии. Процесс фотографирования вообще широко применяется в институте, который на ряду с печатными книгами обладает и богатым собранием рукописей. Одним из основных издательских начинаний института должно явиться научное издание сочинений Маркса и Энгельса, рассчитанное на 42 тома. Институт уже имеет ряд изданий; назовем из них „Архив К. Маркса и Ф. Энгельса", выходящий по-русски и по-немецки. Институт Маркса и Энгельса может служить примером того, как при правильном организационном подходе, энергии и средствах можно у нас создать превосходное научное учреждение.

В краткой статье невозможно дать даже самое небольшое обозрение всех новых научных учреждений, и потому, как я уже говорил, мне придется ограничиться рядом примеров. Всем хорошо известно о работе для нашего земледелия „Всесоюзного института

прикладной ботаники и новых культур", руководимого профессором Н. И. Вавиловым. Он основан в 1925 г. при Совнаркоме СССР и имеет задачей: исследование возделываемых луговых и сорных растений всего Союза, их систематику, происхождение, генетику, биологию и селекцию, установление связи между ботаническими формами возделываемых растений и продуктами их технической переработки; экспедиции на территории СССР и в зарубежных странах. В институте отделы: полевых культур, плодоводства и огородничества, генетики и селекции. Он издает серию трудов. Экспедиции директора института Н. И. Вавилова по Азии и Африке и его исследования в области культурных злаков, имеющие большое значение не только для естествознания и для сельскохозяйственной практики, но и для истории культуры вообще, стали известными не только у нас, но и на Западе.

Химический институт имени Л. Я. Карпова имеет задачею научно-техническое обслуживание химической промышленности и основан в 1918 г. сперва в виде центральной химической лаборатории при Химотделе ВСНХ. В настоящее время в институте работает свыше 50 химиков. Кроме работ технического характера, институт ведет работы теоретические, главным образом, в области коллоидной или капиллярной химии. Институт печатает результаты своих работ в специальных „Сборниках".

То большое внимание, которое советская власть уделяет трудящимся, вызвало к жизни образование Московского института имени В. А. Обуха по изучению профессиональных болезней, основанного в 1923 г. Начиная свою работу институт опирался на труды прежних исследователей: проф. Эрисманна, врачей Погожева, Дементьева, Пескова и др. Он поставил себе целью: „Организацию изучения профессиональных болезней на своем клиническом и поликлиническом материале, а равно организацию изучения профессиональных болезней в лечебных учреждениях г. Москвы и Московской губернии, выработку методов диагностики, профилактику и терапию профессиональной заболеваемости и научное содействие в проведении профилактических мер". Значение работы института для жизни большое; всколыхнулась врачебная мысль, и в институт стремятся из всех мест Союза для ознакомления с новыми методами работы.

То совершенно исключительное значение, какое имел Владимир Ильич Ленин для революции и для всей страны и которое, несомненно, не ограничивается пределами нашего Союза, побудило правительство создать специальный „Институт В. И. Ленина", задачей которого является собирать и хранить рукописи В. И. Ленина и все материалы, имеющие отношение к его деятельности. Институт обрабатывает и публикует их. Одной из главных задач института является подготовка и издание полного собрания сочинений В. И. Ленина и подготовка Ленинской библиотеки для широких масс

В области наук гуманитарных мы имеем такие новые учреждения как „Академия художественных наук" в Москве, устав которой утвержден в 1921 г. Один из ее руководителей сказал о ней: „Это — одно из тех учреждений, которые возникли в бурные годы Октябрьской революции, свободны от традиций прошлого и непосредственно связали свою деятельность с неотложными задачами нашего времени". Но так как тот же руководитель считает, что Академия художественных наук „работает и на вечность", то ясно, что она связана и с традициями прошлого, так как преемственность — неотъемлемый элемент всякой настоящей научной работы. А что это так, легко убедиться, всмотревшись в работу Академии художественных наук, которая успела уже развить широкую научную и научно-прикладную деятельность. Об этой работе свидетельствует целый ряд интересных и ценных изданий трудов сотрудников Академии художественных наук.

Из прежних учреждений Академия наук, работающая все время без перерыва, чрезвычайно расширила свою работу за истекшие десять лет. В самом начале 1918 г., отвечая на запрос наркома просвещения А. В. Луначарского, Академия писала: „Академия полагает, что значительная часть задач ставится самою жизнью, и Академия всегда готова, по требованию жизни и государства, приняться за посильную научную и теоретическую разработку отдельных задач, выдвигаемых нуждами государственного строительства, являясь при этом организующим и привлекающим научные силы страны центром". Этот ответ явился как бы своего рода программою работ Академии.

Многие полагают, что западный тип академий наук, которые являются, почти исключительно государственными учеными обществами, в которых крупнейшие ученые страны ведут свою индивидуальную работу, есть и желательный вообще тип академий. Вряд ли, однако, этот тип подходит для таких стран, как наша; нам нужно было и нужно и теперь нечто совсем иное. Именно то, чем была академия с самого своего основания и что она только более широко развила в революционное время. В многочисленных институтах, музеях, лабораториях и комиссиях ведется под руководством членов академии широкая, организационная работа большой ценности. Теперь, больше чем когда-либо наука двигается путем целесообразно организованной работы, где большие творческие умы дают задания и где их научные идеи разрабатываются большим числом научных работников. Такие академии должны, кроме того, ставить себе задачею и всестороннее изучение своей страны для того, чтобы наилучшим образом выявить все производительные силы страны для правильного и интенсивного строительства. Такова работа Академии наук СССР и такова ее структура.

За революционное время, особенно в связи с 200-летним юбилеем академии в 1925 году, привлекшем много иностранных и со-

ветских ученых, создались новые ученые учреждения академии. Старые необыкновенно расширились и расширили круг своих работ. Юбилей академии явился толчком для возобновления научных сношений с Западом и Востоком; с этого времени усилились командировки за границу; чрезвычайно расширился обмен научными изданиями; усилилось участие советских ученых в международных научных конгрессах; начинается и устройство этих конгрессов у нас.

Размеры статьи не позволяют мне подробно остановиться на работе отдельных научных учреждений академии. Мне придется только дать краткий обзор ин титутов, лабораторий, музеев и комиссий, входящих теперь в состав академии.

Библиотека академии, третья в Союзе по размерам, находится в здании, специально для нее построенном, но которое во время войны и в первые годы революции было занято для военно-санитарных целей. Оно было возвращено академии лишь по личному вмешательству Владимира Ильича Ленина.

Физико-математический институт, с отделами: математическим физическим и сейсмическим, с которым связана сеть сейсмических станций. Отдел этот имеет и большое практическое значение в виду важности для нас изучения землетрясений. Институт возник в революционное время из преобразованной физической лаборатории.

Химический институт состоит из отделений: общей химии и высоких давлений и температур и органической химии. С ним в работе об'единены платиновый институт и институт физико-химического анализа, возникшие уже во время революции.

Физиологический институт академика И. П. Павлова пользуется всемирною известностью, так же, как и его работа по условным рефлексам. Институт переходит теперь к опытам над животными в их социальной обстановке.

Почвенный институт возник в революционное время из совершенно преобразованной и расширенной почвенной лаборатории и музея. Важная работа института — составление почвенной карты всего Союза, подобной которой еще нигде не существует — вызвала справедливое, чрезвычайно горячее одобрение Международного почвенного конгресса в Америке в этом году. Следующий Международный конгресс состоится на территории нашего Союза.

Яфетический институт, возникший тоже уже в революционное время, ставит себе задачею важные для нашего Союза вопросы языковедения с новыми к ним подходами, в связи с теорией академика Марра, указывающей на возможность изучения наиболее древних форм языка, на стадии, предшествующей той, на которой их изучали до сих пор.

Две биологические лаборатории — по биохимии и физиологии растений и особая зоологическая — очень расширились; последняя работает вместе с Севастопольской биологической станцией в Крыму.

Музеи академии — геологический, минералогический, ботанический, зоологический, антропологии и этнографии и азиатский, — все восходят к общему корню, к знаменитой „кунсткамере“ Петра, основанной в начале XVIII века. Но если это собрание „редкостей“ — „рариментов“, как их тогда называли, имело значение в свое время, то современные музеи академии, с их глубоко проработанной научной экспозицией, ничем уже не напоминают „кунсткамеры“. Размещение, оборудование и экспозиция большей части академических коллекций принадлежат революционному времени, в которое музейная мысль шагнула далеко вперед. Являясь научной лабораторией, музеи вместе с тем представляют собой теперь могучие культурно-просветительные учреждения, привлекающие массы экскурсий школьных, рабочих, красноармейских. Никогда еще эти научно-культурные ценности мирового значения не были так широко использованы массами населения, как теперь, когда музейная экспозиция преследует и широко образовательные цели.

Кроме этих музеев, академия имеет еще музей новой литературы — Пушкинский Дом и музей палеографии — любопытнейший музей истории письма.

Целый ряд специальных комиссий ведет научную работу в самых разных направлениях. Но среди них есть две, на которых необходимо остановиться, потому что, кроме чисто научной задачи, они преследуют и широкие практические цели. Первая из них — „Комиссия по изучению естественных производительных сил СССР“ (КЕПС) — получила широкое развитие во время революции, при чем целый ряд ее отделов превратился постепенно в самостоятельные, из которых часть уже стоит совершенно вне академии. Таковы институты: оптический, гидрологический, радиевый, керамический. У комиссии уже целая библиотека изданий по естественным производительным силам, сборники и отдельные монографии с многочисленными картами распространения тех или других материалов. Комиссия издает научно-популярный журнал „Природа“.

Другая — „Комиссия по изучению племенного состава населения СССР“ — изучает человека и занята важным для Союза, с его многочисленными 169 народностями, составлением этнографических карт, из которых этнографическая карта Азиатской части Союза уже отпечатана. Кроме того, комиссия работала по заданиям Наркоминдела по выяснению национального состава населения западных частей Союза при мирных переговорах с Польшей, Литвой, Латвией, Эстонией. Комиссия приняла деятельное участие в работах ЦСУ по переписи 1926 г. в связи с племенным составом населения и разрабатывает в этом направлении материалы переписи. Параллельно „Природе“ комиссия приступила к изданию журнала „Человек“, в котором должна об'единяться работа естественников и гуманитариев.

Экспедиционное дело всегда имело большое значение в жизни академии, так как громадная территория страны, и до сих пор во

многих своих частях мало исследованная, требует тщательнейшего изучения. В настоящее время во многих из республик Союза изучение их территории поставлено на очередь, и целый ряд из них обратился к академии с просьбою организовать исследования. В виду важности дела академия образовала Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик (ОКИСАР). Этому комитету поручено руководство и всей вообще экспедиционной работой академии, которая чрезвычайно выросла за последние годы. Исследования по республикам ведутся: в Якутии, Казакстане, Таджикистане, Туркменистане, Бурято-Монгольской республике, Карельской, Чувашской республиках и намечается еще ряд республик. Основною чертою этих исследований является участие в них местных работников, которые, таким образом, проходят серьезную научно-экспедиционную школу.

Академия в первые годы образования „Центрального бюро краеведения" имела его в своем составе, так как краеведческие исследования всегда были близки Академии наук. Теперь Центральное бюро — самостоятельное учреждение Наркомпроса РСФСР и должно об'единять работу более 1.800 краеведческих учреждений, так как за революционное время краеведение стало могучим культурно-научным движением, в котором участвуют десятки тысяч работников.

Интерес к вопросам материальной культуры вызвал превращение прежней Археологической комиссии в Академию истории материальной культуры с гораздо более широкими задачами в ее трех отделениях: этнологическом, археологическом и художественно-историческом.

Крупные научно-практические учреждения, как Геологический комитет, Главная геофизическая обсерватория, Главная палата мер и весов и чисто научное, как Главная астрономическая обсерватория в Пулкове,—продолжают большую научную работу и имеют ряд отделений и станций по всему Союзу.

Громадное значение получили после революции музеи, преобразованные в своей экспозиции, благодаря необыкновенному росту у нас музейной мысли. Наибольшее расширение получил Государственный Эрмитаж, который, вместе с Лувром и Британским музеем, является одним из трех мировых культурно-исторических музеев. Русский музей, Оружейная Палата, Исторический музей, Центральный музей народоведения, Государственная Третьяковская галлерея пользуются широкою известностью далеко за пределами нашей страны, и в них за революционное время произведена большая организационная и выставочная работа. Совершенно новым явлением надо считать создание дворцов — музеев, ставших теперь достоянием всего народа и представляющих собою любопытнейшие бытовые музеи. Число их весьма значительно, и они служат предметом осмотра многих тысяч экскурсий, важных в культурном отношении.

Широкое развитие получили и две главные библиотеки нашего Союза: „Ленинская" в Москве и „Государственная публичная" в Ленинграде, которые занимают видное место среди библиотек мирового значения.

Краткий очерк, данный здесь, не мог, конечно, исчерпать всего того, что сделано за эти десять лет в нашем Союзе в области науки, но главное все отмечено, и получаются некоторые любопытные выводы.

Несмотря на все трудности жизни, ученые нашего Союза, убежденные, что их работа нужна для нового строительства, не покладая рук работали вначале для сохранения ученых учреждений и научной работы, а затем для их развития и расширения. Создано много новых учреждений, укреплены и расширены многие старые. Поставлен ряд новых научных и научно-организационных проблем, и — что самое главное — создано единение науки и жизни. Таковы большие результаты первого же десятилетия нового советского строительства в области научной. Теперь необходимо продолжать укрепление научных учреждений: создать большую научную смену из более молодых сил, расширить научное издательство, еще шире развить научное общение с Западом и Востоком. Это — пожелания на будущее. В настоящем же мы в праве сказать, что ученые нашей страны за десять лет выполнили свой долг перед страной, и что страна это признает и стремится поставить научную работу на ту высоту, на которой она должна стоять в советской стране.

ОТДЕЛ II

За Советским рубежом

М. И. Спектатор

Мировое хозяйство за последние десять лет (1917—1927)

I

Десятилетие советской власти представляет собой и в мировом хозяйстве такой специфически-характерный период, что хотя бы краткая характеристика его кажется нам весьма интересной, в о обенности потому, что она помогает уяснить себе зигзаги отношений капиталистического мира к нашему Союзу.

1917 год, когда рухнуло слабое здание русского капитализма, явился критическим и для других воевавших стран. Мы не говорим о таких странах, как Бельгия, Сербия и Румыния, которые к этому времени оказались уже совершенно разоренными. В Сербии были совершенно разрушены 90% ее фабричных и заводских предприятий. В румынской нефтяной промышленности из всего числа действовавших нефтяных источников 962 были разрушены 437. Но и производительные силы Австрии, Венгрии и даже Германии показывали уже резкий надлом.

„Осенью 1917 г.— рассказывает Левенфельд-Русс в своей истории продовольственного дела во время войны в Австрии,—продовольственная проблема вступила в крайне критический период.

В хозяйственный 1915/16 г. Австрия смогла спастись при помощи захваченных в Румынии запасов. В 1916/17 г. некоторым облегчением явилось то обстоятельство, что Венгрия согласилась взять на себя пропитание войска... В хозяйственный 1917/18 г. призрак голода стал тем ощутительней, что значительная часть урожая, а именно урожай овса и ячменя, почти совсем пропал".

На самом деле, на 1918 г. был установлен дневной паек в 250 г для сельского населения; в 300 г для с.-х. рабочих; в 165 г для городского населения и в 265 г для занятых при тяжелых работах. (В мирное время потребление в среднем составляло 386 г.) Но и этот установленный паек фактически оставался на бумаге. В июле 1918 г. на самом деле раздавали только 41,4% установленной нормы. Таким образом, хлебный паек был сведен для городского населения к $^1/_6$ среднего довоенного потребления!

В Германии уже в марте 1917 г. по карточкам раздавали всего $^1/_3$ того, что потребляли в мирное время. Вначале 1915 г. давали по карточкам 225 г, а летом 1918 г.—160 г. Некоторые основные отрасли промышленности испытывали острый голод в сырье. Так, несмотря на усиленный спрос со стороны военной промышленности, потребление основных видов сырья было (в тыс. тонн):

	Уголь	Жел. руда	Чугун	Цинк	Олово	Медь
1913	179.281	46.395	18.594	227	230	271
1917	171.974	33.994	13.722	206	102	83
Уменьшение	7.307	12.401	4.872	21	128	188

Как видно стал чувствоваться острый голод во всех областях, но в особенности в тех отраслях промышленности, которые нуждаются в меди, потребление которой упало до 36% довоенного!

Положение союзных стран было несколько лучшим, но все же критическим. Совершенно открыто признано ими, что, по крайней мере, в финансовой и продовольственной области, а также в смысле снабжения союзных армий амуницией (как и нефтью) Америка спасла положение. Продукция при крайнем напряжении всех сил держится еще на высоком уровне, но уже чувствуется, что сделано максимум возможного; дальнейшие же напряжения не дадут реальных результатов.

Продовольственное положение союзных государств достаточно иллюстрируется следующими данными о потреблении пшеницы (в млн. квинт.):

	Англия	Франция	Италия
1912/13	79,1	93,4	59,0
1917/18	55,4	53,7	52,7
Уменьшение .	23,7	39,7	6,3

Сокращение потребления хлеба—наиболее яркое доказательство трудностей пережитых союзными странами, за исключением Италии, где потребление и в мирное время было близко к голодной норме.

Трудности финансирования войны сказались в том, что до 1917 г. займы делались преимущественно на внутреннем рынке; после него пришлось обратиться к помощи внешних рынков. Так, военные расходы покрывались [1] (в млн. долл. 1913 г.):

	До 1917 г.			От 1917 г. до 1919 г.		
	Обыкн. доходы	Займами на внутр. рынке	Займами на внеш. рынках	Обыкн. доход	Займами на внутр. рынке	Займами на внеш. рынках
Англия	1.161	9.631	1.408	3.360	6.451	2.568
Франция	—835	5.156	861	—1.212	5.463	1.671
Италия	—122	1.674	525	72	1.640	753

Сравнивая покрытие военных расходов за первый и за второй периоды, мы замечаем, что внутренний рынок во второй период дал меньше, чем в первый. Исключение составляет Италия. Но и она получила во второй период больше внешних займов, чем в первый. Для Англии и Франции внешний рынок явился весьма существенным подспорьем. Их выручила Америка своими кредитами, без которых им никак не удалось бы сохранить более или менее устойчиво свою валюту, ограничить под'ем цен и кое-как снабжать страну необходимыми продуктами.

II

Послевоенное время может быть разделено на четыре периода. К первому относится время от 1919 г. до середины 1920. Это был кратковременный „бум", необыкновенное оживление промышленности, чрезвычайный под'ем цен, фактический товарный, а главное сырьевой

[1] Данные эти взяты у фиска; минус означает, что поступления военного времени были ниже нормальных довоенных.

голод. Когда кончилось, вызванное войной, необычайное напряжение, сразу сказались все последствия хищнического хозяйничанья во время войны. Здания фабрик и оборудование их были в значительной мере использованы или приспособлены к другим потребностям. В ряде стран они вообще были разрушены или даже увезены в другие страны (Польша, Румыния, Сербия). В особенности в плохом состоянии оказалась горная промышленность. По данным анкеты, произведенной „Международным бюро труда" в 1920 г. и начале 1921 г., можно констатировать, что кризис оборудования, вызванный чрезмерным использованием средств производства, отмечается в следующих странах: Германии, Австрии, Польше, Венгрии, Чехо-Словакии Румынии, Югославии, Болгарии, Франции и Италии. Но ничего об этом не сообщают из Англии.

Речь идет, следовательно, о центрально-европейских государствах, как и о Франции и Италии, которые нуждались в оборудовании. Однако, читая отчеты, полученные Бюро труда, мы легко убеждаемся, что кризис оборудования был вызван только непосредственными разрушениями во время военных действий, и ощущался только там, где происходила война или имела место оккупация: в странах юго-восточной Европы, в Польше, Югославии, Румынии, или в северо-восточных провинциях Франции и в северных областях Италии. Производственный аппарат в тех местах, которые не являлись полями сражения и не подверглись оккупации, остался цел и мог легко быть пущен в ход.

На самом деле, на что жалуются, например, германские предприниматели. Вот что пишет в своем отчете „Союз германской металлургической промышленности" (Северо-западное отделение):

„Недостаток в смазочных маслах и в металлах, который в особенности давал себя чувствовать во время войны, помешал содержать в должном порядке орудия производства. Еще и теперь весьма трудно привести в порядок машины, доменные печи и фабричные здания, которые нуждаются в ремонте. Кроме того, требования Антанты заставляют нас ежедневно разрушать или переделывать машины, абсолютно необходимые для производства. Это разрушение орудий производства ничем неоправдываемое, естественно, очень гибельно отзывается на производительности различных предприятий, где оно имеет место" (стр. 118).

Итак, речь идет о необходимости р е м о н т а частей машин, с одной стороны, и о требованиях Антанты, сводящихся к разрушению военной промышленности,—с другой. О н е д о с т а т к е в оборудовании ни слова.

Ф р и д р и х С и м е н с, один из лидеров германского капитализма, в своей статье в „La Revue d'économie internationale" (от 15 мая 1922 г., цитируем по той же публикации Бюро труда, стр. 121) жалуется на рабочих, которые плохо работают, на правительство, которое стесняет предпринимателей в их свободе выбора рабочих, указывает на опасности американской конкуренции, но ничего не говорит о недостатке оборудования.

„Во время войны, — писал Сименс, — наша промышленность должна была изменить свои технические методы, чтобы приспособить их к военным потребностям, и она не имела достаточного количества рабочих, чтобы развиваться нормально. Напротив, в странах, которых война коснулась меньше, в особенности в Соед. Штатах, техника достигла большого прогресса во многих отраслях производства и даже превзошла

нашу; и в настоящее время германская промышленность должна преодолевать большие трудности, чтобы достичь улучшения. В Америке высокая заработная плата всегда заставляла предпринимателей искать такого оборудования производства, которое позволяет сократить число рабочих до минимума, что, конечно, вызывало увеличение расходов на оборудование производства. В Германии, до войны, часто бывало рациональнее не заменять рабочего машиной; в настоящее время такая замена не может произойти так скоро. Об этом можно будет мечтать только тогда, когда будут созданы новые фабрики, т.-е. в эпоху расцвета".

Мы видим, что о техническом переоборудовании германская промышленность не мечтала. И Сименс откровенно высказал почему: рабочие руки были слишком дешевы. Затем общее состояние хозяйства было неблагоприятным. Но на недостаток оборудования не жалуется и он.

Не говорит об этом и докладная записка германского правительства, которая рисует влияние войны на германское хозяйство и которая была составлена со специальной целью — доказать неплатежеспособность Германии. [1]

И, на самом деле, следующие немногие данные о состоянии железоделательной и текстильной промышленности говорят с несомненностью, что основной производственный аппарат страны не пострадал. На территории нынешней Германии находились: [2]

	1913 г.	1919 г.	1920 г.
Коксовых заводов	182	175	165
Доменных печей	216	232	206
Железоделательных предприятий (оборудование)	563	582	611
Сталелитейных заводов .	1470	1450	1491
Пудлинговых печей . . .	242	153	—
Прокатных заводов . . .	148	154	158

Отсюда видно, что уменьшилось только число коксовых заводов и доменных печей, из которых только часть (в 1920 г.—130) находилась в действии. Число остальных предприятий, как и оборудование железоделательных заводов, к концу войны было больше, чем в начале ее.

Хлопчатобумажная промышленность Германии обладала в 1914 году 12,4 млн. веретен, из которых на долю Эльзас-Лотарингии приходились 1,8 млн. После войны в Германии осталось 10,3 млн., т.-е. всего 300.000 веретен перестали работать вследствие войны. Однако, вследствие недостатка в сырье при заключении мира работали из них только 10 — 15%. [3] По получении сырья, нагрузка предприятий поднялась и составляла вначале 1920 года 40%, а к концу того же года — 55% довоенной. Официальная публикация „Министерства народного хозяйства", откуда мы берем эти данные, определяет потерю производительной способности германской текстильной промышленности, вследствие отделения Эльзас-Лотарингии и сокращения рабочего времени с 9—10 часов до 8 часов—в 25%. Снова об ухудшении оборудования нет ни намека.

Обращаясь к Франции, материалы Бюро труда констатируют, что все отчеты говорят почти исключительно о разрушениях в оккупированных областях. С другой стороны, некоторые отмечают и расширение производственного аппарата в оставшейся части Франции. Так, „министр освобожденных областей", М. Ожие, рассказывает, что большое количество предприятий было своевременно эвакуировано и снова восстановлено в центральной и южной Франции. Таким образом, шерстяная промышленность Франции оказалась во время войны даже сильней, чем до войны, вследствие обновления старых и постройки новых предприятий промышленниками севера.

[1] См. мою работу: „Мировое Хозяйст о", т. II, стр. 202—203.

[2] Statistisches Jahrbuch f d. Deutsche Reich, 1921.

[3] „Unterlagen zur Beurteilung der Wirtschaftlichen Lage Deutschlands", 1921 г.

На самом деле, статистика паровых двигателей дает для 1919 г. почти такое же число, как для 1913 г. (3551 и 3539 тыс. лошад. сил.). [1] Удивительно ли, что после восстановления разрушенных областей во Франции оказался слишком большой производственный аппарат.

Еще меньше, чем из Франции получены были указания относительно недостатка машин в Италии. Пирели, член Административного совета, высказался в том смысле, что Италия „вынуждена пользоваться существующим оборудованием, так как новое вследствие обесценения лиры стоит слишком дорого" (стр. 183). Такие указания встречались и во Франции, Германии и в других странах с обесцененной валютой. Это значит, что падение валюты спасло оборудование от „моральной изношенности" и удлинило срок их действия. Другими словами: не будучи в состоянии покупать новое оборудование, Италия, как и другие страны, по возможности использовывала свое старое. Пирели подтверждает этим анализ послевоенного хозяйства, данный нами в ряде наших работ.

Впрочем, Италия, несмотря на эти затруднения и отчасти именно благодаря им, развила свои производительные силы, что видно, например, из того, что использование водяных сил поднялось с 1911 по 1918 гг. с 952 до 1552 тыс. лош. сил. В связи с этим и потребление меди увеличилось с 1913 по 1919 гг. с 30,9 до 70 тыс. метр. тонн.

Нечего говорить о том, что нейтральные и заокеанские страны развили свои производительные силы. Число механических сил увеличилось в Японии с 1915 по 1920 гг. с 847 до 1465 тыс. лош. сил, а использование электрической энергии — с 414 до 565 тыс. лош. сил. В Канаде рост механических сил был следующий: 1431 тыс. лош. сил в 1910 г. и 2997 тыс. лош. сил в 1921 г.; в Швеции оно поднялось от 1321 тыс. (1915 г.) до 1690 тыс. (1920 г.), в Швейцарии от 712.000 (1911 г.) до 1.330.000 (1921 г.).

Даже не прибегая к дальнейшему иллюстративному материалу, можно сказать, что война не остановила, а только задержала рост производительных сил в мировом масштабе и что производственный аппарат к концу войны был во всяком случае больше, чем в начале ее, [2] что первый хозяйственный под'ем не имел твердой базы в виде расширяющегося воспроизводства основного капитала, и не мог поэтому быть долговременным. Посмотрим, как обстояло дело с покупательной способностью широких масс.

[1] „Annuaire Statistique", 1926 г. стр. 311.

[2] С этим следует сопоставить почти полное расстройство нашего производственного и транспортного аппарата уже в 1917 г., чтобы уяснить себе различие в дальнейшем развитии нашего Союза и капиталистических стран.

III

С этим несомненным фактом, ростом производственного аппарата, приходится сопоставить весьма слабое увеличение населения: с 1787 млн. в 1913 г. до 1820 млн. в 1921 г.,[1], и сильное ослабление покупательной его способности.

Не пытаясь давать здесь анализ покупательной способности населения после войны, мы приведем только несколько характерных выдержек из Commercial Cronicle, рисующих так называемую „забастовку потребителей“ в Соед. Штатах, в стране, следовательно, больше всех обогатившейся за счет войны. А ведь здесь и положение трудящихся было относительно лучше, чем где бы то ни было. И тем не менее эта забастовка!...

„Население,—пишет эта газета,— глубоко возмущается продолжающейся дороговизной и, несмотря на предлагаемые для об'яснения роста товарных цен разумные или нелогичные теории, оно убеждено в том, что его грабят теперь и грабили раньше, и оно теряет терпенье. Население об'единяется для бойкота. По всей стране быстро, как огонь в прерии, организуются и зарождаются новые клубы старого платья и спецодежды. Те, кто формально не причислены к клубам, заявляют, что не будут приобретать никакой новой одежды до полного износа старой. Даже женщины и те организуют коленкоровые клубы и клубы спецодежды. Повсюду чувствуется дух возмущения против продолжающейся дороговизны“ (24 апреля 1920 г.).

„Комитет населения Чикаго организовал „забастовку рубашек и воротничков“ сроком на двадцать дней с 5 мая, направленную против наживающихся прачечников и галантерейщиков. В Луизвилле женщины организовали под лозунгом „не покупать“ кампанию против дороговизны, удерживающую всех от покупок до проведения снижения цен“ (1 мая).

„Торговые обороты продолжают сокращаться. Оптовая, комиссионная и розничная торговля уменьшается. Население меньше покупает: оно устало от дороговизны. Необходимо считаться со скрытым возмущением большей части населения в различных частях Соед. Штатов... Обувные фирмы предсказывают на будущую осень снижение цен в связи с снижением цен на кожу. Галантерейщики обещают снизить цену на воротнички до 25 центов за штуку. До сих пор они стоили по 35—50 центов, а в среднем по 40 центов. Агитаторы пропагандируют идею ношения целлулоидных воротничков и организуют забастовки против галантерейщиков и прачечников. Ходят слухи о закрытии некоторых шерстопрядильных фабрик. Производство шелка сильно сократилось“ (8 мая).

„Торговые обороты постепенно сокращаются, и цены в некоторых случаях понизились. Поздняя и холодная весна вредит розничной торговле. Кроме того, отмечается недостаточность продукции, транспорта, рабочей силы и капитала. Есть тенденция к дефляции. Фактически она уже началась. Американцы начали экономить деньги. Для стимулирования торговли розничники прибегают к распродажам. Аннулирование заказов на хлопчатобумажные, шерстяные и трикотажные изделия участилось. Наличие дефляции сказывается сильнее всего на меховой и шелковой

[1] По подсчетам Римского международного аграрного института, или с 1810 млн. до 1906 млн. в 1925 г. по данным Лиги Наций, Annuaire statistique International, 1926.

промышленностях, но ощутимо также и в других отраслях. Заметно сократилась продажа мануфактуры, обуви и ювелирных изделий. То же можно сказать об автомобилях, роялях и остальных предметах роскоши, очевидно, в связи с повышением квартирной платы. Высокие товарные цены и квартирная плата в общей сложности влияют на сокращение потребления. Также влияет и сжатие кредитов. Страна сокращает свои потребности. Она постепенно приходит в себя после периода безумного швырянья деньгами. Она устала от дороговизны и налогов“ (15 мая).

„Розничная торговля была несколько оживленнее, но это об'ясняется лишь снижением цен на 10—30% и даже на 50% на хлопчатобумажные и шерстяные изделия, платье, обувь и т. д. Продолжается холодная погода.

Оживление торговли об'ясняется лишь сильным снижением цен. Последнее вызвано всеобщим возмущением и бойкотом населения против дороговизны. Результаты этого движения выявились на прошлой неделе с неожиданно-трагической силой. По всей нашей территории в 3.000.000 кв. миль, главным образом, от долины Миссисипи до Тихоокеанского побережья, захватывая также восточные штаты, как Нью-Йорк, Пенсильвания, Массачузетс и Нью-Джерси, цены пришлось резко снизить, дабы заставить население пойти в магазины и покупать. Нужно сказать, что не только население отказывалось покупать, но и банки отказывались с прежней готовностью предоставлять кредиты. Банки отказались также и от расширения существующих кредитов. Розничники очутились в осаде с громадными запасами товаров, которые население отказывалось покупать. Прекращение кредитов и ослабление транспорта оказало решающее действие. Произошло резкое снижение цен на шелка, шерстяные и хлопчатобумажные ткани, меха и обувь. Цены на продукты питания, к сожалению, не испытали такого снижения. Ликвидация складов затрагивает и продукты питания“ (22 мая).

„Оптовая торговля все более ослабевает. Это зависит частично от железнодорожных заторов. Заслуживает внимания тот факт, что несмотря на показное оживление внешней торговли даже снижение цен фактически не стимулировало товарооборот. Вначале снижения население, привлеченное скидкой в 30%, бросилось в розничные магазины. Но затем спрос опять стал ослабевать. Цены настолько высоки, что даже после приведенного снижения они выше нормальных. Имеющее и теперь место аннулирование некоторых заказов заслуживает внимания. С другой стороны, будущие перспективы американской торговли не вызывают беспокойства. Торговцы во время насторожились, отчасти вследствие повышения учетной ставки, отчасти вследствие того, что расстройство транспорта заставляло быть осторожным с закупками. Отказ населения платить экстравагантные цены за товары вызвало оздоровление в оптовой торговле“ (май 29).

Большое количество примеров таких же забастовок приводит и уже цитированная нами публикация Бюро труда. Конечно, все эти примеры еще не выясняют, почему именно весной 1920 года началось это движение. Затем, недостаточно выяснено, каково было положение на рынке средств производства. Но не желая здесь пускаться в теоретические исследования об этом кризисе, мы ограничимся следующими замечаниями отчета Бюро труда.

Констатируя, что во время войны не чувствовалось перепроизводства, а наоборот, недостаток в товарах, он дальше говорит, что „кризис мира", т.-е. то расстройство в народном хозяйстве, которое вызвано было неожиданным заключением мира и новым перераспределением рынков, кончился к середине 1919 года, когда начался промышленный под'ем. Последовавший затем кризис разразился прежде всего в Японии, затем в Соед. Штатах и потом только в Европе. Больше всего от него страдали заокеанские страны, затем европейские нейтральные, Англия, значительно меньше Франция и Италия.

Уже одно это указание противоречит представлению о нем, как о кризисе недопотребления: ведь разразился то он в наиболее богатых странах и чувствовался именно там сильнее всего. Как бы то ни было, кризис разразился и вопрос о рынке стал доминирующей проблемой мирового хозяйства.

И именно с этой точки зрения капиталистический мир подходил к проблеме СССР. И если на Брюссельской конференции в 1920 году, еще занимались вопросами валюты, международных кредитов и т. д., то основным вопросом Генуэзской конференции явился уже вопрос об отношении к нашему Союзу.

Нельзя сказать, чтобы значение нашего Союза для мирового хозяйства не было осознано. Лорд Сесиль писал в приложении к Manchester Guardian, „Восстановление Европы", в номере от 6 июля 1922 года:

„Мнения расходятся относительно значения фактора — России—для общего хозяйственного развития. Но никто не сомневается в том, что потери русского сырья, с одной, и русского рынка для готовых изделий, с другой стороны, представляют собой серьезные затруднения для восстановления благосостояния Европы".

И дальше: „Потребности России огромны... У нас, как и повсюду в Европе и Америке существует большой избыток товаров, в которых Россия очень нуждается".

Связь между промышленным кризисом и „русской проблемой" здесь указана с неоставляющей желать отчетливостью.

О необходимости сговора с нашим Союзом говорят в том же номере „Восстановления Европы" Пенлевэ и Орландо. Последний мечтает о том, что восстановление нашего хозяйства освободит Европу от заокеанской зависимости.

В середине марта 1921 года было, как известно, заключено торговое соглашение между Англией и нашим Союзом: год кризиса оказал свое действие. За Англией последовала Италия, Германия, Франция и некоторые другие государства.

IV

Переходя теперь к характеристике третьего периода послевоенного развития капитализма, который характеризуется, как стабилизационный, мы остановимся только на нескольких моментах его. Больше всего бросалась в глаза стабилизация валют. Восстановление валют и международного кредита было воспринято и в нашей прессе, как устранение „основных, крупнейших функциональных нехваток самого механизма мирового капиталистического целого". Однако, хотя процесс восстановления валют начинается уже с 1919 г. (в Чехо-Словакии) и проводится преимущественно в годы 1922/23 (в Австрии, Германии, Венгрии), но до сих пор Европа не освободилась от последствий стабилизаций и, что важнее, до сих пор можно говорить о стабилизации в весьма относительном смысле. Во Франции и Италии стабилизация валюты еще не окончательно проведена, во многих других странах денежное обращение и движение валют из одной страны в другую подлежат еще различным ограничениям, почти нигде, за исключением Швеции и Швейцарии, кажется, нет еще золотого обращения. Вся система зиждется на манипуляциях центральных эмиссионных банков, которые в состоянии поддерживать курс валюты на одном уровне благодаря непрерывному притоку иностранного капитала или слабому спросу на иностранные продукты. Выдержит ли даже германская стабилизация испытание, когда этот приток иностранного капитала сократится, нельзя еще сказать с полной определенностью в особенности в виду возложенных на нее огромных репарационных платежей.

Насколько нельзя еще говорить о полной стабилизации, станет явным из следующих соображений: инфляция, если перевести это денежное понятие на производственное, означает превышение потребления над производством, совершенно независимо от того, носит ли это потребление чисто личный или производственный характер. Другими словами: если благодаря сильному выпуску бумажных денег увеличивается личное потребление быстрее, нежели производство, или растут расходы государства на непроизводительные цели, или инвестируются капиталы, при чем не растет масса поступающих на рынок товаров, или производятся такие товары, на которые нет соответственного спроса, то цена на товары поднимается. Последствия инфляции продолжаются только тогда, когда производство начинает обгонять потребление, идет процесс накопления и цены начинают падать. С этой точки зрения нас интересует, прежде всего, степень накопления в европейских капиталистических странах.

Поскольку можно судить о накоплении по статистике эмиссий, в Германии только в 1926 г. мы имеем более значительное накопление, чем до войны. В Германии допущены были к котировке на биржах (в млн. марок):

1913 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
2351,0	827,25	2321,3	4309,7

Так как товарные цены превышали в 1926 г. довоенный уровень на $^1/_3$, то действительная величина эмиссий 1926 г. составит 3231,5 млн., т.-е. на 880 млн., или на 37% больше, чем в 1913 г.

По другому подсчету, все эмиссии как допущенные, так и недопущенные к котировке, составляли в среднем в 1907—13 гг. 3696 млн., а в 1926 г.— 4178 млн., или всего на 13% больше, что в свою очередь меньше роста цен. Но и по этим данным, начиная со второй половины 1926 г., эмиссии уже превосходят довоенные.

Во Франции картина развития эмиссий частных предприятий представляется в следующем виде:

Годы	Частные эмиссии в мрд. фр.	Индекс цен (1913=100)	Эмиссии в золотом исчислении
1911—13	3,49	—	3,49
1920	10 05	506	1 99
1921	10,01	337	2,97
1922	6,95	332	2,09
1923	8,69	415	2,09
1924	9,15	491	1,86
1925	6,35	569	1,12
1926	8,44	854	0,99

До конца 1926 г. во Франции продолжалась инфляция, и накопление на частно-хозяйственом секторе, поскольку оно выразилось в эмиссиях, не показывало прогресса. Но за первую половину 1927 г. мы имеем эмиссии в 3692 млн. франков, что при переводе по индексу цен (630) дает сумму в 586 млн., т.-е. несколько больше $^1/_3$ довоенного времени.

С другой стороны Италия показывает рост эмиссий, вопреки, или в данном случае именно благодаря инфляции. Ибо, если во Франции инфляция вызвана была заимствованиями государства в центральном банке, то в Италии — она была кредитной, вызванной большими кредитами, предоставленными центральными банками (к концу 1913 г. — 0,7, в 1918 г. — 1,3, в 1922 г. — 9,4 мрд., к концу 1926 — 9,8 мрд.) промышленности. Эмиссии составляли:

В среднем в мес.	Эмиссии в (млн. лир)	Индекс цен	Эмиссии в золотом исчислении (в млн. лир)
1913	30,00	100	30,00
1922	230,81	508	45,44
1923	330.85	512	64.62
1924	417,08	512	81,46
1925	678.85	596	113,90

Здесь мы имеем совершенно правильный рост эмиссий, свидетельствующий о расширенном воспроизводстве. Повидимому, огромную роль сыграл в этом случае приток иностранного капитала. Как бы то ни было, если фашистский режим не препятствовал бы нормальному развитию страны, стабилизация лиры была бы наиболее твердой в Европе.

В Англии, несмотря на стабилизацию валюты, мы все еще имеем слабую эмиссию, хотя она и увеличилась за последние два года, как видно из следующей таблицы:

	Частные эмиссии		Эмиссии в золотом исчислении (в млн. фунт. стерл.)
Годы	Эмиссии (в млн. фунт. стерл.)	Индекс цен	
1911—13	145,05	100 [1]	145,05
1920	271,48	307	88,4
1921	82,64	197	41.9
1922	111,55	159	70,2
1923	93,24	159	58,6
1924	86,04	166	51.8
1925	130,56	160	81,6
1926	121,14	148	81,9

Эмиссии капиталов в Англии еще сильно отстают от довоенных величин, хотя в последние годы показывают тенденцию к повышению.

Мы брали эмиссии потому, что они отражают развитие основного капитала в промышленности и отчасти капитальных затрат в сельском хозяйстве. Ту же картину мы получим, сравнивая рост вкладов в сберегательных кассах. Так, вклады были в млн. валюты каждой страны:

	Вклады в сберкассах			
	1913 г.	1921 г.	1924 г.	1926 г.
Германия	18.968	—	608	3.091
Франция	1.818	2.661	3.026	4.129
Италия	4.686	15.585	20.820	21.653

Если принять во внимание, что прожиточный минимум поднялся во Франции в 1926 г. на 445%, а сбережения увеличились всего в два раза,

[1] 1913 г.

то фактически они уменьшились до 757,6 млн. франков, или до 41,6% своей прежней величины. Италия, наоборот, сильно увеличила свои сбережения. В Германии они раньше совершенно исчезли, но с 1926 г. начинают быстро восстанавливаться, достигнув в июле 1927 г. уже свыше 4 мрд.

Тот же вывод, в общем, мы получаем и из цифр, характеризующих производство. Не желая усложнять наше изложение цифровым материалом, отметим только развитие продукции чугуна, стали и потребление хлопка. Продукция чугуна составляла (в млн. тонн):

	1913 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Англия . .	10,4	8,2	2,7	4,98	7,56	7,42	6,34	2,48
Франция .	8,9	3.4	3,3	5,13	5,43	7,69	8,47	9,35
Германия .	10,9	6,0	7,5	9,19	4,94	7,81	10,18	9,64
Италия . .	0,4	0,9	0,06	0,16	0,24	0,30	0,48	0,52
Соед. Штаты	31,5	37,52	16,96	27,66	41,01	39,91	37,29	40,00

Продукция стали была (в тыс. тонн):

	1913 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Англия . .	7.787	9.212	3.763	5.974	8.617	8.332	7.517	3.620
Германия .	12.236	7.798	9.265	11.314	6.305	9.835	12.194	12.340
Франция .	6.973	3.050	3.102	4.534	5.109	6.900	7.415	8.386
Италия . .	934	774	714	1.046	2.219	1.358	1.785	1.712
Соед. Штаты	31.802	42.807	20.100	36.173	45.663	38.539	46.120	49.210

Продукция стали отражает процесс воспроизводства средств производства; поскольку она оставалась ниже довоенного уровня, мы не имеем расширенного воспроизводства не только в этой области, но и вообще в других сферах народного хозяйства. Расширенное воспроизводство приходится констатировать для Соед. Штатов, Италии, со второй половины 1926 г., и для Германии. Во Франции в виду ее сильно возросшего экспорта стальных изделий такого, вероятно, не было. В Англии оно, несомненно, не имело места.

Что до 1925 года включительно нельзя было еще говорить о расширенном воспроизводстве средств производства, видно из производства и потребления машин в этих странах. По данным Союза германской машиностроительной промышленности, производство и потребление машин было (в млн. марок по ценам 1913 г.):

	Продукция машин		Потребление машин	
	1913 г.	1925 г.	1913 г.	1925 г.
Англия	1.602	2.007	1.002	2.357
Германия	2.800	1.933	2.163	2.264
Франция	263	347	410	570
Италия	175	173	233—283	367—407

Нам кажется, что данные о продукции и потреблении машин в Англии преувеличены. Относительно Франции и Германии приходится принять во внимание, что цены на машины поднялись на 44%. Реальное потребление машин в этих странах было, следовательно, ниже довоенного.

Еще медленнее развилось потребление хлопка в крупных капиталистических странах. Оно было в млн. кип:

	1912/13 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Англия	4,27	3,23	3,02	3,01
Германия	1,73	1,21	1.15	1,48
Франция	1,01	1,12	1.18	1,18
Италия	0,79	1,00	1,04	0,94

Потребление хлопка увеличилось только в Италии; во Франции оно поднялось вследствие присоединения Эльзас-Лотарингии, а если сложить потребление Франции и Германии вместе, то получится понижение с 2,74 до 2,33 кип.

По некоторым отраслям промышленности, развившимся только после войны, все страны показывают значительное развитие. Но эти отрасли еще не могут влиять и не влияют на хозяйственную структуру современных капиталистических стран.

Что продукция искусственного шелка, как ни значительны успехи этой новой отрасли производства, еще не играет почти никакой роли, ясно видно из следующего сопоставления: если бы вся продукция искусственного шелка потреблялась только внутри страны, то и тогда она составляла бы только незначительную величину общего потребления текстильных товаров. Так, потребление одного только хлопка составляло в Англии в 1926 году 655,7 тыс. тонн, а производство искусственного шелка 11,56 тыс. тонн, так что производство шелка равнялось 1,8% потребленного хлопка. В Германии, где потребление хлопка составляло 292 тыс. тонн, производство искусственного шелка в 11,79 тыс. тонн составляло уже 4,04%. Но и 4,04% не могут еще влиять на общее положение хлопчатобумажной промышленности, тем более, что значительные массы искусственного шелка уходят за границу.

Точно также мы не считаем, что развитие электротехники или химической промышленности уже успело вызвать реорганизацию производственного базиса крупных капиталистических стран (за исключением Италии, где оно на самом деле играет значительную роль).

Мировая химическая промышленность увеличилась до 1923 г. или 1924 г. всего на 80%, при росте цен на 20—26%. Но, главным образом, увеличилась продукция Соед. Штатов (с 34% до 47% всей мировой продукции), в то время как стоимость продукции остальных стран увеличилась на 45%, т.-е. фактически почти не изменилась. Развитие электротехники с 1913 по 1925 гг. выражается для Германии в 35%, для Англии—в 44%, для Франции—145%, а для Италии—в 208%.

Этот быстрый темп развития новых отраслей хозяйства об'ясняется тем, что сюда притекал капитал из других областей, где не имело места расширенное воспроизводство. Части основного капитала (тяжелой промышленности), реализованные при продаже продуктов, превращались не в новые доменные печи, прокатные заводы и т. д., а в химические заводы, электротехнические предприятия и т. п. новое строительство, так что в общем и целом расширенного воспроизводства, по крайней мере, средств производства все-таки не происходило. Мы приходим, следовательно, и на основании новых данных, в особенности последних публикаций Лиги Наций, к выводу, который мы сделали уже в 1925 году и вначале 1926 г., что до 1926 г. о расширенном воспроизводстве, по крайней мере в Европе, говорить нельзя было. Происходило передвижение капитала из одних областей в другие, быстрый рост новых отраслей за счет старых, местами расширенное воспроизводство предметов потребления, отчасти и таких средств производства, в которых чувствовался по тем или иным причинам особенный недостаток, некоторое улучшение и способов производства (электрификация и т. д.), но все это совершалось преимущественно путем использования освобождающихся частей основного капитала тяжелой промышленности и некоторых других отраслей хозяйства, которые не возвращались обратно в эти области. При относительно слабых эмиссиях некоторые отрасли хозяйства, удельный вес которых в хозяйстве страны еще не велик, могли все-таки развиваться весьма интенсивно.

V

С середины 1926 г. начинается для центральной Европы новый период послевоенного капитализма. Забастовка углекопов в Англии, обогатившая континентальных производителей, сокращение числа занятых и интенсификация труда, проведенные одновременно с улучшением способов сбыта и сокращением времени оборота капитала, высвободили значительные массы капитала, которые вместе с новым притоком иностранных кредитов дали возможность приступить к более радикальной реорганизации способов производства. „Рационализация", которая до середины 1926 г. заключалась преимущественно в интенсификации труда и сокращении времени оборота капитала,[1] начала постепенно захватывать и самый производственный процесс. Если в августе 1926 года германская машиностроительная промышленность работала еще с нагрузкой в 55%, то потом она пошла полным ходом. Вместе с этим уменьшилась безработица, в то время как в первый период рационализации она беспрерывно росла.

Вслед за Германией улучшилось положение в остальных центральных европейских государствах, в Австрии, Чехо-Словакии, в то время как Франция и Италия еще и в этом году переживают кризис. Надо, однако, полагать, что и там он скоро будет преодолен. Признаки улучшения кон'юнктуры отмечаются даже в Англии.

Чтобы не усложнять наше изложение цифрами, мы снова ограничимся только данными о продукции стали. Она выразилась в тыс. метр. тонн в месяц:

	Англия	Германия	Франция	Италия	Соед. Штаты
1913	649	1019	581	71	2608
1926	302	1028	699	135,0	4025
1927 январь	742	1308	673	137	3847
1927 февраль . . .	840	1233	628	131	3872
1927 март	965	1415	704	138	4608
1927 апрель	864	1288	680	139	4196
1927 май	899	1378	712	—	4111
1927 июнь	759	1328	672	—	3289
1927 июль	694	1361	677	—	3228
1927 август	652	1426	—	—	3522

Повсюду в Европе рост продукции уже опередил уровень 1913 г. В Соед. Штатах „сезонный" застой в этом году более резкий, чем в прошлом.

Надо, следовательно, полагать, что европейские страны вступают в период расширенного воспроизводства. Правда, с полной уверенностью

[1] Так как это наше утверждение оспаривалось раньше некоторыми товарищами, то мы приводим здесь заявление германского имперского „министра народного хозяйства" в его бюджетной речи в марте сего года. „До сих пор.—говорил он,—пройден только первый этап рационализации, которая в основном выражалась в ликвидации невыгодных предприятий, как и в мероприятиях организационного и финансового характера. Второй этап—улучшение техники, по большей части еще предстоит. Он обнимает собой и процесс развития энергетики, превращения угля в жидкое топливо и использование газа на далеком расстоянии". Газета „Industrie und Handelszeitung" от 15 марта 1927 г.

мы этого сказать не можем, так как он все еще опирается в весьма сильной степени на иностранные кредиты, которые для высокоразвитых промышленных стран представляют все-таки „ненормальное“ явление. Не исключена, однако, возможность, что Германия и другие европейские страны благодаря этим кредитам сумеют значительно укрепить свое хозяйство, если репарационные платежи и процент по заграничным займам будут понижены.

Рост задолженности европейского хозяйства—общеизвестный факт. Если некоторые экономисты думали, что Германия уже сможет обойтись без иностранных кредитов, то факты последнего времени показали как раз другое: сокращение притока иностранных займов в первую половину текущего года чуть не вызвало резкий денежный и торговый кризис, и правительство вынуждено было изменить свою политику по отношению к заграничным займам. В последние месяцы они снова потекли обильным ручьем.

Займы Германии за границей были (в средн. в мес., в млн. марок):

	Общие	В том числе частными предпринимателями
1924	83,5	3,5
1925	103 4	48,3
1926	128,5	60.0
1927 I квартал . . .	28,45	25,87
1927 II „ . . .	25,0	18,9
1927 III „ . . .	218,9	155,5

К этим цифрам надо еще только прибавить, что раньше внешние займы шли или на уплату по репарациям, или на увеличение запасов товаров, или на увеличение золотого запаса. Теперь они все больше и больше служат самому процессу воспроизводства.

Общий экспорт капитала из Соед. Штатов в Европу составил: к концу 1923 г. 1,3 мрд. долл., к концу 1926 г. 3,01 мрд., а к середине 1927 г.—3,5 мрд. долл., увеличившись за три с половиной года на 2,2 мрд. долл.

К этому надо прибавить еще экспорт капитала из Англии, Голландии и Швейцарии, отчасти из Швеции и даже из Канады!

Итак, предполагая, что европейское хозяйство вступило в фазу расширенного воспроизводства основного капитала, следует считаться с новым поворотом в политике европейского капитала. Если первый послевоенный этап характеризовался погоней за источниками сырья, а второй—обостренной борьбе за рынки (несколько утихшей в годы, когда совершался процесс некоторой внутренней перестройки), то в новую фазу мы вступаем, когда банковый капитал снова приобретает преобладающее влияние на промышленность и вместе с тем и на политику капиталистических стран. Расширенное воспроизводство требует больших капиталов; их можно получить только через банки, через посредство которых получаются иностранные кредиты и деньги с внутреннего рынка. Отсюда растущее влияние банков, специально американских и английских, играющих роль посредников в международных трансакциях. Вместе с этим и усиливается реакция, которая раньше всего началась в Италии, прежде других вступившей на путь расширенного воспроизводства, затем перекинулось на Германию.

Для иллюстрации зависимости германской промышленности от банков приводим следующие цифры. По данным Wirtschaftskurve, II, 1927 год,

отношение кредиторов к капиталу у акционерных обществ текстильной промышленности составляло: в 1913 г.—21,9%, а в 1926 г.—41,4%, у 10 машиностроительных обществ—21,2% и 69,7%, у 7 писчебумажных фабрик—15% и 46,3%. И хотя общая сумма кредитования банками промышленности еще значительно меньше, чем до войны, все же зависимость промышленности от банков теперь, вероятно, не меньше, а быть может даже больше, чем до войны.

Вступление в процесс расширенного воспроизводства основного капитала, продолжающийся обыкновенно несколько лет, означает для европейского капитализма „передышку“, ибо такое время неблагоприятно для революционных потрясений, прерывающих этот процесс. Устойчивость социальных и политических отношений — основная предпосылка успешного завершения начавшегося процесса расширенного воспроизводства. Отсюда усиление реакции внутри страны, но отсюда также и борьба против нашего союза, являющегося угрозой стабильности кипиталистических отношений. Ведь и по отношению к нашему союзу стал вопрос об экспорте средств производства и связанных с ним долгосрочных кредитах. На первый план выступает поэтому финансовый капитал, который не только вновь поднимает вопрос о старых долгах, но и о „гарантиях“, являющихся предпосылкой долгосрочного кредитования.

С другой стороны, покуда продолжается процесс расширенного воспроизводства, промышленники будут, вероятно, противиться тому, чтобы какие-нибудь военные осложнения нарушили благоприятный ход конъюнктуры. Так было, напр., в 1911 г., когда финансовый капитал Германии высказался против войны с Францией из-за Марокко. Только после того, как разразится кризис, политическая атмосфера примет более грозный вид...

Резюмируя, мы можем сказать: поскольку европейская промышленность вступает в период расширенного воспроизводства основного капитала — процесс, который еще наталкивается на ряд весьма серьезных препятствий, могущих не только задержать, но и оборвать его,—постольку усиливается и влияние банковского капитала, а вместе с тем и политической реакции...

ОТДЕЛ III

Экономика и техника

А. А. Горев

Электрификация к концу первого десятилетия власти советов

10 лет советской власти—это 6 лет нашей электрификации. Строить новое хозяйство, создавать новую технику мы могли только после того, когда закончилась постройка твердого фундамента советской власти на всей территории Союза.

И из этих 6 лет первые годы ушли на восстановление основных элементов нашего хозяйства, без которых уровень жизни не мог подняться до довоенного.

Вот движение государственного финансирования электрификации: (в млн. руб.):

1921/22 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
8	29	50	40	70	102	140

Работа началась с плана. Это всем известный план государственной электрификации России (ГОЭЛРО), утвержденный в декабре 1921 года. В каком состоянии находятся сейчас работы по осуществлению этого плана? План предполагал постройку в течение 10—15 лет 30 районных станций, из коих 27 были конкретно намечены. Их общая установленная мощность определялась в 1.360.000 квт.

Всего нами построено и пущено в действие по настоящее время свыше 350.000 квт. новой мощности в районных станциях, из них 210.000 квт. установлены на семи станциях, входивших в план ГОЭЛРО и построенных заново, около 100 тыс. квт. новой мощности установлено на старых станциях Москвы, Ленинграда и Баку и около 40 тыс. квт. на новых станциях, не вошедших в план ГОЭЛРО. Самой крупной из этих последних является Земо Авчальская станция, мощностью в 13.000 квт.

Эти цифры говорят о том, что в области планового строительства за первые 5 лет работы по плану ГОЭЛРО мы шли несколько замедленным темпом. Однако, темп нашего строительства быстро растет. По настоящее время работают или находятся в постройке и расширении 14 станций плана ГОЭЛРО. По окончании работ в том об'еме, который установлен имеющимися уже постановлениями СТО и СНК, мощность этих 14 станций достигнет 800.000 квт.

Среди построенных и действующих уже станций есть такие гиганты, как Волховстрой. Он работает уже около года. „Детские болезни" на на самой станции и на линии передачи имели минимальный размер. Большая часть перерывов в снабжении, которая имела место в первые месяцы его работы, должна быть отнесена за счет новой кабельной сети, которая была устроена в Ленинграде для приема Волховской энергии. Коммерчески сосчитанная себестоимость энергии Волховстроя в Ленинграде на шинах низкого напряжения главной понижающей подстанции составляет около 3 коп. за квт.-час. При этом, около двух копеек из трех при-

ходятся на уплату процентов на затраченный капитал. Эти проценты поступают в доход казны. С народнохозяйственной точки зрения эта часть себестоимости уже оплачена одновременным вложением капитала в строительство. После того как такое вложение сделано, для получения 1 квт. часа электрической энергии приходится дополнительно вкладывать только 1 коп. Между тем, на старых Ленинградских станциях, производство 1 квт.-часа требует сейчас реального вложения около 4,5 коп. Во время постройки Волховстрой был обременительным для нашего бюджета; теперь, когда он готов, он дает нам дешевую энергию и понемногу возвращает тот капитал, который был в него вложен.

Для того чтобы в тяжелое время начала двадцатых годов начать и довести до конца такое громадное дело, нужны были гигантские усилия строителей; нужна была твердая воля к созиданию новой жизни, нужно было не только строить, но и защищать свое дело от нападков и врагов и сомневающихся друзей. Теперь дело доведено до конца. Волховстрой — это яркий цветок в победном венке советской власти на празднике ее первого десятилетия.

Теперь в Ленинграде вместо довоенного английского угля работает вода реки Волхова. Земо-Авчальская станция — вторая большая гидростанция, находящаяся уже в работе, постепенно снимает нагрузку со старых тифлисских станций, сжигавших бакинскую нефть. В этих случаях вода заменяет топливо; водные ресурсы получают в нашем народном хозяйстве такую же ценность, как и нефтяные или угольные запасы.

Ряд других станций, построенных нами за это десятилетие — Шатура, Балахна, Кашира и Штеровка — идут рядом с Волховом и Земо-Авчалами на фронте борьбы за сохранение высокоценного топлива. На Шатуре и Балахне мы заставили работать торф, столетиями накапливавшийся в громадных болотах нашего Центра и лежавший до сих пор втуне. Для того чтобы оседлать эту скрытую силу природы, потребовалась громадная техническая работа. Мы овладели секретом экономического сжигания торфа под топками котлов. Наши торфяные топки дают сейчас такой же коэфициент полезного действия и лучшую паропроизводительность, чем топки для лучших сортов каменного угля. Труднее было справиться с задачей создания д е ш е в о г о торфа. И в этом направлении испробованный только в последний сезон метод послойной разработки болота тракторным фрезером, повидимому, вполне разрешает задачу, снижая себестоимость торфа 30% влажности на болоте до 4 коп. за пуд. Еще раньше у нас же был разработан способ добычи торфа путем размывания торфяного массива мощной струей воды (способ гидроторфа). Этот способ при своем дальнейшем развитии и усовершенствовании сохранит, повидимому, свое значение для пнистых болот.

Разрешение проблемы торфа имеет для нашего Центра и Севера громадное значение. При дешевом торфе, запасов которого в этих районах хватит на много десятков лет при самой интенсивной разработке, электроснабжение этих районов, которое сейчас требует транспорта угля или нефти через весь Союз, окажется в таких же благоприятных условиях, как электроснабжение Швейцарии и Северной Италии, богатых дешевой водной силой, или средней Германии, богатой дешевым бурым углем.

Кашира — небольшая станция, построенная раньше других, во время полной блокады, показала нам, что другой энергетический запас—10 мрд. тонн подмосковного угля, разрабатывавшегося в ничтожном масштабе, должен найти своего естественного потребителя в районных электрических станциях. Если Шатуре принадлежит честь экономического овладения громадными залежами торфа, то такое же значение Каширская станция имеет в отношении подмосковного угля.

Наконец, задача Штеровки, расположенной в самом Донецком бассейне, завоевать для электричества те отбросы при добыче антрацита — штыб, который в довоенное время не только не находил себе потребителя, благодаря трудности сжигания, но и требовал еще затрат на отвоз от шахты. В разрешении этой задачи нам сильно помогает получившая в последние годы быстрое развитие за границей техника сжигания каменноугольного топлива в пылевидном состоянии. В угольную пыль антрацитовый штыб превращается легче, чем кусковое топливо. Его недостаток превращается в его преимущество. Первые опыты с антрацитовой пылью на Штеровке дали благоприятные результаты. Сейчас мы находимся накануне полного разрешения и этого важнейшего вопроса нашей энергетики.

Линия на использование для получения электричества низкосортных видов топлива, не находящего себе иного промышленного применения, уже нашла свое отражение в составе потребляемого нашими районными станциями топлива. Уже теперь свыше 50% энергии районных станций получается за счет торфа и местных углей, тогда как в довоенное время мы имели только одну станцию на торфе. К концу пятилетия участие торфа и местных углей в составе топливного баланса наших термических станций составит около 80%. Кроме того, около 25% общей выработки всех районных станций — термических и гидравлических — будет давать вода.

Овладение новыми энергетическими ресурсами не делает излишней заботу об экономии топлива как высокосортного, так и низкосортного. И по этой линии мы имеем уже крупные достижения, используя быстрый прогресс техники получения электричества из топлива, имевший место в последние годы за границей. Уже в настоящее время группа наших районных станций, в составе которой новые машины составляют около половины общей мощности, потребляет на 1 квт.-час меньше 1 *кг* условного топлива, тогда как в довоенное время такой расход давали только 1—2 лучших станции. Развитие строительства новых станций и смена старых машин должна дать в ближайшие годы дальнейшее снижение. Через пять лет — при полной рационализации хозяйства — есть надежда достичь расхода в 0,7 *кг* условного топлива на квт.-час. Это — средние цифры; рекорды лучших станций будут еще ниже.

В общем, уже те сравнительно скромные работы, которые мы при напряженности нашего бюджета за истекшие годы смогли произвести, дают яркую картину рационализации нашего энергетического хозяйства. Довоенная Россия могла считать в своем энергетическом активе только лучшие сорта каменного угля и нефть; мы во много раз увеличили этот актив, промышленно овладев водой, торфом, низкосортными углями и отбросами каменных углей и антрацитов, щедрой рукой разбросанными по всей территории Союза. Работа по электрификации за последние 5 - 6 лет дает нам, кроме ряда новых станций, тот реальный энергетический фундамент, на котором мы смело можем строить здание нашей индустриализации.

Расширение энергетической базы идет параллельно с ее изучением. Немалый вклад в наш энергетический капитал принесли нам изыскательские и исследовательские работы по водным потокам и залежам горючего. Мы только еще приступаем к созданию нового хозяйства. В ближайшем же будущем нам понадобятся десятки волховстроев. И вот, ряд открытых изыскательскими работами возможностей сооружения новых гидростанций, с стоимостью энергии такой же, как у Днепростроя или еще более дешевой, прямо отвечает насущнейшему нашему запросу.

Среди этих возможностей намечается, кроме тех, о которых отрывочные сведения имелись уже в довоенное время, ряд совершенно новых. Интересно отметить, что рациональная схема использования делает иногда из маленькой речки с малоизвестным названием мощный источник дешевой энергии (Гизел-Дон, Дзорагет, Топоравани). Сказанное относится не только к нашим горным районам; предварительные данные указывают также на возможность использования, напр., Верхней Печоры и ее притоков.

Линия централизации электроснабжения с об'единением широкого круга потребителей, посредством высоковольтной сети, начинает проводиться в наших крупных индустриальных районах. В настоящее время мы имеем уже полное кустование районных станций в Ленинградском и Московском районах; скустованы также группы станций в Донбассе. Ряд передач, напряжением в 115.000 вольт и длиною свыше 100 километров каждая, впервые на нашей территории появился только в годы советской электрификации. Ближайшие проекты передачи (Свирь—Ленинград Днепр — Донбасс) потребуют и наивысшего, применяемого теперь за границей, напряжения в 220.000 вольт.

Широко проводится при восстановлении, переоборудовании и новом строительстве нашей промышленности применение электрического привода в движение. В этом отношении наши новые фабрики и заводы берут пример с последних заграничных образцов. Часто электростроительство отстает в своем темпе от потребности, пред'являемой расширенным применением электричества в промышленности. Встречаются и такие случаи, когда наша электропромышленность не успевает за быстрорастущим спросом на электрооборудование, пред'являемым потребителями. Появляются и приступают к работе первые крупные электрохимические предприятия.

В области электрификации транспорта, развитие которой было предуказано планом ГОЭЛРО, мы сильно отстали. Сейчас мы имеем только одну электрическую дорогу Баку — Сабунчи, пригородного типа. Однако, в стадии производства работ мы имеем уже несколько крупных об'ектов— электрификация пригородного движения Московского и Ленинградского узлов, электрификация Сурамского перевала. На очереди стоит громадного народнохозяйственного значения проблема электрификации линий Москва — Донбасс и Донбасс — Кривой Рог, не считая введения электрической тяги в ряде узловых пунктов и на отдельных участках дорог с трудным профилем. С сожалением нужно отметить, что завоевание транспорта электричеством идет при наличии определенного противодействия со стороны старой техники, аргументирующей от „испытанности" и „надежности" паровоза, справившего уже свой столетний юбилей. В результате темп реконструкции в этой области отстает от того, который диктуется интересами народного хозяйства Союза.

Медленно, но твердо начинает проникать электричество и в область сельского хозяйства. Прошедший период нужно охарактеризовать как опытный период в этой области. Правильная линия намечается здесь как результат ряда уклонов, приведших к тяжелым не только для электрификаторов, но часто и для населения, неудачам. Между сельской электрификацией и бытовой нагрузкой деревни нужно провести резкую границу. Последняя может быть дополнением к первой; однако, опыт электрического освещения деревень от маленьких индивидуальных станций дает в большинстве случаев определенно отрицательный результат. Напротив, электрификация самого сельского хозяйства и, в особенности, индустриальных предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции, при рациональном ее осуществлении и с использованием в первую очередь дешевой энергии, получаемой от районных станций,— является здоровой линией. В настоящее время, однако, по этой верной линии мы делаем только первые шаги.

Здесь уместно отметить ряд сооружений, частью уже работающих, частью находящихся в постройке и имеющих целью комбинированную задачу орошения засушливых площадей и получения электрической энергии. Удачные примеры таких сооружений мы имеем, главным образом, на Кавказе. Эриванская гидростанция является в настоящее время самой дешевой из наших гидростанций, так как деривационный канал, подвозящий к ней воду, используется одновременно и для орошения. Такой же характер имеет строящаяся Ленинаканская гидростанция, ряд других строящихся и проектируемых станций. Правда, такие станции имеют обычно мощность в несколько тысяч квт. (Эриванская — 5, Ленинаканская — 5), однако, в районах с широким развитием оросительных систем они могут быть в своей совокупности источником значительных количеств дешевой гидроэлектрической энергии.

В заключение несколько слов о том, чего мы еще не достигли и что составляет ближайшую цель нашу на последующее десятилетие. В нашей работе до сих пор электрификация является как снабжение отдельного потребителя энергией. В такой постановке задача эта не выходит из тех пределов, которые ставятся ей и в странах с частно-хозяйственным началом. Между тем, у нас пределы эти могут быть значительно расширены в силу единого государственного командования над важнейшими отраслями нашего хозяйства. Строительство нового хозяйства целых районов должно итти как строительство народнохозяйственных комбинатов на широкой энергетической основе. При самой проектировке таких комбинатов интересы отдельных отраслей должны быть подчинены интересам народнохозяйственного целого. Мы подходим сейчас к такой постановке в отдельных случаях (Днепрострой). Однако, и здесь намечается сильная изоляционная тенденция, стремящаяся оторвать сооружение от народного хозяйства района и превратить его в замкнутый завод для производства химических и металлургических продуктов со своей „электрической станцией", роль которой и должен играть Днепрострой.

Часто нам приходится сталкиваться с такими требованиями потребителя, которые дают ему небольшую выгоду, но зато приносят большой ущерб целому. Только при государственной централизации планирования, только при наличии железной плановой дисциплины можно добиться разрешения таких противоречий в пользу целого. Только в том случае, если новое хозяйство будет строиться полностью на этой основе, оружие, которое дала нам в руки Октябрьская революция, даст нам победу над мировым капиталом.

В. И. Золотарев

Проблема энергетики к десятилетию Октября

Современная постановка проблемы энергетики, как основной проблемы, охватывающей весь комплекс работы (двигатели, машины, живой труд) требует учета всех составляющих элементов, создающих в сумме процесс производства. Не только в условиях советского хозяйства, но и в условиях буржуазно-капиталистических стран проблему энергетики научились понимать именно в такой ее постановке. Правда, такое понимание вопроса, например, для Германии, является новым, но все же не вызывающим возражений в настоящее время. В журнале E. T. Z. от 4 июня 1927 г. помещена статья Dr A. Reithinger'a, из которой видно, что автор этой статьи не доволен ранее произведенными переписями энергетического хозяйства Германии. Он требует полной энергетической переписи по американскому образцу — с установлением элементов связи между машиной, энергией и человеческим трудом. Такой подход к вопросу, по нашему мнению, совершенно правильный и является гарантией максимального учета отдельных элементов всего энергетического комплекса.

Такая постановка вопроса, отнесенная к имеющимся у нас предпосылкам для решения проблемы энергетики, и есть основная постановка при планировании нашего энергетического хозяйства.

10 лет советской власти имеют за собою историческую практику планирования хозяйства вообще и, в частности, интереснейшую практику планирования энергетического хозяйства. Пройдя годы гражданской войны, блокады, разрухи и всего того, что в силу обстоятельств сегодняшнего дня должно было настоятельнейшим образом приковывать внимание советской власти преимущественно к „настоящему", мы только после принятия плана ГОЭЛРО получили основную директиву для построения нового советского хозяйства.

С этого момента начинается реальная плановая работа, новая для работников советского аппарата, и в процессе самой работы постепенно создается методология планирования, выросшая к десятилетнему юбилею советской власти в целую стройную систему.

Опыт прошлых лет, дающий полную возможность сопоставить плановые предположения и действительность, с убедительной наглядностью доказывает, что сама идея планирования, которую еще несколько лет тому назад так злостно порочили „зарубежные философы", имеет глубокий практический смысл. Именно теперь нелишне вспомнить кое-что из далекого прошлого. Некий Dr Heck в 1923 году писал в „Frankfurter Zeitung": „Нужно поражаться, с какой детской развязностью советская власть строит свое будущее. Для нее нет трудных проблем, она приписала себе предвидение пророка и совершенно точно определяет степень развития хозяйства к десятилетию своего существования. Между тем, для всякого

трезвого человека совершенно ясно, что основным вопросом является сомнительность самого существования советской власти на столь длительный срок". Мы склонны думать, что Dr Heck теперь уже, по крайней мере, „сменовеховец", так как даже консерватизм Франкфуртской школы вряд ли допустит отрицание самого существования советской власти к ее десятилетнему юбилею хотя бы de facto.

Если бы мы вздумали полемизировать с Dr Heck'ом о „даре предвидения", то и в этом случае без труда можно было бы констатировать, что наши плановые предположения в 1923 г. не только не отличались „детским оптимизмом", но, наоборот, мы многого не доучли, ибо темп развития народного хозяйства оказался в последующие годы выше того, что предполагалось в 1923 г.

Нет ничего удивительного в том, что в 1923 г. среди сомневающихся был и Dr Heck — большой „специалист по русским делам". Даже и теперь, к периоду десятилетнего юбилея советской власти в „Социалистическом Вестнике", „Руле" и других весьма дефицитных и дефективных изданиях можно читать пророчества о том, при каких обстоятельствах и приблизительно когда советская власть принуждена будет уступить место „настоящей демократической власти". Есть и другие „пророки" типа „Кирилл I" и т. п.

Но мы вспомнили здесь об этих отбросах современной России лишь для того, чтобы лишний раз констатировать, что наши планы несравненно более реальны, нежели планы наших врагов...

Идея планирования, имеющая целевую установку на увязку производства и потребления,— есть основная идея, по которой мы строим наше социалистическое хозяйство. План, более чем где бы то ни было, необходим и в вопросах энергетики, и этого убеждения держимся не только мы, но и руководители буржуазно-капиталистических хозяйств. Специальные иностранные журналы — американские, немецкие, французские, английские — все они полны предположениями, соображениями и планами о решении проблемы энергетики, при чем эти предположения предусматривают решение проблемы энергетики на весьма далекие будущие сроки. „Энергетическое хозяйство Германии в 1935 г.", „Электрификация С.-А. С. Ш. в 1950 г." — сроки, предусмотренные нашим генпланом, не являются максимальными на общем фоне существующих тенденций энергетического планирования.

Современная постановка проблемы энергетики,— одной из грандиознейших проблем построения процессов производства,—коренным образом изменяет старые промышленные устои, экономику производства, быт и т. п., и т. д. Необходимость отхода от паровой машины и осуществления мощной электрификации в основном осознаны трудящимися нашего Союза. Этот исторический переход к новым формам решения проблемы энергетики, а отсюда и к новому хозяйству — во всей последовательности развит в плане ГОЭЛРО. Истекшие 10 лет дают возможность подвести итоги развития нашего энергетического хозяйства, но одно лишь сравнение абсолютных цифр не создаст полного впечатления по этому вопросу: надо знать природу и состояние нашего дореволюционного энергетического хозяйства.

Дореволюционная суммарная мощность первичных двигателей промышленности (паровых машин, паротурбин и дизелей) исчисляется цифрою

порядка 2.500.000 квт. при общей поверхности нагрева котлов в 3.500.000 кв. метров. Эти силовые установки, в свое время распыленные по отдельным промышленным предприятиям, получены были советской властью в весьма печальном состоянии: старые, со средним сроком службы в 25 лет, представляли собою оборудование, покрывшее все сроки и физического и морального износа. Само собой разумеется, что последние 25 лет дали много усовершенствований в области силового оборудования, и если бы наши старые оборудования даже не имели никакого физического износа то в силу уже одного морального износа их эксплоатация в настоящее время терпима лишь постольку, поскольку мы не имеем возможности сразу заменить все старые оборудования новыми.

При переходе к новым энергетическим оборудованиям для промышленности мы, конечно, имеем в виду электрификацию промышленности при централизованном электроснабжении. Нашей промышленностью в 1926/27 году сожжено, примерно, 1.550 млн. пудов условного топлива. Если считать, что из этой цифры 35% падает на получение механической энергии, то собственные станции промышленности израсходовали 525 млн. пудов условного топлива В случае электрификации промышленности эта цифра потребного топлива была бы совершенно иной, так как 1 квт.-час механической энергии обходится промышленности, примерно, в 15.000 калорий.

Можно с уверенностью утверждать, что экономия на топливе, в случае электрификации, исчислилась бы цифрою порядка 250 млн. пудов условного топлива в год.

Такие возможности и дополнительные выгоды в организации самих процессов производства при электрификации создают совершенно реальную почву для реконструкции энергетического хозяйства промышленности, если бы необходимость такой реконструкции даже не усиливалась фактическим износом существующих силовых оборудований. Необходимо также отметить и то, что старые владельцы нашей промышленности строили производственные процессы, имея в качестве предпосылки наличие дешевой рабочей силы, обильно пополняемой из мощного резерва — безземельного и малоземельного крестьянства. Наша отсталая промышленность почти не участвовала в международной конкуренции и это в условиях старого, капиталистического уклада нашего дореволюционного хозяйства было второй помехой в развитии совершенных процессов производства. Владельцы промышленных предприятий не имели достаточно финансовых стимулов для вложений капитала в новые силовые оборудования и строили свое производство на элементарнейших машинах, являвшихся лишь дополнением к дешевой живой рабочей силе.

Справедливость последнего положения видна из нижеприводимых цифр:

Удельный вес живой (человеческой + животной) и механической силы в энергетическом балансе некоторых стран в 1913 г.

	Живая сила		Механическая сила	
	На 1 жит. в квт-час.	В %% к итогу	На 1 жит. в квт-час.	В %% к итогу
Англия	41	5,5	711	94,5
Германия	66,6	14,0	407,5	86
С.-А. С. Ш.	142	10,0	1420	90
СССР	130	66,7	65	33,3

Приведенные цифры дают общую картину состояния нашей дореволюционной энергетики на фоне положения других стран. Превалирование живой рабочей силы, при чем механическая энергия получалась от весьма устаревших силовых обо удов ний,— эти два момента уже приблизительно определяют природу процессов производства.

Советская власть, получив такое наследство от своих предшественников, должна была искать путей для более рационального решения проблемы энергетики, и эти пути при анализе возможных решений привели к единственно правильному решению вопроса — к электрификации. Наша программа развития народного хозяйства предусматривает реконструкцию и новое промышленное строительство с самым широчайшим использованием электроэнергетической базы.

Выбор такого решения ставит в первую очередь вопрос о создании мощных районных станций и высоковольтных сетей электропередач. План ГОЭЛРО указал основное размещение районных станций, мощности их и энергетические ресурсы, подлежащие использованию при осуществлении строительства районных станций. Практика истекших лет с достаточной наглядностью доказала, что и в будущем мы будем развивать наше хозяйство по линиям, указанным планом ГОЭЛРО, делая, конечно, уточнения и поправки в связи с кон'юнктурой настоящего времени. Это и понятно — при самой совершенной плановой системе нельзя предвидение довести до идеального охвата многогранного хозяйства в целом, а с другой стороны, достижения науки и техники, открывая все новые и новые возможности, всегда заставят вводить коррективы, а иногда и коренным образом менять задуманный план. Это более всего относится к электростроительству, успехи которого за последние годы обязывает считать его центральным моментом в хозяйстве страны.

Достижения последних лет в области сжигания топлив, конструкции турбогенераторов, транспорта энергии, а также в области расширения самого круга использования электрической энергии создали такое положение, что срок в 6—8 лет надо считать сроком полного морального износа для многих оборудований. С.-А. С. Ш., побившие мировой рекорд в электрификации, считают 8 лет предельным сроком использования теплосиловых оборудований для своих новых электроцентралей. Срок в 8 лет, по мнению американцев, столь длителен, что в течение этого времени новейшая станция должна выйти из строя, как устаревшая. Вполне естественно, что принимая план ГОЭЛРО, как первое приближение к созданию нового советского хозяйства, притом в годы экономической разрухи, блокады, враждебных окружений и т. д.,— мы не можем теперь считать его во всех отношениях непогрешимым для условий сегодняшнего дня. Жизнь вводит свои коррективы, и своевременный учет новых факторов должен составлять неот'емлемую часть планирования.

Основное, что мы считали справедливым для всех случаев решения проблемы энергетики — это необходимость накопления электрических мощностей.

Такая необходимость признана не только нами, но и целым миром и по этому поводу имеется достаточное количество трудов на всех языках. Вопросы энергетики стали центральными вопросами в организации послевоенного хозяйства и надо отметить, что в настоящий момент общепризнанным единственно правильным решением является электрификация.

В области накопления электрических мощностей и их использования мы достигли больших успехов нежели во многих прочих областях народного хозяйства.

Число, мощность (тыс. квт.) и выработка (млн. квтч.) районных электрических станций

Декабрь	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Число станций . .	14	15	15	16	18
Мощность	297	305	320	486	620
Выработка	701	868	1100	1600	2350

Как видно из приведенных данных, выработка районных станций растет быстрее их мощности, а мощности растут быстрее числа их. Эти весьма отрадные явления для нашей электрификации в сумме своей достаточно характеризуют наш план электрификации как правильно построенный план. Укрупнение мощностей с повышающимся коэфициентом их использования — признак растущей рентабельности. Мы обращаем главное внимание на районные станции потому, что они составляют основные наши мощности, а с другой стороны, эти станции с течением времени должны заменить все прочие. Наш план электрификации предусматривает такое развитие централизованного снабжения, при котором проблема энергетики района разрешается одной или несколькими станциями, целиком покрывающими потребности данного района. Мы не имеем возможности в краткий срок заменить заводские, местные и прочие станции районными, но мы идем к этому, и центр тяжести электроснабжения все более и более переносится на районные станции. Из нижеприводимой таблицы, содержащей отчетные и предположительные плановые цифры о выработке электрической энергии, видно, как растет выработка районных электрических станций по сравнению с выработкой прочих:

Выработка электрической энергии по всему СССР

(В млн. квтч.)

	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32
Жел.-дор. станц. .	40	42	44	46	48	50	52
Сел.-хоз. станц. .	6	16	26	36	46	56	80
Почт.-телегр. . . .	4	4	5	5	5	6	6
Местные	370	500	700	900	1350	1750	2200
Фабр.-завод. . . .	1700	1950	2200	2500	2700	3000	3200
Районные	1100	1600	2350	3250	4200	5200	6200

В 1927/28 г. выработка районных станций уже превзойдет выработку фабрично-заводских станций, а в 1931/32 г. продукция районных станций превзойдет продукцию фабрично-заводских станций почти в 2 раза.

Централизация электроснабжения в условиях хозяйства СССР имеет все технические и экономические предпосылки. Наличие местных топлив (торф и угли) в районах наиболее плотного потребления энергии, затем удовлетворительное решение проблемы сжигания этих топлив создают реальную возможность сооружения мощных тепловых электроцентралей. Единое государственное хозяйство, имеющее единые интересы, исключает все те трудные привходящие условия для централизации электроснабжения, какие являются сильным тормозом в других странах при частновладельческой электрификации.

Экономическое районирование и принцип специализации районов, являющиеся теперь основными директивами при составлении плана развития народного хозяйства, точно также ставят вопрос об энергетике в районном разрезе. Совершенно различный удельный вес районов по производству, потреблению и, главное, по потенциальным возможностям, — требует серьезнейшего переустройства хозяйства районов. В этом отношении мы имеем, быть может, самую тяжелую часть наследства от старого строя.

Историческое развитие нашей промышленности, расселенной не так, как этого бы требовало нормальное ее развитие, а по какому-то чрезвычайно сумбурному плану, привело к тому, что к издержкам по производству всегда присоединяются огромнейшие расходы на транспорт. Наши искусственные промышленные центры, созданные на привозном сырье и топливе, не могут правильно развиваться, ибо при самом начале их организации не были приняты во внимание основные положения для развития промышленности. Вполне естественно, что на некоторый период времени мы поневоле должны поддерживать и даже развивать промышленность в старом ее расселении, и в этом случае электрификация играет колоссальнейшую роль. Привозное топливо в некоторой, довольно значительной части, заменяется электрической энергией, добываемой на местном топливе.

Наши экономические районы, иногда столь отличные друг от друга по своим потенциальным возможностям, прежде всего, требуют специализации, а в связи с нею новой экономики и решения энергетической проблемы в самой широкой ее постановке. В этом случае нам приходится иметь дело с весьма неблагоприятными данными. Во многих случаях у нас имеет место несовпадение источников сырья и энергетических ресурсов. При нынешней технике высоковольтных передач расстояние в несколько сот километров не является препятствием для питания электрической энергией. Таким образом, принцип специализации районов, имея в центре вопросы энергетики, требует создания соответствующих электрических мощностей в радиусе возможного электроснабжения данного района.

Эта точка зрения плюс вся совокупность предпосылок (экономических, технических и социальных) в пользу мощной электрификации и заставила разместить новые районные станции по соответствующим районам и соблюдать определенную очередность развития мощностей.

План электрификации, составляя неотъемлемую часть общего плана развития народного хозяйства, может быть реализуем лишь в рамках гармонического сочетания с развитием других областей народного хозяйства. Нет сомнения, что и в данном случае электрификация должна расти значительно быстрее нежели другие виды промышленности.

Наша промышленность, до сего времени сохранившая во многих областях старые довоенные методы в производстве, потребляет значительно меньшее количество механической энергии на единицу продукции, нежели это имеет место при новых совершенных производствах. Если учесть запроектированный рост продукции, а с другой стороны—увеличивающееся потребление энергии в связи с переходом на новые методы, — то становится совершенно ясным, что наше электростроительство ни в какой мере не сулит перепроизводства электрической энергии. Наша

практика показывает, что мы с трудом покрываем потребности в электрической энергии даже при наличии „голодных" норм. Здесь мы считаем уместным поставить вопрос, „что означал бы кризис в производстве электрической энергии"?

Американцы говорят: „Наличие электрической энергии создает возможности, а количество добываемой электрической энергии указывает степень этих возможностей". Именно такое понимание вопроса должно получить права гражданства у нас более, чем где бы то ни было. Состояние силовых оборудований промышленности, наши процессы производства, новое промышленное строительство, — все это требует больших количеств электрической энергии, без которой мы не в состоянии углубить технологическое разделение труда, поднять строительство большого масштаба и реконструировать устаревшие производства. По понятным всем причинам истекшие годы протекали для промышленности прежде всего под флагом восстановления. Однако, реконструктивная работа имела место, и в дальнейшем эта работа пойдет более быстрым темпом.

Приблизительное представление о совершающейся реконструкции дает темп проникновения электрической энергии в производства. Переход от старых трансмиссионных передач к электрическому приводу знаменует собою первую фазу реконструкции, а дальнейшие фазы проходят через углубленное технологическое разделение труда — через новые конструкции орудий и машин обработки, построенных для электрифицированного привода.

Снижение себестоимости продукции и рост ее об'ема совершаются не только за счет снижения так называемых непроизводительных расходов, но и за счет частичного перехода к новым методам. За последние 2 года многое изменилось на наших производственных предприятиях — мы твердо идем по пути приобщения к новейшей технике и это приобщение совершается постольку, поскольку в глубь производственных процессов проникает электрическая энергия. С этой точки зрения некоторым показателем может служить темп роста потребления электрической энергии нашей промышленностью (в млн. квт.):

	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32
Промышл. ВСНХ . . .	2.400	3.050	4.000	5.100	6.400	7.750	9.000

При рассмотрении вышеприведенных цифр необходимо выяснить от каких источников энергии (районных станций или собственных станций) промышленность будет получать электрическую энергию. Для самих процессов производства важно лишь обеспечение электрической энергией, но стоимость энергии и удобство манипулирования мощностями приводят к необходимости централизованного электроснабжения и поэтому рост мощностей собственных станций промышленности надо рассматривать в общем случае как явление антиподное программе мощной электрификации. Собственная станция промышленности (за исключением случаев промышленно-электрических комбинатов с отдачей отбросной энергии в районную сеть) не может быть в такой степени использованной, как мощная районная станция. С другой стороны, удельный расход топлива на 1 квтч. электрической энергии в нашей промышленности в среднем

характеризуется цифрою 12.000 кал., в то время как есть все основания утверждать, что районные станции дадут промышленности 1 квтч. за 4.500—5.000 кал. Таким образом, с точки зрения интересов централизации электроснабжения, надо установить удельное соотношение в настоящее время своей и покупной энергии в нашей промышленности, и вместе с тем интересно сравнение продукции районных и собственных станций промышленности (в млн. квтч.):

Продукция районных и собств. станций промышленности

	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32
Районные стан.	1.100	1.600	2.350	3.250	4.200	5.200	6.200
Фабричн.-зав.	1.700	1.950	2.200	2.500	2.700	3.000	3.200
Потр. пром. ВСНХ . . .	2.400	3.050	4.000	5.100	6.400	7.750	9.000

Соотнош. своей и покупной энергии в %%

1925/26		1926/27		1927/28		1928/29		1929/30		1930/31		1931/32	
Своя	Пок.	Своя	Пок.	Своя	П к.	Своя	Пок.	Своя	Пок.	Своя	Пок.	Своя	Пок.
70	30	63,4	36,6	55	45	50	50	41,7	58,3	40	60	36	64

Если пятилетний план электростроительства будет реализован полностью, то цифры вышеприведенной таблицы дадут динамику развития той первой фазы реконструкции, которую мы характеризовали, как замену старых заводских трансмиссий электрическим приводом. Интересно сравнить степень законченности реконструкции по этой фазе в С.-А. С.Ш. с нашими данными. При этом сравнении мы не должны принимать во внимание ту часть американской промышленности, которая в их отчетах фигурирует под рубрикою „железо и сталь". Этот вид промышленности у них представляет собою, с точки зрения электрификации, замкнутый промышленно электрический комбинат. По остальным видам промышленности С.-А. С. Ш. дают нижеследующее отношение своей и покупной электрической энергии на 1926 г.

Соотношение (в %%) своей и покупной электрической энергии в отдельных видах промышленности в С.-А. С. Ш.

	Своя	Покупная
Химическая	24	76
Пищевая	25	75
Кожевенная	60	40
Бум.-полигр.	63	37
Текстильная	40	60
Лесозаг. и деревооб.	40	60
Металлическая	50	50

Если сравнить американские цифры с нашими по линии соотношения своей и покупной электрической энергии, то в 1931/32 году мы приблизимся к нынешним американским цифрам. Но удельное соотношение своей и покупной энергии оставляет в стороне абсолютные цифры потребления электрической энергии и степень электрифицированности предприятий. В этом отношении мы, конечно, сильно отстали от Америки, но в этом нет ничего неестественного. Простое сравнение мощностей,

занятых в нашей и американской промышленности, дает сопоставление таких цифр:

СССР . . . . . 2.500.000 квт.
С.-А.С.Ш. . . . . 30.000.000 „

С течением времени — и в этом не может быть сомнения — разница между нашими и американскими цифрами должна будет убывать, ибо вся совокупность предпосылок в условиях нашего хозяйства настоятельно диктует нам необходимость развития механических мощностей. Какую бы отрасль нашего хозяйства мы ни взяли, — в процессах производства мы наблюдаем более чем скромную долю участия механической энергии, что дает самые богатые возможности в смысле применения в дальнейшем электрической энергии. Мы находимся еще в самой начальной стадии развития механизации, и наша промышленность еще не утеряла свою связь с техникой производства начала XX века.

Широкое использование электрической энергии, об'ективно возможное в условиях нашего хозяйства, с течением времени будет основою, дальнейшего развития нашего хозяйства. Современная практика стран, богатых углем и совершенно лишенных энергетических ресурсов, с одинаковой убедительностью говорит о необходимости электрификации. Богатая углем Англия, несмотря на высокую степень развитой промышленности и высокостоящую технику, в настоящее время сознала свои ошибки, выразившиеся в недооценке роли электрификации, и пытается их исправить недавно изданным „законом об электрификации".

Практическое применение нового закона чрезвычайно сужено и вряд ли он внесет какие-нибуд успокоения в разнобойно-работающие электрические станции Лондона. Об'единение эксплоатации этих станций очень трудно не только в виду большого количества отдельных хозяйственных единиц, но и в силу чисто технической природы самих станций. Лишь в последнее время заострен вопрос об унификации токов, в зависимости от их назначения. Но какие бы нормы и формы ни были приняты — англичанам еще долго придется ощущать результаты своего „холодно о" отношения к электрификации, покоившегося долгие годы на наличии дешевого угля. Коммерческий подсчет сегодняшнего дня всегда подсказывал англичанам, что вложение крупных средств в электрификацию — относительно непроизводительная затрата, не вызываемая никакими „деловыми соображениями".

Другая страна — тоже не бедная углем — С.-А.С.Ш. совершенно иначе оценила роль электрификации. Характерно, что обе страны, имея один и тот же буржуазно-капиталистический строй, с весьма рахитичными зародышами государственого регулирования народного хозяйства, — пошли с вершенно различными путями в решении проблемы энергетики. Американский капитал — чутко прислушивающийся к каждому новому завоеванию науки и техники — тратит огромнейшие средства на опытные установки и совершенно чужд психологии „выжидания". Если говорить о „живости", практичности и о том, что особенно нравится американцам — о „риске", — то „американизм" обладает всеми этими качествами. Недаром Генри Форд убежден, что „жизнь — бурный поток, кто выжидает, тот имеет очень мало шансов первым притти к финишу". Англичане, выжидавшие долгие годы, к электрификационному финишу, можно

с уверенностью сказать, никогда не придут первыми. Сравнительно небольшая территория, островное расположение, выгодное положение в Европе, плотность населения, состояние промышленности, — ничего не помогло англичанам правильно поставить вопросы энергетики.

Другие страны, многие годы питавшиеся привозным топливом, или лишенные энергетических ресурсов в силу Версальских переделов — поступили более правильно. Они вместо ввоза иностранного угля предпочли импортировать более совершенный продукт — электрическую энергию. Такое решение вопроса дало блестящие результаты как для экспортеров, так и для импортеров. На самом деле, избытки электрической энергии нашли себе применение, а потребители получили долгосрочный кредит на приемлемых условиях, ибо освободились от затрат на электрические станции. Если сравнить нашу электрификацию с нарождающейся английской электрификацией, то мы при самом об'ективном сравнении должны отдать все преимущества нашей электрификации. Очень трудно даже сравнивать схему электроснабжения Москвы со схемой электроснабжения Лондона. У нас мы имеем несколько крупных единиц, работающих на общую сеть высокого напряжения, в Лондоне же несколько сот автономно работающих станций.

Перспективы применения электрической энергии столь велики, что, особенно в условиях нашего хозяйства, нас ограничивают возможные цифры капитальных вложений в электрификацию, но отнюдь не поле применения электрической энергии. Если даже не говорить о состоянии существующего силового оборудования промышленности, а ставить вопрос лишь об организации тех производств, которые требуют непосредственного применения электрической энергии, — то и в этом случае у нас в перспективе чрезвычайно большое потребление электрической энергии. Импортный алюминий, электролитическая медь, азотистые вещества и много других продуктов, — они с удивительной ясностью указывают на то, что более целесообразным оказалось бы затратить деньги на силовые оборудования с тем, чтобы все эти продукты производить в должном количестве в СССР.

Постановка проблемы энергетики в промышленности не исчерпывает всей ее важности в народном хозяйстве. Сельское хозяйство и транспорт требуют решения проблемы энергетики не в меньшей степени, чем промышленность. Наше сельское хозяйство — разрозненное и еще до сей поры носящее на себе следы былых „чересполосиц" — бесспорно самое отсталое на фоне мирового сельского хозяйства. Наличие большого количества плодородных земель и таких, которые при проведении определенных мер, могли бы быть плодородными, при фактическом избытке крестьянской рабочей сылы, требует всестороннего изучения вопросов энергетики в сельском хозяйстве. Основная продукция сельского хозяйства (без учета переработки с.-х продуктов) требует применения машин орудий и энергии. Практика дает установившиеся в мировом сельском хозяйстве формы применямой энергии: механическая энергия, люди, рабочий скот.

Весьма интересно иметь представление о количестве расходуемой энергии на 1 десятину посевной площади и об удельном соотношении механической энергии, людской силы и рабочего скота в СССР и в С.-А.С.Ш.

Расход энергии на 1 десятину (квтч.)

	Люди	Раб. скот	Мех. энерг.	Всего в квтч.
СССР	49	104	36,8	189,8
С.-А. С.Ш.	22,5	81	434	537,5

Приведенные цифры (С.А.С Ш.) указывают порядок величин, измеряющих потребность в механической энергии для нашего сельского хозяйства. Нет сомнения, что из 537,5 квтч. на десятину, имеющих место в С А.С.Ш., на долю применения электрической энергии должна пасть солидная цифра. Во всяком случае орошение и удобрительные туки целиком могут быть отнесены за счет электрической энергии.

При ориентировке на цифры С.-А.С.Ш. мы должны в первую очередь подчеркнуть данные об использовании механической энергии у нас и в С.-А.С.Ш. Если ставить вопрос об интенсификации сельского хозяйства и о переработке сельскохозяйственных продуктов на месте их производства, то, конечно, в первую очередь мы должны выдвинуть общий вопрос о необходимости снабжения землеробов энергией и орудиями обработки. Наш низкий доход от сельского хозяйства на душу крестьянского населения об'ясняется не только отсутствием механической энергии и орудий обработки, но и самими культурами, возделываемыми нашим крестьянством. Наша деревня при большом избытке рабочего времени должна мириться с вынужденным бездельем и не может излечиться от этой тяжелой болезни принятым способом — трудоемкими культурами, ибо для этого нехватает энергии и орудий обработки.

Вот интересные данные ЦСУ по выборочной переписи 3.500 хозяйств в 1922/23 г., из которых явствует, что 1) сельское хозяйство отнимает 27—37% трудового времени и составляет в среднем 74,2% дохода на душу; 2) вынужденное безделье составляет в среднем около 60% трудового времени.

Вполне естественно, что при таком вопиющем бюджете времени, очень трудно иметь большие доходы на душу от сельского хозяйства, нежели это имеет место в СССР. Если учесть ту роль, какую в крестьянском быту играют отхожие промысла и прочие виды дохода не постоянного, а чисто случайного характера, то они в сумме не превышают 25,8% душевого крестьянского дохода. Правда, положение крестьянства до революции создавало широкую практику отхожих промыслов, благодаря чему десятки и сотни тысяч крестьян, прекраснейших мастеровых и кустарей,— должны были искать дополнительных заработков в стороне от сельского хозяйства. Этот комбинат „крестьянина рабочего“ приводит к тому, что плотники, каменщики и другие мастеровые крестьяне принуждены отправляться на строительный сезон в город на работы, а вместо себя пользоваться наемной силой для обработки земли. Такой „комбинат“ нельзя назвать удачным, ибо сельский хозяин, не находящийся на месте своих работ и не принимающий в них должного участия, представляет собою нечто среднее между рабочим и сельским хозяином, что имеет свои последствия. По всей вероятности, будет существовать еще целый ряд поколений трудящихся этого типа, пока мы не придем к чему-нибудь более совершенному,

Итак, при наличии живой крестьянской силы, плодородных земель и гигантского рынка сбыта крестьянской продукции, не только в обработанном, но и в сыром виде, мы имеем безобразнейший бюджет времени нашего сельского хозяина и низкий доход на душу от сельского хозяйства. Такое положение создалось у нас, прежде всего, потому, что нет машины, нет удобрения и нет снабжения энергией В данном случае, рациональное решение вопроса упирается в решение энергетической проблемы в сельском хозяйстве.

Трудно, конечно, предрешить, когда электрический провод окончательно проникнет в деревню, когда он будет питаться от мощной районной сети, но во всяком случае этот провод необходим и без него не мыслима индустриализация сельского хозяйства. Весьма вероятно, что при нашей обширнейшей территории и при нашем нарастающем кризисе в электроснабжении, мы принуждены будем установить тип местных станций, предназначенных не для обработки земли, а для искусственного орошения, переработки продуктов и т. д. Мы, конечно, не перескочим через эпоху тракторизации, ибо в условиях нашей действительности автономные силовые единицы могут иметь самый глубокий смысл. В отношении мелких местных станций приходится серьезно остановиться на мысли о ветряных двигателях и мелких гидроустановках, где есть возможность эксплоатации последних. Практика показала, что тепловые сельские станции пока не могут себя окупать в большинстве случаев. Ветряные двигатели, в значительной части своих деталей могущие быть исполненными кустарным способом,— могут оказаться по средствам группам крестьянских хозяйств. Последние конструкции этих двигателей, работающие одинаково равномерно даже при больших скоростях ветра, доходящих до бури, быть может и есть один из типов аггрегатов для сельской электрификации.

Повышение доходов от сельского хозяйства, без решения проблем сельскохозяйственной энергетики должно быть признано мало вероятным и в данном случае необходимо твердо держаться основного плана — энергию в деревню. Электрический провод, кроме чисто хозяйственных выгод, имеет колоссальное социальное значение, ибо ничто так исчерпывающе не решает вопрос обобществления, как наличие единого провода для целой группы хозяйств. С государственной же точки зрения повышение урожайности оправдает самые большие затраты на это дело, ибо большинство продуктов сельского хозяйства — валютная ценность, а с другой стороны—наши обширные плодородные земли дают столь низкий урожай лишь потому, что засушливы, не имеют глубокой запашки, не удобряются и т. д. и т. д. Опытные поля на Украине показали пример повышения урожайности на сто пудов с десятины, что в круглых цифрах дает сто рублей с десятины. Если же учесть те затраты, которые придется произвести для повышения урожайности, то налицо бесспорно выгодное дело.

Итак, сельское хозяйство СССР, как ничто другое, нуждается в решении энергетической проблемы и значительную часть этой проблемы должен решить электрический провод; этот провод с течением времени будет все более и более тяготеть к мощной районной сети, но пока, очевидно, его питание должно быть осуществлено станциями местного значения, если этот провод не в районе действия мощных центральных станций. Тип простейшей сельской станции — боевая задача, которую должна возможно скорее разрешить наша техника.

С точки зрения накопления мощностей, мы имеем за истекшие годы определенные достижения в области электрификации сельс ого хозяйства. Прежде чем говорить об этих успехах, мы должны оговориться, что до самого последнего времени электрификация сельского хозяйства протекала весьма своеобразно и находилась в общем вне планового воздействия. Тем не менее, самый факт стихийного развития электрификации доказывает нам, что роль последней осознана самыми широкими массами и для ее планового осуществления почва вполне подготовлена. Революция превратила старые помещичьи станции в крестьянские станции, бросив распределительные системы в деревню. Нижеприводимые цифры дают характеристику сельской электрификации за истекшие 10 лет.

Развитие сельской электрификации за 10 лет

Название показателей	Един. измерения	1913 г.	1917 г.	1927 г.	1927 г. в % к 1917 г.	Абсолют. прирост
Количество установок .	—	53	75	858	1.144	783
Установл. мощность . .	квт.	712	1.036	17.500	1.690	16.464
Колич. присоед. дворов .	—	—	—	89.739	—	—
Годовая выработка . .	тыс. квтч.	427	622	10.000	1.600	9.378
Средняя установл. мощность	квт.	13	13,8	20,7	150	6,9
Душев. потребл. с.-х. населения	квтч.	—	—	0,1	—	—
Стоимость	тыс. руб.	240	239	13.000	3.830	12.661
Стоим. установл. квт. . .	руб.	337	339	743	219	404

Транспорт одна из отраслей нашего хозяйства, в которую электрическая энергия проникает чрезвычайно медленно. Наш единственный электрический транспорт — трамвай и небольшой участок Сабунчинской электрической железной дороги (Баку). Мировое развитие электрических железных дорог в последние годы идет довольно быстрым темпом. Мы же в этом отношении отстали. Как это ни странно, но электрическая тяга пробивает себе дорогу в сознании нашего технического мира лишь с большим трудом. Старая „паровозная энергия", питаемая старыми навыками, оказывает бешеное сопротивление электрификации железных дорог. Лишь в настоящее время вопрос об электрификации железных дорог сдвинут с мертвой точки и электрификаторы все настойчивей и настойчивей вовлекают путейское ведомство в рассмотрение проектов электрификации железных дорог. Нужно полагать, что последние работы, освещающие экономику электрификации Курской дороги, в конце концов склонят путейцев к серьезному анализу этого вопроса.

Заканчивая наш обзор, мы намерены выдвинуть несколько положений, по нашему мнению вполне своевременных в нынешней фазе развития нашего хозяйства:

1) Рост промышленной продукции без „количества за счет качества". Лишь при исчерпывающем решении проблемы энергетики, охватывающей всю совокупность связей, существующих между механическими двигателями, орудиями обработки и человеческим трудом, возможен в наших условиях максимальный рост промышленной продукции при одновременном повышении ее качества.

2) При этом мы не можем, поддаваясь консервативным настроениям некоторых кругов, оставлять в стор не новейшие методы производства и транспорта, технологического разделения труда и установления оптимальных форм продукции.

3) Основным видом энергии, применяемым в нашем хозяйстве, должна быть электрическая энергия во всех тех случаях, которые освещены международной практикой.

4) Накопление электрических мощностей в СССР является первоочередной задачей — задачей электровооружения трудящихся как для управления процессами производства, так и для его обобществления.

5) Существующие плановые предположения об электрификации должны быть всегда рассматриваемы как программа минимум, ибо эти предположения всегда сужены директивными указаниями о реально возможных капитальных затратах на электрификацию.

ОТДЕЛ IV

По районам

Вл. Лаврентьев

Азия „инородцев“ и Азия Советских Социалистических Республик

I

Сопоставление основных черт экономического строя азиатской „инородческой“ колонии российского капитализма с экономическим строем советских республик Средней Азии сегодняшнего дня как нельзя более рельефно и выпукло обнаруживает, что социалистический пролетариат сумел привлечь на свою сторону крестьянство средне-азиатских республик и повести его за собой по пути социалистического переустройства, полукапиталистического, полуфеодального консервативного строя Средней Азии.

Туркестанский край, присоединенный в 70-х годах к Российской империи при помощи „непреодолимого обаяния русского оружия“, с одной стороны, представлял благодатную почву для „цивилизаторского“ приложения российских капиталов, а с другой — открывал широкие возможности заселения степных районов русскими переселенцами, создавая, таким образом, новый канал для ослабления перенаселенности центральных районов Евр. России, катастрофически разраставшейся после „великой“ реформы 1861 года.

Степные районы, заселенные кочевыми племенами киргизов и казаков, представляли резко экстенсивный тип хозяйства. Правительство, однако, меньше всего было заинтересовано в том, чтобы создать такие условия, при которых сами кочевники могли бы интенсифицировать свое скотоводческое хозяйство или же осесть на земле.

На ряду с этим, царская администрация края всячески препятствовала туземной колонизации степи, стихийно осуществлявшейся за счет избыточного населения сельскохозяйственных районов Средней Азии. В проекте „всеподданнейшего“ отчета генерала фон-Кауфмана прямо указывается, что „успехи и завоевания этой колонизации в средне-кочевых наших подданных никак не могут быть желательными“ на том основании, что туземная колонизация „непримиримо враждебна европейскому общественному порядку“.[1] Первый генерал-губернатор Туркестана — генерал фон-Кауфман „краеугольным камнем административной программы“ закладывает „устройство русской колонизации“,[2] прежде всего потому, что крепкий хозяйственный мужик-переселенец являлся для русской администрации надежной политической опорой в колонизации края, а на случай восстаний — представлял достаточно надежную вооруженную силу, готовую в любой момент направиться против „непокорного“ казака и киргиза.

Российская колонизация интенсивно насаждается не только в степи, но и во всем крае, при чем особенно усиливается в начале XX века.

---

[1] Проект всеподданнейшего отчета генерала фон-Кауфмана, стр. 38—39.
[2] Там же, стр. 38—39.

Так, если в 1883 г. по Семиречью количество „переселенческих душ“ обоего пола составляло только 16,6 тыс. чел., то уже в 1906 г. число этих „душ“ по Семиречью достигло 68,5 тыс. чел., а по краю 105,9 тыс. чел. К 1916 г. количество осевших в крае переселенцев достигло 144 тыс. чел. обоего пола.[1]

На деле, „европейский общественный порядок“, насаждавшийся царской администрацией и руками русских переселенцев, означал самый беззастенчивый грабеж и экспроприацию кочевого населения. Вот как характеризует сама администрация колонизаторскую деятельность русских переселенцев края: „Результаты... в обширных размерах допущенной экспроприации кочевых запасов, зимовок и выгонов (к этому надо добавить — головных оросительных сооружений. В. Л.) поставили казаков (т.-е. русских переселенцев. В. Л.) на положение привилегированного землевладельческого сословия в крае, живущего... эксплоатацией туземных кочевников“.[2] Эта официальная характеристика, относящаяся к 80-м годам, сохранила всю свою непреложную истинность вплоть до Октябрьской революции. Это подтверждается, например, справкой тов. Рыскулова о том, что „за период 1902—13 гг. киргизское население сократилось приблизительно на 8 – 9%“.[3]

Главная притягательная сила Средней Азии заключалась, однако, не в ее „обрусении“ посредством русского крестьянина-переселенца, а в тех богатейших возможностях, которые приносил край для русского промышленного и торгового капитала.

Непосредственным последствием завоевания Туркестана явилась необычайная экспансия русского торгового капитала на Восток, который в сравнительно короткий срок разрушил феодальные перегородки, замыкавшие Среднюю Азию от остального мира и включил ее в систему общеимперского хозяйства. В этом отношении большой интерес представляют подсчеты, произведенные Губаревичем-Радобыльским по поручению хлопкового комитета при Министерстве земледелия.[4] По словам Губаревича, еще в 50-х годах Европейская Россия получала в 2,5 раза больше средне-азиатских хлопчатобумажных тканей, чем сама ввозила в Среднюю Азию (400 тыс. руб. и 150 тыс. руб. в год), не считая вывоза из Средней Азии в Россию на 170 тыс. руб. бумажной пряжи и хлопка — сырца еще только на 98 тыс. рублей в год.[5]

Завоевание края открывает для русского купца границы между Россией и средне-азиатскими владениями и одновременно закрывает средне-азиатские границы для дешевых английских товаров, шедших ранее через Афганистан. Уже в 70 х годах общая сумма ввоза по одному Ташкенту достигает ежегодной суммы в 11,6 млн. руб. в год против 670 тыс. руб. ежегодного ввоза по всей Средней Азии в 50-х годах. Ввоз хлопчатобумажной ткани увеличивается больше чем в 30 раз и достигает 6 млн. руб., в то время как вывоз из Средней Азии местных

[1] См. „Коммунистическая Мысль, кн. 2, стр. 44—46, П. Галузо, „Переселенческое движение и интерес русского помещика и русского торгового капитала“.

[2] Всеподданнейший отчет, стр. 152.

[3] „Очерки революционного движения Средней Азии“; Рыскулов, „Восстание 1916 г.“, стр. 95.

[4] При дальнейших ссылках на средне-азиатскую довоенную статистику читателю необходимо все время иметь в виду следующую ее характеристику, данную в 1907 г. ревизией графа Палена: „Составляемые на основе статистических данных обзоры областей страдали весьма существенным дефектом — безграмотностью не говоря уже о крайне неудовлетворительном статистическом материале“ (Отчет ревизии, ч. I, стр. 308). К сожалению, республики Средней Азии и сейчас не могут похвастаться блестящей постановкой экономической статистики.

[5] Губаревич-Радобыльский, „Значение Туркестана в торговле России с сопредельными странами Азии“, стр. 6.

хлопчатобумажных тканей остается на прежнем уровне.[1] В этот период Средняя Азия еще, однако, не завоевывается как сырьевой рынок. Несмотря на восьмикратное увеличение вывоза хлопка, широкие возможности сбыта российских товаров представляли основную притягательную силу края для русского капитала.

Полная революция в товарном обороте происходит после постройки Закаспийской железной дороги (1888 г.), которая превращает Среднюю Азию в сырьевой рынок, преимущественно для текстильной промышленности. К концу XIX века вывоз средне-аизатских хлопчатобумажных тканей и пряжи прекращается вовсе, и к началу империалистической войны привоз мануфактуры в Среднюю Азию достигает внушительной цифры 73,5 млн. руб. в год при общем товарном ввозе в 175 млн. руб.[2]

Вывоз хлопка уже значительно превышает ввоз мануфактуры: 73,5 млн. руб. мануфактурного завоза противостоит 138 млн. руб. ежегодного вывоза хлопка.[3]

Круг завершается — Средняя Азия превращается в типичную колониальную страну, являющуюся не столько рынком сбыта для промышленного капитала метрополии, сколько рынком сырья, которое высасывается метрополией в неограниченных размерах и превращается в основной об'ект капиталистической эксплоатации, интересам которой подчиняется все хозяйство края.

Хлопковая торговля — основа капиталистической колонизации Туркестана.

С открытием Закаспийской железной дороги переработка азиатского хлопка на текстильных фабриках Европейской России резко увеличивается, при чем,— особенно после 1906 года, т.-е. после открытия Ташкентской железной дороги,— азиатский хлопок энергично вытесняет американский хлопок, употребляемый текстильной промышленностью.[4]

Годы	Импорт загранични. хлопка (в млн. пудов)	Потребление ср.-азиат. хлопка (в млн. пудов)
1888	6,9	1,1
1892	10,1	3,0
1896	9,3	3,2
1897	9,9	4,7
1901	10,3	6,9
1906	10,0	9,0
1907	10,7	10,8
1913	10,5	12,8

Последовательное вытеснение американского хлопка хлопком азиатским и непрерывно возрастающий, неослабевающий спрос на него со стороны русских текстильных фабрикантов, несмотря на более высокие заготовительные цены на азиатский хлопок по сравнению с американским, находит себе об'яснение в ярко выраженной покровительственной таможенной политике, при помощи которой царское правительство усиливало спрос текстильной промышленности на азиатский хлопок. Так, в 1878 г. на пуд импортного очищенного волокна приходилось 40 коп. пошлины, в 1887 г. 1 руб. взимался по морской и 1 руб. 15 коп. по сухопутной границе, в 1894 году 3 руб. 15 коп. и с 1900 г. уже 4 руб.

[1] Там же, стр. 20—21.

[2] Кроме того, ввоз хлебных грузов в этот же период доходил ежегодно до 25 млн. руб.

[3] Губаревич-Радобыльский. „Экон. очерки хлопководства“, стр. 36.

[4] Демидов, „Экономические очерки хлопководства“, 2 изд., стр. 103.

15 коп. по всем границам.[1] Иначе говоря, за 22 года пошлины на иностранный хлопок увеличились более чем в десять раз.

О том, что без такого увеличения пошлин развитие азиатского хлопководства было бы немыслимо, свидетельствует то обстоятельство, что биржевые цены в Нью-Йорке на пуд очищенного хлопка первого сорта были все время значительно ниже московских цен. В отдельные годы эта разница доходила до отношения 1:2, составляя обычно: 1:1,5,—1:1,8 в пользу Москвы[2].

Какие изменения вызвало развитие хлопковой торговли в экономической структуре и народном хозяйстве Средней Азии?

В 70-х годах аграрные районы Средней Азии являлись типичными районами феодального землевладения, которое энергично разлагалось под напором торгово-ростовщического капитала, но целиком сохраняло присущие феодализму производственные отношения, юридические и бытовые надстройки. Средне-азиатские аграрные районы как завоеванные русскими, так и находившиеся под их протекторатом (Хивинское и Бухарское ханства), в основных, наиболее характерных чертах воспроизводили тип застойных состояний общества, характерных для азиатских деспотий.

Земельные отношения в крае, которые были унаследованы в русских областях от ханского владычества, а в Бухарском и Хивинском ханствах сохранились вплоть до Октябрьской революции, характеризовались следующим образом.

Основная масса культурных земель в крае составлялась из так называемых амляковых земель, которые по законам шариата составляли собственность хана или эмира, но обрабатывались мелкими производителями-крестьянами, обязанными повинностями непосредственной государственной власти. Эти повинности собирались в таких размерах, что по словам Хомутова, „государственный налог, строго говоря, уже переставал быть налогом и получал на практике прямое значение ренты, притом обыкновенно едва выносимой для обязанного ею населения“.[3]

Если крестьянство, расселенное на амляковых землях, „едва выносило“ тяжесть обложения, то положение крестьянина на помещичьих (мильковых) и церковных (вакуфных) и, наконец, на арендуемых землях было ничуть не лучше „государевых“ крестьян.

В силу низкого уровня развития сельскохозяйственной техники, обработка поливных земель требовала такого количества затрат человеческого труда на каждую десятину полива, которое могло „выжать“ из себя только мелкое, „самостоятельное“ крестьянское хозяйство и которое не мог дать ни рабский, ни наемный труд. Поэтому и помещичьи и церковные земли „были фактически в таком же самостоятельном пользовании земледельцев, на них сидящих, в каком амляковые, т.-е. ханские или казенные земли, в пользовании деревень податных; владельческие же привилегии состояли лишь в получении с поселян хераджа (подать) и танапа (аренда).[4]

Энергичное выкачивание земельной ренты как в натуральной, так и особенно в денежной форме, разоряло крестьянское натуральное хо-

[1] См. Демидов, цит. соч., стр. 84.

[2] См. там же, стр. 102. По свидетельству Демидова „пошлина обычно составляла свыше 1/3 и только в годы наивысших цен — в 1909—10 гг. она равнялась 25% рыночной цены хлопка“.

[3] Хомутов, „Проект всеподданнейшего отчета ген. фон. Кауфмана, СПБ, 1885 г. стр. 229—230.

[4] Там же, стр. 328—392.

зяйство и при ограниченности удобных посевных площадей создавало невероятную земельную тесноту и формировало армии пауперов. Уже в первые годы военного захвата, и стало быть еще до „завоевания“ края российским торговым и промышленным капиталом, царская администрация была вынуждена констатироватсь, что 23% населения Ходжентского уезда (типичного для Средней Азии аграрного района) „приходится на безземельный чернорабочий класс“,[1] а по Зеравшанскому округу, „более половины туземного народонаселения приходится на долю безземельных классов и преимущественно чернорабочего“.[2] По тем же данным, относящимся к 1878 году, в Ходжентском уезде на 16,3 тыс. крестьянских дворов приходилось 17,9 тыс. десятин или 1,6 десятины на двор.

Царская администрация открыла широкий простор для развязывания буржуазных отношений в деревне путем концентрации земельной собственности в руках туземных и пришлых капиталистических элементов края, превратив амляковые земли в земли частно-собственнические, кроме того, она закрепила крепостнические, феодальные отношения, утвердив „законные права“ помещиков, байства и мусульманского духовенства на мильки и вакуфы.

Отношения внутри милька и вакуфа, т.-е. отношения между феодалом, баем и мутеваллием („завхозом“ церковного имущества) и крестьянином-арендатором (чайрикером), или же батраком, оставались по-прежнему во всей своей неприкосновенности орудием экспроприации и прибавочного продукта и самого хозяйства мелкого дехканина.

В первый период развития хлопковой торговли российские капиталисты попытались было в широких размерах насаждать хлопковые плантации с машинной обработкой полей и наемной рабочей силой. Однако, капиталистическая форма производства оказалась нежизненной по тем же причинам, по которым в крае отсутствовали крупные помещичьи и церковные хозяйства.

Потерпев неудачу с хлопковыми плантациями, российский капитал быстро перешел к „более простой и совсем нерискованной системе закупки хлопка у туземцев“.[3]

„Простота“ и „отсутствие риска“ в деятельности российского капитала заключались в том, что крупный банковский промышленный капитала, „работавший“ в крае, в основе своей опирался на докапиталистический торгово-ростовщический „капитал“, возникавший на почве разложения натурального экономического строя.

Несмотря на то, что до войны в хлопковом деле банкам принадлежала доминирующая роль[4] и что на ряду с ними работали „солидные“ торговые фирмы, или финансируемые банками, или же связанные с текстильной промышленностью, непосредственная скупка хлопка у мелкого крестьянина в подавляющей части производилась многочисленной армией перекупщиков-комиссионеров.

По свидетельству Понятовского „почти 3/4 всего туркестанского сырца скупается многочисленной армией мелких скупщиков, заинтересованных исключительно в извлечении непосредственной прибыли“.[5]

[1] Там же, стр. 327.

[2] Хомутов, стр. 352.

[3] Федоров, „Хлопководство в Ср. Азии“, СПБ, 1898, стр. 100.

[4] Так как в среднем банки кредитуют от 80% до 90% стоимости товара, то легко сделать подсчет, что в деле торговли хлопком частных капиталов не лежит и одной седьмой части“ (Понятовский, цит. раб та, стр. 289).

[5] Понятовский, цит. работа, стр. 290.

Собственно, невозможно именовать скупкой процесс перехода хлопка—сырца из рук непосредственного производителя в руки скупщика прежде всего потому, что в этом переходе не было никакого намека на передвижение эквивалентных ценностей.

Во-первых, в самом разгаре хлопковой кампании крестьянин, и, в особенности, крестьянин маломощный, становился перед фактом резкого понижения скупщиками цен на хлопок,—сырец, доходившего до 1 руб. на пуде, и терял на продаже хлопка до 25—30% стоимости продукта своего годового труда.

Во-вторых, за единичными немногими исключениями, хлопкороб буквально обвешивался и обсчитывался. Достаточно указать, что на большинстве хлопкоочистительных заводов и скупных пунктах хлопок принимался по весу не на десятичных, а на туземных, ременных весах, с чувствительностью от 2 до 4 фунтов, при чем сплошь и рядом казенные клейменые гири заменялись, правда конфиденциальным, но зато достаточно прибыльным булыжником.

Кроме того, неграмотный крестьянин-хлопкороб, с трудом умеющий считать в пределах сотни, получая обычно на 100—200 рублей серебряных двухгривенных, почти как правило сбивался со счета и не замечал недодачи в несколько рублей.

Полуграбительские, уголовные, даже с точки зрения „цивилизованного" буржуазного общества, приемы торговли тесно переплетались с ростовщическими методами экспроприации прибавочного продукта средне-азиатского крестьянина. Ростовщик и скупщик хлопка — почти всегда одно и то же лицо.

Хлопковое товарное хозяйство, и в особенности парцеллярное хлопковое хозяйство, к моменту весенних полевых работ испытывало острую нужду и в деньгах и в средствах существования. К услугам хлопкороба появлялся скупщик хлопка, который предупредительно одолживал крестьянина и деньгами, и хлебом, и товарами, под внушительные проценты и с обязательством сдачи „благодетелю" всего урожая хлопка по заранее установленным ценам.

О том, во сколько обходилась средне-азиатскому крестьянину расплата за кредиты со своими „благодетелями" видно из подсчетов Финансовой комиссии Государственной думы, согласно которым издержки по кредиту в полтора раза превышали издержки производства хлопка.[1]

Средне азиатское дехканство в целом выплачивало по линии кредита колоссальные проценты ссужавшим их капиталистам. Это видно хотя бы из того, что по заявлению Демидова „около 90% всего хлопка извлекалось из края с помощью ссуд и задатков".[2]

Ни завоевание края помещичьим правительством, ни „непреодолимое шествие" российского капитала не изменило примитивных и варварских приемов производства в сельском хозяйстве. Точно также и экономические отношения внутри средне-азиатской деревни сохраняли в основе своей те же самые характерные черты, которые существовали перед завоеванием края, с тою лишь разницей, что к феодальным отношениям аренды и издольщины прибавился невыносимый гнет ростовщика и хлопкового торговца. В поисках денег, необходимых для платежей, мелкий крестьянин интенсивно увеличивал товарность своего хозяйства.

Крестьянское хозяйство приобщалось к рынку за счет интенсивного увеличения хлопкового клина, который увеличивался в следующем темпе:

Годы	Хлопк. посевы (в тыс. дес.)	Годы	Хлопк. посевы (в тыс. дес.)
1888	68,6	1907	283,6
1892	139,8	1910	324 8
1896	173,3	1913	426,4
1901	260,0	1916	533,6

Сохраняя прежний способ производства, по образному выражению Маркса, дехканин становился „купцом и промышленником, не обладая условиями, при которых он может производить свои продукты, как товар".[3]

Увеличение хлопкового клина нарушало условия нормального воспроизводства мелкого крестьянского хозяйства, потому, что рост хлопковых площадей происходил, главным образом, за счет вытеснения других культур, и, в первую очередь, культур потребительского характера.

По подсчетам Федорова в Андижанском уезде Ферганской области посевы хлопка в 1893 г. занимали 32 тыс. дес. и составляли 16% к общей площади посевов, по Наманганскому уезду 22,5 тыс. дес., или 30%, и по Кокандскому уезду 21 тыс. дес., или 27%. В 1910 году, по данным Демидова, количество орошенных земель под хлопком по Фергане составляло уже 31,1% всех орошенных земель. По переписи 1917 года в Фергане 336 тыс. дес. хлопковых площадей составляли уже 39% к общей площади посевов.

Развитие хлопковых посевов ставило воспроизводство мелкого хозяйства в полную зависимость от рынка[3] и интенсивно диференцировало средне-азиатский кишлак.

Основная характерная особенность средне-азиатского кишлака—это прежде всего крайняя земельная теснота, значительно усилившаяся за период буржуазного колонизаторства края.

Так, по данным переписи 1917 г. количество хозяйств, с участком до 1 десятины, составляло по Фергане 51% всех хозяйств, при чем в их руках было сосредоточено только 9,8% всего земельного фонда; в руках хозяйств от 1 до 3 десятин, составлявших 30% всех хозяйств, было сосредоточено 23,4% земельного фонда, в то время как у 3,5% хозяйств, с наделом свыше 10 десятин было сосредоточено 31,3% всей годной к обработке земли области. Аналогичное состояние землепользования имело место и в других районах края.

По выборочным бюджетным обследованиям, производившимся в предреволюционные годы, с очевидностью выясняется, что главными производителями хлопка являлись бедняцкие и маломощные хозяйства с малыми земельными наделами и без рабочего скота.[4]

[1] Вот эти подсчеты: (см. Н. И. Малаховский, „Матер. для изуч. хлопководства", СПБ., 1912 г.):

Области	Стоим. 1 пуд. хлопка	Стоимость кредита
Ферг. обл. . . .	1 р. 85 к.	2 р. 77 к.
Самарк. обл. . .	1 р. 62 к.	2 р. 43 к.
Ташкент. „ . .	1 р. 82 к.	2 р. 76 к.
Закасп. „ . .	2 р. —	3 р. —

[2] Демидов, цитир. работа, стр. 121.

[3] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 349.

[3] По данным Малаховского, завоз хлебных грузов в Ферганскую область с 1905 по 1910 гг. увеличился в 4 раза—с 4,3 млн. пуд. до 16,4 млн. пуд. Ежегодный пригон баранов в Фергану составлял в предвоенные годы около 1 млн. голов.

[4] Разрозненные довоенные данные находят свое подтверждение в послевоенной статистике Главн. хлопков. комитета. Так, в 1926/27 г. посевщики с хлопковым клином до 1 десятины составили 49% всех посевщиков хлопка по Узбекистану и 35,8% по Туркмении. Посевщики с размером хлопкового клина до 2 дес. по Узбекистану составили 33% и по Туркменистану 43,4%.

Парцеллярный характер большинства хлопковых хозяйств и рабская зависимость их от рынка превращали хлопковое хозяйство в хозяйство крайне неустойчивое. Малейшая заминка на рынке сбыта, малейшее сколько-нибудь значительное колебание хлопковых и хлебных цен превращали вчерашнего „независимого“ крестьянина или в арендатора или в нищего батрака.[1]

Несмотря на то, что развитие хлопкового производства в известной степени сдерживало окончательную пролетаризацию значительной части населения аграрных районов, которое в качестве арендаторов байских и церковных земель колоссальными затратами своего труда на мизерных хлопковых участках поддерживало жалкую иллюзию своей „независимости“, не менее 30% населения хлопковых районов состояло из безземельного батрачества.

Пролетаризовавшийся крестьянин оставался преимущественно в пределах деревни, поставляя дешевые рабочие руки баю и кулаку, так как развитие кустарных промыслов было стеснено конкуренцией российских привозных товаров, а фабрично-заводская промышленность почти отсутствовала.

К началу империалистической войны валовая продукция среднеазиатской промышленности составила только 3,4% общеимперской продукции (2,9 мрд. руб.). Слабо развитая средне-азиатская промышленность целиком была приспособлена для нужд торгового капитала, и в главной части своей занималась переработкой сел.-хоз. сырья, предназначенного для вывоза из пределов края. Так, 75% общей суммы продукции приходилось на хлопкоочистительную промышленность и 13% на пищевую, главным образом, на мукомольную промышленность.

Промышленность, которая способствовала бы развитию производительных сил края, не нужна была российскому капиталу, потому что хлопковая торговля и беспощадная эксплоатация сырьевых ресурсов аграрных районов края приносили баснословные прибыли, хотя бы ценой разорения и экспроприации мелкого производителя.

В предвоенный период со стороны „лучшей части общества“ раздавалось много голосов, обращенных к правительству с „верноподданническими“ требованиями о принятии „надлежащих мер“ для облегчения тяжелой участи „меньшего брата“.

Правительство же никаких мер не принимало, да и не могло принимать, потому что являлось послушным агентом банковского и торгового капитала, прибыли которого зиждились именно на беспощадной эксплоатации дехканства. Наоборот, система администрирования края являлась более или менее точным сколком колонизаторской „системы“ российского капитала.

Устанавливая в „верхах“ „европейские“ порядки, царская администрация в полной неприкосновенности оставляла „азиатские“ порядки в деревне. Здесь она опиралась на „выборных“ правителей, вербовавшихся из среды капиталистических и байских элементов кишлака, к тому же еще во времена ханского владычества составлявших основные кадры администрации и сохранивших все навыки и варварские приемы управления.

И русскому помещичьему правительству, и пришедшему вслед за правительственными войсками русскому торговому и банковскому капиталу, незачем было ломать и реорганизовывать установившиеся веками производственные отношения полунатурального феодального производства, коль скоро феодальные методы администрирования, с одной стороны, и торгово-ростовщические отношения, господствовавшие в сфере обращения — с другой, представляли собой уже готовые, веками сложившиеся и наиболее удобные формы экспроприации крестьянского прибавочного продукта и по линии государственного фиска и по руслу торговых прибылей. Для того чтобы сбросить путы буржуазной колонизации, чтобы подняться против бая, туземного торговца и ростовщика, средне-азиатскому дехканству требовался толчок извне, который прежде всего, по гениальному предвидению Маркса, заключался в „уничтожении капиталистической системы в тех странах, где она получила свое начало.“[1]

Этот толчок совершила Октябрьская революция в России.

II

Генеральные линии экономической политики пролетариата, осуществлявшейся на протяжении последних лет в советских республиках Средней Азии сводились к тому, что, во-первых, пролетариат уничтожил в сфере обращения крупный банковский и торгово-промышленный капитал. Через укрепление и развитие рыночных связей дехканского хозяйства с социалистической, преимущественно хлопкоперерабатывающей, промышленностью, а также путем непосредственной государственной поддержки он помог трудовому крестьянству Средней Азии сделать крупнейшие шаги по пути восстановления разрушенного войной и басмачеством хозяйства. Во-вторых, рабочий класс организовал батрачество и беднейшее крестьянство вокруг земельной реформы, и тем самым выбил из под ног полукрепостнических, полукапиталистических элементов деревни главную экономическую и политическую основу их роста и укрепления и раскрыл дорогу для некапиталистического развития среднеазиатских крестьянских хозяйств.

Наконец, советские социалистические республики в последние годы вплотную приступили к проблеме индустриализации края и консолидации пролетарского ядра из рабочих коренных национальностей.

В итоге экономическая структура края претерпела крупнейшие изменения, и к десятилетию Октябрьской революции внутри кишлака создались и окрепли такие социально-экономические силы, которые являются исходными пунктами для социалистического преобразования средне-азиатской деревни.

Общая картина восстановления народного хозяйства края, выходящего из состояния глубочайшего развала, как нельзя более рельефно характеризуется следующими показателями, составленными на основании контрольных цифр Средазгосплана.[2]

---

[1] „Одностороннее развитие хлопководства,—писал в 1910 г. Понятовский, заставляет опасаться за судьбу нескольких миллионов душ населения при первой же неудаче с хлопчатником, или всегда возможной аварии хлопкового рынка“ (Понятовский, цит. раб., стр. 350). И действительно, „авария хлопкового рынка“, происшедшая в конце 1917 г. в результате разрыва экономических связей между Ср. Азией и центральной Россией, в результате начавшейся гражданской войны, привела к резкому сокращению посевных площадей хлопка (с 339 тыс. дес. в 1917 г. до 80 тыс. дес. в 1918 г. по Туркестанскому краю) и деворганизовала крестьянские хозяйства“ (Демидов, цит. работа, стр. 223).

[1] Карл Маркс, Письмо Николаю О-ну от 24 февр. 1883 г. Письма, изд. „Московский Рабочий“, стр. 306.

[2] В дальнейшем изложении цифровые показатели, без особых ссылок на их источники, приводятся на основании контрольных цифр.

	1924/25	1926/27	% роста
Посевные площади в тыс. га	2.479,1	2.902,1	+17,06
В том числе поливные	682,2	756,8	+10.93
Количество скота в тыс. шт.	12.365,4	16.138,2	+30,51
Валовая продукция сельского хозяйства в млн. дов руб.	243,0	322,4	+32,67
Валовая продукция пром. В том числе куст. пром. в млн. дов. руб.	125 3	207,7	+65,76
Приходный бюджет в млн. черв. руб.	56,3	92,0	+63,91
Расходный бюджет в млн. черв. руб.	66.9	144,8	+116.44
Капит. вложения в обобщ. хоз. в млн. черв. руб.	52,91	86,1	+62,75

Но особенно характерно развитие в крае хлопководства, которое является лучшим показателем жизненности восстановительных процессов, переживаемых средне-азиатским хозяйством.

Так, если в 1922 году наибольшего хозяйственного упадка хлопковая площадь Туркестанского края составляла 51,4 тыс. дес., то к моменту национального размежевания в 1924 г. она увеличилась уже до 283,6 тыс. дес. Дальнейшая эволюция хлопкового клина по контрольным цифрам Средазгосплана представляется в следующем виде: 1924/25 г.—522,2 тыс. га, 1925/26 г.—573,1 тыс. га, 1926/27 г.—686,1. Товарный сбор хлопка—сырца и товарный выход хлопкового волокна увеличиваются.

Восстановительные процессы в сельском хозяйстве Средней Азии еще не закончены. Разрушения, нанесенные сельскому хозяйству, и особенно ирригации, гражданской войной и басмачеством, были настолько велики, что только к концу предстоящего пятилетия посевные площади края перешагнут свои довоенные размеры. Но зато к концу предстоящего пятилетия, по расчетам Союзного Госплана, выхода хлопкового волокна должны увеличиться до 19,7 млн. пуд., и таким образом примерно на 30% превысят довоенные выхода как за счет увеличения площади поливных земель, так и путем увеличения урожайности хлопка—сырца на каждой десятине полива.

Основной причиной, послужившей мощным толчком к восстановлению крестьянского хозяйства, и в особенности хлопководства, явилось установление правильных рыночных взаимоотношений между социалистической промышленностью и крестьянским хозяйством Средней Азии.

Прежде всего советское государство последовательно осуществляло политику наиболее полного удовлетворения потребностей средне-азиатского крестьянства в промышленных товарах и привозном хлебе, который является необходимым условием восстановления интенсивного хлопкового хозяйства.

Параллельно с восстановлением хлопкового хозяйства возрастает и завоз хлеба в пределы Средней Азии. Так, если в 1922/23 году хлебных грузов было завезено на сумму, примерно, 2,7 млн. черв. руб., то в 1925/26 г. эта цифра увеличивается до 22,5 млн. руб. а в 1926/27 г. до 38,3 млн. черв. руб., превышая, таким образом, довоенные размеры завоза.

Однако, несмотря на сильное увеличение хлебного завоза, дехканин средне-азиатских республик на основании сурового опыта голодных лет не имеет твердой уверенности в том, что он полностью гарантирован от перебоев в снабжении хлебом и поэтому не может спокойно расширять хлопковый клин за счет вытеснения пшеницы с поливных земель.

[1] До 1925/26 г. включительно.

Постройка Туркестано-Сибирской магистрали, начатая в 1926/27 г., в течение ближайших лет должна будет полностью ликвидировать эту неуверенность и связать средне-азиатские республики с обильными запасами сибирского хлеба и с плодородными районами Семиречья, которым еще предстоит превратиться в новые житницы зерновых хлебов.

На ряду с ростом хлебного завоза увеличился и завоз промышленных товаров. Так, с 1922/23 г. по 1925/26 г. завоз промтоваров увеличился с 18,0 млн. руб. до 169,8 млн. руб. и к 1926/27 г. достиг 173 млн. черв. рублей, составив, примерно, 60% довоенного завоза.

Монополия советского государства по линии завоза не разрешала, однако, до конца проблемы снабжения хлебом и товарами потребителя-крестьянина по приемлемым для него ценам.

Еще до последних двух—трех лет снабжение дехканина промтоварами и хлебом целиком находилось в руках частного торговца. По имеющимся расчетам, участие частника в оборотах базарной кишлачной торговли еще в 1924/25 г. определялось цифрой в 90—95% ко всем базарным оборотам. Несколько лучше дело обстояло в городах. Азиатский торговец, необычайно подвижный и гибкий, быстро перемещающий свой капитал из одной отрасли торговли в другую, в зависимости от рыночной конъюнктуры, безраздельно господствовал в кишлаке и, пользуясь общим недостатком товаров, интенсивно накоплял за счет высоких цен и на промтовары и на хлеб.

К десятилетию Октября можно констатировать стабилизацию цен на хлебопродукты в решающих хлопковых районах края, которая произошла в результате широко организованной реализации хлеба через органы хлопковых товариществ и потребительской кооперации.

Начиная с осени 1926 г., каждый производитель хлопка приобретал значительную часть необходимого ему хлеба по твердой и независимой от рыночной конъюнктуры цене в 1 р. 50 к. за пуд. Закрепление этой цены соответствует ценностной разнице между пудом хлопка и пудом пшеницы при существующих ценах на хлопок (4 р. 60 к.), создает, таким образом, условия эквивалентного возмещения трудовых затрат производителя хлопка и является одним из убедительных доказательств преимуществ пролетарского хозяйствования перед хищнической капиталистической торговлей.

На рынке промышленных товаров за последние полтора года происходила ожесточенная борьба за стабилизацию розничных цен как в городе, так, особенно, и в деревне. Увеличение товарного завоза и своевременная мобилизация товарных резервов в районах интенсивного крестьянского спроса на полках государственной и кооперативной товаро-распыляющей сети, на ряду с расширением этой сети, дали возможность не только оградить товарные цены от сколько-нибудь резких колебаний, но и довести до деревни снижение розничных цен.

Последовательное укрепление позиций государственной и кооперативной торговли лучше всего характеризуется тем фактом, что если в 1924/25 г. доля государственных торговых организаций во всем посредническом торговом обороте составляла только 39,9%, а кооперации — только 8,5%, то в 1926/27 г. доля государственной торговли увеличивается до 46,4% и доля кооперации — до 15%. Вытеснение частника происходит не только за счет оптовой торговли, где его позиции в 1926/27 году составляли только 27,7% оптово-розничных оборотов, но и за счет розницы, в которой доля кооперации и госторговли за один только год возрасла с 39,1% до 44,6%.

Как видно из этих цифр, борьба с частником далеко еще не закончена, но все же достигнутые результаты дают все основания предполагать, что еще к концу первой половины второго десятилетия Октября частный торговец, по крайней мере, в решающих аграрных районах края, потеряет всякое самостоятельное значение и, в лучшем для него случае, снизойдет до роли послушного комиссионера государственной торговли.

Организация государственного и кооперативного снабжения среднеазиатского крестьянства только на половину разрешала проблему такой организации рынка, на основе которой мелкий товаропроизводитель — дехкан мог восстанавливать свое хозяйство. Социалистическому пролетариату предстояло помочь крестьянину организовать сбыт своей продукции и организовать таким образом, чтобы из средства закабаления дехканина торговому капиталисту и ростовщику система сбыта превратилась в один из рычагов восстановления и развития дехканского хозяйства.

Социалистическая союзная промышленность, являющаяся основным потребителем средне-азиатского с.-х. сырья эту задачу в основном и, особенно, по линии хлопковой торговли, разрешила.

Хлопковая торговля из главного орудия беспощадной эксплоатации и экономического угнетения мелкого дехканина-хлопкороба превратилась в один из основных рычагов восстановления и развития крестьянского хозяйства.

Организованный в начале новой экономической политики Главный хлопковый комитет, скупая у дехкан хлопок по твердо установленным на каждый год ценам и широко привлекая крестьянство для контроля над сотрудниками скупных пунктов, принимающих у производителей хлопок, подошел к мелкому производителю хлопка не только как „добросовестный купец“, ликвидировавший первобытные и грабительские приемы азиатской торговли.

Революция, произведенная в области хлопковой торговли, переросла рамки „буржуазно-демократической“ революции, уничтожившей в сфере обращения докапиталистические, феодальные пережитки, и изменила самое существо сферы обращения, превратив ее по линии хлопковых заготовок в один из элементов обобществления дехканского хозяйства, заложив основы сбытовой хлопководческой кооперации.

Для того чтобы действительно организовать широкие массы средне-азиатского крестьянства вокруг всевозможных видов сельскохозяйственной кооперации, чтобы выработать из рядового дехканина активного и, главное, как говорил Ленин, цивилизованного кооператора, рабочему классу еще предстоит преодолеть такие трудности, которых нет в европейских республиках Советского Союза.

Прежде всего, широкие массы дехканства до Октябрьской революции не имели никакого понятия о кооперации.

Единственным посредником между непосредственным производителем и рынком выступал частный торговец.

Поэтому даже тех ничтожных кадров активных кооператоров, которые в европейской деревне уже сформировались в довоенные годы, и какого-либо опыта кооперативного строительства на селе не было в средне-азиатском кишлаке.

С другой стороны, серьезнейшими препятствиями для кооперирования сел.-хоз. населения являлся нищенский уровень существования подавляющего большинства парцеллярных дехканских хозяйств, их экономическая зависимость от байских элементов деревни, идеологическая гегемония мусульманского духовенства и, наконец, полная неграмотность подавляющего большинства населения.

И все же, несмотря на необычайные трудности кооперативного строительства, несмотря на то, что целый ряд крестьянских кооперативов носит формальный „бумажный“ характер, результаты кооперирования дехканского населения вокруг сбыта своей продукции и вокруг ее производства являются серьезным этапом по пути к ликвидации феодальных полукрепостнических отношений в деревне и ассоциирования раздробленных крестьянских хозяйств.

Наиболее крупные результаты кооперирования населения намечаются по линии хлопковых заготовок.

Так, по Узбекистану в сезон 1927/28 г. из 484 хлопковых кооперативов 124 кооператива будут выполнять в полном об'еме функции скупочных пунктов и самостоятельно производить расчеты за хлопок со своими членами.[1] По Туркменистану в этом году только впервые делаются опыты по передаче хлопковой кооперации контрагентской работы.

На ряду с ростом хлопковой кооперации с каждым годом возрастает роль кооперации как заготовителя других видов сельскохозяйственного сырья.

Так, участие кооперации в заготовках каракуля с 1925/26 по 1926/27 гг. возросло с 17,7% до 39,1% общего количества заготовленных шкурок (1,1 млн. шт.), в заготовках шерсти с 6,7% до 16,6%, мелкого кожсырья с 5,4% до 15,3%, а сухофруктов с 40 до 49% из общего количества в 2.108,4 тыс. пудов.

Государственное кредитование непосредственного товаропроизводителя денежными средствами, хлебом, семенами и удобрениями[2] не только освобождает мелкого дехканина от пут деревенского кулака и ростовщика, но является материальной основой для кооперирования дехканских хозяйств, коль скоро это кредитование осуществляется через кооперацию.

По Узбекистану хлопковая кооперация начинает, правда, в небольших пока размерах, брать в свои руки кредитование непосредственных производителей, т.-е. целиком принимать на себя организацию крестьянского сбыта.

Так, по договору Хлопкома с союзом „Пахта“ законтрактовано через кооперацию 15,8 тыс. дес. посевов, или 2,8% к законтрактованной хлопковой площади по Узбекистану (561,2 тыс. дес.).

Финансирование по линии Хлопкома, ограничивающееся краткосрочным кредитованием преимущественно для воспроизводства рабочей силы хлопковых хозяйств на время полевых работ, дополняется долгосрочным и краткосрочным кредитованием и на другие производственные нужды сельского хозяйства по системе сел.-хоз. кредита.

Через каналы сельскохозяйственной кредитной кооперации 420 тыс. чел. крестьян, организованные к октябрю 1926 года в 954 товарищества, получают 15,4 млн. руб. ссуд, в том числе 2,1 млн. руб. ссуд долгосрочных. Общая задолженность сельскохозяйственным банкам по целевым ссудам увеличивается к августу 1927 г. до 27,9 млн. руб. На теперешней стадии развития и хлопковая сельскохозяйственная коопе-

---

[1] Данные о хлопководстве за 1926—28 гг. заимствуются из отчета УполГХК в Средней Азии Средазэкономсовету.

[2] Так, в сезон 1927/28 г. Хлопковым комитетом было выдано по ТССР и УзбССР на 47,6 млн. руб. авансов, превысивших прошлогоднюю выдачу на 43,4%, при чем 8,5 млн. руб. было выдано семенами, удобрениями и хлебом.

рация не вторгается, однако, непосредственно в самый способ производства дехканского хозяйства, оказывая на него лишь косвенное воздействие.

Главным рычагом обобществления мелкого крестьянского хозяйства является ирригация — основной элемент сельскохозяйственного производства аграрных районов края.

Вплоть до проведения земельной реформы ирригация являлась в руках байства и феодальных элементов кишлака орудием закабаления и эксплоатации трудового крестьянства.

Советские республики Средней Азии осуществляют национализацию воды и передают в руки государственных органов управление водными системами Средней Азии и их эксплоатацию, принимая одновременно на себя заботу об орошении новых земель. Кроме того, ирригационная политика пролетарского государства становится в его руках одним из мощных рычагов для поднятия доходности хозяйств в наиболее необеспеченных районах. Рационализация существующих водных систем в районах с колоссальными „египетскими" затратами крестьянского труда на поддержание в порядке существующей водной сети — особенно по Туркменистану — должна уменьшить эти затраты, направить их на непосредственную эксплоатацию посевных площадей и тем самым увеличить экономические ресурсы крестьянского хозяйства. Затраты на ирригацию по Средней Азии с 1924/25 по 1926/27 гг. увеличиваются с 10,7 млн. руб. до 28,5 млн. руб., а орошаемая площадь возрастает с 2,4 млн. *га* 1924/25 г. до 2,9 млн. *га* в 1926/27 г. Расширение поливных площадей в этот период происходит, главным образом, за счет восстановления разрушенных и заброшенных во время гражданской войны магистральных линий и только отчасти за счет нового строительства. В ближайшее пятилетие расширение поливных площадей будет достигаться уже преимущественно за счет нового строительства.

Помогая дехканству средне-азиатских республик восстанавливать и увеличивать орошение своих полей, пролетарское государство одновременно организует крестьянство вокруг ирригации и привлекает его к эксплоатации водных систем, организуя мелиоративную кооперацию. Несмотря на то что мелиоративная кооперация существует всего несколько лет, из общего количества 484 мелиоративных товариществ, зарегистрированных на 1 сентября 1927 г.,[1] 195 производили всевозможные работы и изыскания, которые коснулись 142 тыс. хозяйств, об'единяемых этой кооперацией. Правда, значительная часть мельтовариществ, привлеченных к изысканию и работам, не производила этих работ самостоятельно и целиком передоверяла их водохозяйственным комитетам, ограничиваясь пассивным сбором средств. И все же кооперация мобилизовала из собственных средств населения на 600 тыс. руб. деньгами и на 1.966 тыс. руб. трудом, при одновременной финансовой поддержке со стороны сельскохозяйственного и кооперативного банков в размере 3.980 тыс. руб. долгосрочных кредитов. На эти средства было орошено 31 тыс. *га* новых земель и мелиорировано 49,2 тыс. *га* запущенных, засоленных и непригодных для обработки земель на существовавшей оросительной сети.

Относительно быстрый рост крестьянской кооперации за последние два — три года об'ясняется в значительной мере тем, что полукрепостническим, полукапиталистическим отношениям, господствовавшим внутри средне-азиатского кишлака и являвшимся главным тормозом для кооперирования деревни, был нанесен сокрушительный удар земельно-водной

[1] По материалам Мельбюро Средазводхоза.

реформой. Земельная реформа, проведенная в главных аграрных районах Туркменистана и УзбССР в 1924/25 г., а в Киргизии осенью 1927г., прорыла глубокую борозду между деревенским паупером и кулацкими слоями деревни, сплотила вокруг земли батрацкие и маломощные слои дехканства и организовала его против кулака и торговца-ростовщика.

Сущность земельно-водной реформы сводилась к тому, чтобы ликвидировать хозяйства помещичьего типа, у которых находилось свыше 40 или 50 десятин земли, точно так же, как и нетрудовые хозяйства торговцев и других нетрудовых элементов, проживающих в городе, и, кроме того, ликвидировать земельные излишки у хозяйств с наделами свыше 10 десятин (по Ферганской области свыше 7 десятин) и передать высвободившиеся земли в руки мелких арендаторов этих земель и безземельных батраков. Вместе с тем, пролетарское государство мобилизовало максимально возможное количество земель за счет госфондов, земли нового орошения и т. п. для передачи их безземельному крестьянству. Всего по Узбекистану было устроено в результате земельной реформы 74,5 тыс. хозяйств и 387 артелей на 184 тыс. дес. земли. По Туркменистану в Полторацком округе было отчуждено земельных и водных наделов у 3.590 хозяйств, при чем общий фонд наделения составили 19,6 тыс. дес., на которых было устроено 10 тысяч безземельных и малоземельных хозяйств. В Мервском округе Туркменистана были отчуждены земли, принадлежащие 467 хозяйствам, и из'яты земельные излишки у 3,5 тыс. хозяйств. В результате земельной реформы в Мервском округе осталось только 268 безземельных хозяйств и то только потому, что они не пожелали переселиться на новое местожительство.

Земельная реформа внесла значительные изменения в социальную структуру средне-азиатского кишлака. По имеющимся подсчетам[1] количество безземельных, составлявших по Ферганской области до земельной реформы 9,5 тыс. хоз., уменьшилось до 550 хозяйств, или 0,2% к общему числу хозяйств, по Ташкентской области число безземельных сократилось с 8,1 тыс. хоз. до 355 хоз., или 0,5% всех хозяйств, и по Самаркандской области с 3,3 тыс. до 136 хозяйств. Количество же хозяйств с наделом свыше 7 десятин земли по Ферганской области сократилось в результате земельной реформы с 8,2 хоз. тыс. до 890 хоз. по Ташкентской области с количеством свыше 10 десятин с 3,2 тыс. хоз. до 2,2 тыс. хоз. и по Самаркандской области с 18 до 17 тыс. хоз. В результате земельной реформы средне-азиатский кишлак значительно „осереднячился".

Земельная теснота не могла быть, однако, ликвидирована земреформой. Если считать малоземельными все группы хозяйств, имеющие до трех десятин, то число безземельных и малоземельных хозяйств после земельной реформы составит по Ферганской области 86,9%, по Ташкентской области — 53,7% и по Самаркандской — 51,8%. Смягчение земельной тесноты на протяжении ближайшего десятилетия должно будет пойти за счет увеличения орошаемых площадей путем нового ирригационного строительства и при государственной помощи кредитами маломощному крестьянству, осваивающему новые площади. И все же, земельная реформа развязала производительные силы мелкого крестьянского хозяйства и дала серьезный толчок к увеличению сельской продукции.

Во-первых, земельные участки, находясь в собственности крупного землевладельца, полностью не обрабатывались. По данным тов. Б. Б. Карп, из общей площади пашен, принадлежавших в 1925 г. байским эксплоа-

[1] По материалам тт. Карп и Корсака.

таторским хозяйствам, обрабатывалось только 34,1% всей пашни, тогда как процент засеваемой земли у хозяйств трудовых малоземельных и средне-обеспеченных землей достигал от 60% до 100% пользуемых ими пахотных земель. Передача земельных излишков в руки маломощного дехканства и батрачества в течение ближайших лет приведет к полному использованию наличных освоенных площадей.

Во-вторых, аренда, достигавшая по трем областям Узбекистана от 3,5 до 4,5 млн. руб. ежегодно, которая тратилась капиталистическими и помещичьими элементами деревни или на личное потребление или вкладывалась в торговлю, после земельной реформы целиком перешла в распоряжение непосредственных производителей, освобожденных от арендных платежей. Кроме того, по мере использования площадей пахотной земли из'ятой у баев, в трудовых дехканских хозяйствах будет оставаться 10 млн. руб. чистого дохода, шедшего раньше в руки бая и кулака.

В-третьих, беднейшие хозяйства сумели непосредственно приступить к освоению и обработке полученных по земреформе земель в результате материальной поддержки—и средствами производства, и деньгами, оказанной пролетарским государством.[1]

На ряду с ликвидацией пережитков феодализма и крепостничества в сельском хозяйстве и привлечением трудового крестьянства союзником рабочего класса через укрепление рыночных связей между крестьянством и социалистической промышленностью, социалистический пролетариат восстанавливает средне-азиатскую промышленность. С 1924/25 г. продукция промышленности увеличивается с 174,5 млн. руб. до 294,5 млн. руб., при чем продукция промышленности по переработке сельскохозяйственного сырья увеличивается за этот же срок с 126,3 млн. черв. руб. до 208,8 млн. черв. руб.

Унаследованная от капиталистических времен промышленность Средней Азии ни в какой мере не отвечала по своей структуре потребностям средне-азиатских республик в деле развития производительных сил края. Одновременно с восстановлением существующей промышленности, в Средней Азии начинает осуществляться процесс реконструкции фабрично-заводской промышленности, приспособления ее не только к переработке сельскохозяйственного сырья, но и к удовлетворению таких потребностей Средней Азии, которые легко могли быть удовлетворены за счет рациональной эксплоатации местных ресурсов топлива и сырья. Широкое развитие шелкомотальной промышленности, увеличившей за один только год свою продукцию с 1,0 до 1,6 млн. руб., и постройка двух текстильных фабрик,—являются первыми наиболее крупными шагами в этом направлении. За последний год капитальные вложения на промышленность достигают 19,4 млн. руб. против 14,5 млн. руб. вложений прошлых лет и капитальные вложения на электрификацию до 2,2 млн. руб. против 4,7 млн. руб.

Средняя Азия постепенно подтягивается к общепромышленному уровню Советского Союза. Это особенно отчетливо характеризуется увеличением удельного веса Узбекской и Туркменской промышленности в продукции союзной промышленности, который к концу предстоящего пятилетия увеличится, примерно, до 4,2%, против 2,5% на 1926/27 год.

Развивая промышленность в средне-азиатских республиках, социалистический пролетариат, одновременно с развитием производительных

[1] На проведение земреформы только по Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям УзбССР было израсходовано 10 млн. руб., при чем 5,1 млн. руб. из них в порядке безвозвратных ассигнований.

сил края, помогает формированию новых кадров промышленного пролетариата коренных национальностей, которые должны будут сыграть—и уже играют—крупнейшую революционную роль в деле социалистического переустройства всего экономического строя Средней Азии. Количество рабочих, занятых в промышленности, с 1923/24 по 1926/27 гг. увеличивается с 65,3 до 80,4 тыс. человек.

Итоги экономического развития средне-азиатских республик к концу первого десятилетия Октября показали что советские республики национальных окраин Советского Союза при тесной поддержке социалистического пролетариата твердо стали на путь самостоятельного развития производительных сил не только в сфере сельскохозяйственного, но и индустриального производства.

Восстановление сельского хозяйства при одновременной индустриализации края за счет ресурсов, мобилизуемых не только в пределах средне-азиатских республик, но и привлекаемых из Европейской части Советского Союза, и те результаты развязывания свободного развития производительных сил края, которые имеются на лицо, лучше всего доказывают отсутствие и тени какого-либо колонизаторства и определяют систему экономических отношений между республиками Средней Азии Советским Союзом, как систему братского сотрудничества, основанную на рациональном разделении труда.

Один из основных уроков Октябрьской революции заключается в том, что рабочий класс доказал возможность построения социалистических отношений при непосредственной поддержке многомиллионного крестьянства, составляющего подавляющее большинство населения страны. Социалистический пролетариат на деле показал, что при наличии правильных взаимоотношений между пролетариатом и крестьянством последнее избавляется „от необходимости пройти через муки капиталистического режима“ (Карл Маркс), для того, чтобы преодолеть свою мелкособственническую, товарную природу и перейти к обобществленному производству на высоко развитой технической основе.

Это обстоятельство усиливает свое совершенно исключительное значение, поскольку подтверждается опытом социалистического строительства в советских республиках, расположенных на территории азиатских окраин бывшей Российской империи, т.-е. быв. колоний и полуколоний российского капитализма.

В Средней Азии в период гражданской войны не было осознанных крестьянством непосредственных политических интересов, связывавших широкие массы крестьянства с тонкой прослойкой социалистического пролетариата. Наоборот, национальное предубеждение и недоверие крестьянских масс Средней Азии к русскому пролетарию, принадлежащему к нации недавних угнетателей и эксплоататоров, явилось препятствием, которое невероятно осложняло в первый период существования пролетарской диктатуры в Средней Азии привлечение крестьянских трудовых масс союзником рабочего класса.

Основная трудность установления правильных взаимоотношений пролетариата с средне-азиатским трудовым крестьянством заключалась в том, что рабочему классу нужно было разрешить национальный вопрос и, продуманной системой экономических мероприятий, на деле показать широким массам трудового дехканства глубочайшую разницу между русским капиталистом и российским пролетарием, экономическим и и политическим союзником трудового дехканина и его помощником в борьбе с капиталистическими и феодальными элементами края.

Экономическое воздействие социалистического пролетариата на крестьянское хозяйство Средней Азии к концу первого десятилетия привело к раскрепощению мелкого товаропроизводителя от феодальных, крепостнических пут, сковывавших его развитие, и освободило его от невыносимого гнета торгово-ростовщического капитала.

Укрепление рыночных экономических связей между социалистической промышленностью и сельским хозяйством средне-азиатских республик, начавшееся кооперирование крестьянских хозяйств в результате воздействия этих связей и, наконец, интенсивная индустриализация края,— привели к тому, что советские социалистические республики Средней Азии вступают во второе десятилетие пролетарской диктатуры с наличием всех необходимых предпосылок для социалистического преобразования экономического строя бывшей колонии российского империализма.

А. А. Алексеев и Г. Н. Гурари

„Замиренный“ Кавказ

(Сословные, классовые и национальные противоречия в огне гражданской войны и современное сотрудничество народов на Сев. Кавказе)

Не было другой местности в старой царской России, где был бы столь сложным запутанный клубок сословных, классовых и национальных противоречий как на территории, составляющей ныне Северо-Кавказский край РСФСР. Казаки с „иногородними“, горцы с казаками, рядовые казаки с казачьим офицерством-дворянством, горцы между собою — у всех были различные интересы, сталкивавшие их друг с другом.

Исконное население большей части современного Северо Кавказского края составляли различные горские национальности, говорившие каждая на своем языке, распадавшиеся в свою очередь на целый ряд наречий. Наиболее значительную группу среди этих национальностей составляли кабардинцы и адыгейцы или черкесы, населявшие оба склона западного Кавказа вплоть до устьев р. Кубани. На восток от них жили чеченцы и родственные им ингуши. Рядом с последними, по северному склону Кавказского хребта и притокам р. Терека, жили осетины или, как они сами себя называют, ироны. Тюркские народности также имели (и имеют) своих представителей в сложном клубке кавказских народов в лице карачаевцев, балкарцев, кумыков, ногайцев, туркменов (трухменов), небольшого количества турок.

Основным занятием всех этих народностей, кочевавших на необ'ятных пространствах плоскостного Кавказа, было скотоводство. В отличие от кабардинцев, общественный строй которых уже в XVIII веке отличался значительной сложностью и знал разделения на сословия, чеченцы не имели ни аристократии, ни рабства и называли себя „узденями“, т.-е. вольными.

Кабардинцы, равно как и находившиеся под их влиянием соседние с ними племена (абхазинцы, карачаевцы, балкарцы и отчасти осетины и ногайцы), разделялись на следующие пять главных сословий: правящее, „благородное“, свободное, зависимое и рабов. Правящее сословие — пше или пши у кабардинцев, аха или маршани у абхазинцев, бии или аксюеки (точный перевод „белая кость“) у карачаевцев, таубии у балкарцев, бадилят, саргасат, гагуат и алдары (точный перевод „господин“) у осетин, мурзы и султаны у ногайцев,— обладало всей полнотой власти над подвластными им племенами на правах владетельных князей, распоряжавшихся землями своих подданных, собиравших подати, чинивших суд и расправу и т. п. Следующее сословие „благородных“ тлокотлеш, деженуго, беяслан-ворк, ворк-шаутлухуса у кабардинцев, тлокотлеш, агмиста-ду и агмиста у абазинцев, уллу-уздени у карачаевцев, кайбаши и асланбеке у ногайцев,— являлось служилым сословием, находившимся в вассальной зависимости от правящего сословия и в свою очередь господствовавшим над нижестоящими свободным и зависимым сословиями и имевшим рабов. Свободное сословие — тльфекуатль, уздени-пшехао и азеты (перевод

„вольноотпущенники“) у кабардинцев, каракиши у балкарцев, адамихат или вез-дон и фарсалаги у осетин, азет у ногайцев,— пользуясь личною свободою, находилось в ленной зависимости от вышестоящих сословий, несло военную службу и целый ряд других повинностей. Зависимое сословие — огги, беяслан-пшитль, логанапуты и др. у кабардинцев, чагары у балкарцев, кумияки или тума и кавдасары у осетин,— представляли в большей или меньшей степени закрепощенные поселяне, ограниченные в своих личных и имущественных правах. Наконец, последнее сословие— рабы (унауты у кабардинцев, казахи у балкарцев, кассаки и кусаки или гурзияки у осетин, кулы у ногайцев) пополнялось за счет военнопленных.

Еще в XVI веке Кавказ привлекал внимание московских царей, как дорога в Персию и Среднюю Азию, с которыми Московское государство старалось завязать торговые сношения, главным образом, в области закупок шелка, составлявшего в то время главный предмет азиатской торговли. На ряду с московскими царями, стремившимися овладеть Кавказом из торговых соображений, шла тяга на Кавказ и русских поселенцев, главным образом, казаков с Дона и Волги, убегавших от притеснений московских царей.

Казаками или козаками (слово татарского происхождения, обозначающее „вольный человек“) с XVI века стали называться „вольные“ или „гулящие“ люди, заселявшие окраины Литовского и Московского государств, спасаясь от различных тягот, податей и личных притеснений. Происходившая в конце XV века в Литовской Руси и в начале XVI века в Московской Руси экономическая перестройка народного хозяйства с натуральных форм на денежную, болезненно отзываясь на маломощных крестьянских хозяйствах, вызывала среди последних стремление к переселению на новые „богатые“ места. Закрепление и развитие крепостного права еще более усиливало эту тягу среди крестьян, недовольных новыми крепостными порядками. Также действовало усиление тяглового пресса со стороны государства на сословие неслужилых людей. В результате всех этих экономических, социальных и сословно-политических факторов вначале на Украине („окраине“), а затем в половине XVI века и на Дону, на окраине Московской Руси, образовался целый ряд казачьих общин. Вскоре вольные казачьи общины продвинулись еще далее, в Предкавказье, где по течению р. Терека и в отрогах, „гребнях“ Кавказских гор образовались общины терских и гребенских казаков.

Наравне с окружающим их туземным населением новые пришельцы — донские, терские и гребенские казаки—также по преимуществу занимались скотоводством, а также охотой на зверя и рыбной ловлей. Кочевой характер этих занятий предопределил и характер землевладения казачьих общин на заре их истории. При наличии громадных свободных площадей земли, превышавших по своим размерам потребности первых казачьих общин, земля считалась собственностью всей казачьей общины в целом и предоставлялась в пользование каждому хозяйству в отдельности, в меру его потребностей. Однако, в связи с постепенным ростом казачьих общин, они стали оседать в виде отдельных хуторов, которые об'единялись между собою в станицы. Между этими последними и была постепенно распределена вся захваченная казачьими общинами земля, образовав земельные „юрты“ отдельных казачьих станиц. Однако, в пределах юрта вся земля считалась принадлежащей всей станице в целом, и входившие в состав станицы хутора, а равно составлявшие хутора отдельные хозяйства получали землю в пользование в потребном им размере.

Вызванные к жизни борьбою с сословным неравенством в Московской Руси, донские и терские казаки очень долго не знали в своей среде никаких сословных подразделений и, ведя в общем одинаковое скотоводческое хозяйство, не знали и значительного имущественного неравенства. Однако, по мере развития земледелия, которое первоначально, благодаря большим пространствам свободных земель, играло в казачьем хозяйстве совершенно ничтожную роль, а затем, по мере уменьшения количества свободных земель и постепенного оседания казачьих хуторов, в среде казачества стало намечаться имущественное неравенство, разделившее казаков на „домовитых“, т.-е. зажиточных, и „голутвенных“, т.-е. бедняков, не имевших достаточного домового обзаведения.

За имущественным неравенством вскоре последовало и сословное подразделение. Среди казачества постепенно укоренился обычай, в силу которого выборные старшины, стоявшие во главе управления казачьими станицами, сохраняли свое звание и после истечения срока своей службы, даже если они и не переизбирались общинами вновь. Постепенно образовалось сословие казачьих старшин, из среды которого обычно и намечались кандидаты при выборах старшин для управления казачьими общинами, станицами, хуторами. Так, постепенно вольное казачество расслоилось имущественно на домовитых и голутвенных и сословно на старшин и рядовых казаков; естественно, конечно, что старшины принадлежали к числу домовитых казаков, а рядовые — к числу преимущественно голутвенных.

Пока размеры казачьих юртов позволяли удовлетворять все земельные нужды казачества, последнее охотно принимало в свой состав прибывающих беглых крестьян. Однако, когда число беглых стало достигать весьма значительных размеров, а с другой стороны, когда размеры земельных угодий казачьих станиц постепенно уменьшились, в среде же самого казачества окрепла сословная группа домовитых казаков, начавшая неприязненно относиться к каждому новому пришельцу, как возможному претенденту на землю, казачество постепенно перестало принимать в свои ряды новых пришельцев из внутренних губерний царской России, тем более, что и московское правительство, прибравшее к тому времени казачество к своим рукам, стало преследовать беглых крестьян и насильно возвращать их к месту их жительства. Поскольку, однако, тяга крестьян, даже после освобождения их от крепостной зависимости, к переселению на новые земли Донщины и Предкавказья не прекращалась, на ряду с казаками на Дону и Кубани появились так называемые „иногородние“.

Не принимаемые казачеством в свой состав и, не имея поэтому права на получение земли из казачьего юрта, „иногородние“ вынуждены были арендовать землю у казаков. Для удовлетворения своих жилищных нужд „иногородние“ должны были либо арендовать усадьбы у казаков, либо приобретать у них, с согласия станичного общества, постройки для жилья, уплачивая обществу за пользование усадебною землею довольно высокую ежегодную, так называемую „посаженную плату“. Без предварительного разрешения станичного общества „иногородние“ не имели даже права производить какие-либо переделки или перестройки, а равно и ремонт в таких строениях, за которые обычно „иногородние“ уплачивали прежним владельцам-казакам суммы, значительно превышавшие действительную стоимость строений. В результате зарождался и постепенно рос антагонизм между казаками и „иногородними“.

Рос антагонизм также и между казаками и окружавшими их туземными народностями. Переселяясь на плоскостные кочевья Сев. Кавказа, казаки неизбежно должны были вытеснять оттуда кочевавшие там ранее туземные племена, которые, уступая натиску казаков, постепенно переходили с плоскости в горы. В период беспрерывных кавказских войн, когда казаки были использованы московскими царями в их борьбе с Персиею и Турциею, отношение между казаками и туземными народностями Сев. Кавказа еще более обострились, благодаря хищническим захватам казаками

земель туземцев. При этих захватах казаки разбойнически грабили туземцев, жгли их селения, отбирали стада, зачастую убивали или брали в плен туземцев, в результате чего последние все далее и далее уходили глубже в горы. Естественным следствием этого явилась глубокая национальная вражда между кавказскими народностями и казаками и вообще русскими, долгие годы питавшаяся национальною политикою царской власти.

Национальная политика царской власти на Сев. Кавказе (равно как и в Закавказье) сводилась к своекорыстному использованию в своих видах остатков феодального строя среди туземных национальных племен для того чтобы, разрешая кабардинским, черкесским и другим князькам угнетать подвластные последним племена, держать их самих в подчинении московскому государству. Привлекая на свою сторону туземное дворянство путем различных подачек, царское правительство допускало установление почти фактического рабства для остальных слоев туземного населения, стонавшего от непосильных поборов и податей. О хозяйственном развитии и удовлетворении культурных нужд туземных племен Сев. Кавказа царское правительство, конечно, и не помышляло. Напротив того, проводя усиленно русскую колонизацию Сев. Кавказа, царская Россия постепенно вытесняла горцев с плоскости, забирая у них самые лучшие земли.

Горские народности, стоявшие первоначально, в момент их покорения русскими, на значительно более высоком уровне культурного развития, чем их покорители, уйдя в горы, где им приходилось вести суровую борьбу с окружавшею природой, вскоре отстали в своем культурном развитии от русских. С другой стороны, туземные князьки беки и ханы, понимая всю свою зависимость от русских, от русской администрации, помогали последней в угнетении племен Сев. Кавказа подавляя беспощадно малейшие попытки прежде вольных народностей к восстановлению былой свободы. В результате такой национальной политики царского правительства среди угнетенных слоев национальных племен Сев. Кавказа неуклонно росла и зрела глухая вражда и к царскому правительству и к своим непосредственным угнетателям — туземным князьям и дворянам.

Казачья политика царской власти была различна в соответствии с различными этапами в истории казачества. Таких этапов можно насчитать три. В первый период, в период возникновения казачества, как одной из форм протеста против сословных и имущественных угнетений Московской и Литовской Руси, московские цари пытались силою подчинить себе вольное донское казачество. Еще Борис Годунов запрещал казакам приезжать в Москву и все другие российские города и пытался уравнять их в положении с государевыми крестьянами. Казаки ответили на это поддержкою лже-Дмитрия. Недовольные постоянным притоком беглых крепостных крестьян на Дон, московские государи неоднократно требовали обратной выдачи таковых, но казаки, храня свою традицию—„с реки не выдавать“„ с Дону выдачи нет“,—постоянно уклонялись от выполнения такого требования, заявляя, что беглых на Дону не разыскано.

Когда вместе с беглыми крепостными крестьянами на Дон стали укрываться и гонимые патриархом Никоном старообрядцы, Московское правительство потребовало от казачества выдачи беглых старообрядцев и разорения их скитов. На этой религиозной почве в среде самого казачества возникали различные партии—сторонников и противников выполнения этого царского приказа. В результате на Дону вспыхнул мятеж, подавленный Московским правительством вооруженной силой, при чем часть старообрядцев ушла на Куму, а другая — на Кубань, отдавшись

под власть господствовавшего там крымского хана. Вскоре за старообрядцами последовала очередь беглых крепостных крестьян. Петр I послал в 1700 г. на Дон своих столпников с приказом выявить всех беглых, прибывших на Дон с 1695 г., наказать их всех („до одного человека“) батогами и отправить каждого десятого на каторгу в Азов. Вслед за тем, в 1705 г., тот же Петр I распорядился уничтожить все казачьи города на правой стороне р. Донца и перевести их жителей на левую сторону, а всех беглых крепостных из внутренних губерний России выслать обратно в распоряжение помещиков. В подкрепление своего приказа царь послал на Дон драгунский полк под командой князя Долгорукова. Этот князь Долгоруков действовал на Дону, как во вражеской стране, разорил и сжег много казачьих городов, заковал в цепи и отправил в Россию несколько тысяч человек беглых и т. п. В ответ на это казаки подняли восстание, возглавлявшееся Кондратом Булавиным и Игнатом Некрасовым. Однако, и это восстание казачества в защиту своих вольностей было жестоко подавлено московским царем, при чем было уничтожено 32 казачьих городка в верховьях реки Дона и погибло много тысяч казаков, а 600 семей с Игнатом Некрасовым („некрасовцы“) ушли, в конце концов, в Турцию.[1]

Покорив вооруженной силой вольное казачество, царское правительство стало постепенно отнимать у казаков одну „вольность“ за другой. Так, в 1723 г. у казачества было отнято право выбирать своих атаманов, которые с этого времени стали назначаться сверху, царским правительством; вскоре после того фактически потерял свое значение войсковой круг, и всеми делами казачества стали распоряжаться войсковые атаманы и старшины.

Во второй период истории казачества царское правительство стало использывать последнее, как пограничные войска, для защиты окраин Московского государства против нападений соседей. Так, еще Петр I в 1724 г. переселил до 1.000 семейств казаков в предгорья Кавказа „для охраны от набегов горцев“; в 1792 г. Екатерина II издала указ от 9 мая 1792 г. о том, чтобы „для спокойствия и безопасности кубанских пределов от набегов необузданных горских народов произвести вновь на линии построение нужных крепостей и редутов и для вящего усовершенствования той линии завести на оной вновь казачьи станицы, в которые по исчислению до 3.000 семей потребно. К такому поселению назначили мы шесть донских полков“. Так постепенно была создана так называемая Кавказская линия, проходившая по рекам Кубани, Малке, Тереку, Лабе, Сунже и включавшая все занятые русскими поселениями части Кавказского края по северной стороне Главного и Андийского хребтов Кавказских гор. Главным назначением этой линии была охрана занятой русскими плоскостной части Кавказского края от набегов горцев и обеспечение повиновения покоренного края.

Вместе с тем, вбивая клин русских (казачьих) поселений между различными горскими народностями, царское правительство преследовало политику разделения этих народностей друг от друга в целях их ослабления.

Таким образом, вольнолюбивое некогда казачество стало нести военно-полицейскую службу московских царей. Когда же в результате кавказских войн государственные границы Московского государства передвинулись к югу от Кавказского хребта и Кавказ был „замирен“, военный характер использования казачества царским правительством отошел на

[1] Лишь при советской власти „некрасовцы“, т.-е. потомки некогда бежавших получили возможность вернуться в СССР.

второй план, а вперед была выдвинута полицейская служба казачества царскому правительству в его борьбе с внутренней революцией.

Всякого рода подачками и видимым сохранением потерявших свое реальное значение „привилегий“ казачества царское правительство в третий этап своей политики по отношению к казачеству стремилось создать из него верную опору царского трона. В этих целях царское правительство сохранило своеобразную форму общественного устройства казачества в виде так называемых „казачьих войск“, управляемых войсковыми наказными атаманами, которые сосредоточивают в своих руках как военное, так и гражданское управление казачьими областями. За казачьими войсками закрепляются громадные площади земель, из которых производятся отводы земель станицам (станичные юрты) и наделы земель казачьим офицерам и чиновникам, а остальная часть земли эксплоатируется „на разные войсковые надобности“, создавая для большинства казачьих войск весьма значительные доходы. Так, сумма общих войсковых капиталов всех 11 казачьих войск составляла на 1 января 1912 г. 29.986.687 руб., не считая 12.223.213 руб. специальных войсковых капиталов и 17.134.007 руб. станичных капиталов; в общей сложности на каждую душу войскового сословия приходилось около 15 рублей общественных капиталов. При этом общий доход по войсковым и станичным капиталам за 1911 г. составлял 39.232.232 руб., что составляет 9 руб. 67 коп. на душу, а расход 38.482.379 руб., или 9 руб. 49 коп., на душу (помимо расходов, производившихся по общегосударственному бюджету). Норма земельного надела на казачью душу мужского пола была определена по положению от 21 апреля 1869 г. в 30 десятин, что придавало среднему казачьему хозяйству характер мелко-поместного (с точки зрения центральных губерний России). Будучи в общем значительно более зажиточным, чем крестьяне внутренних губерний, казаки помимо своего надела приарендовывали еще земли из войсковых запасов, пользуясь в хозяйстве большим числом с.-х. машин и орудий.

На ряду с экономическими привилегиями казачества рядом с ним в казачьих селениях проживала столь же значительная по своему численному составу группа так называемых „иногородних“. Из общего количества народонаселения всех 11 казачьих областей на 1 января 1912 г. в 8.711.844 чел. к войсковому сословию принадлежали 4.053.694 чел., т.-е. только 46%. Соотношение войскового сословия и „иногородних“ в Донской и Кубанской областях, входящих ныне в Сев.-Кавказский край, представлялось на 1 января 1912 г. в следующем виде:

Области	Всего населения	В том числе: войскового	иногороднего
Донская	3.142.620	1.392.316	1.750.304
Кубанская	2.836.191	1 214.485	1.621.706
Всего .	5.978.811	2.606.801	3.372 010
В процентах . . .	100	43,6	56,4

Земля же в указанных выше областях в 1911 г. распределялась следующим образом:

Области	Всего земли		В том числе: Войсковой		Остальной	
	Десятин	%%	Десятин	%%	Десятин	%%
Донская	15.017.706	100	12.151 788	81	2.865.918	19
Кубанская	8.620.589	100	6.785.144	79	1.835.445	21
Всего	23.638.295	100	18.936.932	80	4.701.363	20

Мы уже говорили о правовом положении, точнее, о бесправии „иногородних“. Пользуясь бесправным положением „иногородних“, казаки ставили последних в кабальную зависимость от станичных обществ и отдельных казаков, что порождало глухую вражду между „иногородними“ и казаками, переходившую во вражду между казаками и „мужиками“— крестьянами вообще. Этой враждой, ловко дурача при посредстве казачьих атаманов и генералов казачьи массы, искусно пользовалось царское правительство, чтобы натравлять казачество на пробуждавшиеся народные массы царской России.

Такова была сложная и запутанная сословная и национальная обстановка на Сев. Кавказе к моменту Февральской революции. Последняя поставила под угрозу казачьи привилегии и прежде всего привилегию эксплоатировать земельную нужду „иногородних“. Поэтому, на первых же порах после февральского периода, верхушки донского и кубанского казачеств, заинтересованные в сохранении этих привилегий, прилагали все усилия к тому, чтобы устранить „иногородних“ от влияния на разрешение земельного вопроса.

Когда в апреле 1917 г. на Кубани собралась Кубанская краевая рада, комиссар Временного правительства на Кубани крупный помещик Бардиж обещает ей оставить в неприкосновенности все права „казачьего самоуправления“.

Вскоре казачество начинает определенно отмежевываться от Временного правительства, „самоопределяется“ и выдвигает идею федеративного устройства России с казачьими областями, как самостоятельными единицами федерации. У себя же внутри кубанцы об'являют Краевую раду полновластным законодательным органом, а войскового атамана и войсковое правительство — органом исполнительной власти, при чем в составе войскового правительства всего лишь три места предоставляется так называемым „коренным иногородним жителям“, не-казакам. Донской войсковой круг также об'явил, что казачьи земли остаются в распоряжении войска и что в земельный фонд отчуждаются лишь земли государственные, удельные и помещичьи (последние путем выкупа их у владельцев).

В октябре 1917 г., за несколько дней перед Октябрьской революцией, в Екатеринодаре состоялась конференция казачьих войск и горских народов Сев. Кавказа, положившая начало образованию „Юго-восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных степных народов“. Подписанный в Екатеринодаре 20 октября 1917 г. (ст. ст.) договор об образовании названного союза в составе Донского, Кубанского и Астраханского казачьих войск, горских народов Дагестана, Закатальского округа, Терского и Кубанского краев, Сухумского округа и степных народов Терского края и Ставропольской губернии — ногайцев, карагайцев и туркменов. В числе задач союз предусматривал, на ряду с „достижением скорейшего учреждения Российской демократической федеративной республики и признания членов Союза отдельными ее штатами“, также и защиту „политическо-земельных прав“ членов Союза. Как от имени казачества, так и от имени горцев и степных народов пока еще говорили их дворянско-духовные верхушки, народные же массы, плохо разбираясь в событиях и лишь прислушиваясь и присматриваясь ко всему происходящему, пока молчали, позволяя генералам, князьям и духовенству увлекать себя на ложный путь. Молчало также и крестьянство Сев. Кавказа. Молчали, пока не стали прибывать с фронта революционизированные солдатские и казачьи массы.

Прибыв домой, фронтовики оживили деревню, подняли ее революционное настроение, и „иногородние“ начинают все чаще и чаще поднимать на всех с'ездах вопрос об уничтожении сословных различий в зе-

мельном вопросе, о „поравнении земли“ и т. п., а кое-где местами и захватывают казачьи земли революционным порядком. Старые обиды между „иногородними„ и казаками начинают все более и более оказывать свое действие, и скоро в станицах Дона и Кубани появляются первые вспышки назревающей гражданской войны.

Когда отзвуки Октябрьской революции докатились из Петрограда и Москвы до станиц Дона и Кубани, атмосфера здесь была уже достаточно накалена, и враждующие между собой группы „иногородних“ и казачества ожидали лишь повода, чтобы вступить в вооруженную борьбу между собою. Этой атмосферой не преминула воспользоваться российская контр-революция, обосновавшаяся в Донской столице — гор. Новочеркасске. Разжигая сословную вражду между казаками и „иногородними“ указаниями на то, что как Февральская, так и, тем более, Октябрьская революции направлены против интересов всего казачества на пользу „иногородних“, представляя советскую власть, как власть „иногородних“, верхушки донского и кубанского казачества потянули казачьи массы за собою в ожесточенную гражданскую войну, превратив Донщину, а затем и Кубанщину в „русскую Вандею“.

Борьба была чрезвычайно ожесточенной и, главным образом, потому, что фронт ее проходил по каждой станице, где на одной стороне были „иногородние“, а на другой — казаки, проживавшие с ними в одной и той же станице. Борьба эта носила еще, по преимуществу, сословный, а не классовый характер, и зачастую на стороне советской власти оказывалась не только иногородняя беднота, но и середняки, а иногда даже и зажиточные „иногородние“, об‘единяемые ненавистью к казакам и их земельным привилегиям. С другой стороны, и трудовое казачество, в достаточной степени угнетавшееся своим дворянством, пока еще шло вместе с последним в его борьбе с советской властью.

Лишь постепенно, в процессе гражданской войны как на одной, так и на другой стороне началась медленная диференциация в классовом разрезе. Дворянская верхушка казачества вместе с российской крупно-помещичьей и промышленной буржуазией об‘единились вокруг контр-революционной и в основе своей — монархической Добровольческой армии Деникина; к ним примкнули и помещичьи слои и буржуазия из среды донских, кубанских и терских „иногородних“. Трудовые массы казачества, в особенности с верховьев Дона, где казачество экономически было значительно менее мощно, чем в южных округах Донщины и на Кубани, постепенно стало примыкать к сторонникам советской власти, а в особенности, когда по мере продвижения Добровольческой армии на север, шедшие вслед за ней присмиревшие было помещики и чиновники, в том числе и донские, все более и более наглели и жестоко расправлялись со станицами, где хоть некоторое время была советская власть. Особенно быстрым темпом пошел переход трудового казачества на сторону советской власти, когда казачьи верхушки вздумали двинуть казачьи войска за пределы своих об‘ластей. Казаки боролись с советской властью, защищая лишь свои курени, свои станицы, и дальше этого они итти не желали; когда же контр-революция попыталась использовать их, как вооруженную силу в своих собственных целях, трудовое казачество прекратило борьбу с советской властью. Средние слои самостийного казачества и кулацкие слои „иногородних“ болтались между контр-революционной буржуазией и трудовым казачеством, крестьянством и пролетариатом в бесплодных попытках создать свое особое казачье государство с Войсковым кругом или радой во главе.

Приблизительно такой же процесс классовой диференциации наблюдался в период гражданской войны на Сев. Кавказе также и среди горских национальностей Сев. Кавказа. Первоначально крепко связанные пережитками родового и феодального быта, горские народы Сев. Кавказа пошли за своими князьями, беками, шейхами и муллами, стремившимися подменить классовую борьбу между горской беднотой и их угнетателями из горцев же религиозно-национальной борьбой горских народов с русскими казаками.

После Февральской революции горскою знатью и буржуазиею различных горских народов, населявших быв. Терскую область, был образован „Союз горских народов Сев. Кавказа“, вошедший впоследствии в состав упоминавшегося уже нами „Юго-восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных степных народов“. Союз горских народов об‘единил Дагестан, Кабарду, Ингушетию, Осетию и Чечню и имел своей целью выделение этих народов из состава России, если не в совершенно независимую, то хотя бы автономную горскую республику. В основе этого Союза лежали национально-религиозные стремления горских народов, память об угнетении их царскою Россиею и мечты о возвращении обратно отнятых ранее казаками горских земель. Руководящую роль в Союзе горских народов играли кумыкский князь Рашид-хан-Хапланов и грозненский миллионер-нефтепромышленник Тапачермоев. Однако, если в Чечне и Ингушетии, где родовые формы быта еще были достаточно сильны, религиозно-национальное об‘единение различных социальных групп этих народов долгое время могло отодвигать на задний план классовую борьбу внутри этих народов, то в Осетии, Кабарде и других горских областях, где сословная диференциация порождала более глубокую экономическую эксплоатацию трудящихся горских масс горскими же князьями и дворянством, уже вскоре стала проявляться борьба горской бедноты с ее эксплоататорами. Значительную роль в этой борьбе сыграли существовавшие среди горцев (главным образом,— в Осетии) еще до Февральской революции революционные организации „Кермен“ (или „Чермен“), „Фадисоны“ и др. Партия „Кермен“ повела за собою горскую бедноту, оторвав ее от горской знати, об‘единившейся с казачьими верхушками. Горская же беднота, увидев, что советская власть не только не покушается на подавление ее национальных интересов, но, напротив того, всемерно эти интересы охраняет и соблюдает, перешла на сторону Октября.

Потеряв поддержку в народных массах, почувствовавших действительную классовую сущность российской контр-революции, последняя бесславно скатилась в Черное море, и в 1920 г. на всей территории Дона и Сев. Кавказа установилась советская власть.

Шедшие все время в рядах сторонников советской власти „иногородние“ поняли победу советской власти на Дону и Кубани, как победу „иногородних“ над казаками, и, пользуясь своим подавляющим влиянием в революционных органах советской власти, встали на путь подавления всего казачьего („советская власть не признает никаких сословий“), как победу „иногородних“, победу советской власти приняли также и те слои казачества, которые были заинтересованы в сохранении былых казачьих „привилегий“. „Эта власть не наша, это — власть „иногородних“, мужиков, городовиков“,— таков был взгляд казачества на советскую власть. Если же при этом еще учесть, что в это время значительные массы трудового казачества, насильно мобилизованные для борьбы с советской властью, томились в концентрационных лагерях Ближнего Востока, не имея возможности вернуться домой, к своим „куреням“, а с другой стороны, рассеявшиеся в лесах Кавказа остатки белогвардейских банд из казаков своими набегами постоянно тревожили органы советской власти, порождая в последних недоверчивое, подозрительное

отношение к казачьему населению, то станет вполне понятной картина отношений казачества Сев. Кавказа к советской власти в этот первый период ее существования на Сев. Кавказе.

Совершенно иное отношение к советской власти в этот период было со стороны горских национальностей Сев. Кавказа. Советская власть принесла с собою на Сев. Кавказ разрешение векового „национального вопроса", сталкивавшего до того горцев с русскими и отдельные горские народы друг с другом. Разрешение национального вопроса на Сев. Кавказе, в полном соответствии с национальною политикою советской власти, вылилось в образование на Сев. Кавказе автономных национальных республик и областей, как формы содружества народов Сев. Кавказа.

Эта форма получила самое широкое применение на Сев. Кавказе, где она, впрочем, была осложнена чрезвычайной национальной дробностью, национальной мозаичностью, которые мешали образованию однонациональных об'единений. Здесь приходилось об'единять в одну автономную единицу несколько национальностей в силу того, что каждая из них была слишком малочислена, чтобы образовать собою самостоятельное административное целое, и слишком отстала в хозяйственном и культурном отношении, чтобы иметь свой особый аппарат власти.

После того как контр-революционные течения на Сев. Кавказе были побеждены и пали различные „национальные правительства", отстаивавшие по существу старый буржуазный строй, в ноябре 1920 г. были созваны два с'езда: народов бывшей Терской области и народов Дагестана. На этих с'ездах, ставших историческими и заложивших прочный фундамент национального социалистического строительства на Сев. Кавказе, были разработаны, при ближайшем участии Наркомнаца, тов. Сталина, основные принципы организации власти у горских народов, которые осуществились в начале 1921 г. в создании двух северо-кавказских автономных национальных республик — Дагестанской и Горской.

В основу этих двух об'единений был положен не чисто национальный, а бытовой момент, при чем в самом декрете об образовании Горской республики был подчеркнут ее многонациональный состав, а именно было указано, что она об'единяет собою территорию, занимаемую в настоящее время чеченцами, осетинами, ингушами, кабардинцами, балкарцами, карачаевцами, а также живущими между ними казаками и иногородними. Соответственно этому Горская республика делилась на 6 административных округов: Чеченский, Осетинский, Ингушский, Кабардинский, Балкарский и Карачаевский, каждый из которых был наделен своим окружным исполкомом. Города Владикавказ и Грозный с нефтяными промыслами были выделены в самостоятельные административные единицы, непосредственно подчиненные ЦК и СНК горской республики.

Однако, образованием этих двух автономных республик дело национального строительства на Сев. Кавказе далеко еще не было закончено. Об'единение разнонациональных элементов в составе горской республики повело к тому, что отдельные национальности, по мере роста их национального самосознания и укрепления, хотя бы самого элементарного, самого примитивного их хозяйственной жизни, стали выделяться в автономные области.

В начале 1922 г. из состава горской республики были выделены две так называемые об'единенные автономные области: Карачаево-Черкесская и Кабардино-Балкарская. Несколько позднее, именно в ноябре 1922 г., была образована из „национального" округа горской республики Чеченская автономная область. Наконец, летом 1924 г. горская республика, в согласии с волеиз'явлением населяющих ее народностей, и в целях скорейшего развития их классового самосознания и широкого вовлечения

их в дело советского государственного управления, прекратила, как таковая, свое существование и распалась по национальному признаку на две автономные области — Северную Осетию и Ингушетию и автономную административную единицу — Сунженский округ, с выделением г. Владикавказа в самостоятельную административную единицу. Несколько раньше, летом 1922 года, была образована Адыгейская автономная область, а в 1926 г. по тому же национальному признаку Карачаево-Черкесская автономная область была расчленена на две самостоятельные автономные области: Карачаевскую и Черкесскую.

Основное различие между этими двумя видами национальных об'единений, автономными республиками и автономными областями, состоит, как известно, в том, что автономные республики наделены более сложной организацией, построенной по типу организации союзной советской республики, и обладают большей самостоятельностью в отправлении тех функций управления и хозяйства, которые имеют преимущественно местное, культурно-бытовое значение, чем автономные области. Последние по своей структуре приближаются к общегубернской организации, своей особой законодательной власти не имеют и пользуются широким советским самоуправлением.

Однако, если оставить в стороне это формальное различие, политическое и экономическое значение автономных областей, как формы национального об'единения, представляется огромным, — в особенности на Сев. Кавказе. Вкрапленные в чуждые для них административно-территориальные единицы, заброшенные в хозяйственном и культурном отношении, отдельные национальности получили возможность об'единиться в одно целое, получили свою местную школу, свой местный суд, местную администрацию, местные органы власти, местные общественные, политические и просветительные учреждения, свой местный родной язык во всех областях общественно-политической работы, короче говоря, получили все условия своего национального существования и развития.

К этому нужно еще прибавить, что политика советской власти по национальному вопросу не ограничивается одним только формальным признаком национального самоопределения. Русский пролетариат, в соответствии с постановлением X с'езда партии (1921 г.), поставил своей очередной задачей „помочь трудящимся массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед Центральную Россию", т.-е. взял на себя проведение ряда мероприятий, направленных на хозяйственное и культурное развитие отсталых народностей. Таким образом, надо признать, что автономная область, более зависящая от центральной власти, чем автономная республика, являлась наиболее целесообразной формой разрешения национального вопроса именно на Сев. Кавказе, применительно к его отсталым в хозяйственном и культурном отношении народностям.

Национальный вопрос снова был выдвинут на Сев. Кавказе в связи с проведением реформы хозяйственно-административного районирования. Экономическое районирование отнюдь не должно было в чем-либо уменьшить права и преимущества, принадлежащие отдельным национальным автономиям на основании конституции и декретов об их образовании, или изменить без их на то согласия внешние границы этих об'единений. Оно проводилось таким образом, чтобы отдельные национальности получили возможность развить свои материальные и духовные силы, и должно было создать условия, наиболее благоприятствующие росту и процветанию этих национальностей.

Проблема об'единения двух моментов — экономического и национального — в системе хозяйственно-административного устройства Сев. Кавказа вызвала целый ряд проектов по вопросу о положении нацио-

нальных об'единений. Был выдвинут проект договора между Краевым исполкомом и автономными областями, в котором должны быть согласованы интересы Сев. Кавказа в целом с интересами находящихся на его территории национальных образований и который должен установить порядок разрешения всех спорных вопросов. Было предложено также организовать при Краевом исполкоме Национальный совет, составленный из представителей национальностей и представителей Краевого исполкома, через который проходят и в котором предварительно разрешаются все вопросы, затрагивающие интересы национально-территориальных единиц края.

Выдвинутый при районировании Сев. Кавказа вопрос о положении национальностей и о взаимоотношении их с краевой властью получил свое разрешение в Положении о Сев.-Кавказском крае, утвержденном центром в январе 1925 г. Положение это поставило национальности в такие условия, в которых они, оставаясь составными частями края и сохраняя единство с РСФСР и даже с СССР в политическом, военном и финансово-хозяйственном отношениях, а также удерживая за собой все предоставленные им политические права, получили полную возможность проявлять и развивать свои национально-культурные и национально-бытовые особенности.

Но одного устройства национальностей на новых автономных началах, одного политического равенства отдельных народностей далеко еще не было достаточно для разрешения национального вопроса. Оставалось еще неравенство фактическое, отсталость народностей Сев. Кавказа в хозяйственном и культурном отношении, как результат угнетения их при прежнем правительстве.

Чтобы достигнуть действительного равноправия национальностей, необходимо было подвести прочный экономический фундамент под новый правопорядок, хозяйственно укрепить эти вызванные к жизни национальные об'единения, пробудить их к культурной жизни.

В этом отношении на Сев. Кавказе была проделана за последние годы огромная работа по поднятию хозяйственного и культурного уровня отдельных народностей.

Известно, каким острым для горцев является земельный вопрос, надлежащее разрешение которого служит необходимым условием их свободного существования. Национальный вопрос в условиях Сев. Кавказа — это крестьянский вопрос, это вопрос о наделении землею безземельных и малоземельных горцев. И советская власть проводит здесь земельную реформу, ликвидирует прежнее захватное землепользование, передает трудовым массам бывшие помещичьи земли, переселяет их с гор на плоскость и наделяет их землей за счет свободного государственного земельного фонда.

Советская власть стремится поднять промышленное развитие народностей Сев. Кавказа, индустриализировать их хозяйство. С этой целью она открывает фабрики и заводы для переработки на месте богатых запасов сырья, а также образует среди отдельных национальностей промышленные центры, путем переброски фабрик к источникам сырья (Дагестан) и привлекая на них преимущественно местное туземное население. Она улучшает дорожное дело, находившееся на Сев. Кавказе в совершенно запущенном состоянии, как, впрочем, и все другие отрасли хозяйства национальностей. Дорожное дело в особенности начало улучшаться в национальных об'единениях после проведения районирования, когда значительно увеличился отпуск средств на него, организованы были особые дорожные части и привлечено местное население к дорожным работам. Интересно отметить, что за время с 1924 по 1927 гг. построено 160 километров дорог и 1.850 тыс. погонных метров мостов.

Советская власть приняла также меры к сохранению и дальнейшему развитию культурного состояния отдельных национальностей. С этой целью она стремится поднять в первую очередь грамотность, просвещение широких трудящихся масс. Известно, как незначителен был процент охвата детей школьного возраста в отдельных национальных единицах ко времени их образования. В настоящее время по автономиям в среднем около 35—40% детей школьного возраста уже охвачено школами. Конечно, это еще мало (по краю эта средняя превышает автономии в два раза); конечно, нужны дальнейшие средства и энергичная работа по развитию и укреплению школьной сети в автономиях, но то, что проделано в этом отношении, все же свидетельствует о некоторых (и не малых) достижениях.

Лучшим показателем реального содействия советской власти национальным об'единениям на Сев. Кавказе может служить оказываемая им материальная помощь как за счет местных средств (краевого фонда регулирования), так и за счет общегосударственного бюджета.

Местный бюджет национальных областей из года в год растет и увеличивается в своем об'еме, при чем темп роста его обгоняет темп роста краевого бюджета. В 1925/26 г. он дал прирост по сравнению с предыдущим годом на 42,9%, а в 1926/27 г. — на 31,7%, тогда как краевой бюджет в целом увеличился за эти годы на 40,6% и 15,8%. В связи с этим увеличился также и удельный вес бюджета автономий в доходах края: в 1926/27 г. он составляет уже 10,1%, в 1924/25 г.— всего 8,7%. Рост бюджета автономий в значительной степени обусловливается ростом помощи со стороны края.

Наименование	1924/25	1925/26	1926/27	1925/26 в %% к 1924/25	1926/27 в %% к 1925/26
Свои доходы (тыс. руб.)	3.319	3.295	4.372	— 0,7	+ 32,7
Помощь края (тыс. руб.)	2.531	5.036	6.596	+ 99,0	+ 31,0
Удельный вес своих доходов (%%)	56,7	39,6	39,9	—	—
Удельный вес помощи края (%%)	43,3	60,4	60,1	—	—

Из этой таблицы видно, что помощь края национальным об'единениям сильно возросла за последние годы, что край отдает большие суммы из своих доходов на поднятие их хозяйственного и культурного уровня, при чем эта помощь края в отдельных национальных областях достигает таких размеров, что почти целиком поглощает собственные доходы области. Так, в 1925/26 г. удельный вес краевой помощи в бюджете Карачая составлял 71,4%, свои доходы—28,6%; в бюджете Черкесии—81,7%, свои доходы—18,3%. В 1926/27 году краевая помощь в бюджете Ингушетии составляла 73,8%, свои доходы — 26,2%; в бюджете Черкесии — 7,6%, свои доходы — 23,9%.

Характеризуя динамику финансов национальных областей, необходимо также учесть значительные ассигнования, проходящие для автономий по государственному бюджету. Следующая таблица показывает эти ассигнования за последние три года, а также удельный вес их в ассигнованиях по госбюджету на весь край:

Наименование	1924/25	1925/26	1926/27	1925/26 в %% к 1924/25	1926/27 в %% к 1925/26
Нацобласти (в тыс. руб.)	4.281	7.313	5.792	+ 70,2	— 20,8
Край (в тыс. руб.)	23.390	31.714	31.913	+ 35,6	+ 0,6
Удельн. вес нацобл. в крае (в %%)	18,3	23,1	18,1	—	—

Таблица показывает, что ассигнования автономиям по госбюджету достигают значительной суммы и составляют в среднем 18% ассигнований на край. Правда, процент этот в 1925/26 г. поднялся до 23, но если мы из ассигнований этого года исключим 1.500 тыс. руб., экстренно отпущенных Чеченской области, мы получим 5.812 тыс. руб., т.-е. те же 18% ассигнований.

Таковы два основных момента — политический и экономический — национальной политики советской власти на Сев. Кавказе. В силу первого горские народности были обособлены в самостоятельные политические единицы — автономные области; в силу второго они получили и получают действительную реальную помощь в деле поднятия своих производительных сил, своего хозяйственного и культурного развития. Приход советской власти на Сев. Кавказ принес с собой горцам и политическое, и хозяйственно-культурное раскрепощение. Из народностей, забитых и угнетенных при царском правительстве, из „злодеев“ и „коварных хищников“, какими они рисовались русскому обывателю в XIX в. (ср. М. Н. Покровский, „Дипломатия и войны царской России в XIX в., 1924 г., стр. 195), кавказские горцы при советской власти превратились в мирных жителей, сотрудничающих, по мере своих сил в возможностей, вместе с другими народами Союза в деле социалистического строительства. И там, где еще так недавно царила вражда и ненависть, можно видеть теперь мирный труд, направленный к преодолению природы, к совместному с другими народами Союза завоеванию лучшего будущего.

Районирование Северо-Кавказского края разрешило не только „национальный вопрос“ на Сев. Кавказе,—оно принесло с собой также разрешение и „казачьего вопроса“. Уже на первом С'езде Советов Северо-Кавказского края (1925 г.) председатель Совнаркома РСФСР тов. А. И. Рыков об'явил декрет ВЦИК и СНК РСФСР об амнистии трудовых казаков, с оружием в руках сражавшихся в рядах белых армий против советской власти, не исключая и репатриантов врангельцев, возвратившихся в пределы Северо-Кавказского края. Это мероприятие советской власти сыграло весьма значительную роль в деле сближения между советской властью и казачеством Северо-Кавказского края, показав, что советская власть не только „власть иногородних“.

Вызванное районированием приближение власти к населению, укрепление низовых органов советской власти и связанное с этим оживление их деятельности поставили на очередь вопрос о расширении вовлечения трудящихся масс в дело управления советским государством. Частью этого вопроса являлся и „казачий“ вопрос. Еще в январе 1925 г. пленум Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б) наметил ряд мероприятий по вовлечению казачества в русло советского строительства; в июне того же года созванное Краевым комитетом РКП(б) специальное краевое совещание по работе среди казачества еще более углубило и усилило эти мероприятия. В числе этих мероприятий было и разрешение

земельного вопроса среди казачества и бывших „иногородних“, скорейшее проведение землеустройства в казачьих районах, и вовлечение трудовых казаков в состав сельсоветов, и борьба с подавлением различных казачьих традиций, как, например, джигитовки, воинских состязаний, ношения „черкесок“ (особая форма одежды) и „кубанок“ (особая форма шапки), ношения кинжалов и шашек и т. п. Даже такие незначительные на первый взгляд мероприятия, как непрепятствование ношению фуражек с красными околышами или брюк с красными лампасами, или непрепятствование пению казачьих песен, вызвали в среде донского казачества резкий перелом в настроении казачества по отношению к советской власти.

В результате наблюдавшиеся ранее пережитки бывшей сословной вражды между казачеством и „иногородними“ к настоящему моменту почти полностью изжиты; процент участия казаков в выборах сельских и станичных советов повысился до 39,1% в 1927 г., а процент участия казаков в самих сельских и станичных советах в качестве его членов повысился до 36,1% в 1927 г. Трудовое казачество постепенно забывает о бывших когда-то казачьих „привилегиях“, постепенно исчезает различие между казаками и „иногородними“, и постепенно в сознании казачества крепнет мысль что советская власть — власть трудящихся, не знающая сословных перегородок.

Сев. Кавказ стал советским позднее, чем остальные части территории великого Союза Социалистических Советских Республик, но несмотря на это опоздание, насчитывающее более двух лет, к десятилетию Октябрьской революции трудящиеся Северо-Кавказского края, независимо от национальностей или бывшей сословной принадлежности,— горцы и русские, казаки и „иногородние“, дружной семьею участвуют в социалистическом строительстве первой в мире республики труда. Утихла борьба, продолжавшаяся сотни лет, и то, что не могла никогда сделать самодержавная власть царской России,—„замирение“ Кавказа,—то в течение нескольких лет сделала советская власть. И „замиренный“ советский Кавказ являет лучшее доказательство торжества Великой октябрьской революции, совершенной десять лет тому назад восставшим пролетариатом в союзе с трудовым крестьянством.

ОТДЕЛ V

Критика и библиография

А. И. Рыков. Десять лет борьбы и строительства. ГИЗ, 1927 г., стр. 64.

Г. М. Кржижановский. Десять лет хозяйственного строительства СССР. Изд. „План. Хоз.“ М., 1927 г., стр. 131.

В. Куйбышев. Итоги и перспективы хозяйственного строительства СССР. ГИЗ, 1927 г., стр. 94+XIV.

Отличительной особенностью всех трех перечисленных брошюр, из которых первая и последняя представляют речи на юбилейной сессии ЦИКа, является их необыкновенная насыщенность цифровым и фактическим материалом. В особенности это относится к брошюре тов. Кржижановского, которая так „плотно“ заряжена цифрами и фактами, что местами читается с большим напряжением. Автор очень скуп в комментировании богатого цифрового материала; изложение часто носит тезисный характер. Однако, цифры и факты разработаны в книге так умело и преподнесены так выпукло, что мысль читателя вынуждена работать в сторону более углубленных, более расширительных выводов. Поэтому, когда мы говорим о напряжении, с которым местами читается книга, то имеем в виду не напряжение мысли, старающейся из моря „воды“ выудить основные положения автора, а творческое, критическое, обобщающее напряжение, сущность которого — в продолжении мысли автора, ее разработке.

Все это, однако, делает задачу рецензента весьма нелегкой. Мы поэтому сознательно ограничиваем ее и предупреждаем, что не сумеем дать сколько-нибудь подробного и исчерпывающего обзора перечисленных брошюр. В основу рецензии будет положена книга тов. Кржижановского, как наиболее полная и исчерпывающая. Более того, даже из этой работы мы возьмем для рассмотрения лишь центральные положения.

Обычно сопоставляют наши достижения с довоенным уровнем. Правда, за последнее время этот критерий начинает уже отпадать. Не нужно, однако, забывать, что „ареной хозяйственной деятельности пролетариата... было не довоенное хозяйство, а то хозяйство, которое должно было дойти до последних граней экономической разрухи, явившейся естественным результатом событий мировой и гражданской войны“. Тов. Кржижановский приводит интересный подсчет издержек войны и и революции, который использовал также А. И. Рыков в своей речи на юбилейной сессии ЦИКа. Оказывается, что империалистическая и гражданская войны (1914—1920) по самым осторожным подсчетам обошлись нашему хозяйству в 406 млн. лет потерянной трудоспособности, что равняется валовой продукции семилетнего труда всего населения страны. В переводе на золото это обозначает 40 мрд. рублей потери на империастической войне и свыше 50 мрд. на гражданской.

Таким образом, летоисчисление нашего в сстановительного периода должно вестись во всяком случае лишь с окончания гражданской войны и блокады. „Страна в 1920 г.,—говорит тов. Куйбышев,—была в состоя-

нии агонии, хозяйство упало в бездну, из которой при „нормальных“ условиях, при нормальных буржуазных условиях, скажем в кавычках, единственный выход для народного хозяйства такой страны — это отдаться в кабалу другой более сильной стране, стать колонией более развитой страны“. Как известно, этой „дауэсизации“ нашей страны не произошло. Наоборот, период восстановления был у нас периодом все большего утверждения нашей самостоятельности и независимости от за границы. Значение этого факта еще больше должно вырасти, если вспомнить, что накануне войны царская Россия находилась почти в полной зависимости от иностранного капитала (преимущественно англо-французского).

Но отличие нашего восстановительного периода от западно-европейского состоит не только в том, что мы провели восстановление на основе внутренних ресурсов, в то время как западно-европейский капитализм имел возможность широко опираться на американскую помощь и даже не в том, что мы приступили к восстановлению на несколько лет позже капиталистических стран. „Утверждение пролетарской диктатуры неизбежно влекло за собой распадение всех прежних привычных хозяйственных связей и отношений. В этом смысле наш восстановительный период не имеет ничего общего с восстановительным периодом в послевоенном хозяйстве зарубежных капиталистических стран“ (Кржижановский). Как ни велика была местами техническая реконструкция послевоенного капиталистического хозяйства, она не выходила за рамки капиталистических производственных отношений и не привела к коренной социальной реконструкции. Те социальные сдвиги, которые произошли после войны (например, „вымывание“ среднего сословия, полевение рабочего класса и т. п.) не выходят за рамки законов, имманентных капиталистическому способу производства, эти процессы только ускорились после войны. „Хозяйство Франции, Германии, Англии,— говорит тов. Рыков,—восстановливалось в старых рамках сложившихся социально-экономических отношений капиталистического общества“.

Совершенно другой характер носил восстановительный процесс у нас. Восстановительный процесс был в значительной своей части реконструктивным процессом, процессом вызревания и укрепления хозяйственных связей нового, более высокого типа. „Наш восстановительный период,— продолжает тов. Рыков, — был одновременно и творческим периодом создания новых хозяйственных отношений и организации хозяйства на принципиально новых началах: на основе ликвидации частной собственности на фабрики, заводы, железные дороги, землю и т. д.“

А состояние нашего хозяйства в 1920 г. было поистине „состоянием агонии“, это очень часто сглаживается из памяти, забывается. Безусловно прав тов. Кржижановский, когда он в предисловии к своей книге говорит: „Нам, непосредственным участникам октябрьского строительства, трудно подытоживать бурный ход событий, в водовороте которых мы все время находились. Мы слишком близки от них, нам нехватает революционной „перспективы“. Слишком коротки сроки, слишком насыщены они событиями. Строительные будни революции сплошь и рядом закрывают от нашего взора колоссальное историческое полотно социалистического строительства. И лишь сухие беспристрастные ряды цифр, „не знающих ни оптизмизма, ни пессимизма“, способны осветить те исторические сдвиги, которые произошли в нашем хозяйстве за последние годы“.

Промышленность. Валовая продукция — 3.929 млн. (по довоенным ценам) в 1917г., 835 млн. руб. в 1920 г., что составляет около 20% довоенной продукции. Падение некоторых отраслей носит прямо катастрофический характер. Выплавка чугуна и прокат металла дают такой ничтожный результат, что совершенно выпадают из статистического учета. Острый продовольственный кризис, падение реальной зарплаты (25 руб. в 1913 г., 6,6 руб. в 1920 г.), недостаток сырья и оборудования. Как результат этого — падение трудовой дисциплины, стремительное падение производительности труда (с 1917 г. почти в 3 раза) и распыление, деклассирование пролетариата — бегство из городов и промышленных центров в деревню.

В таком состоянии промышленность вступает в полосу нэпа. Первые три года (1921/22—1923/24 гг.) — организационная перестройка фронта и приспособление его к новым условиям. Рост вложений, рост собственного накопления, рост продукции (в 1924/25 г. прирост по довоенным ценам более чем на 54%, в 1925/26 г. около 45%, 1926/27 г.— 15%, 1927/28 г. проектируется прирост в 16%).

Но промышленность не только восстанавливается, она на ходу реконструируется. Возникают и развиваются такие производства, которых не знала или почти не знала царская Россия (производство тракторов, котлостроение, турбиностроение и т. п.).

Электрификация. Неуклонное осуществление из года в год плана электрификации, составленного по инициативе В. И. Ленина и утвержденного VIII с'ездом Советов. Растут и вступают в эксплоатацию такие гиганты, как Волховстрой, Шатура и т. п. Рост сельской электрификации, вопрос о которой даже и не ставился в дореволюционной России (с 1917—27 гг. число сельских установок возросло в 11 раз, мощность в 17 раз). Недалеко то время, когда „лампочка Ильича“ осветит миллионы крестьянских дворов, когда энергия проводов завертит молчаливую армию молотилок, веялок и т. п.

Топливо. Область наиболее отчетливого проявления реконструктивного начала. До войны хронический дефицит в топливном бюджете. Ежегодный ввоз 4—7 млн. тонн угля. Во время войны тщетные попытки царского правительства ликвидировать топливный кризис плановым регулированием (Осотоп). „Лишь советскому правительству удалось довести это дело до конца и рационализация нашего топливного баланса представляет одну из самых блестящих страниц в борьбе за плановое начало советской экономики“ (Кржижановский). Расход топлива в 1926/27 г. около 44% довоенного, в 1927/28 г. ориентировочный расход на 4—5% выше довоенного. При всем том почти полное отсутствие топливных затруднений за последние годы. Причины этому в минерализации топливного баланса, развитии всех каменноугольных районов (до войны гипертрофия Донбасса — 87% добычи), развертывании торфяного дела и электрификации топливных районов. Все эти мероприятия протекают на основе широкой технической реконструкции топливодобычи, особенно в области нефти и торфодобычи. „По технике торфодобычи и торфоиспользования мы являемся в настоящее время передовой страной мира. Наши торфяные электрические станции уже теперь являются наиболее мощными централями мира“ (Кржижановский).

Сельское хозяйство. Такая же картина условности „обозначения истекшего хозяйственного периода, как специфически восстановительного“ (Кржижановский). Общеизвестно сравнительно меньшее разрушение сельского хозяйства, чем промышленности. 1914—1922 гг. падение площади посевов с 110 до 75 млн. десятин. Скотоводство — сокращение на 40%. Рабочей силы на 30%, машинного инвентаря на 40%. Падение урожайности, особенно технических культур. 1913—1922 гг. сокращение валовой продукции на 40—45%, товарной части в 4 раза. К 1927 г.

более 97% довоенного количества посевов, 102% скота от 1916 г. Решительные черты реконструкции: 1) более быстрый рост скотоводства, чем земледелия, 2) изменение пропорции культур: с 1913 г. площадь зерновых сократилась на 8%, площадь технических и интенсивных культур выросла на 30% (при некотором, правда, падении урожайности).

Труд. Консолидация рабочего класса, стягивание его на фабрики и заводы. После резкого падения членов профсоюзов при переходе к нэпу здоровый рост численности профсоюзов (7.045 тыс. в 1924/25 г., 9.974 тыс. в 1926/27 г.), рост охвата трудящихся профсоюзами (74,5%—1924/25 г., 80% — 1926/27 г.), рост социального страхования, культурно-просветительных расходов, реальной зарплаты (по сравнению с 1913 г. на 5%, с учетом коммунальных услуг на 15%). Рост выработки на 1 рабочего (в 1926/27 г. по сравнению с 1913 г. на 9%); и это при восьмичасовом рабочем дне, в то время как до войны обычный рабочий день — 10 часов! Можно не сомневаться в том, что эта производительность при переходе на семичасовой рабочий день не упадет, а вырастет. И самое главное: „Наемный труд в своей гигантской подавляющей массе свыше чем на 80% сосредоточен в обобществленном секторе“ (Рыков).

Товарооборот. Здесь, на самом опасном участке „мы видим, что, развязывая стихию рынка и денежного хозяйства, мы выступаем не в роли побежденных, а в качестве организаторов, закрепивших уже за собой все командные высоты государственного и хозяйственного аппарата“ (Кржижановский). Это выражается в охвате одного из наших основных рынков — хлебного, который мы в 1926/27 г. на 83% держим в своих руках, в том, что мы смогли переломить повышательную тенденцию цен и провести заметное их снижение, в росте кооперации и т. д. В целом ряде случаев мы можем отметить развитие и укрепление внерыночных отношений, в особенности внутри госпромышленности. „Здесь,— замечает тов. Кржижановский,— начинается ликвидация товарно-денежных отношений по существу, хотя рыночная внешность еще сохраняется“. Внешняя торговля, которая, как известно, отстает от общего темпа роста нашего народного хозяйства, также подвержена сильным реконструкционным процессам. Улучшилась структура экспорта и импорта. В экспорте повышается удельный вес промышленных продуктов за счет уменьшения сельского хозяйства. В импорте бурно растет удельный вес оборудования (6,8% в 1924/25 г., 20 и 30% в 1926/27 г.) — результат твердого курса на индустриализацию страны.

Бюджет. Несколько этапов развития нашего бюджета за время революции. Первый период 1918—20 гг.— период натурального и эмиссионного бюджета с явным преобладанием эмиссионной части. Следующий период — 1921—1923/24 гг.—борьба двух начал: эмиссии и налога с сильным преобладанием налога. 1923/24—1927/28 гг.— новая тенденция: рост значения неналоговых доходов по сравнению с налоговыми, при общем росте всего бюджета. „Производственная установка нашего бюджета, являющаяся центральной чертой его реконструкции, по сравнению с бюджетом царским, начинает сказываться со все большей и большей силой“ (Кржижановский). Это, однако, лишь музыка будущего; пока все же роль налогов очень значительна. И здесь выявляется социальная сущность нашего бюджета. Обобществленный сектор оказывается сильно польгоченным, частный — сильно нагружен. Роль бюджета, как перераспределителя народного дохода, сильно сказывается в его расходной части. Что здесь особенно знаменательно — это рост социально-культурных расходов и главное — рост капиталонакопления (16,8% расходной части в 1923/24 г., 28.8% в 1927/28 г.) „одно из существеннейших отличий нашего бюджета от бюджета капиталистических стран“.

И т. д. И т. д. И т. д.

Значит ли это, что к итогу десятилетия у нас на всех участках нашего хозяйственного фронта все обстоит блестяще? Вовсе нет! У нас очень много темных пятен, недостатков, всего того, что за последнее время принято называть „узкими местами“. На них особенно подробно останавливаются т.т. Рыков и Куйбышев. Все еще высока себестоимость, все еще высоки цены на промышленные изделия (как по сравнению с сельским хозяйством, так и особенно по сравнению с мировым). Язва безработицы не уничтожена. Сырьевая база недостаточна. Транспорт, в особенности морской, нуждается в усилении темпа развития и улучшении организации. Отстает также и внешняя торговля, отстает подготовка квалифицированных кадров для некоторых отраслей промышленности. Не уничтожены основные диспропорции нашего хозяйства, не устранен ряд безобразных, проклятых пережитков старого. „Если бы меня спросили теперь,—говорит тов. Рыков,—на пороге празднования десятилетия Октябрьского переворота, целиком ли выполнена эта работа по выкорчевыванию всех пережитков рабства, темноты, невежества и т. д. и т. п., я бы сказал, что нет“. Трудности велики, работы еще много.

И все же мы уже сейчас можем дать твердый ответ на основной ленинский вопрос: кто кого? „В течение так называемого восстановительного периода нам удалось внести такое равновесие между производительными силами и производительными отношениями, которое можно назвать оптимальным. Та политическая организация государственной власти, та социально-экономическая расстановка классовых сил, которые имеются в настоящее время в нашей стране, представляют собой максимум тех нормальных социалистических достижений, которые возможны на данном уровне развития производительных сил“. Это иллюстрирует следующая таблица, приведенная тов. Кржижановским, из которой мы исключили абсолютные данные.

Показатели процессов обобществления народного хозяйства СССР в 1924/25—1927/28 гг.

Годы	Торгово-посреднический оборот			Основные фонды		
	Обобщ. сектор	Необобщ. сектор	Всего	Обобщ. сектор	Необобщ. сектор	Всего
1924/25	72,6	27,4	100	56,4	43,6	100
1925/26	75,6	24,4	100	56,6	43,4	100
1926/27	81,9	18,1	100	57.2	42,8	100
1927/28	84,5	15,5	100	58,2	41,8	100

Эта таблица обладает одним существенным достоинством: она не нуждается ни в каких комментариях. Ее можно только дополнить данными, приводимыми тов. Куйбышевым. В 1924/25 г. в совокупной товарной продукции промышленности и сельского хозяйства на долю промышленности падало 53%. В 1926/27 г. этот процент увеличился до 59%.

У государства имеются в руках могучие силы для регулирования народного хозяйства и этими силами мы понемногу научаемся владеть. Политика цен, налоговая политика, кредитная политика и пр., особенно необходимые для регулирования сельского хозяйства, постепенно начинают давать более полный эффект. Растет сельскохозяйственная коопе-

рация, охватившая в 1926/27 г. 25% сбыта всей товарной части сельскохозяйственной продукции, а по некоторым товарам находящаяся в положении, близком к монополии (масло, хлопок). Бурно растет сельскохозяйственная кооперативная индустрия. Слабо еще растет, но все же растет удельный вес колхозов и совхозов. Растет благосостояние бедняцких и середняцких масс.

Говоря о десятилетии нашего хозяйственного строительства нельзя пройти мимо роста и укрепления планового начала в нашей экономике. „Бьет двенадцатый час грозной стихии вещей". Плановые предположения и наметки с каждым годом становятся все реальнее, все больше приближаются к исполнению. И это происходит потому, что рост планового режима за весь этот период „проистекал не только и не столько в порядке усовершенствования теоретических схем планирования путем кабинетной работы специалистов и теоретиков, а путем действительной смычки плановой работы с фактической работой многочисленного кадра хозяйственников, стоящих непосредственно в самой гуще советской хозяйственной практики" (Кржижановский). Именно это дало возможность построить такие фундаментальные работы, как контрольные цифры. Эта смычка является также гарантией того, что такой монумент, как пятилетний план развития народного хозяйства, окажется реальным и жизненным.

„Октябрь имеет два лица, две стороны: одну — обращенную к прошлому, другую — к будущему" (Рыков). На пороге второго десятилетия, с полной ясностью начинают вырисовываться контуры второй, созидательной стороны Октября, контуры будущего социалистического общества. Пятилетний план — боевое задание партии и рабочему классу на первую половину этого десятилетия. Мы не имеем никакой возможности, хотя бы вкратце остановиться на этом плане. Да это и не входило в нашу задачу. Укажем только, что он находит некоторое освещение во второй части брошюры тов. Куйбышева, к которой приложен ряд диаграмм, рисующих общие контуры пятилетнего плана.

Нам хотелось бы кончить тем, с чего начинает свою работу тов. Кржижановский, а именно цитатой из статьи американского журналиста А. Р. Вильямса в „Известиях" от 25 октября 1926 г. „И в наши дни,—говорит он,—все еще длится октябрь. Только методы новые и стратегия иная, вызванная к жизни новыми условиями. Раньше массам вручали ружья — теперь книги и бумагу. Раньше записывали народ в Красную армию, теперь в кооперативы, союзы и трудовые артели. Раньше работали броневики, теперь — тракторы... Тогда уничтожали старый порядок, теперь строят новое общество. Тогда революция с боем входила в жизнь, теперь революцию углубляют, расширяют и упрочивают всюду".

З. С-ов

Промышленность за десять лет (1917—1927 гг.). Под редакцией В. В. Куйбышева. Издание Президиума ВСНХ СССР. М. 1927, стр. 95, цена 75 к.

Октябрьская революция застала основные отрасли промышленности в состоянии полного разложения. Гражданская война довершила этот процесс разложения. Достаточно вспомнить, что в 1920 г. добыча угля достигла уровня, едва поддерживающего водоотлив и элементарные нужды копей, добыча угля на одного рабочего достигла 25% довоенной, поступление нефти на внутренний рынок (через Астрахань) в 1919 г. совершенно прекратилось, выплавка чугуна в 1920 г. упала до 4%, от 1917 г., а прокатка металла до 8%. Промышленность Советского Союза. очутилась почти в безвыходном положении.

1921 год был решающим годом. Страна вернулась к мирному труду, восстановлены были внутренний рынок и денежный товарообмен, и промышленность получила новый и огромный стимул к жизни, к росту. Однако, этот восстановительный процесс ничего общего не имел и не имеет с тем же процессом в послевоенном хозяйстве капиталистического Запада. В то время как в капиталистических странах восстановительный процесс характеризовался возвращением к старым, исторически сложившимся довоенным нормам, в СССР восстановление было только этапом к перестройке нашего народного хозяйства, к реорганизации в первую очередь промышленности на новых социалистических началах.

В 1926/27 г. мы уже имеем первые ощутительные результаты этих процессов. Они захватывают все отрасли нашей промышленности, причем наиболее отчетливо они выявляются как раз в отраслях, подвергшихся наибольшему разрушению — в каменноугольной и нефтяной. Первая дала в этом году 30.940 тыс. тонн разных углей против 29.053 тыс. тонн в 1913 г., причем ее база — Донбасс—вступила на путь полной реконструкции (рудники Донугля уже электрифицированы на 1 января 1927 г. на 74,5%; механизация добычи угля интенсивно растет, достигая в августе 1927 г. 21% общей добычи Донугля; удельный расход топлива на собственные нужды почти приблизился к норме 1913 г. и т. д.). Вторая также изменила свою организационно-техническую структуру, оставила далеко позади довоенный уровень и подобно каменноугольной промышленности решительно перестраивается.

В полной связи с этими процессами находится крупный народнохозяйственный фактор — усиление минерализации топливного баланса страны. В соединении с повышением качества топлива это сказалось на общем улучшении силового хозяйства Союза. Правда, в отношении последнего мы еще не достигли довоенных норм, но препятствием здесь служит исключительно изношенность паросилового хозяйства.

Электрификация промышленности, развертывание металлургии, металлообрабатывающей промышленности, машиностроения, электротехнической промышленности и т. д.,—все это звенья одного общего и восстановительного и реконструктивного процесса промышленности СССР в целом. Темпы развития каждого звена в отдельности прекрасно проиллюстрированы компактным цифровым материалом, приведенным в рецензируемой брошюре. Возьмем хотя бы табличку „хлопчатобумажная промышленность" (стр. 25). Она показывает, что за время с 1921/22 г. по 1926/27 г. „выработка пряжи возросла в пять слишком раз, выработки суровья — в семь раз и готового товара — почти в восемь раз" (25). Или выпуск резиновой промышленностью „продукции непосредственного потреблении", т.-е. галош, вырос с 4.152,4 тыс. пар в 1921/22 году до 29.218,7 тыс. пар в 1926/27 г.

Такую же картину катастрофического падения и необычайного под'ема мы имеем и в области промышленного труда. Правда, исходные пункты в этой области связаны еще с годами мировой войны, но минимального уровня производительность труда в промышленности достигла в 1920/21 г. (21,9% от довоенного размера). Через год начинается обратный процесс, и в 1926/27 г. уровень выработки на рабочего достигает довоенного уровня в среднем по всей промышленности. Исчерпание наличного оборудования и существующих технических возможностей в последние два года стабилизировало уровень выработки, и здесь мы уже упираемся в глубокие реконструктивные задачи.

Еще один факт из области труда нашел чрезвычайно отчетливое и убедительное освещение в рецензируемой брошюре. Этот факт — рост заработной платы промышленных рабочих. В 1920 г. месячная зарплата рабочего пала до 34,1% от 1913 г., а в 1926/27 г. она поднялась до 104,6%. Еще рельефнее выявляется этот рост при сопоставлении часовой зарплаты. Она была самой низкой в 1920/21 г.— 38% от 1913 г., но уже в 1926/27 г. она поднялась до 128,2%. При этом важно то, что за истекшие десять лет ликвидирован довоенный громадный разрыв в заработках рабочих различных отраслей промышленности и произведено „значительное изменение в распределении работников по размерам заработков в направлении сокращения удельного веса рабочих, получающих низкую заработную плату" (41).

И изменение финансового положения и широкий размах капитального строительства в промышленности и ряд других, не менее важных моментов, связанных с промышленностью нашего Союза,— все они отразили в себе особенности этого десятилетия борьбы и строительства. Правильно подчеркивается в брошюре, что до 1922/23 г. мы „размораживали" промышленность; современное же строительство, в частности, капитальное, началось лишь с 1923/24 г. Но в развернувшемся процессе строительства промышленность на ряду с ставкой на количество держала твердый курс и на качество продукции. „Оба эти элемента, количество и качество, идут параллельно. В некоторых отраслях преобладает один из элементов, в других отраслях — другой, но почти всегда имеется и тот и другой" (55). Строительство в бумажной промышленности, идущее двумя параллельными путями (сооружаются новые предприятия и одновременно происходит крупное расширение и переустройство существующих больших фабрик), является прекрасным подтверждением этого „совместительства".

Промышленность Союза, однако, не замкнулась в ограниченном круге довоенных производств. Десятилетие родило много новых производств, о которых довоенная Россия не имела представления. Производство двух и трехслойной стали, быстрорежущей стали, тонкостенных труб, буровых, сверлильных, шлифовальных, фрезерных станков, производство мощных паровых турбин, организация пневматического машиностроения, производство новых химических продуктов и т. д., и т. д.,—все это должно дать в итоге, спустя несколько лет, огромный технико-производственный эффект и вместе с тем большие материальные результаты, большие валютные сбережения и — что особенно важно—освобождение Советского Союза от иностранной зависимости.

Завершается брошюра главами — одной, характеризующей работу многочисленных научных институтов промышленности (их очень много и достижениям этих институтов может позавидовать не одна западноевропейская страна) и другой — освещающей руководство промышленностью (ВСНХ) за 10 лет. В виде заключения излагаются перспективы промышленности на ближайшие пять лет.

Рецензируемая брошюра — не только юбилейное издание. При всем своем „праздничном" виде (издана она очень хорошо) она представляет собой полезное рабочее издание, всегда могущее быть использованным. Именно, как таковую, мы считаем необходимым рекомендовать эту брошюру самому широкому кругу читателей.

И. Бельский

Хозяйство Сев.-Зап. края, ежемесячный журнал Сев.-Зап. ЭКОСО. № 10, октябрь 1927 г., стр. 178.

Октябрьский номер журнала является действительно юбилейным как по содержанию, так и по своему внешнему виду. Естественно, что Ленинградской области и, в частности, городу Ленина, этой цитадели социалистической революции, необходимо было продефилировать перед всем Союзом свои, воистину, гигантские достижения к десятилетию Октября. Ленинград является не только крупнейшим промышленным центром, но и остовом реконструкции всего народного хозяйства. Производство средств производства и замена заграничного оборудования советским — вот одна из сложнейших задач, стоящая перед Ленинградом на пороге второго десятилетия, на рубеже реконструктивного периода нашего народного хозяйства. На ряду с этим вырастает другая не менее сложная проблема насаждения или, вернее, создания новых, не только для Ленинградской области, но и для всего Союза, отраслей производства. Ленинград стремится и в следующие десятилетия от этих позиций не отступать и быть не только колыбелью революции, но и мастерской коммунизма.

Все это довольно ярко отображают страницы октябрьской книжки. Открывается журнал небольшой сводной статьей тов. Циперовича, полной энтузиазма, бодрости и веры в борьбу, под заголовком „Неизмеримое десятилетие". Это введение, собственно говоря, и характеризует качественно общий тон и настроение всех последующих статей.

Статья „От прошлого к будущему" (выдержка из доклада Президиума Ленинградского Совета и Оргбюро Ленинградской области II сессии ЦИК СССР IV созыва) дает сжатый очерк истории Ленинграда и области за истекшее десятилетие. Весь пройденный этап делится на три периода. Первый период с момента переезда правительства в Москву (март 1918 г.) до нэпа, характеризующийся катастрофическим состоянием всего хозяйства и замиранием города (население сокращается почти с 2,5 млн. чел. до 740 тыс.) является периодом издержек революции. Второй период — от 1921 до 1925 гг. — является стадией „оттаивания" и заметного возрождения, „замороженные" на время фабрики и заводы „воскресают", рабочие возвращаются из деревни, население в 1925 г. достигает уже 1.379 000 ч., промышленность развивается и восстанавливается. Однако, этот период характерен развитием, главным образом, легкой, индустрии. Лишь в третьем периоде (от 1925 г.), в связи с взятием курса на индустриализацию страны, налицо восстановление металлообрабатывающей промышленности. „Первоначально, как „ремонтная мастерская" для СССР, Ленинград по мере развития восстановительного процесса во всем Союзе превращается в крупный машиностроительный центр, и именно этой характернейшей чертой отличается третий период его развития от первого и второго" (7). Удельный вес реконструированной тяжелой индустрии в этот последний период увеличивается. В этот же период пущена Волховская гидроэлектрическая станция и усиленно переоборудывается „Красный Октябрь". Реконструкция всего хозяйства страны на основе электрификации внесла существенные изменения в характер Ленинградской машиностроительной промышленности, занятой производством средств производства для всего Союза. К числу успешно развивающихся новых производств следует отнести: тракторостроение, мощное паровозо-дизеле- и турбиностроение, машины и оборудование для отдельных отраслей промышленности, различные виды электростроения и т. д. Помимо промышленного центра, Ленинград, как портовый город, имеет довольно большое торгово-транзитное значение, являясь удобным транзитным пунктом для северных стран.

Довольно быстрым темпом идет электрификация Ленинграда, где силовое хозяйство уже электрифицировано на 70—75%. Для удовлетворения Ленинграда недостающей электрической энергией привлекаются новые энергетические ресурсы, с одной стороны, водные богатства области, на чем базируется Волховская станция, дающая Ленинграду от 30 до 50 тыс. квт. в год, и предполагаемая (к 1931/32 г.) Свирская станция — обе эти станции освобождают Ленинград от завоза 30—35 млн. пуд. угля в год, и, с другой стороны, колоссальные залежи торфа в области; на этой энергетической базе строится крупнейшая торфоэлектрическая станция „Красный Октябрь" и сооружается целый ряд других более мелких станций. Кольские залежи магнитного железняка, озерные руды и прочие ископаемые области могут дать возможность организовать областную металлургическую базу подсобного для Ленинграда значения. Большое внимание в статье уделяется так называемому „Тихвинскому месторождению бокситов" — этой базе для создания металлургии алюминия. Это новое для Союза производство авторы обзора считают необходимым организовать именно в Ленинградской области, где имеются для этого все необходимые условия. Кроме того, Ленинграду, как всесоюзному поставщику оборудования, в связи с реконструкцией, необходимо развить инструментальное дело.

Ленинградская область, будучи преимущественно индустриальной, имеет также значительные достижения и в области сельского хозяйства. Площадь под травами с 1924/25 года повысилась на 80%. В ближайшее пятилетие эта площадь возрастет с 266 тыс. дес. до 400 тыс. дес., что создаст прочную базу для развития молочного скотоводства и благоприятные условия для под'ема льноводства и даст возможность отказаться от трехполья и убыточного зернового хозяйства.

Следующие статьи касаются достижений и перспектив отдельных отраслей хозяйства области. Статья Ф. Филиппова „Ленинградская промышленность к десятилетию Октябрьской революции" вскрывает детально все этапы, пройденные ленинградской промышленностью. В настоящее время большинство отраслей уже превысило довоенный уровень: электротехническая—в 3,5 раза, кожевенная—в 2,5 раза и т. д. Особенно разительно производство одежды и туалета, дающие превышение довоенного уровня в 5,5 раза. Лишь металлическая, химическая, пищевая и полиграфическая отрасли еще не достигли довоенного уровня. Частная цензовая промышленность играет ничтожную роль — меньше 2% при дальнейшей тенденции к снижению. Вообще, развертывание Ленинградской промышленности идет более быстрым темпом по сравнению с ростом промышленности всего Союза. Если для Союза эти темпы выражаются: для 1924/25 г.—62%, 1925/26 г. — 42% и 1926/27 г. — 18,9%, то для ленинградской промышленности соответственно: 91,5%, 42,5% и 21,2%. Удельный вес промышленности ВСНХ Ленинградской области по отношению к промышленности ВСНХ всего Союза составлял в 1925/26 году — 15,2%. Наибольший удельный вес приходится на резиновую промышленность — 74,3%, электропромышленность — 45%, бумажную — 50—41,2% и т. д., и лишь металлическая — 12,5% и текстильная — 12,2% — имеют удельный вес ниже средней. Размер капитальных затрат области за три года (1924/25—1926/27 гг.) определяется в 176,6 млн. руб., из коих 64,8% приходятся на реконструктивные работы. Эффективность капитальных затрат сказывается как в улучшении технических коэфициентов, так и в росте выпуска продукции на один рубль основного капитала с 1,04 в 1924/25 г. до 1,75 в 1926/27 г.

Число рабочих, упавшее в 1921/22 г. до 20% от 1913 г., к десятилетию Октября достигает почти 90% довоенного числа.

Увеличение рентабельности и оздоровление финансового положения ленинградской промышленности характеризуется полученной в 1925/26 г. прибылью в 60,9 млн. руб. вместо 1,2 млн. руб. убытка в 1923/24 г. и ростом в связи с этим внутрипромышленного накопления.

Статья И. Любарского „Десять лет электрификации Ленинграда" демонстрирует достижения Ленинграда в этой важнейшей отрасли хозяйства. Если максимум нагрузки для центральных станций в 1916 г. равнялся 75 тыс. квт., то в 1926/27 г. он достигает 97 тыс. квт., при чем в 1923/24 г. нагрузка выражалась в 43,4 тыс. квт. В 1928/29 г. ленинградская промышленность получит значительное подкрепление со стороны торфяной станции „Красный Октябрь", общей мощностью в 108 тыс. квт. Затем к 1931/32 году будет сооружена Свирская станция № 3, являющаяся необходимым опорным пунктом в Ленинградской электрификационной базе.

На достижения коммунального хозяйства указывает Пантелеев в статье „Коммунальное хозяйство к десятой годовщине Октября". Автор дает четкую картину постепенного возрождения городов области и, в частности, Ленинграда после периода военного коммунизма.

Довольно любопытна статья Н. Гринблатта „Крестьянское сельское хозяйство Ленинградской области за 10 лет революции", где автор дает обстоятельный обзор развития сельского хозяйства области, начиная с начала XX века до наших дней. Главное внимание автор уделяет дореволюционным годам и периоду советской власти. В 1916 г. крестьянским хозяйствам принадлежало лишь около половины всей земли области, кроме того, значительная часть крестьянских хозяйств лишена была основных средств с.-х. производства; так, без рабочего скота в б. Петроградской губернии было 34% хозяйств, без коров—23,3%. Под влиянием такого крупного городского центра, как Ленинград, „на протяжении последних 17 лет перед революцией экстенсивные ржаные посевы вытеснялись из крестьянского поля и уступали место расширяющимся посевам трав и картофеля". К 1925 г. размер всей посевной площади превышает дореволюционную цифру на 4%. Наметившийся в первые годы резкий сдвиг в сторону экстенсивных культур в 1922 г. ослабевает, и в 1927 г. удельный вес посевов картофеля и трав достигает 19,2% против 14,8% в 1916 г., кроме того, посевы льна, сократившиеся в 1920 году на 70%, полностью восстанавливаются к 1927 году. Сокращается число безлошадных и бескоровных хозяйств и „почти исчезли беспосевные дворы в деревне". Число крестьянских хозяйств возросло на 33,9%; в руках крестьянства теперь находится 99% всей земельной площади деревни. Валовая продукция в 1925/26 г. увеличилась на 29% по сравнению с 1923/24 г., при чем продукты полеводства и луговодства составляли 64,7% всей валовой продукции, а животноводства—28,7%.

Следующая статья Н. Пахомова „Потребительская кооперация к десятилетию советской власти" дает сжатый очерк зарождения и развития потребительской кооперации в России и в СССР и анализ развития потребкооперации в Ленинградской области до войны и в годы революции. Рост потребкооперации в значительной мере характеризуется тем, что в настоящее время около 4,5 млн. душ населения, или 75% всего населения области, обслуживается кооперативом против 4% населения довоенного времени. Оборот за три года возрос более чем в два с третью раза, а собственные средства возросли по первичной сети на 148%. Потребкооперация имеет также и большие качественные достижения в отношении снижения цен, накидок и успешной борьбы и вытеснения.

И. Котляков в статье „Местные финансы к десятилетию Октябрьской революции" указывает на значительный рост местных расходов,

в особенности на хозяйственно-производственные и социально-культурные нужды (36—40% в год). С 1923 г. по 1927 г. общая сумма вкладов по области увеличилась с 532 тыс. руб. до 11,1 млн. руб., т.-е. свыше чем в 12 раз, количество вкладчиков возросло с 22,5 тыс. чел. до 236,6 тыс. чел.

„Областное строительство" М. Роснякова является краткой историей административно-территориального развития области. Здесь мы имеем все этапы областного строительства „от союза коммун через Северо-Западную область к оформлению Ленинградской".

Следующая статья А. В. Венедиктова „Основные этапы промышленного и торгового законодательства за десять лет" — чисто юридического порядка, где автор освещает эволюцию нашего промышленного и торгового законодательства под углом зрения экономической политики. Этот обзор не носит местного локального характера, а представляет более обширный интерес. В заключение помещена статья А. Гордона „Основные этапы организации плановой работы" — полутеоретического и полумемуарного характера. Статья, или как выражается автор „мысли на досуге", интересна, хотя в ней имеются некоторые спорные положения.

В общем и целом следует признать, что „Хозяйство Сев.-Зап. края" преподнесло своей десятой книжкой 1927 г. ценный дар пролетарскому юбилею.

То обстоятельство, что рецензируемая брошюра написана чрезвычайно простым, живым языком и снабжена компактным цифровым материалом, всесторонне освещающим не только достижения, но и не изжитые еще недостатки промышленности СССР, позволяет рекомендовать ее большому кругу читателей.

Ш. Т.

Нижнее Поволжье. Ежемесячный журнал. Орган Саратовской Губернской Плановой Комиссии. № 10, октябрь 1927 г., сти. 237.

Рецензируемый номер журнала „Нижнее Поволжье" целиком посвящен десятилетию Октября. Все статьи, начиная с прекрасной передовой А. Гринштейна — „10 лет" и кончая последней по порядку статьей А. Лозанова — „Отражение Октябрьской революции в устно-поэтическом творчестве", подводят итоги этому знаменательному в нашей истории десятилетию во всех основных областях хозяйства Нижнего Поволжья.

Итоги Нижнего Поволжья к десятилетию Октября необычные, совершенно не схожие с итогами большинства районов СССР. Не только мировая, и не только гражданская война наложили на область отпечаток хозяйственной дезорганизации и разложения. Костлявая рука голода 1921 г. захватила с наибольшей силой именно Нижнее Поволжье и, пожалуй, ни один район СССР не испытал такой катастрофы — материальной и культурной — как этот. Отсюда и становится понятной исключительность итогов Нижнего Поволжья, их политическое и экономическое значение.

Десять лет хозяйственного строительства Нижнего Поволжья нашли наиболее обобщенное отражение в статьях: Л. Гаврилова „Октябрь и плановая работа" и Н. Покусина и П. Питаевского — „Хозяйство Нижнего Поволжья к десятой годовщине Октября".

От хозяйственного нуля в 1921/22 г. подняться до уровня 1913 г. и, пройдя его, вступить в сферу реконструктивных процессов, это, как говорит тов. Гринштейн („10 лет"), „целая историческая эпоха героической борьбы рабочего класса и крестьянства, упорных, напряженных боев, небывалого в истории проявления творчества пролетариата" (3).

И, действительно, богатейший край находился на границе полной гибели. Американские филантропы, выступавшие под знаменитой фирмой „АРА", решительно вычеркнули было Нижнее Поволжье из списка обитаемых территорий; ибо чего, в самом деле, можно было ожидать от области, сельское хозяйство которой пало в 1921/22 г. в отношении валового сбора хлебов — до 5,2% довоенного сбора?

Но вопреки американским „прогнозам" область вернула себе свое недавнее благополучие. И в сельском хозяйстве, и в промышленности, и в торговле Нижнего Поволжья конец десятилетия Октября знаменует собой не только оздоровление, не только восстановление, но и решительный переход на более высокую ступень хозяйствования, о которой довоенная область не имела никакого представления. Достаточно отметить процесс тракторизации сельского хозяйства (в 1923/24 г. в области насчитывалось только 8 тракторов, в 1926/27 г. их уже насчитывалось 2.092, а по контрольным цифрам 1927/28 г. область будет располагать 2.581 трактором), чтобы понять всю значимость реконструктивных процессов, наметившихся в хозяйстве области.

Об этих же процессах в промышленности также свидетельствуют данные, приводимые П. Царевым в статье „Промышленность Саратовской губернии к десятилетию Октября". В 1925/26 г. вложения в промышленное строительство губернии определялись суммой в 2.173 тыс. рублей, в 1926/27 г. — 3.571 тыс. руб., а в 1927/28 г. — 4.129 тыс. руб. Правда, уровень промышленного производства в губернии еще отстает от довоенного (сократилось, например, мукомольное производство), но общая тенденция роста — 1923/24 г. — 21% от 1913, 1924/25 г. — 32,9%, 1925/26 г. — 48,5% и 1926/27 г. — 60% — здесь несомнена.

Интересную картину сельскохозяйственного строительства в Саратовской губернии за истекшие 10 лет дает Г. Лясковский. Правда, круг его исследования ограничен (он берет только часть Саратовской губернии), но даже по приводимым тов. Лясковским данным можно увидеть, как Октябрь до неузнаваемости видоизменил картину землевладения.

До революции 7.016 600 *га* земли исследуемого им района распределялись так: 4.435.362 *га* (163%) составляли крестьянские земли, 1.368.410 *га* (20%) — частновладельческие и 1.212.828 *га* — казенные, удельные, церковные, монастырские и т. п. земли. Теперь же соотношение создалось совершенно иное: 5.767.910 *га* (82%) составляют трудовое землепользование, 282.406 *га* (40%) — госземимущество, 888.714 *га* (13%) — гослесфонд и 78.570 *га* (1%) — земли, принадлежащие городским учреждениям и предприятиям.

На ряду со структурными изменениями в землепользовании вообще мы имеем изменения обеспеченности крестьянских хозяйств землей. Об этом свидетельствует следующая табличка, приведенная автором: [1]

		С посевом					
	Без посева	До 2 десятин	От 2 до 4 дес.	От 4 до 8 дес.	От 8 до 10 дес.	От 10 до 16 дес.	Свыше 16 дес.
До Октябрьской революции . .	13,4	14,4	18,8	28,0	8,4	12,0	5,0
После Октябрьской революции . .	5,5	16,3	27,8	37,7	6,7	4,9	11,0

На фоне уже отмеченных хозяйственных успехов в промышленности и сельском хозяйстве крупное значение приобретают итоги, приводимые тов. Коганом в статье „Итоги и достижения в области труда". Действи-

[1] Данные относятся к Правобережью Саратовской губ.

тельно, продукция, составлявшая на одного рабочего в промышленности Саратовской губ. в 1922/23 г. 53,6% от 1913 г., в 1926/27 г. достигает 96,1%, а на 1927/28 г. проектируется с превышением довоенного уровня. Средне-месячный же заработок рабочего по наиболее крупным отраслям промышленности Саратовской губ. в твердых бюджетных рублях вырос с 51,7% от 1913 г. в 1922/23 г. до 113,9% в 1926/27 г.

Сильно вырос за эти годы местный бюджет Саратовской губернии. Тов. Тимрот в статье „Бюджет Саратовск. губ. к десятой годовщине Октября" приводит интересные показатели этого роста. Так, местные доходы по расчету на одного жителя губернии составили в 1923/24 г. — 2 р. 93 к. (по Союзу — 5,1 руб.), а 1926/27 г. — 7 р. 74 к. (по Союзу — 10,8 руб.), т.-е. мы имеем почти утроение. Разумеется, такой динамический рост дал свои результаты в области социально-культурного строительства губернии. Последнее значительно в деле здравоохранения, несколько меньше в школьном деле (хотя число школ I ступени и число учащихся в них и превысило довоенные, но как раз в этой области довоенные нормы не могут быть приняты в основу; установка советской власти в этом смысле совершенно иная, абсолютно не сопоставимая с довоенной).

Важен, однако, общий итог, а он очень знаменателен. Бюджет 1927/28 г. по Саратовской губ. является первым нормальным, действительно бездефицитным бюджетом за последние десять лет, в котором ассигнование больших сумм на производственные цели „сопровождается существенным облегчением налоговой тяготы для большинства трудовых крестьянских хозяйств губернии" (105).

Место не позволяет нам остановиться на всех прочих статьях рецензируемого номера; каждая из них подводит итог в отдельной области хозяйства Саратовской губернии. И тот читатель, который пожелает понять процессы, происшедшие за 10 лет Октября в торговле, кооперации или в строительстве, сможет найти много обобщающего и интересного материала в статьях Г. П. Синицына „Торговля к десятилетию Октября", Н. Пруслина „Кооперация на десятом году революции" или Г. Токарского и В. Кулябко „Промышленное и жилищное строительство". В этих областях, как и в уже отмеченных, еще не все недуги мировой и гражданской войны изжиты, еще не достигнуты мыслимые максимумы, но завоеваны очень большие важные позиции на пути к осуществлению основных задач, выдвинутых Октябрем. Последнее лучше всего свидетельствуют цифры вложений в строительство в Саратовской губернии за последние пять лет. Так, в 1923/24 г. в строительство было вложено 2.766.592 руб., в 1926/27 г. — 16.809.286 руб., а на 1927/28 г. намечается уже 20.887.800 руб.

Все эти достижения, весь комплекс процессов восстановления и реконструкции хозяйства Нижнего Поволжья, в частности Саратовской губ., обязаны влиянию еще одного крупного фактора нашей экономики — планированию. Прав тов. Гаврилов, говоря в своей статье, что планирование в эти годы было и есть те основные вехи, по которым вновь складывалось, перестраивалось и перестраивается хозяйство области и губернии.

Все эти итоги, весь процесс хозяйственного возрождения Нижнего Поволжья, в частности Саратовской губ., обязаны тем коренным социально-политическим изменениям, которые внесла Октябрьская революция. Последняя открыла среди многих других возможностей—путь для теснейшего сотрудничества труда и науки. В этом отношении совершенно уместен напечатанный в рецензируемой книжке обзор „Профессиональные союзы Саратовской губ. за 10 лет" и статья проф. Тулайкова „Опытные учреждения Нижнего Поволжья за 10 лет". Годы разрухи остались далеко позади и сейчас можно с полным правом констатировать не только восстановление того, что было, но новый, небывалый размах в деле строительства научных опытных учреждений. Пример Саратовской опытной станции, где в 1918 г. работало 22 научных и 21 технических работников, а в 1927 г. — 78 человек тех и других, показывает, что и здесь общая установка советской власти нашла себе полное осуществление.

Проф. Тулайков вправе выразить уверенность в том, что „следующее десятилетие советской власти, на основе истекшей работы, укрепит, расширит и обогатит народное хозяйство края". То проникновенное отношение к науке, какое проявила власть советов—важнейший залог этому.

С большим пафосом написана вторая статья, посвященная науке и Октябрю — В. Ильинского. Основная мысль автора о том, что наука в Октябре обрела новый творческий базис, новое социальное направление — безусловно верна. „Октябрь стал тем, что с каждым днем все в большей и большей степени смыкает жизнь и науку в неразрывный союз", — пишет В. Ильинский. Однако, в пылу пафоса автор, к сожалению, показал нечто обратное. Изобилуя большим количеством глубоко научных терминов и положений, вроде „первый удар антитезе теории — практике" (197) или влагая в „стихийный" материализм науки диалектику, диалектический материализм открывает возможности проникновения к таким граням, пред которыми буржуазная наука беспомощно застыла, произнесши знаменитое „ignorabimus" (201), статья демонстрирует пример отрыва науки от жизни и от элементарных требований логики.

Не умаляя общего значения статьи в этом итоговом сборнике, мы все же должны подчеркнуть полную неуместность таких запутанных построений, в результате которых действительно получается то, что „диалектический материализм интегрирует и опыт, практику, возможности для осуществления которой принципиально беспредельны с теорией" (стр. 201) или, что „1/6 земного шара превратилась в неисчерпаемую научную лабораторию, где совершается величайший в мире научный эксперимент (разрядка наша. И. Б.) построения социализма" (197).

Завершается рецензируемая книжка статьями М. Валова „Народное образование Саратовской губ.", проф. П. Рыкова „Музейная работа в Саратовской губ. за десять лет", обзором А. Кроткова о работах в области краеведения и интересной статьей А. Лозанова, обобщающей отражение Октябрьской революции в устно-поэтическом творчестве.

Журнал „Нижнее Поволжье" уже давно занял видное место в нашей районой экономической литературе. Настоящим номером он показал лишний раз, что это место ему присвоено по праву. Рецензируемая книжка является хорошим вкладом в октябрьскую литературу.

И. Браславский

В. Вейц. Производительные силы мирового хозяйства. Книга первая. Индустрия средств производства. Под ред. и с пред. М. Н. Смит. Изд. Коммакадемии, 1927 г., стр. 312.

Книгой Вейца открывается намеченная Методологической секцией Коммакадемии серия работ „Кривые капиталистического хозяйства". Согласно предисловию М. Н. Смит — редактора этой серии,— здесь будет дан ряд исследований движения кривых мирового хозяйства за последние десятилетия.

Работа Вейца рассчитана на четыре выпуска, из которых в печати появился лишь первый, посвященный „конкретному анализу производительных сил мирового хозяйства в области энергии, железной руды и черных металлов". Судя по замыслу, автор, очевидно, не думал ограничиваться технико-статистическим анализом, а хотел исследовать вопрос шире. Однако, необходимо, с сожалением, констатировать, что экономический анализ богатого статистического материала автору не совсем удался, несмотря на их широкий характер. Экономические выводы автора очень тощи, мало оригинальны и зачастую несколько наивны и упрощены.

При исследовании кинетических производительных сил автор рассматривает не только производство в узком смысле слова, но также импорт, экспорт и т. д., и, что особенно важно и ценно, взаимозависимость между процессом развития техники и ростом соответствующих кинетических сил.

Свое исследование автор начинает с введения, в котором дается посредственная картина наиболее распространенных буржуазных определений мирового хозяйства (Шмоллер, Тышка, Леви и т. п.); здесь же автор пытается построить методологический костяк своей работы и, необходимо отдать ему справедливость, установленные им методологические принципы строго выдержаны на всем протяжении работы. Разделяя производительные силы на потенциальные и кинетические, автор, следуя Марксу, делит первые на потенциальные в узком и широком смысле слова. Под последним он подразумевает не только то, что обычно входит в понятие потенциальных производительных сил, но „также те или иные материальные условия, при которых совершается производственный процесс". Сюда относятся „климатические, географические, промышленно-экономические и другие условия", которые в состоянии сообщить тем или иным потенциальным производительным силам „производственный потенциал различной высоты".

Под этим углом зрения автор анализирует в первых двух главах потенциальные и кинетические производительные силы энергетики, т.-е. угля, нефти, гидроэнергии, торфа, древесины. И здесь выступают на сцену сильные стороны работы: богато разработанный статистический метод, критическое и добросовестное отношение к источникам и умелый их отбор, значительные знания в области истории техники и т. д.

В результате исследования потенциальных энергетических сил автор приходит к выводу, к которому он неоднократно возвращается в дальнейшем исследовании. Это доминирующее значение американского мате-

рика в мировых потенциальных производительных силах, при чем большая часть естественных богатств этого материала сосредоточена (в области энергетики) в Соед. Штатах. „Занимая поверхность в 5,9% по отношению к мировой поверхности (вся Америка около 0,3), с населением в 6,0% (вся Америка около 0,11), они владеют более. чем 45% мировой потенциальной энергетики (вся Америка около 0,6)." Вслед за Америкой по запасам энергетики стоит Азия, за ней Европа, Африка и на последнем месте Австралия.

Анализируя кинетические производительные силы энергетики в динамическом разрезе, автор опирается на сравнительно мало разработанный в статистике метод полулогарифмических кривых, впервые выдвинутый Bowly еще в 1900 г. Кривые, вычисленные по этому методу, дают „наглядное представление темпа ускорения развития соответствующих производительных сил, в отличие от обычно применяющихся кривых, изображающих лишь скорость и этим деформирующих действительное соотношение сил, с точки зрения динамики их развития".

Тщательно исследовав мировые кинетические силы энергетики, тов. Вейц приходит к выводу, что если „в потенциальной энергетике Европе принадлежит третье место", то „кривая ее кинетической энергетики занимает первое место". Но это место нельзя считать прочно завоеванным. „Линия давления Европы на мировые энергетические кривые идет на понижение, на ряду с заметно повышательной тенденцией Америки и Азии. Происходит постепенный процесс нивеллировки между несоответствием мест в потенциальной и энергетической энергетике, занимаемых отдельными частями света".

И в области потенциальных производительных сил железной руды автор приходит к выводу, что „соотношение между потенциальными производительными силами Европы и Америки в области второго центрального нерва мирового хозяйства — черного металла — столь же резко склоняется в пользу Америки, как и в энергетике". Но последовательность здесь несколько другая. Внутри Америки на первом месте стоит Бразилия, за ней Соед. Штаты. За ними следуют Франция (послевоенная), Нью-Фаундленд и Куба. Все эти страны владеют около 80% мировых запасов руды.

Что касается кинетических производительных сил руды и металла, то основным фактом является неуклонное повышение „давления" кривой Соед. Штатов на мирохозяйственные кривые на ряду с уменьшающимся давлением Великобритании и обрывом повышательной кривой Германии (Версаль). Одновременно „выдвигается вперед, как активные экономические факторы, в первую очередь — страны Азии, в частности, Китай, как сосредоточивший на своей территории крупнейшие энергетические бассейны и столь же мощные рудные месторождения".

Общий вывод автора: „Америка, Азия, Европа — вот как рисуется порядок звеньев цепи мирохозяйственных промышленных центров, в результате анализа потенциальных кинетических сил в области основной материальной базы индустрии средств производства мирового хозяйства".

Однако, широкие „планетарные" экономические выводы автора при всех их достоинствах обладают и существенными недостатками. Автор местами явно увлекается экономико-географической, технической стороной в ущерб таким выводам, которые были бы связаны с проблемами конкретного современного мирового хозяйства и его структуры. Он не способен анализировать общую неравномерность развития мирового хозяйства (свойственную капитализму) с точки зрения закона неравномерного развития при империализме. „Намечается,—говорит он,—на-

пример, перегруппировка активных мироэкономических сил в сторону колониальных и полуколониальных стран, владеющих богатейшими потенциальными производительными силами". Этот тезис при всей его правильности не полон, ибо автор не учитывает здесь задерживающей роли империализма в развитии колониальных стран, не подчеркивает того факта, что их развитие в определяющей степени зависит от успехов их борьбы против ига империализма.

В заключение несколько слов о стиле автора. Язык книги необычайно трудный, какой-то специфически тяжелый и запутанный, хотя конкретный об'ект исследования этого вовсе не требует. Приведем для примера две цитаты. На стр. 16 автор пишет: „В исследованиях современных этапов в развитии капиталистического хозяйства, в писании последних глав политической экономии буржуазные ученые проявляют в значительной своей части такую же ограниченность в понимании внутренних социальных сдвигов в нынешнем фазисе развития общества, как и идеологии капитализма в ее первых главах". Или на стр. 211: „При более подробном историческом анализе металлургии в технико-экономическом тексте, в широком смысле слова, мы могли бы раскрывать эволюцию всей сложной социальной „надстройки", которая на первый взгляд, казалось бы, мало общего имеет с техническим прогрессом в сфере металлургии, и более, чем где бы то ни было, мы бы имели возможность убедиться, насколько не „случайны", с одной стороны, были завоевания техники металлургии как во временной, так и в пространственной координате, с другой — и последствия, вызванные в межгосударственных отношениях". Эти и им подобные строки производят характер какой-то „вымученности" и затрудняют чтение книги.

Несмотря на эти и более мелкие недостатки работа тов. Вейца должна быть признана очень ценным, марксистским, статистическим (по преимуществу) исследованием двух основных нервов мирового хозяйства.

С.

Л. И. Слоним. Электрификация американской нефтяной промышленности. С пред. проф. И. М. Губкина. Изд. Совета нефт. пром., 1927 г., 448 стр. Ц. 8 р. 50 к.

За время существования Совета нефтяной промышленности им была выпущена в свет серия трудов по технике и экономике нефтяной промышленности, преимущественно переводных, чаще всего с английского, т.-е. с языка Соед. Штатов, чья мощная и передовая нефтепромышленность оказала решающее влияние на пути технической реконструкции советско-нефтяного дела. Но рецензируемая книга принадлежит не к числу переводных, а к числу немногих, написанных об американской нефтепромышленности советскими инженерами по непосредственным впечатлениям при заграничной командировке. Подобный характер носило и другое издание Совета нефт. пром. А. П. Серебряковского, „Нефтяная и газовая промышленность в Америке". Можно думать, что авторы этих книг хотели таким способом отчитаться в своей командировке перед широкими кругами интересующихся этим вопросом лиц; если это так, то такую общественную форму отчета о заграничной командировке следует, разумеется, всячески приветствовать.

Книга Л. И. Слонима свидетельствует о том, что автор с'ездил недаром. Л. И. Слоним дал законченную работу, способную служить практическим руководством для рационального применения электрической энергии во всех отраслях нефтяного дела; отчасти книгу следует рассматривать и как теоретическую базу для построения новой специальной дисциплины — энергетики нефтяного дела.

Более того: при всей тщательности изложения основной темы — электрификации американской нефтепромышленности, эта тема для автора книги, повидимому, не только самоцель, но зачастую также метод и повод для демонстрации перед читателем динамики технического прогресса и в области прочих функций нефтяного дела, особенно основных — бурения скважин и под'ема нефти. В превосходных главах о методах бурения и добычи (главы IV, V и VI), да и во всей книге, мы находим такое „динамическое" описание общей технической организации в деле эксплоатации недр американцами и эволюции конструктивных типов, а также приемов исследования, в зависимости от роста глубины залегания нефти, истощения недр и разных осложнений естественного и технического характера. Здесь советский техник может найти много полезных новостей, еще не вошедших в обиход советской промышленности, как например, описание автоматического вращательного бурения и новых систем глубинных насосов, методов лучшего, более полного использования отпускаемой с центральной электростанции энергии, защиты установок от короткого замыкания и пр.

Очень ценно и то, что значение той или иной технической установки автор обычно обосновывает расчетами, аналитическими или графическими. Это будит техническую мысль, а также полезно с методологической стороны в качестве образчиков расчетов, хотя бы элементарных, так как нефтяная техника складывалась в России путем технических навыков и практического опыта, без достаточных теоретических исследований, что и привело в конце концов к рутине, изживаемой лишь в советское время.

Однако, кое в чем наша нефтепромышленность, благодаря внедрению планового начала, оказалась впереди американской: помимо уничтожения так называемого „подсасывания соседей" со всеми его вредными последствиями важнейший и крупнейший наш район, Азнефть, является в настоящее время в высокой степени электрифицированным, особенно в отношении основной операции под'ема нефти из скважин. Между тем, в Соед. Штатах электромоторная добыча составляет, как указывает Л. И. Слоним, только 30—40% всей добычи, а число электрифицированных скважин — только около 5% всех эксплоатируемых скважин. Автор отмечает это, как известного рода рутину, поддерживаемую условиями частно-владельческого хозяйства и другими причинами, и на примере сравнительного расчета аргументирует в пользу своей основной мысли о том, что в условиях промыслового хозяйства электрификация является наиболее выгодной энергетической системой — не только по сравнению с паровой машиной, но и по сравнению с тепловыми двигателями, даже при условии питания их отбросами естественного газа после отборки из него бензина. При этом автор имеет в виду как случай гидроэлектрической централи, так и теплоэлектрической, оборудованной паротурбогенераторами (что автор считает для них наиболее целесообразным типом двигателя).

Книга поднимает много технических вопросов и дает на них посильные ответы, а часто и меткие обобщения, об'ясняющие эволюцию технической организации, конструктивных типов и методов исследования. Например, автор отмечает, что „ускорение темпа работ по под'ему и спуску труб, очень важное в смысле сокращения срока бурения скважины, идет не за счет увеличения скорости самого под'ема, а за счет ускорения операций по отвинчиванию и завинчиванию труб, т.-е. за счет надлежащей организации, согласован-

ности и темпа работы бригады". Такими организационными путями американская нефтяная промышленность достигла в бурении рекордных темпов проходки, во много раз превышающих наши достижения, между тем как в противном случае ускорение операции потребовало бы дальнейшего увеличения мощности двигателя и качественного и конструктивного усиления материала и двигателя и труб, а следовательно, и удорожания бурения и большего риска работ. Другой пример обобщения: автор показывает процесс конструктивного приспособления электромотора переменного тока к промысловым условиям, с целью достижения той же гибкости в работе, какую имеет вытесняемая им весьма удобная, но чрезвычайно неэкономичная паровая машина.

Книга обильно снабжена чертежами и рисунками; насколько позволяет техническое содержание, она написана ясным и простым языком и читается, при необходимой технической подготовке, легко, что выгодно отличает ее от большинства переводных изданий Совета нефтяной промышленности.

Эту книгу следует рекомендовать не только электротехникам, заинтересованным в электрооборудовании нефтяной промышленности, и нефтяным техникам, но также экономистам и плановым работникам.

А. С-ль

Ф. Гугенгейм. „Viag." Пути концентрации германской государственной промышленности. Перев. Е. Троповского, под ред. Р. Арского. ГИЗ, 1927, стр. 119, ц. 85 к.

Книжка посвящена описанию чрезвычайно любопытного явления, о котором в литературе на русском языке можно найти лишь самые отрывочные и случайные сведения. Речь идет о государственном хозяйстве послевоенной Германии. Автор дает историю образования государственного промышленного концерна—Viag („Vereinigte Industrie-Unternehmungen A.-G."), т.-е. „Акц. общ. об'единенных промышленных предприятий", об'единившего в 1923 г. ряд предприятий, оставшихся в собственности Германской республики в качестве наследия военной эпохи. В отличие от прежних, „казенного" образца, государственных предприятий довоенного времени, организованных на специфически-фискальных началах и проникнутых бюрократическим духом, убийственным для хозяйственной деятельности, нынешний концерн представляет собою опыт иного типа организации. Этот представитель государственного капитализма послевоенной эпохи в такой же мере носит на себе след современной формы „безличного" финансового капитализма (Effektenkapitalismus), как прежние казенные заводы с бюрократическим управлением соответствовали эпохе единичного предпринимательства. Акционерная форма, Holding Companie, обмен пакетами акций и др. формы „участия",—все эти специфические методы современного капитализма использованы в организации германского государственного концерна. С этой, чисто формально-технической стороны можно отметить известное сходство между этим образованием государственного капитализма в Германиии и организационной структурой социалистического сектора нашей экономики, использующей организационную форму акционерных и паевых образований, синдикатских об'единений и т. д. Разумеется, это внешне-формальное сходство не должно закрывать от исследователя гигантское принципиальное различие между явлениями государственного капитализма в буржуазной стране и „предприятиями последовательно-социалистического типа" в пролетарском государстве.

Главный интерес книжки заключается в историческом очерке, посвященном возникновению и развитию в военный и послевоенный период двух основных групп предприятий, впоследствии об'единенных в „Viag". Речь идет, с одной стороны, о группе „азот-алюминий-электричество", а с другой стороны—о металлообрабатывающей группе, возникшей в результате реорганизации заводов, изготовлявших военное снаряжение. Если история первой группы дает поучительный урок создания совершенно новых производств (искусственное добывание азота по способу Франка и Каро и производство алюминия) в обстановке осажденной крепости во время войны, то история второй группы не менее поучительна с точки зрения коренной перестройки и технической реорганизации предприятий военной промышленности, их приспособления для целей мирового производства. И та и другая задача могли быть удовлетворительно разрешены лишь страной, обладающей такой экономической, технической и организационной мощью, как Германия.

История возникшего государственного концерна доведена в выпуске лишь до 1924 г. Повидимому, немецкий оригинал работы появился уже сравнительно давно. Наиболее слабы и наименее интересны теоретические замечания автора, правда, весьма скудно разбросанные в книжке. Совершенно непонятно также, зачем понадобилось автору в предисловии к русскому переводу выставить следующий более чем рискованный тезис: „Германское правительство заняло командные высоты, так как в нынешних условиях эти продукты (речь идет об электрической энергии, азоте и алюминии. А. Л.) и сна жение ими хозяйственной жизни страны имеют решающее значение для всего хозяйства" (стр. 8). Оставляя в стороне корявый стиль этого заявления, нельзя все же не отметить, что утверждение, будто бы „германское правительство заняло командные высоты", является преувеличением, совершенно искажающим действительное положение вещей в республике Гинденбурга.

А. Леонтьев
